

И. Х. Урилов

МАРТОВ

K. Karsky

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
“ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ”

И. Х. Урилов

Ю. О. МАРТОВ
ПОЛИТИК И ИСТОРИК

МОСКВА “НАУКА” 1997

ББК 63
У69

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР
ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
С.В. Тютюкин

Урилов И.Х.

У69 Ю.О.Мартов. Политик и историк.
М.: Наука, 1997. – 472 с.

В монографии рассматриваются основные этапы политической и литературно-публицистической деятельности Ю.О.Мартова (Цедербаума) – лидера и теоретика меньшевиков, убежденного и последовательного сторонника идеи демократического социализма. Многолетний политический диалог Мартова и Ленина, столкновения Мартова со Сталиным, участие лидера меньшевизма в российских революциях и международном социалистическом движении – вот лишь некоторые, наиболее яркие эпизоды этой интересной книги, в которой впервые использованы многие новые архивные материалы.

Книга рассчитана на всех интересующихся отечественной историей, историей политических партий и социалистической мысли.

У $\frac{0503020000 - 152}{042(02) - 97}$ без объявления

ББК 63

ISBN 5-02-009629-6

© И.Х.Урилов, 1997
© С.А.Стулов, художественное оформление, 1997
© Российская академия наук, 1997

*Светлой памяти моих родителей
Хануко и Хагило Уриловых
и дорогого Учителя
Юрия Ивановича Кораблева
посвящаю*

От автора

На протяжении всей работы над книгой я неизменно чувствовал постоянную поддержку и помощь моих учителей, коллег и друзей. Сердечно благодарю академика РАН Павла Васильевича Волобуева, докторов исторических наук Юрия Ивановича Кораблева, Станислава Васильевича Тютюкина, Ефима Григорьевича Гимпельсона, Алексея Львовича Литвина, кандидата исторических наук Владимира Прохоровича Булдакова, кандидата юридических наук Махтая Шапиевича Махтаева. Бесконечно признателен им за дух академизма, принципиальность и доброжелательность, проявленные в обсуждениях рукописи книги. Их мысли, замечания и рекомендации помогли автору в осуществлении своих замыслов.

В сборе материалов для книги мне помогли многие сотрудники государственных архивов и библиотек, самоотверженный труд которых вызывает глубокое удовлетворение.

Не могу не сказать несколько добрых слов в адрес своего многолетнего друга Владимира Хачатуряна, который много сделал для разрешения организационно-технических вопросов, возникавших в связи с изданием рукописи.

И, конечно, книга не могла состояться без повседневной неоценимой поддержки моей жены и друга Зубайдат Уриловой.

Особо хочу поблагодарить руководство ООО «ИЛИЕВЫ» за участие в издании этой книги.

Введение

История – это наука о людях во времени, – утверждал Марк Блок.¹ И был по-своему прав. Ведь перед историком личность предстает совокупностью поступков и творческой деятельности. Но есть имена – символы, которые вышли из хронологических рамок своего бытия, стали не подвластны времени, превратились в олицетворение определенной идеи, отдельного направления общественной мысли. Г.В.Плеханов называл таких людей великими начинателями, потому что они видят дальше других и хотят сильнее других.² К числу таковых несомненно относится Юлий Осипович Мартов.

Современники по-разному оценивали, прежде всего, политическую деятельность Мартова, бывшего в оппозиции царским властям, коалиционному Временному правительству и большевистскому режиму. Их мнения были едины в признании Мартова наиболее выдающимся представителем российской социал-демократии, трагической фигурой революционного движения, человеком высоких моральных качеств.

О Мартове написано немного и противоречиво. На фоне старательного умалчивания или негативного отношения к Мартову в советской историографии, его соратники (Р.А.Абрамович, Г.Я.Аронсон, П.А.Гарви, Ф.И.Дан, Б.И.Николаевский и др.), особенно на страницах, основанного Мартовым “Социалистического вестника”, апологизировали политическую и общественную деятельность меньшевистского лидера. В 1959 г. в Нью-Йорке вышел сборник воспоминаний и документов “Мартов и его близкие”, созданный при активном участии сестры Мартова – Л.О.Дан. В 1967 г. в Кембридже появилась первая и пока единственная монография, посвященная политической биографии Мар-

това. Ее автором был И.Гетцлер, написавший на эту тему докторскую диссертацию в Лондонской школе экономических и политических наук под руководством профессора Л.Шапира. По свидетельству автора, книга была написана на основе материалов многих зарубежных архивов, писем Мартова, интервью с его родными и друзьями. Гетцлер во многом идеализировал политическую деятельность Мартова и присоединился к его характеристике, данной ранее Н.Н.Сухановым и Л.Д.Троцким, как “Гамлета демократического социализма”. Гетцлер видел проявление “гамлетизма” у Мартова в том, что это был интеллигентный, честный, безразличный к власти человек.³ Заметим, что такая оценка Мартова носила некорректный характер. Он не страдал нерешительностью, когда речь шла о принципиальном для него вопросе. Мартов был политик и ученый, способный перед принятием решения, подвергать сомнению и анализу происходящее. Обратим внимание на другое.

Вслед за Гетцлером версию Суханова и Троцкого о “гамлетизме” Мартова поддержали в 90-е годы российские историки В.Х. Тумаринсон и И.С.Розенталь. Первый назвал раздел своей книги о Мартове – “Гамлет демократического социализма”, второй – завершил очерк о нем характеристикой, данной ему Троцким.⁴ Думается, что замена негативной ленинской оценки деятельности Мартова, принятой в советской историографии на витиеватую оценку Троцкого мало что прояснила в изучении жизненного и творческого пути одного из основателей российской социал-демократии. Более других в понимании роли Мартова в революционном движении в России продвинулись П.Ю.Савельев и С.В.Тютюкин, написав обстоятельный очерк о Мартове, как о человеке и политике. Они увидели в деятельности Мартова, прежде всего, урок политической честности, принципиальности и подлинного демократизма.⁵

Создание биографических очерков о Мартове⁶ – лишь первое приближение к исследованию его политической и творческой деятельности. В очерках, как правило, в центре внимания личность Мартова, его жизнеописание, хотя яс-

но, что биография Мартова является частью российской и западноевропейской истории социал-демократии, а созданные им работы – источники по ее изучению. Наиболее автобиографичны из произведений Мартова его письма к близким и соратникам, а также написанные им “История российской социал-демократии” (1918) и “Записки социал-демократа” (1919).

В январе 1924 г. типография “Vogwarts” в Берлине выпустила письма П.А.Аксельрода и Ю.О.Мартова за 1901-1916 гг. Книга вышла под редакцией Ф.И.Дана, Л.О.Дан и Б.И.Николаевского. Издание писем отличалось прекрасными комментариями, содержащими ценные материалы по изучению истории РСДРП. Предпринятая в 1990 г. Ю.Г.Фельштинским публикация неизданных ранее писем Мартова за 1916-1922 гг. из коллекции Б.И.Николаевского, хранящейся в Гуверовском институте (США), стала как бы продолжением первого издания писем. Тем заметнее отличие: Фельштинский отказался от столь необходимого комментирования писем, часть текстов осталась нерасшифрованной или по воле составителя была купирована.⁷

Эпистолярное наследие Мартова еще не стало предметом специального изучения. Его переписка с В.И.Лениным, Г.В.Плехановым и другими деятелями революционного движения в России и Европе разбросана по разным изданиям, часть писем опубликована не полностью, другие не изданы до сих пор.⁸ Письма Мартова – уникальный источник. В них не только личные впечатления, но и мнения об отношениях с коллегами, анализ происходящего в партии и стране. Полное издание переписки Мартова стало бы важным источником для изучения истории российской социал-демократии.

В 1918 г. Мартов издал “Историю российской социал-демократии”, в декабре 1919 г. завершил первую часть “Записок социал-демократа”. П.Ю.Савельев и С.В.Тютюкин пишут, что мемуарами Мартов занялся в 1919 г. в связи с сокращением масштабов активной политической деятельности.⁹ Судя по многочисленным выступлениям Мартова в печати того времени, работе над программным докумен-

том “Что делать?”, его письмам, с таким предположением трудно согласиться. Вероятнее другое. Мартов мучительно думал о происшедшем, в нем искал корни своих настоящих расхождений с Лениным. В этом смысле мемуары также стали частью его политической деятельности. Ведь в них часты сравнения взглядов и поведения большевистского вождя до и после его прихода к власти. Поэтому они не только прошлое. Это взгляды Мартова на то, что было из 1919 года.

Начиная свои “Записки”, Мартов признавал их неизбежную субъективность. Он писал в предисловии: “Человек, ведущий политическую борьбу, сталкивается с другими людьми обычно в специфической обстановке, исключаящей или затрудняющей, во всяком случае, возможность равномерно-глубокого проникновения во все стороны наблюдаемых характеров: борьба владеет самим наблюдателем и заставляет его в объекте наблюдения видеть и чувствовать прежде всего друга или врага, единомышленника или противника. Позже опыт жизни вносит свой общий корректив в составленные в пылу борьбы суждения о людях, заставляя сомневаться в их непогрешимости. Я буду, поэтому в своих характеристиках встречавшихся мною в жизни людей довольно скуп на тот психологический анализ, которому с такой охотой предаются иные мемуаристы, верящие в свою способность угадать душевный механизм человека, которого от них отделяла густая психическая прослойка взаимной политической вражды. Поскольку я буду отклоняться от этой общей линии, — что порою неминуемо, — и вместе с характеристикой общественного деятеля набрасывать облик человека, прошу читателя вспомнить, что я излагал лишь свое впечатление от него, — впечатление, неизбежно прошедшее через призму политических симпатий или антипатий, а потому весьма и весьма условно могущее претендовать на объективность”.¹⁰

Вторая, незаконченная часть “Записок” Мартова опубликована лишь частично.¹¹ В ней, как и в первой, опубликованной, Мартов сравнивал Ленина начала 1900-х годов с

тем, каким он его узнал позже, и признавал: “Моя многолетняя совместная работа с Лениным не дала мне, однако, такого проникновения во все извилины его психологии, чтобы я мог ответить себе на любопытный вопрос: играла ли у него... какую-нибудь роль склонность поиграть с огнем, пройти по самому краю оврага, балансируя так, чтобы не свалиться, словом, говорил ли в нем инстинкт охотника, спортсмена, заставляющий его часто предпочитать извилистые пути прямым... Не берусь утверждать определенно на этот вопрос, отмечу лишь, что в свое пребывание в Сибири Ленин страстно предавался занятию охотой и что в дальнейшей своей политической деятельности к “игре с огнем” он несомненно проявлял большое пристрастие”.¹²

Историки давно обратили внимание на разночтения в изданиях “Записок” Мартова. Так, в издании “Записок” 1922 г. говорилось о встрече во дворе Красноярской тюрьмы Ленина и Н.Е.Федосеева в 1897 г. и о том, что Ленин “когда-то хорошо знал” Федосеева в Поволжье. В издании 1924 г. утверждалось, что Федосееву “очень хотелось повидаться” с Лениным, “которого он когда-то встречал в Поволжье”. Из воспоминаний Ленина о Федосееве известно, что Ленин о нем многое знал, но неясно: встречался ли? Непонятно, почему и кто изменил текст “Записок”, нет до сих пор и ответа на вопрос о возможной встрече Ленина с Федосеевым.¹³ Мартов в предисловии к “Запискам” заявлял, что писал их по памяти, лишенный многих материалов, поэтому возможны неточности. Наверное, их смог бы установить тщательный источниковедческий анализ работы Мартова, но ее ценность в богатейшем фактическом материале, в раскрытии переживаний человека, посвятившего себя борьбе за социальное переустройство общества.

Документальные источники, связанные с жизнью и деятельностью Мартова, в настоящее время хранятся в нескольких российских архивах: в Москве – Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ. Ф.362), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ. Ф.1696), Центральный архив Федераль-

ной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ, бывший архив КГБ СССР); в Санкт-Петербурге – архив дома Г.В.Плеханова. Публикация обзора документов только фонда 1696 из ГАРФ обнаружила неизвестную ранее статью Мартова “Конец одной двусмысленности” (декабрь 1919 г.), свидетельство о рождении Юлия Иосифовича Цедербаума (его инициалы значились обычно Ю.О., хотя у братьев и сестры были отчества по настоящему имени отца – Иосиф), стихи Мартова, аттестат об окончании гимназии, в котором у него три отличные оценки: по истории, логике и французскому языку. Из имеющихся в фонде рукописей Мартова видно, что более других его привлекала проблема демократизации общественной жизни России.¹⁴ Наличие рукописей, в том числе и неопубликованных работ Мартова, их нахождение в различных архивохранилищах, указывает на необходимость издания собрания его сочинений. Это стало бы основой для создания научной биографии, исследования исторических и философских воззрений выдающегося теоретика и практика, историка и политолога, одного из лидеров социал-демократического движения в России и мире.

Н.В.Валентинов в воспоминаниях сожалел о том, что Мартов не совершил того, что мог бы сделать для общества. Он писал: “Мартов умер в 1923 г. в Берлине в эмиграции (третий раз!) на пятидесятом году. Заседания, собрания, прения, споры, волнения, нескончаемое словоговорение, бессонные ночи, невынимаемая изо рта папироса, эмигрантская тина – погубили этого талантливое человека... Как тургеневский Рудин, он мог бы сказать: “Природа мне многое дала, но я умру, не сделав ничего достойного сил моих”. Он написал множество газетных и журнальных статей, брошюр, неоконченную книгу воспоминаний, но то, что он дал, лишь небольшая, невеская, частица того, что мог бы и должен бы дать. Если бы этот человек освободился от связывающего его мозг ортодоксального марксизма, способность быстро схватывать и понимать самые сложные проблемы сделала бы из него первоклассного теоретика, обеспечила бы ему проникновение в самую гущу социальных явлений”.¹⁵

С Валентиновым можно согласиться лишь в принципе: часто человек не может реализовать свои потенциальные возможности. Мартов при ином стечении обстоятельств мог бы стать первоклассным ученым или преуспевающим политиком. Он действительно был необычайно одаренным, талантливым человеком. Это признавали и друзья, и враги. Современники ценили его за ум и человеческую порядочность. Не совсем к нему и подходит утверждение В.О.Ключевского о том, что в жизни ученого и писателя главные биографические факты – книги, важнейшие события – мысли.¹⁶ Мартов был прежде всего общественным деятелем, а уж затем – ученым историком и политологом. Валентинов неправ в главном – Мартов остался в истории, его имя стало историческим символом, следовательно, он сумел многое сделать.

Современники Мартова довольно много писали об этом, называя его одним из руководителей российской социал-демократии, вождем партии меньшевиков, автором оригинальных работ, которые только в настоящее время стали привлекать внимание отечественной историографии. А.П.Логунов ставит интересный вопрос: “Чьи теоретические представления (В.И.Ленина, Г.В.Плеханова, Ю.О.Мартова, меньшевиков, большевиков) более адекватно отражали ход общественных процессов в России начала XX в.? Отвечая на него, он подробно рассматривает концепцию Мартова.¹⁷ Именно Мартов получил предложение и написал очерки по истории общественного развития России, развитию крупной промышленности и рабочего движения с конца XIX в. для таких многотомных изданий, как “История России в XIX веке” и “История русской литературы XIX века”. Эти очерки получили высокую оценку специалистов. П.А.Гарви писал: “Помнится, один весьма ученый социал-демократ говорил мне однажды: “Прочитайте блестящую статью Мартова об идейных течениях 70-х годов в “Истории русской литературы” гранатовского издания. Если бы я доподлинно не знал, что Мартов писал ее, что называется, в один присест, я бы решился утверждать, что в основе этой

небольшой, но необыкновенно глубокой и содержательной статьи лежит долголетний, кропотливый труд историка”.¹⁸ Ведь известно, что в то время историей общественной мысли в России усиленно занимался Плеханов, но издатели многотомников предпочли Мартова. Б.И. Николаевский позже признавал, что его в свое время увлекали работы не Ленина, а Мартова, которые он особенно ценил за присущий им исторический подход.¹⁹ Труды Мартова: книги, брошюры, газетные и журнальные статьи – не только исследования, политическая публицистика, но и ценнейший источник по истории социал-демократии.

Мартову посвящены многие биографические очерки. Их писали его близкие, соратники по партии, профессиональные историки. Но научной биографии Мартова еще не написано. Одним из препятствий для ее создания является разрозненность источников. Гетцлер использовал западные данные в собственной интерпретации, российские историки, в основном, те, что сохранились в отечественных архивах. Хотя понятно, что научную биографию без изучения всех источников, независимо от места их нахождения, написать трудно. Ситуация осложняется и тем, что биография Мартова неотделима от истории мирового социалистического движения. Меньшевизм же, появившись в России как результат спора об организационных принципах РСДРП, быстро превратился в самостоятельное идейно-политическое течение, отличную от большевизма партию рабочего класса. Так случилось в истории социалистического движения в России, что расколы и размежевания стали одним из важных его особенностей. РСДРП руководствовалась марксистской идеологией, партия социалистов-революционеров – народовольческой. Те и другие не сохранили единства. Постепенно произошло выделение из них радикальных, экстремистски настроенных организаций, которым удалось захватить власть в стране. “Русский марксизм” в их реализации отличался жестокостью, максимализмом, нетерпением.

В российском социал-демократическом и марксистском движении Мартов как теоретик и практик находится в од-

ном ряду с Лениным и Плехановым. Наиболее часто повторяемой причиной идейного расхождения между Лениным (большевиками) и Мартовым (меньшевиками) называется разная интерпретация марксизма применительно к условиям России. Обычно подчеркивается, что большевики лучше учли конкретно-исторические условия и особенности страны, а меньшевики исходили из опыта западноевропейских революций, грешили догматизмом и для них было неожиданным, что Октябрьская революция произошла по Ленину, а не по Марксу. Это мнение не бесспорно, оно не отвечает на сложный вопрос об исторической правоте большевиков или меньшевиков. Ведь социалистический эксперимент в том виде, как он реализовывался большевиками, в конечном счете не удался и, следовательно, прогноз меньшевиков (Мартова) во многом оправдался. Но тогда можно говорить лишь о временной лучшей оценке обстановки большевиками, об их способности захватить власть и какое-то время силой ее удерживать.

Юлий Цедербаум (более известный под псевдонимом Мартов) родился 12 (24) ноября 1873 г. в Константинополе, где его отец служил в “Русском обществе пароходства и торговли”. После начала русско-турецкой войны семья переехала сначала в Одессу, затем в Петербург. Это была интеллигентная состоятельная еврейская семья. Из восьми детей семь были связаны с социал-демократическим движением. Так, четверо – Юлий, Лидия (Дан), Сергей (Ежов), Владимир (Левицкий) стали видными меньшевиками. В советское время судьба всех родственников Мартова, оставшихся на родине, оказалась трагичной.²⁰

В “Записках социал-демократа” Мартов рассказал о своем детстве и юности. Ему запомнился еврейский погром в Одессе 1881 г., антисемитизм в гимназии, его травмировала хромота (кормилица недоглядела, ребенок упал и стал инвалидом). Он вспоминал, как увлекался русской и зарубежной классикой, что отец был поклонником А.И.Герцена. Воспоминания Мартова дополняет очерк его сестры Л.О.Дан, которая поведала о создании впечатлительным братом своего

морального кодекса, пронизанного идеями справедливости. Юлий придумал для своих сестер и братьев идеальный город “Приличенск”, где жили только по правде и по законам уважения ближнего. Сам он помнил об этом постоянно. Л.О.Дан рассказала, как в 1917 г. при разногласиях Мартова и Дана в связи с высылкой из России швейцарского социалиста Гримма, Мартов “в ярости против Временного правительства, против Церетели и Дана, стал отказываться от уже принятого решения – поселиться всем вместе и сказал: “Нет, уж лучше мне вернуться в Приличенск... ты решай, как можешь, а я – в “Приличенск”... “В те далекие наши детские годы – продолжала Л.О.Дан,- было заложено многое из того, что осталось на всю жизнь и многое в жизни всех нас определило”... Из воспоминаний Мартова и его близких выяснилось, что он был вспыльчив, но “перед слезами Юлий обычно не мог устоять”, что он старался меньше спрашивать и “обо всем старался сам додумываться до удовлетворительного объяснения. Происходила эта замкнутость, вероятно, от моей болезненности”. “Герцен, Шиллер, Гюго, рассказы о народовольцах, – все вместе заострило к пятнадцатому году моей жизни мою психологию в сторону мечтаний об освободительной борьбе. Временно... я было увлекся аскетическим христианством Льва Толстого, но это увлечение осталось мимолетным, оставив лишь осадок ощущения, что в нападениях Толстого на европейскую цивилизацию есть что-то, от чего невозможно отмахнуться, и что одна ненависть к деспотизму не исчерпывает вопроса о свободе”. Гимназистом Мартов увлекся историей французской революции, потряс его и отчет по делу 1 марта 1881 г., после которого он стал мыслить о разрушении самодержавия в результате “подготовленных заговором народных восстаний”. Вскоре, 17-летним, в 1891 г. Мартов участвовал по предложению отца в демонстрации на похоронах Н.Шелгунова. Мартов вспоминал о том, как усиленно в гимназические годы занимался самообразованием. Наряду с книгами Чернышевского и Писарева, он прочел “Манифест Коммунистической партии” Маркса и Энгельса и это произвело на него “потрясающее впечат-

ление”, хотя в начале он увидел в нем “какой-то синтез из Марата, Бланки и Желябова”.²¹

В августе 1891 г. Юлий Цедербаум, сын потомственного почетного гражданина, был зачислен на I курс естественно-го отделения физико-математического факультета Петербургского университета. Но вскоре его захватила политика, нелегальная революционная литература, кружки. Для занятий оставалось мало времени. Он вспоминал, что в Петербурге той поры о марксизме знали из брошюр Плеханова, что в студенческих кружках искали ответа о том, что такое рабочий социализм, тогда как им навязывали народнический. Юношеское восприятие у Мартова было критичным, энергия требовала выхода в конкретное дело, хотя его взгляды были достаточно эклектичны. Как он писал, на одном из студенческих собраний в декабре 1891 г. произошел его политический дебют. В произнесенной речи Юлий говорил о том, что голод в стране неминуемо приведет к стихийным крестьянским бунтам, деревня может двинуться на город, потому нужно создать революционную партию, связанную с рабочими и солдатами, и в подходящий момент совершить в столице переворот и захватить власть.²² Это была речь человека, ищущего выход из положения, думающего, что во всех бедствиях повинно царское правительство и с его свержением ситуация может измениться к лучшему. Он признавался, что на слушателей его речь не произвела ожидаемого впечатления.

Активность студента Юлия Цедербаума была замечена филерами. Конспиратор он был неопытный, хромота и семитская внешность стали особыми приметами для опознания. 25 февраля 1892 г. Юлий Цедербаум был арестован. Но так как от каких-либо “чистосердечных” показаний он отказался, а вещественных доказательств при аресте не было обнаружено, то через полтора месяца Юлий Цедербаум был освобожден под залог в 300 рублей впредь до окончания “дела”. Вскоре последовал приговор: 5 месяцев тюрьмы и два года ссылки в неуниверситетские города по выбору осужденного.

Выйдя из тюрьмы, Юлий почувствовал перемену в отношении к нему окружающих и в самом себе. Увлечение естественными науками испарилось, из университета он был исключен. Его интерес к экономическим и социальным наукам теперь можно было удовлетворить либо самообразованием, либо учебой за рубежом. Юлий избрал первое. Отсидев в Крестах, он уехал в ссылку, избрав для этого Вильно, где, по его сведениям, были марксистские кружки. К этому времени он был увлечен “Капиталом” Маркса и изданиями группы “Освобождение труда”. Но ему больше нравилось название “социал-демократ”. Тогда Юлий Цедербаум видел в марксизме спасительное учение для тех, кто разочаровался в народничестве, но жаждал участвовать в социальном переустройстве общества. Он не был ортодоксальным, фанатичным приверженцем марксизма. Его критичный ум ученого привык во всем сомневаться. Но лучшей теории тогда Юлий Цедербаум не знал. Он мечтал о создании организации, способной реализовать эту теорию.

В Вильно Юлий Цедербаум познакомился со многими будущими руководителями Бунда, работал пропагандистом среди еврейских рабочих и ремесленников. Один из бундовцев позже вспоминал, что в 1893 г. 20-летний Юлий Цедербаум не произвел на него впечатления человека, приверженного к какой-либо теории: “В тот период Мартов весь ушел в идейную борьбу между тогда еще юным русским марксизмом и народничеством. Этой борьбой он тогда жил”. По его мнению, Мартов обладал “колоссальными способностями, необыкновенным умением ориентироваться и феноменальной памятью”.²³

В то время в Петербурге появились “Критические заметки” П.Б.Струве – “символ веры” русских марксистов в легальной печати, брошюра В.И.Ленина “Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов?”. Мартов писал: “После академической полемики Струве, от брошюры, исполненной желчных характеристик теоретической мысли и политических тенденций эпигонов народничества, веяло подлинной революционной страстью и плебей-

ской грубостью, напоминавшей о временах демократической полемики 60-х годов”. Вскоре Юлий Цедербаум познакомился и с автором этой брошюры Владимиром Ульяновым.²⁴ Отныне их судьбы причудливым образом переплелись, они вместе создавали марксистскую социал-демократическую организацию в России, с тем чтобы потом разойтись в принципах и методах деятельности партии и переустройства страны. В последующих главах настоящей работы этот сюжет освещен в полной мере.

Предлагаемое исследование общественно-политической деятельности Мартова²⁵ и его творческого наследия содержит научный и политический аспекты. Изучение проблемы является частью научной истории социал-демократического движения в России и Европе, истории меньшевизма как части теории и практики русского марксизма. Советская историография была весьма тенденциозна в отношении противников большевизма. Деятельность и творчество Мартова, меньшевиков в целом характеризовалось лишь негативно, что не соответствовало действительности. Поиск истины, основанный на тщательном анализе совокупности имеющихся документальных и мемуарных данных, является главной целью исследования.

Мартов был известен как наиболее образованный марксист своего времени. Еще в конце XIX в. он прогнозировал, что экономика Европы в новом столетии будет столь многообразна, что марксисты не в состоянии заранее это объяснить. Мартову принадлежит вывод о незрелости российского капитализма для свершения скорой социалистической революции. Одновременно с Лениным он выдвинул положение о складывании революционной ситуации в Европе в ходе первой мировой войны. Наконец, именно от Мартова Ленин потерпел первое крупное политическое поражение при голосовании спорного параграфа устава партии на II съезде РСДРП. Мартов одним из первых социал-демократов предупредил об опасности мирового большевизма, подтвердив, что демократия и тоталитаризм несовместимы, к каким бы идеологическим “нарядам” последний ни прибегал. Идеи

Мартова находят свое воплощение в деятельности Социалистического Интернационала, где выдерживается его принцип о равенстве всех входящих в него партий.

Политический и научно-практический аспект исследования состоит в изучении теории и опыта российских социал-демократов по проблеме выбора пути развития общества. Опыт использования смешанной экономики и плюралистической демократии, предложенный Мартовым и другими лидерами меньшевизма, был отвергнут пришедшими к власти большевиками, а затем, в постсоветское время и теми, кто привык проводить реформы “сверху”, не очень обращая внимание на требования времени. Наследие Мартова подтверждает необходимость для нормального развития общества иметь лидеров, отвергающих насилие как единственный способ борьбы за власть, борцов за моральную честность и человеческую политику. Именно такие деятели остаются в благодарной памяти цивилизованного человечества. Книга посвящена одному из них – Юлию Осиповичу Мартову.

¹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973. С.18-19.

² Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т.2. С.333. Для В.И.Ленина вся история состояла из действий личности, по которым якобы и можно было судить об их реальных "помыслах и чувствах". (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.1. С. 415, 423-424). М.Горький весьма критично относился к политической деятельности, когда в 1917 г. писал: "Все дурное, что есть в человеке, все это особенно ярко и богато разрастается именно на почве политической борьбы". (Горький М. Несвоевременные мысли: заметки о революции и культуре. М., 1990. С.113).

³ Getzler I. Martov. A Political Biography of Russian Social-Democrat. Cambridge, 1967. P. 218-220. В настоящее время И.Гетцлер живет в Иерусалиме. Н.Н.Суханов писал, что "гамлетизм" Мартова проявлялся в интеллекте, который был склонен к анализу, а не принятию быстрых решений, свершения "революционных подвигов, не требующих... разума, а только воли". (Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т.2. С.184). Л.Д.Троцкий, говоря о роли Мартова на II съезде Советов, назвал его "Гамлетом демократического социализма". (Троцкий Л.Д. История русской революции. Берлин, 1933. Т.II. Ч.2. С.337).

⁴ Тумаринсон В.Х. Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус (опыт исторической реконструкции). М., 1994. С.208; Розенталь И. Мартов. // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в.: Энциклопедия. М., 1996. С.344.

⁵ Савельев П.Ю., Тютюкин С.В. Юлий Осипович Мартов (1873-1923): Человек и политик // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С.133-157; № 5. С.130-166.

⁶ С.В.Тютюкин отметил "настоящий прорыв", который произошел в последние годы в области биографического жанра. Это проявилось и в новом, основанном на презумпции "исторической невиновности" подходе к деятельности Г.В.Плеханова и Ю.О.Мартова. См.: Тютюкин С.В. Первая российская революция в отечественной историографии 90-х годов. // Отечественная история. 1996. № 4. С.75, 76.

⁷ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. Берлин, 1924; Ю.О.Мартов. Письма 1916-1922. Venson, 1990. Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский.

⁸ См.: Указатель к Ленинским сборникам. I-XX. М., 1933; Переписка В.И.Ленина и редакции газеты "Искра" с социал-демократическими организациями в России. 1901-1903 гг.: Сб.док. М., 1969-1970. Т.1-3; Переписка В.И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с

партийными организациями. 1903-1905 гг.: Сб. док. М., 1974-1975. Т.1-3; Федор Ильич Дан: Письма (1896-1946). Amsterdam, 1985; Юлий Мартов. Из писем 1917 года. // Свободная мысль. 1991. № 16. С.26-39; и др. Среди неопубликованных, хранящиеся в личном фонде Мартова (РЦХИДНИ. Ф.362), письма к Мартову его братьев и сестер, Поли Гордон, мечтавшей выйти за него замуж. Она писала ссыльному Мартову в Туруханский край 21 февраля 1897 г.: "Для меня теперь переписка с тобой – все, положительно весь интерес дней, недель и месяцев этой жизни... Я даже вообразить не хочу, что будет, если перестану получать твои письма". // РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.25. Л.51.

⁹ Новая и новейшая история. 1995. № 5. С.157.

¹⁰ Мартов Ю. Записки социал-демократа. М., 1924. С.12-13. Первое издание "Записок" вышло в Берлине в 1922 г., в издательстве Зиновия Гржебина. Курьезом предстает упоминание в хронике событий советской историографии о том, что в 1924 г. Мартов издает "Записки социал-демократа". (Советская историография. М., 1996. С.543). Прижизненное издание "Записок" Мартова вышло в 1922 г. по инициативе М.Горького, в 1923 г. Мартов умер и выпустить свою книгу в 1924 г. никак не мог.

¹¹ Мартов Ю.О. Из неопубликованных воспоминаний // Ленинский сборник. М.;Л., 1925. Т.IV. С.49-61.

¹² Мартов Ю.О. Недописанные главы // РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.23. Л. 42-43. Д.Далин писал в воспоминаниях о Мартове, что его пронизательность была ошеломительна. "В частности, никто лучше него не понимал Ленина: зная его лично, Мартов видел его насквозь; вся хитрость Ленина, его "маневрирование" и "тонкая дипломатия" были у Мартова как на ладони. Поэтому-то и статьи его против выступлений Ленина (он писал их с особым оживлением) всегда били прямо в точку". (Далин Д. Из воспоминаний. // Социалистич. вестн. 1925. № 6 (100). С. 22.

¹³ Мартов Ю. Записки социал-демократа. М.; Пг., 1922. С.336; М., 1924. С.336; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С.324-325. Г. Хаит полагает, что с Федосеевым во дворе Красноярской тюрьмы встречался не Ленин, а П.А.Красиков. Он считает, что через четверть века Мартов мог сместить события и перепутать участников. См.: Хаит Г. Поиск продолжается. Красноярск. 1970. С.103-107. Р.И.Нафигов считает, что еще предстоит установить состоялась ли вообще встреча Ленина и Федосеева. См.: Нафигов Р.И. Не художник и не летописец. // Татарстан. 1996. № 3. С.65.

¹⁴ Из публицистического наследия Л.Мартова // Сов. архивы. 1991. № 5. С.49-56.

¹⁵ Валентинов Н. Встречи с Лениным. Benson, 1979. С.312.

¹⁶ Ключевский В.О. Собр.соч. М., 1989. Т.7. С.319.

¹⁷ Логунов А.П. Революция 1905-1907 годов и российская социал-демократия. Ростов на Дону. 1992. С.6-7, 66-69, 127, и др.

¹⁸ Гарви П. Штрихи к портрету // Социалистич. вестн. 1924. № 7-8. С.14.

¹⁹ The Making of Three Russian Revolutionaries. Voices from the Menshevik Past. Ed. by L.H. Haimson. Introduction by L.H.Haimson. Cambridge. 1987. P.289.

²⁰ Попова Т.Ю. (Цедербаум). Судьба родных Мартова в России после 1917 года. М., 1996; Меньшевик В.К.Иков (1882-1956), прошедший не одно десятилетие в советских тюрьмах, позже вспоминал братьев Цедербаумов: "Разумеется, их роль и удельный партийный вес несопоставимы с ролью старшего брата, одного из создателей и руководителей "Искры". Но все они стали достойными того дела, которое стало делом всей их жизни и которое потребовало от них таких жертв, лишений, страданий... Ни у кого из младших Цедербаумов не было такого искрометного таланта публициста, как у Ю.О.Мартова. Но талантливость, но искры дарования имелись в той или иной мере у всех" (Иков В.К. Листопад: Воспоминания. // Вопр. истории. 1995. № 10. С.126-127).

²¹ Мартов Ю. Записки социал-демократа. М., 1924. С.42, 52-53, 55-62; Дан Л.О. Семья (Из воспоминаний) // Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959. С.7-37.

²² Мартов Ю. Записки социал-демократа. С.94, 98.

²³ Социалистич. вестн. 1924. № 9. С.13. И.Юдин в статье "Л.Мартов и еврейский пролетариат" писал, что Мартов стоял у начала организации Бунда (Там же. С.12).

²⁴ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 239-240.

²⁵ Б.М. Сапир передал устное предание, согласно которому происхождение псевдонима Мартов связано с мартовскими революциями 1848 г. в Европе. Инициал "Л." – дань привязанности к сестре Л.О.Дан. См.: Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.311.

ГЛАВА I

Историография

Мартов – один из 19 псевдонимов¹ Юлия Осиповича Цедербаума (1873-1923). Именно этим псевдонимом подписаны большинство его работ и в историю российского и мирового социал-демократического движения он также вошел под этой фамилией.

Жизнь и творчество Мартова в отечественной историографии изучены недостаточно. Не издана даже полная библиография его произведений². В советских историографических исследованиях работы Мартова либо оценивались резко критически, либо вообще замалчивались. Большевистская литература относилась в то время не к марксистской, а к мелкобуржуазной.³ Г.Д. Алексеева, например, характеризуя состояние “немарксистского лагеря в исторической науке” после 1917 г., выделяла “мелкобуржуазное, меньшевистско-эсеровское направление, представленное работами Н.Рожкова, Р.Иванова-Разумника, С.Маслова, Н.Суханова, Л.Мартова и др.”⁴ К концу 80-х годов мало что изменилось. Большевиков продолжали считать антимарксистской партией. В историографической работе В.И.Злобина о II съезде РСДРП имя Мартова и его труды не упоминались вовсе, а С.В.Шестаков, характеризуя литературу о деятельности большевиков в годы первой мировой войны, отнес работы Мартова к числу оппортунистических и на этом основании отказался от их анализа.⁵ Лишь в 1989 г. была поставлена задача объективного научного изучения истории меньшевиков и эсеров вместо традиционного для советской историографии “разоблачения” политических взглядов и тактики небольшевистских партий, а также создания биографий их видных деятелей.⁶

Историческая наука в советское время широко использовалась властями для формирования иллюзорного, ирра-

ционального сознания. При этом утверждалось, что на рубеже XIX и XX веков отечественная историография переживала якобы глубокий кризис, выход из которого помог найти лишь марксизм.⁷ Под последним понималась, однако, только его ленинская интерпретация, тогда как любая другая трактовка идей Маркса и Энгельса объявлялась “оппортунизмом”. Соответственно, политический курс большевиков провозглашался “единственно правильным”. Точно также создание Лениным партии нового типа считалось высшим достижением революционной теории и практики, а меньшевики характеризовались как типичная социалистическая партия “старого типа”, “терпимая” к оппортунизму.⁸ Известный советский историк Л.М.Спирин, однако, признавал, что меньшевики, как и большевики, делали ставку на рабочих, а отрицание ими частной собственности и самодержавия создавало объективную основу для совместных действий против царизма в рамках “левого блока”.⁹

Для советских историков меньшевизм и Мартов всегда были тождественны. В своих оценках они неукоснительно руководствовались указаниями Ленина, который в меньшевизме видел “главного врага внутри рабочего движения”,¹⁰ в Мартове – человека, с которым до II съезда РСДРП его связывала личная дружба и совместная революционная работа, но который после 1903 г. встал на принципиально иные позиции. Характеризуя меньшевизм и одного из его лидеров, историки использовали наиболее критические и просто оскорбительные ленинские характеристики Мартова¹¹ (последний, правда, также иногда не стеснялся в выражениях в адрес большевиков и их вождя, но его оценки старательно замалчивались).

В настоящее время многие российские историки отказались от точки зрения, согласно которой большевики, по крайней мере, в теории, всегда были правы, а их идейные противники только и делали, что ошибались и действовали якобы на руку врагу. Однако внимание историков сосредоточилось в основном на реабилитации Н.И.Бухарина, Г.Е.Зиновьева, Л.Б.Каменева, Л.Д.Троцкого и других видных боль-

шеви́ков. Между тем, аналогичную работу пора уже проделать и в отношении лидеров меньшевизма. Ведь большевики и меньшевики долгие годы были фракциями одной партии – РСДРП.

А.Н.Яковлев, российский политик и академик, склонен возложить равную ответственность за происшедшие в России в XX веке катаклизмы на большевиков и меньшевиков. Он пишет, что размежевание социалистического движения на социал-демократию и коммунизм было вызвано и “непримиримостью” Ленина, и “рenegатством” Плеханова и Каутского. Яковлев отмечает также трагизм пересечения идей социализма и истории России. Причину этого трагизма он видел в ограниченности в начале XX в. самого социализма в обеих его ипостасях – как большевистской, так и меньшевистской, в “цивилизационной и социально-экономической отсталости России, многократно углубленной мировой, затем гражданской войнами, которые и ввергли отсталую страну в состояние одичания, выбросив в сферу политики миллионы люмпенов, сознание и поведение которых особенно опасно в поворотные моменты истории”.¹² В последнем Яковлев прав. Но какое отношение ко всему этому имели меньшевики? Они были против вооруженного захвата власти большевиками и как могли противостояли их разрушительной якобинской деятельности. Наверное, будет справедливо сказать, что большевики сделали все возможное, чтобы не только политически и физически ликвидировать меньшевизм и меньшевиков, но и изъять, вычеркнуть из истории общественной мысли все написанное представителями этой партии. В результате историография социал-демократии в России получилась односторонней, обедненной и извращенной. Отношение к Мартову и его трудам в этом плане весьма показательно.

Главный критик Мартова

Первые публикации Мартова появились в середине 90-х годов прошлого века. Многие из них писались на “злобу дня” и отражали мнение Мартова о текущих политических событиях. Одной из первых его работ, вызвавших широкое обсуждение в социал-демократических кругах России, стала выпущенная в Женеве в 1896 г. (с 1894 г. она распространялась в России в рукописном виде) брошюра виленца А. Кремера “Об агитации”, отредактированная и дописанная Мартовым. По оценке Мартова эта работа содержала конкретный план “перехода от убожества отвлеченной кружковой пропаганды к той массовой политической борьбе против царизма, организация которой явилась общепризнанной партийной задачей”. Мартов писал, что в отзыве о брошюре Плеханов в тактичной форме отметил некоторую догматичность и доктринерство авторов, приписывавших какую-то самодовлеющую логику процессу развития русского рабочего движения.¹³ Чуть позже эту брошюру высоко оценил М.Лядов за показ того “как на почве существования мелких нужд и требований нужно пробуждать классовое самосознание масс”.¹⁴

Работы, изданные Мартовым до 1903 г., Ленин оценивал как образцово-марксистские. В брошюре “К деревенской бедноте” (Женева, 1903) он назвал Каутского и Мартова марксистскими авторитетами для себя в программных вопросах. “Подробно объяснять всю программу мы здесь не можем, – писал Ленин. – Для этого нужна особая книжка. Мы только вкратце укажем, о чем говорит программа, и посоветуем читателю достать себе на помощь две книжки. Одна книжка немецкого социал-демократа, Карла Каутского, под названием “Эрфуртская программа”, переведенная на русский язык. Другая книжка русского социал-демократа,

Л.Мартова, “Рабочее дело в России”. Эти книжки помогут понять всю нашу программу”.¹⁵

Книгу Мартова “Пролетарская борьба в России” (2-е изд. Спб., 1906.) рецензент Л.Герасимов назвал “классическим произведением”, поскольку, по его мнению, она отличалась от подобных книг “действительно... содержательным и систематическим изложением” борьбы российских рабочих. Из нее становилось ясно, что “спор двух современных фракций российской социал-демократии не есть нечто на-носное, не есть порождение чьего-то честолюбия”.¹⁶ Известный библиофил Н.А.Рубакин увидел ее основную идею в том, что “совершившийся в начале 1900-х годов переход рабочего движения к политической борьбе и социал-демократии, не сделал еще социал-демократию партией рабочих масс”.¹⁷ Другой рецензент называл в 1916 г. статьи Мартова по истории рабочего движения наряду с работами К.Пажитнова, М.Покровского и других историков “новостью русской историографии за последнее десятилетие”.¹⁸

За 30-летие своей творческой деятельности Мартов написал много статей, брошюр и книг, но не все они были замечены критиками или обозревателями. По словам Н.К.Крупской, Ленин не раз подчеркивал талантливость Мартова как журналиста, который все “хватает на лету”, страшно впечатлителен, но” ко всему легко относится”.¹⁹ Биографы Мартова не подтверждают последнее, отмечая, что в силу своего таланта он легко писал, но ко всему относился необычайно серьезно.²⁰ За темпераментность и литературный блеск статей Мартова Троцкий назвал его “Добролюбовым русской социал-демократии”, а сторонники Мартова полагали, что благодаря его работам меньшевизм самоопределился как самостоятельное направление русской социалистической мысли.²¹

Ленин был главным критиком Мартова. Одна из причин этого заключалась не только в убежденности Ленина в непогрешимости своих принципов построения партии нового типа и планов преобразования общества, но и в борьбе за лидерство в революционном движении. Уже тогда, в 900-е

годы, Ленин боролся против Мартова и меньшевиков, часто не выбирая при этом выражений.²²

О ленинской критике Мартова и меньшевиков советские историки написали немало книг и статей.²³ Все они исходили из одного положения: Ленин – лидер, вождь победившей партии и потому он всегда прав в своей критике оппозиции, в данном случае меньшевистской. Никто из авторов этих работ даже не ставил вопроса о том, что Мартов и его сторонники также могли быть в чем-то правы. Эти труды несли на себе, прежде всего, огромную идеологическую и политическую нагрузку. В них было мало аргументации, а все сказанное или написанное Лениным сомнению не подлежало. При этом широко применялась селекция используемых документов и мемуаров.

Варианты воспоминаний Н.К.Крупской и М.Горького о В.И. Ленине – характерный пример тенденциозного отбора фактов, исходя из нужд политической конъюнктуры. В 1920 г. большевистская элита, отмечая 50-летие Ленина, вспоминала памятные вехи его биографии. Среди прочих была названа юбилейная дата – 25-летие создания Петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”. Тогда же в журнале “Творчество” появились воспоминания Н.К. Крупской и статья Н.С.Ангарского на эту тему.²⁴ Крупская отмечала, что среди петербургских социал-демократов “лучше были подкованы Ленин и Мартов”, что после ареста Ленина и других в ночь на 9 декабря 1895 г. оставшиеся в городе члены группы по предложению Мартова называли себя “Союзом борьбы за освобождение рабочего класса”. Это замечание Крупской Ангарский подтвердил. Однако в последующих вариантах воспоминаний Крупской это высказывание было опущено. Зато появилось упоминание о том, что Ленину было “чрезвычайно трудно” рвать с Мартовым, и прежде всего потому, что он “умел чутко подхватывать мысли Ильича и талантливо развивать их”.²⁵ Никем не упоминался и тот факт, что Мартов раньше Ленина, вслед за Плехановым, высказал идею создания в России партии пролетариата. Отныне соратникам Ленина предоставлялось лишь право комментиро-

вать, пропагандировать, развивать мысли вождя, но иметь свое мнение им уже не полагалось. Так складывалась версия о Ленине – непогрешимом вожде и лидере революционного движения в России.

Подобные же изменения произошли и с очерком Горького о Ленине. В первом варианте (1924) Горький писал, что он слышал только одну жалобу от Ленина: “Жаль – Мартова нет с нами; очень жаль! Какой это удивительный товарищ, какой чистый человек!” Писатель вспоминал также, как Ленин “весело и долго хохотал,.. прочитав где-то слова Мартова; “В России только два коммуниста: Ленин и Коллонтай”. А посмеявшись, сказал с вздохом; “Какая умница! Эх...” В другом варианте (начало 30-х годов) Горький дополнил очерк еще одним эпизодом о Мартове, чтобы на сей раз противопоставить его Ленину. У Ленина, по Горькому, в выступлениях “слитность, законченность, прямота и сила”. Мартовым же рабочие недовольны; призывал не раскалываться, а потому “линяет товарищ интеллигент”.²⁶ Разумеется, историки использовали в своих работах последние варианты воспоминаний Крупской и очерка Горького. Причем, как правило, цитировались наиболее оскорбительные для Мартова и меньшевиков высказывания Ленина.²⁷

В 1909 г. началось 5-томное издание “Общественного движения в России в начале XX века” под редакцией Л.Мартова, П.Маслова и А.Потресева. Редакция уведомляла читателей, что “предлагаемый коллективный труд ставит своей задачей дать объективное исследование того исторического процесса, который сделал необходимым общественный кризис, пережитый нашей Родиной в начале текущего столетия, равно как выяснить самый ход этого кризиса и вскрыть действия объективных и субъективных факторов, влиявших на его течение”. Редакция подчеркивала, что все статьи связаны воедино общностью методологии исторического исследования и что в 5-томнике помещены только те статьи, которые с “наибольшей бесспорностью отражают эту общность и наименее зависят от частных и индивидуальных точек зрения”.²⁸

Ленин заявлению редакции 5-томника не поверил. Он видел задачу его авторов не в желании разобраться в переломном этапе российской истории, а в стремлении опровергнуть основные программные идеи революционной социал-демократии, их экономическую основу, которая была результатом марксистского анализа обстановки кануна 1905 г. в России.²⁹ Именно ленинские высказывания об этом труде, как оппортунистической истории русской революции, в которой пропагандировалось учение ренегатов, широко цитировалось советскими авторами.³⁰ Партийность, классовость сочинений историков, философов и экономистов Ленин считал главным критерием их оценки. Он с одинаковой силой обрушился и на 5-томник и на сборник статей “Вехи”, полагая, что только большевики и прежде всего он сам могут дать верное толкование “проклятых вопросов” российской действительности. Для него это были, прежде всего, идеологические сочинения, а для таковых важна не истинность, а полезность или вредность высказанных там суждений для идеологических целей.³¹ Для Ленина “Вехи” были проповедью обскурантизма и знаменем реакции, а 5-томник Мартова и его соратников – образцом ренегатства³². Все эти работы написаны представителями российской интеллигенции, причем Ленин и авторы 5-томника являлись марксистами, а авторами “Вех” были большей частью бывшие “легальные марксисты”. Ныне “Вехи” переизданы, заново проанализированы, а 5-томник, как явление общественной мысли России начала века пока еще не получил должной оценки.

Особенно часто советские историки цитировали незаконченную статью Ленина “В лакейской”³³, направленную против работы Мартова “Мировой большевизм”, которая по частям публиковалась в журнале “Мысль”, затем в “Социалистическом вестнике” и после смерти Мартова вышла отдельным изданием (Берлин, 1923). Нелицеприятные заявления Мартова о большевиках и гражданской войне Ленин назвал “омерзительным лицемерием”, так же как и его вывод о недопустимости для пролетариата гражданской войны как формы борьбы за свое политическое господство. Ленин от-

брасывал “претензии Мартова встать “выше” обеих крайностей: буржуазии и пролетариата, обеих диктатур”. Будущее показало, что Мартов был прав в своем главном выводе: большевики действительно предпочитали решать все вопросы борьбы за власть вооруженной силой.³⁴ Первые советские рецензии на книги Мартова исходили из этих непримиримых ленинских установок.

Заметим, что писавшие эти рецензии знали о негативном отношении большевистских властей к меньшевикам. Ленин прямо связывал победу в гражданской войне с тем, что большевики научились еще в 1903-1917 гг. “беспощадно изгонять из партии пролетарского авангарда меньшевиков, то есть оппортунистов, реформистов, социал-шовинистов”³⁵. Им наверняка было известно мнение Троцкого о Мартове (1919): “Мартов, несомненно, является одной из самых трагических фигур революционного движения. Даровитый писатель, изобретательный политик, проницательный ум, прошедший марксистскую школу, Мартов войдет тем не менее в историю рабочей революции крупнейшим минусом”. Главную причину этого Троцкий видел в том, что Мартову не хватало воли, решительности и потому он стал “самым изощренным, самым тонким, самым неуловимым, самым проницательным политиком тупоумной, пошлой и трусливой мелкобуржуазной интеллигенции”.³⁶ Троцкий ошибался: он путал сомнение с безволием, а поиск бескровного компромисса – с трусостью. В его оскорбительном для Мартова заявлении сквозило личностное самоутверждение временного победителя, не знавшего, что делать с непокорным противником. Конечно, Мартов по-своему был трагической фигурой российской революции, но еще более трагическими фигурами были большевики, участники гражданской войны в России, те, кто преследовали, уничтожали и унижали своих бывших соратников по борьбе с самодержавием.

О.А.Ерманский позже вспоминал, что в 1918-1919 гг. его и Мартова тяготило “ощущение политической никчемности”.³⁷ Это замечание некорректно. Ерманский писал свои воспоминания в середине 20-х годов, находясь на советской

службе, желая забыть свое меньшевистское прошлое и заявить о лояльности советским властям. В названные им годы, как впрочем и позже, Мартов и не помышлял о своей “никчемности”. Он активно печатался в журналах и газетах, выступал в самых разных аудиториях. Летом 1919 г. он был избран действительным членом Социалистической академии общественных наук. В декабре 1919 г. на VII Всероссийском съезде Советов Мартов говорил о том, что народы России бесспорно предпочтут советскую власть режиму Колчака и Деникина. Но после их краха, население может прийти к убеждению, что “советская власть для него лишь наименьшее зло, но все-таки зло”, и тогда не получится ни прочного мира, ни условий “для хозяйственного и политического возрождения”.³⁸ Мартов требовал неукоснительного соблюдения Конституции РСФСР. Ленин же возражал ему, ссылаясь на условия гражданской войны: “Когда мы слышим такие декларации от людей, заявлявших о сочувствии нам, мы говорим себе: нет, и террор и ЧК – вещь абсолютно необходимая”. Он полагал, что возможна лишь пролетарская диктатура, иного России не дано. К тому времени Мартов был уже знаком с ленинским определением меньшевиков как “разновидности мелкобуржуазной демократии”³⁹, знал он и о преследовании чекистами членов оппозиционных партий.⁴⁰

В январе 1920 г. происходили выборы в Моссовет. Из 1532 избранных депутатов 40 были меньшевиками. Среди них были Ю.О. Мартов и Ф.И. Дан. Получив сведения об этом из доклада председателя Моссовета Л.Б. Каменева, В.И. Ленин тут же написал ему: “По-моему, Вы должны “загонять” их практическими поручениями: Дан – санучастки, Мартов – контроль за столовыми”.⁴¹

В апреле 1920 г. Мартов выступил на совещании меньшевиков с большим докладом “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии”, в котором вновь подтвердил свое неприятие диктатуры сознательного революционного меньшинства над бессознательным большинством народа хотя бы и во имя интересов этого последнего и считал такую диктатуру величайшей опасностью для рабочего клас-

са. Он предлагал заменить “диктатуру меньшинства диктатурой большинства”.

В июне 1920 г. Политбюро ЦК обсудило вопрос “О меньшевиках” и постановило всячески пресекать их деятельность. Было решено меньшевиков арестовывать, заключать в тюрьмы, высылать в отдаленные местности и за границу. Мартову было разрешено выехать за границу.⁴² В 1921 г. начальник секретно-оперативного управления ВЧК В.Р.Менжинский предписывал губернским ЧК организовать институт секретных осведомителей среди членов оппозиционных политических партий, угрожая, что те, кто этого не сделает, “будут считаться бездеятельными”.⁴³

Учитывая политическую ситуацию, различные авторы характеризовали в те годы Мартова по-разному. В документальном сборнике “Большевики” (1918 г.), составленном на основе донесений агентов бывшего Московского охранного отделения, Мартов именовался вождем меньшевиков. В записке бывшего сотрудника Петербургского охранного отделения П.Статковского (1921 г.) он назывался главным организатором Петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”.⁴⁴ Как видим, жандармы констатировали огромную роль Мартова в революционном движении, тогда как большевистские публицисты и историки весьма критически оценивали его деятельность. В.Быстрянский, например, в “Петроградской правде” (19 августа 1919 г.) негативно отозвался о статье Мартова “Мировой большевизм”. “От меньшевиков, – заключал Быстрянский разбор этой статьи, – отлетел живой дух марксизма...”⁴⁵

Мартов умер 4 апреля 1923 г. и был похоронен в Берлине. На его смерть откликнулась вся мировая пресса. О реакции Ленина вспоминала Крупская: “Когда Владимир Ильич был уже тяжело болен, он мне как-то грустно сказал: “Вот и Мартов тоже, говорят, умирает”. Крупская рассказала, как незадолго до смерти Ленин “в связи с Аксельродом спросил о Мартове. Я сделала вид, что не поняла. На следующий день он спустился вниз в библиотеку, в эмигрантских газетах разыскал сообщение о смерти Мартова и укорительно показал мне”.⁴⁶

На следующий день после смерти Мартова “Правда” и “Известия” (5 апреля 1923 г.) опубликовали некрологи. В них высоко оценивались личные качества Мартова, его виднейшая роль в революции. К.Б.Радек в “Известиях” особо акцентировал внимание на классовый оценке деятельности Мартова-меньшевика. Он отмечал, что в “Записках социал-демократа” Мартов предстает “скромной, чистой личностью”, что личные качества Мартова характеризуют его как “убежденного, бескорыстного и честного противника”. Но это не помешало Радеку тут же обозвать Мартова “равнином марксизма”, не понимая, что “без разрушения капитализма нельзя создать никакой пролетарской культуры”. Радек вспоминал, как после февраля 1917 г. Мартов, будучи меньшевиком-интернационалистом, говорил ему: “Надеюсь, что будем бороться за одно дело”, но вскоре перешел “в лагерь контрреволюции”. Потому, заключал Радек, роль Мартова “в истории Советской России отражала все колебания мелкобуржуазного строя, к которому он принадлежал”. В духе большевистской пропаганды той поры Радек выражал уверенность, что “никогда уже русский пролетариат не пойдет с партией, наиболее талантливым и наиболее преданным вождем которой был Мартов”. По иронии судьбы сам Радек стал жертвой режима, глашатаем которого был. Россия же спустя 70 лет после Октября вновь оказалась перед мучительным выбором своего дальнейшего постсоветского развития.

Некрологи, опубликованные в различных русских заграничных изданиях и подписанные людьми, хорошо знавшими Мартова, были сходны с некоторыми советскими лишь в одном – в высокой оценке личных качеств Мартова. Е.Д.Кускова отмечала, что Мартов 33 года отдал борьбе с самодержавием царя и “деспотией своего же собрата по партии, Ленина”. Она заметила, сколь различным было понимание марксизма Лениным и Мартовым. Первый стал вождем “русского якобинизма”, “диктатуры профессиональных революционеров”, второй – защитником воли масс. По ее мнению, в “самой основе мировоззрения этих двух людей лежа-

ла глубокая пропасть”. Кускова называла Мартова “фанатиком идеи” и видела странное совпадение в смерти Мартова и предсмертной агонии Ленина. “Двуглавая русская социал-демократия, – писала она, – победившая двуглавого орла самодержавия, теряет обе головы,” а потому грядут перемены. Естественно, Кускова критиковала Мартова за сотрудничество с Лениным в Циммервальде и Кинтале,⁴⁷ т.е. за то, за что его хвалили большевистские публицисты.

Весьма трогательные некрологи посвятили Мартову “Социалистический вестник”, “Заря”, “Социал-демократ”, “Современные записки”. Свое сочувствие РСДРП выразили эсеровские “Воля России” (1923, № 8-9) и “Революционная Россия” (1923, № 26-27). Автор одного из некрологов, В.М.Чернов писал о Мартове, сопоставляя его как личность с другими известными ему социал-демократами: “Как мыслитель, Мартов был менее оригинален, чем Плеханов, но превосходил его последовательностью и верностью себе. У него был менее “инициативный” и не такой “напроломный” ум, как у Ленина, но зато это был ум более тонкий и гибкий.

Плеханов был пионером и родоначальником русской социал-демократии, но он был способен определить лишь некоторое общее ее духовное устремление; Мартов же был одним из таких людей, которые создают направление. Плеханов мог колебаться между фракциями, в то время как Мартов и меньшевики были синонимы; так же, как синонимами были Ленин и большевизм”.

Чернов подчеркивал, что как памфлетист Мартов уступал Троцкому, но “как политический публицист – был несравненно глубже и серьезнее его. Литературная сторона его писания значительно выше ленинской, и уступает лишь плехановской. Плеханов был более изворотливым, остроумным и находчивым полемистом, но Мартов, как полемист, производил впечатление более искреннее... Ленин как оратор, превосходил Мартова своеобразной сосредоточенной силой внушения,.. но у него не было ни мартовского чувства меры, ни мартовской интеллигентности в споре... Троцкий, как оратор, был гораздо блестящее Мартова,.. но он был хо-

рош на отдельные парадные выходы,.. Мартов в споре был сильнее уже тем, что в его выступлениях не чувствовалось ходульности, фразы и позы...” По мнению Чернова, Мартов “не принадлежал к числу тех творящих умов, которые дарят человечество новыми синтезами, составляющими эру в истории мысли; по типу ума своего он был последователем,.. но он не был и простым эпигоном. Сила догмы над умом его не заглушала в нем голоса критической мысли...” Это Мартов прогнозировал, что экономика современной Европы даст множество явлений, которые не предвидел марксизм.⁴⁸

Длинная цитата из некролога Чернова необходима для характеристики иной точки зрения, нежели та, что долгие годы высказывалась во всех советских изданиях. В них утверждалось, что Мартов, в отличие от Ленина и Плеханова, “никогда не брался за большие теоретические проблемы, ограничиваясь, как правило, текущей политической публицистикой”.⁴⁹ Наличие разных точек зрения на значение творческого наследия Мартова указывает на важность его изучения, на необходимость отхода от установившихся штампов и непредвзятого изучения проблемы.

Первая историографическая работа о Мартове в советской исторической литературе принадлежит П.Ю.Савельеву. В статье, опубликованной в 1993 г. в журнале “Отечественная история”, он пришел к выводу о том, что в литературе 20-х годов сталкивались две оценки Мартова: одна – исходящая из принципов историзма и объективности, другая – вульгарно выражавшая принцип партийности и закладывавшая основы концепции “Краткого курса”. В качестве иллюстрации первого подхода он назвал воспоминания Крупской и работы В.И.Невского.⁵⁰ Вряд ли этот пример можно назвать удачным. Действительно, на фоне оскорбительно-ярлыковых сочинений о меньшевиках той поры, воспоминания Крупской и работы Невского выделялись сдержанностью оценок. Но их направленность в русле проводимой тогда строгой партийности исторической науки от этого не менялась, объективно и они работали на будущую концепцию “Краткого курса”.

В качестве аргумента Савельев привел мотивацию Крупской о ненужности комментария к VIII книге “Ленинского сборника” (1928 г.) по поводу разногласий между Лениным и Мартовым о сроках созыва II съезда РСДРП и организационных принципах его строения. Крупская ссыалась на отсутствие источников для комментария и на то, что Мартов не был организатором, был человеком настроения, у которого “десять пятниц на неделе”. Савельев цитировал воспоминания Крупской о том, что из-за впечатлительности, а не по какой другой причине, Мартов отказался войти в состав редакторов “Искры” после того, как Ленин предложил вывести из состава редакции Засулич, Потресова и Аксельрода. Крупская полагала, что острота в личных отношениях проявилась в споре о 1-м параграфе устава партии. Эти высказывания Крупской Савельев представляет как последовательное проведение принципа историзма и стремление выявить эмоционально-психологические мотивы в поведении участников событий.⁵¹

С выводом Савельева трудно согласиться прежде всего потому, что об этих же событиях писал сам Мартов. В книге по истории российской социал-демократии Мартов рассказал о том, как при выработке устава партии выявились разногласия когда большинство редакции поддержало мнение местных работников о предоставлении им большей автономии. Тогда Ленин проникся к ним недоверием и решил произвести “целый переворот”: устранить из редакции Аксельрода, Засулич и Потресова. Мартов после этого отказался войти в состав новой редакции.⁵² Таким образом, речь шла о принципиальном вопросе построения партии, а не о “десяти пятницах на неделе” у Мартова.

Без источниковедческого анализа документов нельзя утверждать, что Крупская права потому, что она Крупская, а Мартов неправ только потому, что он Мартов. Из сравнения текстов, аргументация Мартова выглядит предпочтительнее, что впрочем не исключает необходимости дополнительного изучения вопроса.

Крупская и другие деятели из “ленинской гвардии” сде-

ляли многое для создания культа Ленина как непогрешимого, победоносного вождя. Это выражалось и в том, что многим его соратникам или тем, кто принимал участие в революционном движении, но находился в оппозиции к нему, было отказано советской политизированной историографией быть равной ему личностью. Потому многие из ленинцев в начале 20-х годов писали о Мартове с симпатией, грустью, сочувствием и ... пренебрежением. П.Н.Лепешинский видел в нем “живой энциклопедический словарь” и “язвительного крючкотвора”; А.В.Шотман – “бедствующего российского интеллигента”; А.В.Луначарский замечал, что если коммунизм в России победит не сразу, “то Мартов или погибнет, потому что он слишком благороден, чтобы молчать в эпоху реакции, или будет безнадежно путаться на задворках революции, как он путается в них сейчас”.⁵³

”Ленинская гвардия” упорно создавала культ Ленина, пока один из них, В.В.Адоратский к 50-летию Сталина (1929 г.) не предложил формулу: “Сталин – это Ленин сегодня”, открывавшую путь к созданию нового культа. До октября 1917 г. лидерами РСДРП назывались Ленин, Мартов и Плеханов; в первые годы советской власти вождями нового режима – Ленин и Троцкий; после смерти Ленина (1924) будут культивироваться Ленин и его верный ученик Сталин, с 1929 года они станут равными классиками всепобеждающего учения, чтобы чуть позже Сталин смог превратиться в корифея всех времен и народов.

П.Ю. Савельев в упомянутой статье сравнивал работы В.И.Невского и Н.Н.Попова и находил, что первый писал о Мартове более уважительно, чем второй. Все верно, но нам представляется, что не в этом дело. Невский, Попов и другие большевики, ставшие в одночасье историками партии победителей, объективно сразу же начали работать на будущую концепцию “Краткого курса”, независимо от того, делали ли они это более профессионально, интеллигентно или нет.

В начале 20-х годов Невский опубликовал некролог о Мартове и рецензии на его книги “История российской социал-демократии” и “Мировой большевизм”.⁵⁴ О первой

Невский сообщил, что ее написал “прекрасный публицист” и меньшевик, который не мог объективно проанализировать свои разногласия с Лениным. Потому “книжка Мартова – интересный исторический документ,.. не учебник, ибо слишком много в нем субъективного, фракционного, хотя и прикрытого прекрасным слогом некогда славного пролетарского борца и публициста”. Во второй рецензии, Невский всячески оправдывал большевизм и декларативно не соглашался с любой критикой Мартова в его адрес. Никак не аргументируя свои утверждения, Невский тем не менее полагал, что опровергнуть Мартова может даже комсомолец.

Более тепло написан Невским некролог о Мартове, где воздавалось должное его человеческим качествам, а затем повторялась ленинская оценка Мартова не как вождя, а как мягкого человека. Невский и в некрологе не удержался, чтобы не упрекнуть исторические работы Мартова в отсутствии объективности, в том что они “страдают удивительно ярко проявленным меньшевизмом”. Лучшей работой Мартова Невский назвал “Записки социал-демократа” – воспоминания “большого человека, уходящего со сцены с полным сознанием, что, как бы ни были велики его ошибки, он уже вписал свою страницу в историю”. Невский, перефразируя известный вывод статьи Ленина, посвященной памяти левого эсера П.Прошьяна, заключал: “Уже за то, что до 1903 года Мартов был наш, боролся с нами и учил бороться нас, он достоин занять почетное место в Пантеоне русского рабочего движения”.

Невский использовал многие работы Мартова при написании “Очерков по истории РКП(б)” и, наверное, был единственным большевистским историком, который даже в то время назвал двух вождей социал-демократии в России начала века – Ленина и Мартова. Более того, он утверждал, что Ленин руководил движением, а Мартов был “вождем “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”⁵⁵. Последний вывод Невского в какой-то мере повторял воспоминания Крупской 1920 г., и позже в советских изданиях он не повторялся.

Советская историческая наука была частью тоталитарного общества, становление которого происходило в России в 20-е годы. “Очерки истории РКП(б)” Невского показали, что движение исторической большевистской мысли к “Краткому курсу” шло для некоторых ее представителей отнюдь не прямолинейно. Либеральные пассажи появлялись тогда и на самом высоком уровне. Летом 1922 г. в Москве прошел большой политический процесс над лидерами партии правых эсеров. Тогда же XII Всероссийская партийная конференция приняла резолюцию “Об антисоветских партиях и течениях”, призывающую к бдительности и борьбе с “мелкобуржуазными партиями”. “Философские пароходы” вывозили в эмиграцию цвет российской инакомыслящей интеллигенции. Однако характерно, что учитывая международный резонанс на смерть Мартова, Политбюро ЦК РКП(б) постановило: “Признать желательным издать книгу о Мартове с его статьями”⁵⁶. Это постановление было выполнено лишь отчасти: ряд работ Мартова был переиздан, но книги о нем так и не появилось.

В советской литературе 20-х годов представители “ленинской гвардии” были едины в своей оценке деятельности и трудов Мартова. “Очерки истории РКП(б)” Невского – исключение, вскоре оказавшееся в спецхране, а написанные им рецензии на книги Мартова и некролог не выходили за рамки сформулированного Лениным и пропагандируемого Крупской: Мартов – хороший человек, но не вождь, его деятельность положительна, когда он был вместе с Лениным и отрицательна, как только стала оппозиционной вождю большевизма. Другая точка зрения на Мартова принадлежала небольшевистским историкам и мемуаристам. В советской России тех лет ее позволили как-то высказать брату Мартова С.О.Цедербауму, его жене – К.И.Захаровой, сподвижникам по “Искре” Л.И.Гольдману и Л.И.Аксельрод, ограничивая, однако, их воспоминания также периодом старой “Искры”.⁵⁷ С ними были солидарны соратники Мартова по революционному движению, те, кто по разным обстоятельствам был вынужден покинуть советскую Россию.

Ф.И.Дан писал в “Социалистическом вестнике” к 10-летию смерти Мартова, что “меньшевизм, русская социал-демократия, как политическая партия, в значительной степени, дело его рук”, что меньшевики видели в Мартове “своего общего идейно-политического родоначальника, руководителя и вождя”, что под руководством Мартова меньшевизм отличался от большевизма “пафосом свободы и демократии”⁵⁸. Еще через десять лет, Р.А.Абрамович заметил, что с тех пор, как Мартов писал свои статьи о мировом большевизме прошло почти четверть века. За это время большевизм превратился в сталинизм, и стала еще больше ясна роль Мартова как “наиболее выдающегося теоретика пролетарского антибольшевизма”⁵⁹.

В России к тому времени Мартова забыли, вернее предали остракизму. Все началось еще в 20-е годы. Большевистские историки послушно выполняли указания своих вождей. В 1923 г. был издан сборник статей Л.Б.Каменева “Между двумя революциями”, где он назвал Мартова, Череванина, Потресова и Аксельрода “мелкотравчатыми меньшевиками”, взявшими “курс на приспособление своей меньшевистской мысли... к кадетской политической платформе”. Именно за это сборник расхвалил П.Н.Лепешинский. Не отстал от Каменева в резких выражениях в адрес Мартова и Зиновьев.⁶⁰

Для большевистского функционера Н.Н.Попова меньшевизм в России – не что иное как “длительная попытка со стороны буржуазно-демократической интеллигенции использовать классовое движение рабочего класса в своих буржуазных целях”. Для рецензента сборника статей Мартова “Общественные и умственные течения в России 1870-1905 гг.” основная ошибка автора заключалась в том, что он видел различность русской интеллигенции и считал ее “наиболее образованным классом общества”.⁶¹ Это был политико-конъюнктурный, а не научный анализ меньшевизма как общественно-политического явления и статей Мартова, написанных им в 1899 и 1910 гг. Меньшевизм невозможно отлучить от марксизма и рабочего класса, а интеллигенция дей-

ствительно представляет собой самый образованный слой любого общества.

В русле общей критики меньшевизма шли расхожие идеологические штампы в работах сотрудницы Истпарта В.Ф.Владимировой и референта ВЧК И.Вардина. Книга Владимировой так и называлась “Год службы “социалистов” капиталистам: очерки по истории контрреволюции в 1918 г.” (М.:Л., 1927). Вардин посвятил меньшевизму серию брошюр⁶². Назовем лишь несколько стереотипов, которыми тенденциозно и демагогически, без всякой аргументации пользовался Вардин. Так, он писал, что “меньшевизм хотел утверждения у власти буржуазии”, что характерной чертой этой партии будто бы являлось “лицемерие и двурушничество” и это де проявилось в том, что протестуя против красного террора, меньшевики умалчивали о белом терроре. Мартов возражал против смертной казни в принципе, но это, по Вардину, было лишь его литературным “упражнением по па от меньшевизма”. Или еще: “Именем Карла Маркса и ...Льва Толстого Мартов призывал русских рабочих подняться на борьбу против Советской власти и защиту заговорщиков”.⁶³ Подобными инсинуациями проникнута все книги Вардина, но такие штампы тогда все больше заполняли большевистскую литературу. Сходные приемы использовал и В.В.Адоратский, когда, рецензируя отдельные статьи Мартова, писал, что его призыв к восстановлению в России демократии следует рассматривать как призыв к “восстановлению диктатуры буржуазии”, что меньшевики желают свергнуть советскую власть и “заменить революционную диктатуру пролетариата буржуазным правительством”.⁶⁴ Эта голословная критика преследовала политические цели: провозгласить большевиков единственной партией российского пролетариата, утвердить миф об абсолютной истинности марксизма-ленинизма и вселили ВКП(б) и ее вождей.

Итоговым достижением возникшей в 20-е годы историко-партийной “науки”, стали четыре тома “Истории ВКП(б)” под редакцией Е.М.Ярославского (1926-1930). Издание многотомника началось в 1926 г. и осталось незавершен-

ным. Но именно конец 20-х – начало 30-х годов стали для советской идеологизированной историографии переломными в переходе к резко отрицательному восприятию социал-демократизма в целом и российского меньшевизма в частности. Завершающим звеном в этом процессе стал инспирированный и сфальсифицированный властями судебный процесс над мифическим “Союзным бюро ЦК РСДРП меньшевиков” (1931), появление серии обвинительно-клеветнических статей и книг.⁶⁵ Тогда же в связи с так называемым “академическим делом” начались аресты историков и развитие исторической науки было полностью поставлено под большевистский, государственный контроль.⁶⁶

Не повезло тогда и четырем томам “Истории ВКП(б)”. После публикации известного письма Сталина в журнал “Пролетарская революция” (1931) многотомник стал объектом жесткой, ярлыковой (тогда ее называли партийной) критики. Л.М.Каганович назвал многотомник “фальсифицированной историей, подкрашенной под цвет троцкизма”, а более “эрудированные” рецензенты тут же обозвали авторов “школкой троцкистских контрабандистов”.⁶⁷ В угоду руководящим указаниям вождя, под угрозой репрессий спешно менялись оценки, фальсифицировались факты, искажалось прошлое, становилось непредсказуемым будущее участников тех трагических событий.

В первом томе “Истории ВКП(б)”, изданном в 1926 г., говорилось, что Мартов представлял собой “крупную марксистски образованную силу”, что ядро Петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса” составили кружки Ленина и Мартова, что тогда Ленин и Мартов были вместе, что именно Мартов в начале 90-х годов прошлого века выдвинул идею отказа от замкнутых кружковых форм работы и переходе к массовой агитации. Авторы первого тома в оценке деятельности Мартова исходили из уже известной к тому времени формулы: хорошо, когда Мартов поддерживал Ленина, и плохо, когда он становился оппозиционером. Они довольно неуклюже, без достаточной аргументации полемизировали с Мартовым о том, кто был автором програм-

мы РСДРП, предложенной II съезду партии, Ленин или Плеханов? Авторы критиковали Мартова, сравнившего партийную дисциплину, насаждаемую Лениным, с “режимом осадного положения”. Они цитировали воспоминания П.Лепешинского, рассказавшего, что говорили тогда друг о друге Мартов и Ленин. Мартов о Ленине: “Сегодня нечаевщина, а завтра дегаевщина”. Ленин реагировал: “Ну, теперь довольно,.. пора от Мартова отмежеваться... нужен карантин... ни в какую полемику я с ним больше не вступаю”.⁶⁸

Второй и третий тома “Истории ВКП(б)” публиковались в 1929-1930 гг. В них Мартов, по “объективному” мнению авторов представляется “выразителем интересов империалистической буржуазии”. Но теперь уже считалось, что Мартов поступал “вполне прилично” не только тогда, когда поддерживал Ленина, но и когда выступал против Троцкого. Вот один из примеров такого “нового” подхода. Мартов в одном из своих выступлений уточнял воспоминания Троцкого о том, что он и Парвус осенью 1905 г. выпускали вместе с меньшевиками на договорных началах газету “Начало” (13 ноября – 2 декабря 1905 г. № 1-16). Мартов возражал: “На деле газета была поставлена тогдашним центральным учреждением меньшевистской фракции – Организационным комитетом... “Договорный” элемент, пожалуй, заключался в том, что по соглашению в тесный редакционный комитет из трех членов, обладавших широкими правами, был введен, рядом с А.Н.Потресовым и пишущим эти строки, и Парвус, как представитель того особого оттенка, который его и Троцкого отличал от “правоверного” меньшевизма”. Конкретизирование Мартовым частного случая авторами тома выдавалось за... разоблачение “фальсификатора” Троцкого.⁶⁹

После смерти Ленина многие его сподвижники опубликовали воспоминания о своей работе под руководством вождя. Они создавали ему непогрешимый культ с надеждой, что и им удастся воспользоваться отблесками великой славы. Наблюдения некоторых мемуаристов заслуживают внимания.

Троцкий, хорошо знавший Ленина и Мартова, передавая впечатления о встречах с ними в начале века, подчеркивал, что “политическим руководителем “Искры” был Ленин, но главной публицистической силой был Мартов”. Он сообщал, что “у Мартова были бесчисленные и нередко блестящие догадки, гипотезы, предложения, о которых он часто сам вскоре позабывал, а Ленин брал то, что ему нужно, и тогда, когда ему нужно”. Крупская предоставляла Мартову роль пропагандиста ленинских идей. Троцкий указывал, что и Ленин использовал мысли и разработки Мартова. Луначарский видел в Мартове блестящего полемиста и аналитика, “честного революционера”, “шлифующий ум”. Он утверждал, что Ленин мечтал о союзе с Мартовым в мае-июне 1917 г. и только по вине последнего союз не состоялся. Луначарский отмечал глубокую интеллектуальность Мартова и полагал, что он мог бы стать вождем, если бы пошел с Лениным.⁷⁰

Подобные воспоминания невариантны, они позже не переписывались в соответствии с политической конъюнктурой и переходу к культу Сталина. Те же, кто переиздавал свои мемуары в начале 30-х годов обязательно вносили в них “нужные” коррективы. А.С.Мартынов (Пикер) (1865-1935) был членом ЦК партии меньшевиков, в 1923 г. стал большевиком, работал в институте К.Маркса и Ф.Энгельса в Москве, редактировал журнал “Коммунистический Интернационал”. В некрологе, посвященном его кончине, Ф.И.Дан писал, что переход к большевизму оказался для Мартынова “равносильным политической и идейной смерти”, а его стремление, став большевиком, “убить” своих бывших товарищей-меньшевиков” шагнуло далеко за допустимые пределы.⁷¹ 9 июля 1923 г. Мартынов выступил на Кутаисской конференции бывших меньшевиков с докладом “О меньшевизме и большевизме”, в котором сообщил, что меньшевики всегда шли “по ложному пути”, и, оправдывая свой недавний “ложный путь”, подчеркивал, что в начале первой мировой войны вместе с Мартовым стоял на интернационалистских позициях, боролся с шовинистами. Он прикрывался авторитетом Мартова, заявляя, что вместе с ним вел борьбу с оп-

портунистами в меньшевистской партии. Мартынов призвал грузинских меньшевиков самоликвидироваться.⁷²

И вот Мартынову, стремившемуся показать свою лояльность властям и предать проклятию меньшевистское прошлое, поручили написать предисловие к “Запискам социал-демократа” Мартова. Естественно, он сочинил это предисловие с более чем пробольшевистских позиций (ведь надо было доказать верность большевикам, принявшим его в свои ряды, продемонстрировать преданность новому вождю). Потому он и писал в предисловии: “Когда Мартов жил, он тем более вреда мог принести делу пролетариата, чем больше у него было заслуг в прошлом. Это в полной мере объясняло ожесточенную борьбу коммунистов с ним”. Этим Мартынов хотел развенчать тот светлый, чистый и искренний образ Мартова, который мог сложиться у непредубежденного читателя “Записок социал-демократа”. Мартынов пытался сделать и другое: оспорить те критические характеристики, которые Мартов давал в книге “непорочному” большевистскому вождю. Мартынову не удалось опровергнуть замечания Мартова о том, что у Ленина было “презрение к людям”, что из тактических соображений он мог по-разному использовать принципиальные положения. Мартынов заключал раздел не аргументами, а общей декларацией: “Ошибка Мартова в оценке Ленина 90-х годов заключалась в непонимании того, что Ленин при всем его огромном интересе к теории... был...прежде всего беспощадный практический борец, практический революционный вождь, призванный руководить пролетариатом в самую революционную эпоху истории”. Нечего и говорить, что в воспоминаниях, изданных в 1934 г. Мартынов обнаружил у Мартова еще в доискровский период “большие шатания” и симпатии к “экономизму”.⁷³

Переписывание прошлого в угоду политической конъюнктуре подготавливало почву для появления краткого курса “Истории ВКП(б)” в 1938 г. Ускорение этого процесса явно проявилось в начале 30-х годов. В 1929 г. Крупская, стоявшая на страже культа Ленина, замечала историку Н.С.Ангар-

скому, комментировавшему издание “Докладов с мест II съезду РСДРП”, что “освещение получилось не очень полное. Выдвинуты как-то на первый план бундовские связи и связи Мартова”. И тут же ревниво дополняла: “Мартов был в гораздо меньшей степени организатор, чем Ильич”. В 1933 г. Крупская в замечаниях на макет учебника по истории ВКП(б), подготовленного в Историко-партийном институте под редакцией В.Г.Кнорина, посчитала невозможной для публикации характеристику деятельности Мартова в 1893-1897 гг., когда будто бы Ленин “вскрыл оппортунистические ошибки Мартова, пренебрежительно относящегося к созданию партии”. Крупская по-прежнему положительно относилась к Мартову, который вместе с Лениным создал Петербургский “Союз борьбы за освобождение рабочего класса”.⁷⁴ В результате, раскритикованная Крупской фраза была снята из текста книги, увидевшей свет в 1936 г. “Подправить” прошлое тогда хотели многие политики и мемуаристы. Они полагали, что заново и весьма избирательно излагая историю, вносят свой вклад в борьбу за “чистоту” ленинизма и свою собственную. Это был самообман, идеологически способствующий наступлению Большого террора в стране.

9 мая 1934 г. в “Правде” появилась рецензия П.Н.Поспелова на воспоминания Крупской о Ленине, где в оскорбительном тоне Крупская обвинялась в преуменьшении разногласий сторонников и противников Ленина на II съезде партии, в недооценке Пражской партийной конференции (1912) и роли Сталина в жизни партии большевиков. Крупская, как могла, оправдывалась.⁷⁵ В то время на историков и в целом обществоведение была надета сталинская смиренная рубашка “марксистско-ленинского” единомыслия. Идеи рецензии Поспелова были неслучайны и знаменовали собой новый виток подделывания прошлого под Сталина.

Одна из первых работ в духе “нового” курса была написана тогда одним из заместителей директора Института марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) В.Г.Сориним. Рассматривая сравнительно короткий период истории российской социал-демократии (с 1893 по 1897 г.), он подверг резкой и неаргументированной критике работы Мартова, написанные, как сообщал Сорин, “в духе саморекламы”. Сорин пересказывал страницы из Мартова о том, как “Союз борьбы” начал широкую агитацию среди питерских рабочих и заключал: “На самом деле, Мартов просто-напросто прихвастнул и прилгнул насчет своей действительной роли...” на совещании руководящей группы “Союза” в октябре 1895 г. По Сорину, в деятельности Мартова не было ничего положительного даже тогда, когда он был рядом с Лениным. С формулой Крупской было покончено, вдохновителем и организатором “Союза борьбы” утверждался только Ленин.⁷⁶

В журнале “Пролетарская революция” (1934, № 4) была опубликована передовая статья, в которой историко-партийная наука обязывалась создавать учебники и показывать “во весь рост... исполинскую фигуру Сталина”. В 1935 г. было закрыто Общество старых большевиков и Общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Прекратили свое существование многие журналы, были арестованы тысячи участников революционного движения в России. Так из истории искусственно изымались память и имена. В такой обстановке появился краткий курс “Истории ВКП(б)”. Эта книга почти на два десятка лет стала эталоном “исторической истины”, отходить от которой было запрещено.

В кратком курсе “Истории ВКП(б)”, лично отредактированном и частично написанном Сталиным, деятельность Мартова оценивалась отрицательно, противопоставлялась

Ленину. Так, об итогах II съезда РСДРП говорилось: “Таким образом, формулировка Мартова, в отличие от ленинской формулировки, широко открывала двери партии неустойчивым непролетарским элементам... Эти люди не стали бы входить в организацию, подчиняться партийной дисциплине, выполнять партийные задания, не стали бы подвергаться опасностям, которые с этим связаны. И таких людей Мартов и другие меньшевики предлагали считать членами партии”.⁷⁷ С этого времени и примерно до конца 50-х годов имя Мартова в советской историографии упоминалось либо мельком, отрицательно, либо замалчивалось. Во всяком случае, в историографических обзорах тех лет имени Мартова нет.⁷⁸

Со второй половины 50-х годов, под влиянием “оттепели”, вызванной смертью Сталина и начавшейся реабилитацией политических узников Гулага, развенчания Н.С.Хрущевым культа личности Сталина на XX съезде КПСС (1956 г.), советские историки начали постепенно отходить от догм “Краткого курса”. Вначале это проявилось в разделении советской истории на “хорошую” при Ленине и “плохую” при Сталине, хотя от “социалистического выбора по-большевистски” КПСС никогда не отходила. “Новый” поворот к небывалой апологетике Ленина осуществляли те же идеологи исторической науки, которые до этого имели опыт создания культа личности Сталина. По иронии судьбы главную редакцию 6-томной “Истории КПСС” возглавил академик П.Н.Поспелов, один из авторов “Краткого курса” и рецензент воспоминаний Крупской о Ленине. Теперь он воссоздавал культ Ленина, намного превосходя все до этого написанное в словословии в адрес вождя большевизма. Он и его коллеги по многотомной истории КПСС в 60-е годы возвратились к формуле Крупской в оценке деятельности Мартова, видя в ней положительное только тогда, когда она была направлена на поддержку Ленина и не противоречила его взглядам и поступкам.⁷⁹

Авторы первого тома “Истории КПСС” исходили из того, что создателем “Союза борьбы” был Ленин, а Мартов вошел в его руководящий центр только после того, как Ленин

был арестован. Они не учитывали при этом ни первого варианта воспоминаний Крупской о “Союзе борьбы” (1920), где Мартов, наряду с Лениным, назывался одним из организаторов “Союза борьбы”, ни замечаний Мартова о роли Ленина в ту пору. “В то время, – писал Мартов, – В.И.Ульянов производил при первом знакомстве несколько иное впечатление, чем то, какое неизменно производил в позднейшую эпоху. В нем еще не было или, по меньшей мере, не сквозило той уверенности в своей силе, – не говорю уже: в своем историческом призвании, – которая заметно выступала в более зрелый период его жизни. Вращаясь в среде серьезных и образованных товарищей, среди которых он играл роль “первого между равными”, В.И.Ульянов еще не пропитался тем презрением и недоверием к людям, которое, сдается мне, больше всего способствовало выработке из него определенного типа политического вождя”. В томе публиковалось сатирическое стихотворение Мартова, в котором высмеивались взгляды “экономистов”, подчеркивалось, что Мартов был среди тех кто подписал написанный Лениным “Протест российских социал-демократов” против предложенного Е.Д.Кусковой “Credo” – программного документа, провозглашавшего выполнение экономических требований рабочих главной задачей социал-демократов. Но это не помешало М.Г.Суслову заявить, что Мартов и Аксельрод в своих работах “пытались доказать” связь большевизма со всем предшествующим периодом развития партии и оправдывали “экономизм”, иногда вуалируя свою связь с ним.

Авторы первого тома цитировали статью Мартова “Патриотизм и правящая клика” (Искра. 1902. 1 апр. № 19), в которой разъяснялось, что именно стремление социал-демократов избавить народы страны от царского самодержавия является их патриотической и интернациональной задачей. Описывая ход работы II съезда РСДРП, авторы отмечали признание Мартова о том, что борьба на съезде по первому параграфу устава имела “наиболее принципиальное направление”. По данному вопросу авторы тома защищали позицию Ленина. Голосование на съезде в пользу предложения

Мартова они относили на счет колебаний оппортунистов. Ярлык “оппортуниста” с этого времени начинает сопровождать имя Мартова на страницах многотомника. Негативно авторы тома оценили и солидарность К.Каутского с Мартовым. “Если бы на вашем съезде мне пришлось выбирать между Мартовым и Лениным, – писал Каутский в “Искре”, – то, на основании всего опыта нашей деятельности в Германии, я решительно высказался бы за Мартова”.⁸⁰

Авторы первого и последующих томов “Истории КПСС” исходили из того, что Ленин был всегда прав. Остальным же оставалось либо повторять и развивать эту установку, либо подвергаться опасности обвинения в ревизионизме. Авторы многих работ об отдельных периодах истории большевизма доводили концепцию непогрешимости Ленина до абсурда.

По мнению Н.Н.Маслова, Ленин “полностью побивает” Мартова и Троцкого, пытавшихся изобразить разногласия между большевизмом и меньшевизмом как результат борьбы за влияние на политически незрелый пролетариат. Для него книга Мартова по истории российской социал-демократии – “характерный пример оппортунистической”, меньшевистской историографии, а сам он догматик, извращающий Маркса.⁸¹ Позднее Н.Н.Маслов пересмотрел свои прежние позиции. Л.И.Комиссарова и Е.Р.Ольховский, декларируя непогрешимость работ Ленина, отказывали Мартову в приверженности марксизму. По их словам, введение Мартова к брошюре Кремера “Об агитации” претенциозно. Иное дело – труды Ленина, уже в 90-е годы XIX в. создавшего “стройную, подлинно научную концепцию российской истории”. В отходе Мартова от Ленина на II съезде РСДРП они увидели ни больше, ни меньше, как “измену” марксиста “делу научного социализма”, что оказало “негативное влияние на его исторические взгляды”. Вместе с тем они признавали, что Мартов в работах 1904 г., наряду “со злобной клеветой на В.И.Ленина (по поводу истории ленинских переговоров в 1895 г. с группой “Освобождение труда”, определения бонапартизма в истории, выработки искровского проекта про-

граммы РСДРП, оценки исторического значения II съезда и др.)”, отметил широкое распространение взглядов Ленина в РСДРП.⁸²

Л.И.Комиссарова и Е.Р.Ольховский, говоря о работах Мартова 1904 г., имели в виду, прежде всего, его брошюру “Борьба с “осадным положением” в Российской социал-демократической рабочей партии”. В доказательство “злой клеветы” Мартова на Ленина они ссылались на с. VI, 66-68 этой брошюры. О чем же писал там Мартов? На с. VI Мартов разъяснял, почему он отказался выступить на II съезде РСДРП со своим проектом устава партии, и каялся в том, что недостаточно твердо участвовал в предотвращении тенденций, приведших к “осадному положению” в партии. На с.66-68 Мартов говорил о том, что “политика осадного положения потерпела очевидное крушение”, что это положение “не явилось результатом “гениального безумия” одного сильного человека, не создано “злой волей”, а стало “в своем роде детищем той самой “Искры”, которая совершила несомненную положительную работу по сплочению партии”.⁸³ Таким образом, на этих страницах книги Мартова нет “злой клеветы” на Ленина. В пылу политической полемики и Ленин, и Мартов не занимались изящной словесностью, они меняли терминологию по мере сближения их позиций. Так, Ленин, готовя текст работы “Шаг вперед, два шага назад” для сборника “За 12 лет” (1907), выбросил главу “Устав партии. Проект т. Мартова”. “Надо сказать, – отмечала Крупская, – что “Шаг вперед...”, подводящий итоги чрезвычайно болезненно переживавшейся Владимиром Ильичем склоки, стоил Владимиру Ильичу очень многого. Эта глава, “Устав партии, проект устава Мартова”, особенно тяжело далась Ильичу. Мне трудно было бы себе представить, как эту главу можно выбросить. “Почему ты выбрасываешь это?” – спросила я Владимира Ильича. Он ответил не сразу, видно было, как он думал о чем-то, ушел в себя, потом ответил небрежно как-то: “Теперь это ни к чему”.⁸⁴

В таком пренебрежительном отношении к источникам, исходящим от оппонентов Ленина, Л.И.Комиссарова и

Е.Р.Ольховский не одиноки. Так, Г.С.Зубарева утверждала, что меньшевики не считали Советы зародышем новой, революционной власти. И тут же, ссылаясь на Мартова, заявляла о стремлении меньшевиков подчинить Советы своим планам, потому что в Совете “только и смогут выработаться кадры широкой рабочей партии”, задачей которой “является реформироваться так, чтобы сделать ненужным СРД”.⁸⁵ Закавыченное – это из книги Мартова “История российской социал-демократии”. Открываем указанную Зубаревой с. 149 книги Мартова и не находим приведенных ею цитат, так как они на с. 133-135. Но речь там идет о том, что “формально-нейтральная позиция и беспартийность” московского Совета в октябре 1905 г. “вызвали крайнюю тревогу в рядах большевистской фракции”. Потому большевики предъявили Совету требование “стать под руководство Российской с.-д. партии”. Меньшевики от такого требования отказались, и большевики начали кампанию против Совета “собственными силами”. Вскоре большевики стали склоняться к идее, выраженной меньшевиком А.Мартыновым, согласно которой “организация типа Совета – естественный результат отсутствия открытой массовой организации, и, пока она необходима, дело партии – приобрести максимум влияния на нее; задачей же партии является реформироваться так, чтобы “сделать ненужным СРД”. Из текста книги Мартова ясно, что все приписанное Зубаревой меньшевикам не имеет к ним отношения. Разве что их идеями, от которых они отказались, воспользовались большевики. Они тогда были фракциями одной партии и в тактических целях использовали идеи друг друга.

70-80-е годы были временем дряхления режима, постепенного освобождения российского общества от тоталитарных методов правления. Но КПСС продолжала еще яростно защищать социалистический выбор для страны, который был напрямую увязан с апологией Ленина и большевизма. Многие советские историки в то время стали активными участниками и пропагандистами партийной политики. Одни историки сознательно, другие – в силу недостаточного

профессионализма, шли на искажение источников, их тенденциозное толкование. Успехи западной социал-демократии, идеал социализма “с человеческим лицом” (Прага, 1968), кризис советской модели большевистского социализма привели к появлению среди его защитников в советской историографии большого числа работ, посвященных “краху”, “банкротству”, “ликвидации” “мелкобуржуазных” партий, в том числе российского меньшевизма.

В июне 1956 г. заместитель редактора журнала “Вопросы истории” Э.Н.Бурджалов выступил с докладом о состоянии советской исторической науки перед ленинградскими читателями журнала. Отвечая на вопросы, он оценил как ошибочное положение Сталина о направлении главного удара в 1917 г. не против буржуазии, а против меньшевиков и эсеров. А в послеоктябрьский период против международной социал-демократии.⁸⁶ К сожалению, в последующие годы победила не точка зрения Бурджалова, а устаревшее, проникнутое личной неприязнью к меньшевикам, положение Сталина, считавшего главным врагом большевиков социал-демократов.

Рассматривая российскую историографию деятельности Мартова до 1905 г., обратим внимание на следующее. В 20-е годы и ныне публиковались и издаются работы Мартова, датированные концом XIX – началом XX века, когда Мартов еще не выступал критиком создаваемой большевиками советской системы.⁸⁷ Советские историки, особенно в 70-80-е годы, исходили из заранее принятой формулы о непогрешимости всех высказываний Ленина и неправильности всего, что им как-то противоречит. Авторы полагали, что написанное Лениным не нуждается в аргументации. Вопрос о возможности правоты Мартова и других ленинских оппонентов – даже не ставился. Разумеется, жизненные реалии определяют смысл и ценность теории. К чему привело поклонение Ленину и большевистское правление Россию теперь известно. Альтернативный путь предложенный меньшевиками остался в свое время невостребованным и может быть рассмотрен футурологами весьма предположительно.⁸⁸

Изменились ли взгляды?

Известно, что Н.А.Добролюбов и Н.Г.Чернышевский размежевали российскую демократию на революционную и либеральную. К. Маркс и Ф.Энгельс разграничили саму радикальную демократию. Ленин этот принцип распространил на марксистскую среду: сначала он боролся с “легальными марксистами” и “экономистами”, потом с Плехановым, Мартовым и меньшевиками, затем с колеблющимися большевиками (отзовистами, примиренцами, оборонцами и пр.). Он вел не аргументированный научный спор, а беспощадную борьбу как со многими вчерашними единомышленниками, так и со своими политическими противниками, обвиняя их всех “в предательстве интересов пролетариата”. Потому неудивительно, что проповедуемая большевиками жесткая монополия на истину приобрела после захвата ими власти репрессивный характер. Сначала запрет оппозиционной печати и всех политических партий, кроме большевистской, затем запрет фракций внутри РКП(б).⁸⁹ И все это с опорой на карательные государственные органы. Это было силовым насаждением ленинского понимания марксизма как “идеологии современности”.

Советские историки занимались пропагандой и апологией ленинских цитат, часто не вдаваясь в суть проблемы или рассматривая ее только с точки зрения Ленина. Так, историки приводили мнение Ленина о результатах II съезда партии: “Кто не хочет закрывать глаза на то, что произошло на нашем съезде, тот должен понять, что наше новое разделение на меньшинство и большинство является только вариантом старого деления на пролетарски-революционное и интеллигентски-оппортунистические крылья нашей партии”.⁹⁰ И делали вывод, что меньшевики – это в несколько видоизмененном виде “экономисты”, что “экономизм” – это

предшественник меньшевизма.⁹¹ Для них не имело значения, что фраза, сказанная Лениным в пылу политической полемики, была направлена на оправдание происшедшего размежевания, что эта фраза не разъясняла, почему же Ленин столь длительное время работал вместе с Мартовым и вместе с ним выступал против “экономистов”, если ему давно было известно, что Мартов принадлежал к другому крылу партии? В данном случае эта ленинская цитата носила конъюнктурный характер и не могла помочь найти истинную причину размежевания. Большинство историков и не хотело ее искать.

В советской историографии той поры были и исключения. К ним относилась книга К.Н.Тарновского об “Искре”. В ней – спокойный, обоснованный рассказ о том, как Ленин заручился поддержкой Мартова и А.Н.Потресова в создании газеты, а затем договорился о поддержке с “легальными марксистами” П.Б.Струве и М.И.Туган-Барановским. В книге говорится о том, как Мартов в 1901 г. основывал опорные пункты “Искры” на юге России и как он же организовывал провоз тиража газеты через границу. Тарновский раскрыл ход обсуждения аграрной программы РСДРП в 1902 г., из которого ясна роль Мартова – теоретика (а не только хорошего человека и журналиста – имидж, создаваемый ему Лениным и его последователями). Из документов, приводимых Тарновским, это выглядело так. 16 апреля 1902 г. Аксельрод писал Ленину из Цюриха, что обсуждали его статью об аграрной программе и что большинство поправок было предложено Мартовым. Наиболее принципиальным оказался вопрос о национализации земли. Мартов записал: “Надо больше и рельефнее отметить реакционный характер требования национализации земли в данный момент в России... Надо сказать, что национализацию земли мы принимаем только как непосредственный пролог к социализации всех средств производства”.

После правки рукописи Лениным, Мартов предложил послать ее на просмотр Аксельроду и Плеханову в Швейцарию. Последний присоединился к замечаниям Мартова, за-

явив: “Тут именно весь “гвоздь” вопроса”. Ленин “заметался” и поступил как всегда: написал Плеханову резкое письмо, в котором не стал с ним дискутировать, а просто заявил о прекращении деловых и личных отношений. Плеханов был выше и предложил компромисс: напечатать статью Ленина и отдельно Плеханова, где каждый волен писать что угодно на заданную тему.

Мартов стоял на своем. В 27-м номере “Искры” он выступил против национализации земли: “Мы слишком отчетливо представляем себе, какие общественные классы приобретут политическое господство в России на другой день после переворота, за который мы боремся, чтобы восторгаться идеей о передаче в руки этих буржуазных классов распоряжения земельным фондом страны”. Мартов полагал, что до буржуазной революции в стране национализация земли усилит полицейское государство, после нее она может усилить пришедшую к власти буржуазию, схватка с которой предстоит. Тарновский писал, что уже в 1902 г. Ленин понимал, что победа буржуазно-демократической революции в России не обязательно будет победой буржуазии, как представлялось Мартову, а может привести к возникновению государства нового типа.⁹² Тогда тем более провидчески был прав Мартов, говоря о значении национализации земли для полицейского государства, каким собственно и оказалось “государство нового типа”.

По-разному оценивается расхождение Ленина и Мартова на II съезде РСДРП и создание двух фракций в партии. Троцкий полагал, что “непосредственного практического значения это противоречие не имело”, так как “правом решающего голоса по обеим формулам наделялись только члены нелегальных организаций”. Но в результате на съезде “Ленин завоевал Плеханова, но ненадежно; одновременно он потерял Мартова и – навсегда”.⁹³ Троцкий не объяснил, каким образом противоречие, не имеющее “практического значения” привело к тому, что Ленин и Мартов до того близкие друзья, вдруг разошлись навсегда, став непримиримыми политическими противниками. На схожей точке зрения

стоит и А.Н.Яковлев, утверждая, что причина раскола на II съезде партии “была пустяковой”, но сам раскол сыграл “гибельную роль” в дальнейшей судьбе страны.⁹⁴ Вопрос остался прежний: “пустяковая причина” не могла быть “гибельной” для страны.

Следует признать, что подоплекой раскола стал принципиальный вопрос о том, какой быть партии, претендующей на власть: “нового типа” или европейского, социал-демократического. Наверное, были причины и личного характера: Ленин не мог простить Мартову своего первого крупного политического поражения при голосовании спорного параграфа устава.⁹⁵ Причем Ленин проиграл в организационном споре, где по праву считал себя первым среди равных.⁹⁶

Троцкий, в своих воспоминаниях продолжавший защищать Ленина, писал, что Ленин на II съезде партии раскола не предвидел и не хотел, и даже после съезда болел нервной болезнью. Но, думается, более прав Д.А.Волгогонов, утверждая неприятие Лениным любых, отличающихся от него оттенков внутри социал-демократии. В доказательство он приводил ответ Мартова на разносную критику автора книги “Шаг вперед – два шага назад”. Мартов писал: “Что-то геростратовское видится в его, с лучшими намерениями, конечно, предпринятом деле... Стоит читать эти строки (в брошюре Ленина), дышащие мелкой, подчас бессмысленной, личной злобой, этой поразительной самовлюбленностью, этой слепой, глухой и вообще какой-то бесчувственной яростью, это бесчисленное повторение одних и тех же бессодержательных “бойких” и “хлестких” словечек, чтобы убедиться, что перед нами человек, фатально вынужденный катиться дальше по той плоскости, на которую он “стихийно” встал и которая прямехонько ведет его к полному политическому разращению и раздроблению социал-демократии”.⁹⁷ Что же касается приступов нервной болезни, то они были обычными для него после принятия жестких решений (например, разгон Учредительного собрания), или после политических поражений (от Мартова в 1903 г., Сталина – в 1922-1923 гг.).

С той поры осталась и еще одна проблема, связанная с именем Мартова. А.Спиридович в своих “Записках жандарма” отмечал, что увлечение марксизмом было “повальной болезнью русской интеллигенции” в 90-х годах XIX столетия. Он подчеркивал значение “Бунда” в создании РСДРП. По его данным, Бунд – это “крепкая, хорошо законспирированная организация, спаянная еврейским фанатизмом, жаргоном и ненавистью к русскому правительству... Оттуда шла и новая тактика “агитации” для всей русской социал-демократии, обоснованная в брошюре Цедербаума и открывшая новый период в истории социал-демократического движения в России”.⁹⁸ Эта посылка о влиянии еврейского революционизма, Бунда на становление революционного движения в России была воспринята и многими зарубежными историками.⁹⁹

В России революционное движение было многонациональным, социал-демократы стремились сделать его интернациональным. Армянская социал-демократическая партия “Тнчак” возникла в 1887 г., а Бунд – десятилетием позже. Евреи были среди руководителей большевиков, меньшевиков, эсеров и кадетов. В многотомном исследовании “Общественное движение в России в начале XX века” указывалось, что социал-демократы “искровского” периода вели борьбу с эсерами как партией, стоящей “на бланкистской, заговорщической почве”, но по своему “организационному” типу эсеры ничем от РСДРП не отличались, так как последняя “внешне была более совершенной заговорщической организацией, чем эсеры”.¹⁰⁰ Созданию партий социалистического направления в России способствовали многие обстоятельства, не только евреи и Бунд. Прав К.Н.Тарновский, квалифицировав меньшевизм “как социалистическую партию старого типа”, т.е. партию II Интернационала.¹⁰¹ В такой партии не могло быть национального фанатизма, бланкизма или нечаевщины. Мартов подчеркивал, что громадным преимуществом социал-демократии является интернационализм.¹⁰²

60-80-е годы XX в. известны многими разработками истории первой российской революции, среди которых вид-

ное место заняли вопросы, связанные с ее ленинской концепцией и с утверждением этой концепции в советской историографии. В связи с этим исследователи особое внимание уделяли разоблачению взглядов меньшевиков на историю революции 1905-1907 гг.¹⁰³ Они отмечали, что развертывание исследований по теме происходило под воздействием многотомной “Истории КПСС”, издания биографической хроники жизни и деятельности Ленина, 55-томного собрания его сочинений, завершено в 1965 г.

Второй том “Истории КПСС”, посвященный деятельности партии в 1904-1917 гг., был издан в 1967 г. Это было время перехода от “оттепели” в общественной жизни страны к “стабилизации”, а затем к ресталинизации, к искусственному, силовому укреплению тоталитаризма. В идеологии продолжала господствовать апология ленинизма и “правильности” курса КПСС. Отношение к меньшевикам и Мартову по-прежнему было отрицательным. Мартов, оказывается, был неправ, когда после январских событий 1905 г. писал, что задача социал-демократии – “не столько “организовать” народную революцию, сколько “развязать ее”. Меньшевики же в целом были неправы, когда стремились доказать, будто на политической арене в России в 1905-1907 гг. боролись не три, а два лагеря: самодержавие и буржуазия вместе со всей демократией. Ведь по Ленину тогда было три лагеря: правительственный, либеральный и рабочая демократия, как центр притяжения всей вообще демократии. А.Ю.Чиковани писал об этом весьма туманно: “В основе меньшевистского анализа движущих сил революции лежала глубоко ошибочная теория о двух выступающих в ней политических лагерях. Согласно этой теории, пущенной в оборот самой буржуазией, все классы, участники буржуазной революции, подразделялись на два лагеря: правительственный и революционный”. Кто же автор этого тезиса: буржуазия или меньшевики? Ссылок в названных работах нет. Цитата из Ленина – результат политической полемики, но не доказательство того, как было на самом деле. О.В.Волобуев и В.А.Муравьев в историографическом плане проанализиро-

вали главу краткого курса “Истории ВКП(б)”, которая была озаглавлена: “Меньшевики и большевики в период русско-японской войны и первой русской революции (1904-1907 годы)”. Они выяснили, что в “Кратком курсе” не получило отражения ленинское положение о трех политических лагерях в первой российской революции. А вместо него развивалась теория противостояния двух политических лагерей – рабочего класса и крестьянства, с одной стороны, царизма и буржуазии – с другой.¹⁰⁴

По версии авторов многотомника, меньшевики относили в 1905 г. буржуазию к демократическому лагерю, “Краткий курс” записал буржуазию в союзники царизма, а Ленин видел в ней особый, либеральный лагерь.¹⁰⁵ Вопрос этот требует дальнейшего изучения. Думается, что следует согласиться с выводом С.В.Тютюкина о том, что меньшевики в 1905-1907 гг. наряду с другими политическими партиями внесли свой вклад в разложение самодержавной системы, в процесс демократизации общественно-политической жизни России, в развитие различных форм пролетарских организаций.¹⁰⁶

Биографическая хроника жизни и деятельности Ленина отмечала внимание лидера большевиков к Мартову: он записывал выступления своего оппонента по решениям III съезда РСДРП (май 1905 г.); его доклад о вооруженном восстании (июнь 1905 г.); внимательно читал статьи Мартова и готовил на них резкие ответы (август 1905 г.); цитировал мартовское “Письмо по вопросу о подготовке к избирательной кампании” в статье “Социал-демократия и избирательная кампания” (ноябрь 1906 г.); написал заметку в ответ на фельетон Мартова “Дальше некуда” (март 1907 г.); полемизировал с Мартовым на V съезде РСДРП (май 1907 г.); использовал статью Мартова “Можно ли уклониться? (Письмо в редакцию)”, напечатанную в газете “Товарищ” (24 июня 1907 г.) для написания своей статьи “Против бойкота (Из записок с.-д. публициста)” (июль 1907 г.). Материалы биографической хроники свидетельствовали не только о полемике между лидерами большевиков и меньшевиков в 1905-1907 гг.,

они указывали на выработку тактики вождями фракций в ходе дискуссий и совместных выступлений, когда их позиции сходились. Так, на заседании комиссии по вопросу о милитаризме и международных конфликтах на Штутгартском конгрессе II Интернационала Ленин вместе с Р.Люксембург и Мартовым от имени русской и польской делегаций внес поправки к проекту резолюции, предложенной А. Бебелем (август 1907 г.).¹⁰⁷

Что касается работ о разоблачении Лениным меньшевистской концепции революции 1905-1907 гг., то их авторы имели одну общую позицию – работы Ленина той поры они рассматривали как истину в последней инстанции. Для А.Т.Масловой многотомник “Общественное движение в России в начале XX века” – это “наиболее злобный пасквиль, написанный ликвидаторами в целях фальсификации”. Доказательство – цитата из сочинений Ленина о том, что эта работа – “ликвидаторский пятитомник” оппортунистическая история русской революции. Но Ленин не называл эту работу фальсификацией фактов. Автор статьи нашла возможным сделать это, наверное, только по одной причине: “быть правовернее папы римского”...

Известно, что Мартов никогда не был ликвидатором. Более того, его группа (Аксельрод, Дан, Мартынов) в 1908-1911 гг., объединившись вокруг газеты “Голос социал-демократа”, не призывала ни к отречению от идеи революции, ни к отказу от деятельности социал-демократов в нелегальных условиях. Мартов в то время полагал, что капиталистические отношения в России переживают начальный этап своего развития, потому в борьбе с самодержавием пролетариат может быть союзником демократически настроенной буржуазии. Тактика Ленина на изоляцию либеральной буржуазии в 1905-1907 гг. не принесла успеха. Поэтому поиск новых путей к достижению революционной цели был характерен тогда для лидеров меньшевиков и эсеров. В этом смысле ярлыково-оскорбительной выглядит, на наш взгляд, интерпретация А.Т.Масловой отдельных высказываний Мартова тех лет.¹⁰⁸ Политические обвинения в принципе не могут

считаться научной аргументацией. Ими широко пользовался Ленин в борьбе с оппонентами, но он не видел в большинстве своих статей исторических исследований. Использование А.Т.Масловой публицистических приемов в статье, претендующей на научную, нельзя признать удачным.

К сожалению, мало чем отличается от общей тональности статьи А.Т.Масловой и работа А.Ю.Чиковани “Ленинская концепция первой буржуазно-демократической революции в России (1905-1907)”. Статьи Мартова в ней цитируются по текстам полемических статей Ленина и, естественно, безоговорочно поддерживается точка зрения большевиков. Исследования П.В.Волобуева, К.Н.Тарновского и других еще в 60-е годы показали определенную правоту Мартова, утверждавшего о незрелости российского капитализма. Ленин критиковал Мартова за публикацию в 1910 г. в журнале немецких социал-демократов “Die Neue Zeit” статьи, в которой он писал, что в России союз численно слабого пролетариата с 100 миллионами крестьян, еще не испытавших “воспитательного воздействия капитализма”, еще не побывавших “в школе капиталистической буржуазии”, – дело нереальное. Сравним с выводом К.Н.Тарновского об аграрном строе страны в начале XX века: “Как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйствах преобладал капитализм примитивный, хищнический, с изрядной долей типичного ростовщичества. Такой капитализм, конечно, способствовал социальному расслоению деревни, формированию и росту класса сельскохозяйственных рабочих. Но он не привел и не мог привести к окончательному расколу крестьянства, к устранению его прямой заинтересованности в революционной ломке всего аграрного строя страны”.

А.Ю.Чиковани критиковал Мартова по Ленину за статью в журнале “Возрождение”(1909. № 1-2), в которой тот писал, что “роль гегемона для пролетариата отошла после 17 октября в прошлое” и что основной урок революции 1905 года заключается в том, что “общественный переворот не может завершиться до тех пор, пока дальнейшее развитие буржуазии не сделает ее движущей силой”. Мартов полагал,

что рабочий класс России в той ситуации не мог быть гегемоном революции в силу своей немногочисленности и политической незрелости. П.В.Волобуев подобное говорил применительно и к послефевральским событиям 1917 г.: “захваченный мелкобуржуазным влиянием пролетариат, естественно, не был готов к роли вождя новой революции”.¹⁰⁹ Разумеется, источниковая ограниченность не усиливает аргументацию, но ведь у автора есть право выбора “удобных” и “неудобных” доказательств.

Работы О.В.Волобуева выделялись на фоне “разоблачительной” литературы, по крайней мере, двумя особенностями: во-первых, автор читал труды меньшевиков и вел с ними предметную полемику, а во-вторых, он не занимался приклеиванием “ярлыков”. Идеологическая “удавка” тех лет в виде признания высказываний Ленина непреложной истиной, затронула и его, но использование разнообразных источников, а не только статей Ленина, сделало работы Волобуева более научными и интересными. К сожалению, это общее заключение не всегда относится к анализу им отдельных произведений Мартова. Так, О.В.Волобуев писал о том, что в отличие от меньшевиков В.И.Ленин рассматривал роль каждой политической партии в России конкретно, применительно к фазам развития первой российской революции. Ленин действительно давал классификацию русских политических партий в нескольких статьях.¹¹⁰ Он руководствовался классовым принципом оценки действий противоборствующих партий их вождей и подразделял политические партии России на следующие типы: “1) черносотенцы; 2) октябристы; 3) кадеты; 4) трудовики и 5) социал-демократы”. По Мартову, партии были реакционно-консервативные, умеренно-консервативные, либерально-демократические и революционные. Критерием этого деления было отношение партий к существующей государственной системе и методам ее формирования. О.В.Волобуев согласен с Лениным в квалификации выводов Мартова как “немарксистской классификации партий”.¹¹¹ Иных аргументов, кроме цитаты из Ленина, при этом, конечно, не приводится.

Нечто подобное произошло и с разбором в работах О.В. Волобуева полемики между Мартовым и Каутским о характере и движущих силах революции 1905-1907 гг. в России. Мартов в серии статей ("К.Каутский и русская революция"; "Среди тактических противоречий" и др., изданных в 1907 г. в издательствах "Отклики" и "Отголоски") упрекал Каутского в непонимании демократического характера российской революции, где решающей силой выступал "класс мелких производителей". Каутский отмечал, что "в России нет прочного остова буржуазной демократии". Этот вывод Каутского понравился Ленину, и для Волобуева спор завершился, разумеется, констатацией правильности ленинских указаний.¹¹² Но при этом как-то забывалось, что революция потерпела поражение. Если Ленин и большевики были во всем правы и руководили ее ходом, то почему это произошло и кто ответственен за ее поражение?

В 1905 г. большевики и меньшевики участвовали в вооруженной борьбе с царизмом. Меньшевики были среди восставших на броненосце "Потемкин", сражались в декабрьских боях в Москве, Сормове, на Украине и Закавказье. Отношение к вооруженным выступлениям стало меняться после разгрома декабрьского восстания в Москве. Меньшевики перестали вести подготовку к новому восстанию, раньше большевиков уловив спад революции, тогда как большевики упрямо пытались проводить старую линию.

О.В.Волобуев писал: "Рассмотрим оценку причин поражения декабрьского вооруженного восстания у Ленина и Мартова. По Мартову, "...общественный кризис, являющийся по историческому содержанию буржуазным, может увенчаться победой над старым порядком лишь при условии, что сформируется и в центре движения станет буржуазная демократия". Поэтому ход октябрьских и декабрьских событий "был предопределен". Для В.И.Ленина поражение декабрьского вооруженного восстания явилось следствием не объективных условий, а субъективных причин. Исход декабрьского вооруженного восстания, указывал В.И.Ленин, "не был предопределен", как утверждали меньшевики".¹¹³

Первая цитата взята из комментария Мартова к докладу А.Мартынова на VI съезде РСДРП. Мартынов выступал в апреле 1906 г. и, говоря о недавнем прошлом, подчеркивал, что “революционный эпизод от октября до декабря закончился поражением”, что изображать ход революции “в виде торжественного шествия от победы к победе”, как предлагали большевики, “значит прятать голову в песок”. По его мнению, причиной поражения явилось то, что “в решительный момент у нас не было еще налицо благоприятного соотношения организованных политических сил”. Под этими силами он понимал организованный пролетариат и организованную буржуазную демократию. Мартов лишь более четко сформулировал сказанное Мартыновым.¹¹⁴ Речь шла о том, что в буржуазной революции пролетариат мог революционизировать действия буржуазной демократии, но быть гегемоном революции он не мог. Меньшевики пытались в 1905-1907 гг. активно участвовать во всех формах борьбы против самодержавия. Будучи рабочей партией, они понимали, что не могут быть монопольным руководителем пролетариата, и отдавали себе отчет в том, что рабочие тогда победить не могли. Поэтому им было важно любыми способами расшатать самодержавие, чтобы двинуться к следующему этапу революции, не перескакивая ни через один из них, к чему призывали большевики. Заметим, что точки зрения Мартова и Мартынова придерживался тогда и Ф.А.Череванин, утверждавший, что борьба пролетариата приводила к успеху только в тех случаях, когда получала поддержку либеральной буржуазии.¹¹⁵ Плеханов также полагал, что главной задачей буржуазной революции в России является устранение самодержавия, в чем заинтересованы пролетариат, буржуазия и интеллигенция. Он, как и Мартов, проповедовал тактику соглашения с либеральной буржуазией. Российская либеральная буржуазия была для Плеханова движущей силой революционного процесса.¹¹⁶

Первая российская революция, конечно, отличалась от предшествующих ей революций в мире. В ней в борьбе против царизма объединились многие демократические силы.

На разных ее этапах масштабы антиправительственного движения определяли различные общественные силы, что не меняло в принципе ее буржуазного характера.

Деятельность Мартова в последующее за революцией десятилетие в отечественной историографии изучена недостаточно и также тенденциозно. В многотомной "Истории КПСС" деятельность Мартова в то время называлась "ликвидаторской" и "разрушительной" для партии, хотя она не была ни тем, ни другим. Более того, Крупская сообщала положительное мнение Ленина о Мартове лишь во время их совместной работы в редакции "Социал-демократа" в 1910 г. Ленин рассказывал ей довольным тоном, что "Мартов берет правильную линию, выступает даже против Дана" и что с ним "хорошо работать", он "на редкость талантливый журналист". Осенью 1914 г. Ленин назвал газету Мартова "Голос" лучшей социалистической газетой в Европе: "Чем чаще и сильнее я расходился с Мартовым, тем определеннее я должен сказать, что этот писатель делает теперь именно то, что должен делать социал-демократ. Он критикует свое правительство, он разоблачает свою буржуазию, он ругает своих министров". Мартов и его сторонники в ту пору были против нового раскола РСДРП, что не мешало им резко критиковать большевиков за невыполнение партийных решений, проведении экспроприаций, сохранение фракционной дисциплины и пр.

В многотомнике необъективно говорилось и об участии Мартова в работе январского (1910) Пленума ЦК РСДРП, он назывался в нем не иначе, как "меньшевиком-ликвидатором", выступавшим против предложений Ленина. Деятельность Мартова в редакции "Социал-демократа" оценивалась в томе только негативно, хотя Ленин видел в ней и нечто положительное.

С началом первой мировой войны в среде социал-демократов и лидеров II Интернационала возникли серьезные разногласия. В томе констатировалось, что Мартов "разоблачал царское правительство и русскую буржуазию, критиковал открытых социал-шовинистов", но не выступал про-

тив Каутского. (Заметим, а почему собственно он должен был выступать против Каутского?) В томе цитировались рассуждения Мартова: “Или остаться в положении отщепенцев по отношению к современному обществу, защищающему в каждой стране свое существование перед лицом разразившегося империалистического урагана, или же принять все последствия “национального перемирия” со всеми постыдными компромиссами, со всем позором отречения от тех принципов, за которые до тех пор велась борьба”. Делался и неожиданный, никак не вытекающий из текста приведенной цитаты вывод о “предательстве” правыми социалистами “интересов социализма”.¹¹⁷ Мартов занимал позицию интернационалиста, зовущего к мировой антиимпериалистической революции и демократической революции в России и никак “не предавал интересы социализма”. Эта позиция привела его в сентябре 1915 г. к участию в Циммервальдской международной социалистической конференции, ставшей важным этапом в возрождении интернационального рабочего движения.

Столь же странный характер во втором томе “Истории КПСС” носила и критика статьи Мартова “Война и российский пролетариат” (1915 г.). Известно, что она была прочитана Лениным с “карандашом в руках” и подвергнута критике. Ленин отнесся одобрительно к выводу Мартова о том, что “пока война носит империалистический характер”, перед пролетариатом не может встать задача “защиты отечества”. Но его возмутил призыв Мартова к установлению демократической республики в России во главе с либеральной буржуазией. Авторы тома упрекали Мартова в том, что в статье не упомянуто крестьянство.¹¹⁸ Но, во-первых, Мартов писал о “торжестве общедемократических интересов мелкой буржуазии и крестьянства”, а во-вторых, статья была посвящена не крестьянству, а пролетариату.

В многотомной биографической хронике жизни и деятельности Ленина отмечалась его борьба с Мартовым и Даном (1909-1911) в редакции “Социал-демократа”, полемика Ленина с Мартовым, из которой видно, что Ленин выступал

против публикации статей последнего. Данные хроники свидетельствовали о внимательном чтении Лениным статей Мартова, его участия в дискуссии по докладу Мартова в Берне (1915).¹¹⁹ Составители тома подбирали материалы с целью показать лишь критическое отношение Ленина к Мартову, его “победоносную” борьбу с лидером меньшевизма.

Для С.В.Шестакова, автора историографического исследования о деятельности большевистской партии в годы первой мировой войны и Февральской революции, меньшевики в 1914-1917 гг. не разделялись на “оборонцев”, “интернационалистов”, “центристов”, а были едины как “социалшовинисты”. В книге нет ссылок на меньшевистские работы той поры. Для Шестакова главный источник – работы Ленина. Из них он цитировал наиболее резкие высказывания вождя большевиков в адрес политических оппонентов. Работа С.В.Шестакова крайне тенденциозна.

Монография С.В.Тютюкина об идейной борьбе в рабочем движении России 1914-1917 гг. также основывается на ленинских высказываниях, не подвергающихся сомнению. Но для него меньшевики в годы войны не едины: “Плеханов становится с началом войны ярким оборонцем, ликвидатор Мартов – главным идеологом меньшевиков-интернационалистов, а Коллонтай открыто порывает с меньшевизмом и уходит к большевикам”. Он приводил положительное суждение Ленина о Мартове- редакторе газеты “Голос”, критиковал Мартова за его попытку в годы войны объединить всех интернационалистов и приводил цитаты из работ Мартова (1915) скорее как свидетельство поиска новой тактики, нежели “невольное признание: “В тех шатаниях и колебаниях, которые проявились в начале нынешней войны среди части “ликвидаторов” в России, несомненно сказалась и отрывка тенденций 1909-1911 гг. строить заранее будущее российского пролетариата на исторической победе российской буржуазии в ее попытке через империализм – помимо национальной революции – идти к европеизации России и решению ее внутренних проблем раскрепощения национальных производительных сил”.

С.В.Тютюкин издал книгу в начале 70-х, когда культ Ленина в партийной пропаганде достиг апогея и можно было писать лишь о его “подлинно научных открытиях”. С.В.Тютюкин и писал, что таковым является ленинская теория империализма, не забыв, и это делает ему честь, сообщить, что теорией империализма, по-своему, занимался и Мартов. Он отмечал, что в годы войны Мартов не раз указывал, что капитализм вступил в свою высшую стадию, в основе которой лежали такие экономические явления, как создание мирового хозяйства, преобладание финансового капитала над промышленным и торговым, рост могущества и влияния наиболее консервативных слоев имущих классов. Мартов подчеркивал, что в ходе войны в Европе возникали новые элементы революционного положения, которых не было со времен Парижской Коммуны.

В настоящее время стало ясно, что в видении империализма – кануна социалистической революции – ошибались и Мартов, и Ленин. Выяснилось, что большевики пришли к власти в стране в условиях не нисходящего, а восходящего развития капитализма. Оказалось, что капитализм свою роль еще не сыграл, а индустриальное общество не обязательно должно было стать социалистическим.¹²⁰

С.В.Тютюкин показал, что в отличие от большевиков, ставивших своей основной задачей завоевание политической власти путем превращения империалистической войны в гражданскую, Мартов выдвигал формулу: “Мир во что бы то ни стало” и был против всякой войны. Мартов расходился с большевиками и в вопросе о поражении “своего” правительства как меньшем зле для рабочих каждой воюющей стороны. С.В.Тютюкин, разумеется, защищал в книге большевистскую позицию, но, излагая точку зрения Мартова, указывал и альтернативу. Мартов в серии газетных статей “Против метафизики и идеализма” (1915 г.) признавал, что пролетариат заинтересован в “неуспехе империалистических планов своего правительства”. Однако лозунг поражения, по его мнению, должен был привести к оправданию германских социал-патриотов, ибо “содействие поражению одного

из правительств будет тем самым содействием империалистическим целям враждебных правительств”. С.В.Тютюкин передавал рассуждения Мартова о том, что на первый взгляд лозунги большевиков и меньшевиков мало чем отличаются друг от друга: первые – “панпораженцы” и, значит, никому не желают победы. Вся разница, иронизировал Мартов, перифразируя слова тургеневского героя, состоит только в том, что у большевиков “дважды два тоже четыре, но только бойчее выходит”. Основное различие, по Мартову, заключалось в наличии у большевиков тезиса о поражении царизма как меньшем зле, основанного на вере в то, что “военный разгром нынешней России поведет к взрыву демократической революции, которая вызовет пролетарскую революцию в Европе”. В этом Мартов видел “национальную узость и ограниченность” ленинцев, потому что еще никто не доказал, что “Россия более созрела для буржуазно-демократического переворота, чем Запад – для социалистического”. С.В.Тютюкин рассказал о борьбе Ленина с Мартовым на международных конференциях и в печати, в подстрочнике счел нужным дать эволюцию взглядов Мартова в то время.

В изложении С.В.Тютюкина это выглядит так. В ноябре 1915 г. Мартов еще считал, что гегемоном начинающейся борьбы за власть является торгово-промышленная буржуазия. В апреле 1916 г. Мартов пришел к выводу, что либеральная буржуазия абсолютно неспособна вести решительную борьбу с бюрократией, а к началу 1917 г. ему стало окончательно ясно, что “страна оказалась бы поистине в безнадежном тупике, если бы она связала все свои надежды с тактикой все еще стоящего лицом к царизму и спиной к народу думского блока”. Сразу же после февраля 1917 г. Мартов признал, что “буржуазия задерживает русскую революцию и держит в резерве против пролетариата реакционные элементы”. Он считал, что революция в России не может остановиться на создании буржуазно-империалистического правительства, а должна идти дальше, к правительству мелкобуржуазной и крестьянской демократии (при поддержке пролетариата или даже при участии его в органах власти).

Это правительство должно было, по мысли Мартова, осуществить ряд революционных вторжений в частную собственность, по крайней мере в области дворянского землевладения, аннулировать все государственные долги, дать свободу угнетенным народам России.¹²¹

1917 год стал годом торжества Ленина, а не Мартова. Наверное, поэтому так немного отводится места Мартову в третьем томе “Истории КПСС”, а также в биографической хронике Ленина. В “Истории КПСС” отмечалось, что после февраля 1917 г. функционировала немногочисленная группа меньшевиков-интернационалистов во главе с Мартовым. Их интернационализм был отнесен авторами третьего тома к пацифизму без всяких доказательств. В томе говорилось о приезде Мартова в Россию через Германию вслед за Лениным, о том, что к осени 1917 г. Мартов выступал против коалиции с буржуазией, за создание однородного социалистического правительства. Авторы тома сообщали о требованиях Мартова на II Всероссийском съезде Советов (25 октября 1917 г.) создать единую демократическую власть, о его выступлениях на III и IV съездах Советов (1918), “чернивших советскую власть”. И все. Биографическая хроника Ленина столь же категорична. В ней сообщается о поддержке Лениным плана Мартова проезда через Германию в Россию весной 1917 г., о критике им статей Мартова.

Мартов не был пацифистом, хотя и выступал в той ситуации против мировой и гражданской войн. Вряд ли можно назвать и его выступления на съездах Советов “антисоветскими”. 12 января 1918 г. Мартов выступил на III съезде Советов с требованием соблюдать права человека, не лишать права участия в избирательных кампаниях всех граждан страны. Он подчеркнул, что “методы террора не нужны той партии, которая осуществляет желания большинства против корысти меньшинства”. Он критиковал жесткую, дискриминационную политику властей, которая никак не совмещалась с его понятиями о демократии и социализме. Но Мартов никогда не выступал против Советов как организации рабочей власти. Он предлагал не насаждать всюду на

территории бывшей российской империи советские республики, отстаивая право народов на самоопределение. По его мнению, сложившаяся форма советских организаций была “ниже демократизма во всех отношениях”.

15 марта 1918 г., в первый день заседания IV чрезвычайного съезда Советов, Мартов потребовал, чтобы в мандатной комиссии были представлены все, даже самые малочисленные фракции съезда. Это важно потому, – говорил он, что на “съезде решается вопрос о первом разделе России и продаже русской революции германскому империализму”. Мартов призвал съезд не ратифицировать Брестский договор, потому что текст самого договора неизвестен, а то, что известно – есть раздел России и ее разграбление. Мартова поддержали правые и левые эсеры, анархисты, левые коммунисты, выступившие против утверждения условий договора.¹²² Что касается высказывания Мартова о результатах Брестского мира, то, по существу, он был прав: в результате его реализации Россия теряла треть территории и населения, усиливала свою зависимость от Германии, а надеждам на мировую революцию наносился ощутимый удар.

В 70-80-х годах советская историография отзывалась о Мартове, как правило, отрицательно либо умалчивала о нем вовсе. Он не упоминался ни среди соратников Ленина, ни среди тех, о ком писал Ленин.¹²³

В 70-х годах наиболее крупной работой об Октябрьской революции явилось трехтомное монографическое исследование академика И.И.Минца. И.И.Минц не выходил в оценках деятельности Мартова за пределы ленинских характеристик и выводов многотомника по истории КПСС. Конечно, были и различия: И.И.Минц использовал более широкий круг “нужных” для доказательства источников, в том числе и отличных от канонически-официозных, например, воспоминания Н.Н.Суханова.

Апологетическое отношение к высказываниям Ленина приводило исследователей к странной критике его оппонентов. В годы первой мировой войны Ленин неодобрительно отзывался о К.Каутском. Авторы многотомника “Ис-

тории КПСС” ставили в вину Мартову, что в этом плане он не последовал за Лениным. В этом же упрекал Мартова и И.И.Минц. Единомыслие, свойственное ленинцам и воспитанникам советской системы, таким образом, экстраполировалось на всех, кто был “в чем-то против” и не делал “как все”. У Минца это звучало так: Мартов “выступал с разоблачением царского правительства, “своей” буржуазии, критиковал открытых социал-шовинистов, критиковал Плеханова за то, что тот “именем Маркса... затыкает все трещины, образовавшиеся в официальном мирозерцании социалистического Интернационала”. Ленин с удовлетворением отмечал это. Но Мартов не рискнул объявить войну всему международному оппортунизму, а тем более выступить против Каутского, идеолога центризма”. Мартову не нужно было “рисковать” и объявлять “войну” своим коллегам по Интернационалу. Он хотел их понять, так как социалистическое движение в связи с войной оказалось в необычайно сложном положении. Мартов был интернационалистом и убежденно формулировал в 1916 г.: “Социал-демократия будет решительно и последовательно интернационалистской в своем мышлении и в своей политике, или сойдет бесславно с исторической сцены” и что “основное империалистическое содержание войны делает ее для каждой стороны актом подлинной борьбы за существование”.

Столь же “странным” выглядел и другой упрек Минца Мартову вслед за авторами “Истории КПСС”. “Ю.Мартов, – писал он, – тоже прикрывавшийся личиной интернационалиста, доказывал, что гегемоном грядущей революции является торгово-промышленная буржуазия, и выдвигал в качестве главного лозунга созыв Учредительного собрания. Мы говорим о позиции, которую занимал Мартов, вовсе не для полноты меньшевистского “букета”, а потому что она вскрывает корни будущей поддержки меньшевиками буржуазного Временного правительства”. Далее следовал силлогизм о том, что если бы в России, по Мартову, победила бы буржуазная республика, то война не перестала бы быть империалистической.¹²⁴ Но разве тогда большевики были против со-

зыка Учредительного собрания? И какой характер носила война после того, как большевики пришли к власти, вплоть до заключения Брестского мира, т.е. до марта 1918 г.? В связи с утверждением Минца возникали и другие вопросы. В том числе и такой. Весной 1917 г. меньшевики продолжали оставаться рабочей партией, ее лидеры – марксистами, они стали самой многочисленной политической партией России – не менее 100 тысяч членов, в то время как большевиков было не более 50 тыс., а рост эсеровской партии пришелся на лето 1917 г. Если Мартов и другие лидеры меньшевизма все время ошибались, почему же за ними пошли рабочие и интеллигенция?

Что же касается позиции Мартова по вопросу о войне, то она была достаточно четкой: 1. Война является империалистической по своим причинам и характеру; 2. Социалисты не должны принимать в ней участия даже под лозунгом обороны; 3. Европейское социалистическое движение должно оказывать давление на правительства всех воюющих стран, требуя от них заключения всеобщего справедливого мира.¹²⁵

В этой связи Минц упрекал Мартова в том, что в критике “оборонцев” он не шел “дальше обычных пацифистских заявлений, так как не связывал вопрос о борьбе за мир с задачами свержения капитализма”.¹²⁶ Но разве борьба за мир – это задача только для пацифистов? Мартов еще в 1905 г. считал русскую буржуазию неспособной без революции сменить “диктатуру помещиков” и полагал, что пролетариат одинок в своем стремлении к демократическим свободам в России.¹²⁷ В годы первой мировой войны Мартов стоял на интернационалистских, антиоборонческих позициях. Он не принял ленинского лозунга поражения “своего” правительства и был против раскола социалистического движения. Мартов был и против ленинского плана форсированного перехода к социалистической революции, но всячески приветствовал свержение самодержавия в России.

Позиция Мартова после приезда в Россию 9 мая 1917 г. была особой, отличной от призывов и действий многих его

коллег по партии. Рассуждения руководства меньшевистской партии (Ф.И.Дан, И.Г.Церетели, Н.С.Чхеидзе и др.) весной 1917 г. сводились к тому, что в России свершилась буржуазная революция, а потому нужно заключить соглашение с буржуазией и войти в состав коалиционного правительства с тем, чтобы вынудить буржуазию учитывать интересы пролетариата. Чуть позже выяснилось, что этот путь оказался для меньшевиков ошибочным и тупиковым, так как альянса с буржуазией не произошло: ведь она и ее партии оказались неспособными пойти на серьезные социальные уступки трудящимся, конструктивно ответить на их требования начать переговоры о прекращении войны, дать крестьянам землю и т.д. Войдя в состав Временного правительства, меньшевики стали проводить непопулярную тактику “революционного оборончества”.

Мартов был против такой тактики и считал участие меньшевиков в работе Временного правительства “немыслимым”. Но он не был услышан своими товарищами, дорвавшись до власти и не желавшими понять, что буржуазия не будет “завершать” демократическую революцию, а они лишатся поддержки рабочих. После июльских событий 1917 г. Мартов еще раз отверг возможность участия меньшевиков в коалиционном Временном правительстве и передачи власти Советам по следующим теоретическим соображениям: социалисты не должны брать политическую власть в условиях, когда страна не готова к социалистическим преобразованиям. Мартов призывал создать чисто демократическое правительство под руководством Совета с целью проведения целого ряда реформ: заключения перемирия и демократизации армии; чистки правительственных учреждений от контрреволюционеров; проведения аграрной реформы, вплоть до конфискации и раздела крупных земельных владений, но при условии одобрения этих мер будущим Учредительным собранием. Он предлагал важные экономические преобразования: налоговые меры, планирование и регулирование экономики, конфискацию предприятий, закрываемых владельцами. Это была программа “однородного социа-

листического правительства”, создание которого стало политическим кредо для Мартова и его единомышленников во второй половине 1917 г.¹²⁸

Мартов расходился во взглядах на происходящее и будущее развитие революции в России со многими коллегами по партии. Он был несогласен и с Лениным по основным принципиальным вопросам. В то время Ленин считал, что единственным средством скорейшего прекращения войны и осуществления социалистической революции может быть лишь гражданская война мирового пролетариата против империализма. Россия, по его мнению, была наиболее слабым звеном в цепи мирового империализма, поэтому в ней и должен был начаться процесс международной гражданской войны. Таким образом, Ленин предлагал силовое решение всех проблем. Для Мартова этот сценарий был крайне нежелателен. Он полагал, что предложение Ленина воспринималось как пораженческое и потому затрудняло объединение всех антивоенных сил в странах, вовлеченных в мировой конфликт, а это не способствовало окончанию войны. Мировая гражданская война наверняка разрушила бы цивилизацию и уничтожила массу мирного населения. Мартов был за мир без аннексий и контрибуций, за переход к социалистической революции без гражданской войны.¹²⁹ Осенью 1917 г. Мартов предложил альтернативу – “однородное социалистическое правительство” вместо предлагаемого Лениным советского правительства под эгидой большевиков.

В своем исследовании И.И. Минц писал об особой позиции Мартова, отличавшейся от позиции других меньшевистских лидеров. Он цитировал отрывок из выступления Мартова на заседании ЦИК Советов после июльских событий 1917 г. в Петрограде, когда большевики открыто обвинялись в государственной измене и сотрудничестве с немецкой разведкой. На заседании ЦИК обсуждался вопрос об их исключении из этого учреждения. Мартов был против: “Исключая товарищей большевиков, вы исключаете из рядов демократии часть того рабочего класса, который идет за ними”. Но идеологические установки 70-х годов XX в. требовали ут-

верждения правильности политики большевиков и Ленина, резкой критики их противников. И.И.Минц, как и другие историки-профессионалы, оказался в сложном положении, когда нужно было так селекционировать факты, чтобы они были только “за” Ленина и “против” его оппонентов. Отсюда стремление И.И.Минца и других советских историков рассматривать деятельность Мартова вкуче с другими меньшевиками, которые есть “оборонцы” и “соглашатели”. В книгах И.И.Минца таких примеров более, чем достаточно. Вот один из них.

И.И.Минц, характеризуя позицию Мартова после июльских событий 1917 г., говорил о его предложении сформировать правительство “революционной демократии”. И тут же “неожиданный вывод” о том, что “предложение Мартова о переходе власти к Советам означало только то, что большинство Временного правительства должны были составлять меньшевики и эсеры. Что касается самой идеи коалиции с буржуазией, то даже самые левые из меньшевиков не подвергали ее сомнению”. Мартов последовательно выступал против коалиции с буржуазией, он был за “однородное социалистическое правительство”, но не утверждал, что большинство в нем должны составлять меньшевики и эсеры. Явная тенденциозность в трактовке фактов использовалась И.И.Минцем для иллюстрации того, что и Мартов был, “как все меньшевики”.

С подобной же тенденцией И.И.Минц характеризовал выступление Мартова на II Всероссийском съезде Советов 25 октября 1917 г. В его интерпретации Мартов обвинял большевиков в организации “военного заговора”, призывал съезд к мирному решению кризиса “для создания власти, которая была бы признана всей демократией”. Мартов предлагал также создать делегацию для переговоров с другими социалистическими организациями, дабы “прекратить начавшееся столкновение”. Его предложения были поддержаны большевиком А.В.Луначарским и левым эсером С.Д.Мстиславским. Делегаты съезда проголосовали за них единогласно. Предложения Мартова Минц комментировал так: “Хотя

реализация предложения Мартова таила в себе риск того, что контрреволюция воспользуется отсрочкой в своих целях, большевики настолько верили в силу победившей революции, что согласились в интересах сотрудничества с левыми течениями соглашательских партий на предложенный компромисс". Дальше события развивались не по плану, предложенному Мартовым, но в этом был виноват не он, а те, кто тут же отказался от "единогласного голосования". Сама мысль, что необычайно щепетильный в вопросах морали Мартов мог действовать в интересах "контрреволюции", не имеет под собой никаких оснований.

И.И.Минц подчеркивал, что и уйдя с заседаний II съезда Советов, Мартов предлагал создать правительство, опирающееся не только на Советы, но и на "учреждения, вышедшие из всеобщего избирательного права", т.е. прежде всего на городские самоуправления.¹³⁰ Мартов был среди тех, кто пытался предотвратить начинавшуюся гражданскую войну в стране. Его не хотели понять ни Керенский, ни Корнилов, ни Ленин. Для них важнее всего была власть, для Мартова – невозможность ее утверждения при помощи гражданской войны. 30 декабря 1917 г. Мартов писал Н.С.Кристи, объясняя свою позицию: "Дело не только в глубокой уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно-отсталой стране – бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей помириться с тем аракачевским пониманием социализма и пугачевским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, самым тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве... Для меня социализм всегда был не отрицанием индивидуальной свободы и индивидуальности, а, напротив, высшим их воплощением..."¹³¹ И.И.Минц критиковал позицию Мартова и относился к нему по-ленински, уничижительно за то, что он был против всякой жестокости и не мог подняться до уровня "все сметающей на своем пути" большевистской революции.

Немногим отличались от характеристик Мартова, данных в многотомной "Истории КПСС" и книгах И.И.Минца,

и другие исследования той поры. Х.М.Астрахан писал о том, что Мартов в 1917 г. хотел установить в стране при помощи Учредительного собрания “мелкобуржуазную власть”. Но не будем забывать, что борцом за социализм, по мнению Мартова, оставался “только пролетариат”. Задачу меньшевиков Мартов видел в “организации революционного давления мелкобуржуазной демократии на буржуазную власть” с целью проведения демократических преобразований внутри страны и достижения мира. Х.М.Астрахан подчеркивал, что Мартов был противником раскола среди меньшевиков. В связи с этим обвинение Мартова в беспринципности лишено оснований. Напротив, Мартов принципиально выступал за единство всего социалистического движения в стране и предполагал, что в “однородное социалистическое правительство” войдут представители всех направлений, в том числе и большевики. Л.М.Спирин обращал внимание на существовавшие в 1917 г. объединительные тенденции: переход межрайонцев к большевикам и предложение ЦК большевиков к сторонникам Мартова об объединении, если последние порвут с оборонцами. Но Мартов ни с кем порывать не хотел. От имени фракции меньшевиков-интернационалистов Мартов и И.С.Астров обратились к VI съезду большевистской партии с приветствием, в котором, отмечая разногласия, выражали солидарность в борьбе против коалиции и протест против преследования большевиков как одной из фракций РСДРП.¹³²

В 1963-1987 гг. было опубликовано 5 монографий и 25 статей, посвященных российским меньшевикам. Среди них – традиционные исследования о борьбе большевиков с непролетарскими партиями и те работы, в которых объектом изучения стали сами непролетарские партии.¹³³ Это деление в значительной степени условно, так как меньшевики не были “непролетарской” партией, да и работы, посвященные им, сообщали в основном об их крахе в результате победы большевиков. Показательны в этом плане книга Н.В.Рубана и коллективная работа о непролетарских партиях страны.¹³⁴

По Н.В.Рубану, Мартов критиковал российских “обо-

ронцев” с “пацифистских позиций”, стремился занять в 1917 г. место где-то посредине между “революционными оборонцами и большевиками; ругал первых,.. с еще большей силой обрушивался на большевиков, на Ленина”, был “оппортунистом”. Позиция Н.В.Рубана была частью тогдашней идеологической модели: победители во всем и всегда правы. Мартов был, по Н.В.Рубану, вместе с “соглашателями”, которые потерпели поражение и уже потому были неправы. Х.М.Астрахан, автор раздела о меньшевиках в 1917 г. в коллективном исследовании о непролетарских партиях, писал о них как о партии, “изменившей демократии и социализму”. Для него Мартов, “подобно другим меньшевистским деятелям, признавал власть буржуазии единственно возможной для России перспективой”. Непонятным при этом оставалось противоречие – предложение Мартова о создании “однородного социалистического правительства”, которое исключало из него все буржуазные партии. Как же буржуазия могла править, если бы, по Мартову она не имела своих представителей в правительстве? Х.М.Астрахан вменял Мартову в вину то, что он “революционной фразеологией пытался сдерживать переход к большевикам быстро левевшие рабочие массы”, что все меньшевики отрицательно отнеслись к победе большевиков в октябре 1917 г. В.И.Миллер, автор раздела о послеоктябрьской истории меньшевизма, в этой же книге исправлял своего коллегу цитатой Мартова из “Рабочей газеты” (26 октября 1917 г.). Мартов писал: “...несомненно, среди членов ЦИК нет ни одного, который бы отрицал право пролетариата на восстание. Но в настоящий момент условия этому не благоприятствуют. И хотя меньшевики-интернационалисты не противятся переходу власти в руки демократии, но они высказываются решительно против тех методов, которыми большевики стремятся к власти”¹³⁵.

Многие советские историки той поры вели изучение проблемы в двухцветном измерении: или за красных, или за белых. Если кто-то был не полностью за красных, его причисляли к белым. Главным был вопрос: за Ленина и больше-

виков, или против, каково отношение не столько к социализму, сколько к его немедленному воплощению опять-таки по-ленински. Согласно программе РСДРП, принятой на II съезде партии в 1903 г., предполагалось, что после свержения царского самодержавия сначала будет демократическая республика и только потом начнется постепенный переход к социалистической республике. За это тогда были и Ленин, и Плеханов, и Мартов. На большевистской конференции в апреле 1917 г. Ленин предложил сразу перейти к социалистической республике, минуя демократическую. В этом было основное расхождение между Лениным и Мартовым. Ориентация Лениным партии на захват власти мирным путем через завоевание большинства в Советах, либо вооруженным путем и вызвала неприятие Мартова, полагавшего, что социалисты всех направлений, и не только большевистского, должны участвовать в социалистической революции, без насилия и террора одних по отношению к другим. Но такой демократический подход к решению проблемы расценивался как враждебный по отношению к большевикам.

Конец социалистических партий в стране, провозгласившей себя социалистической, нашел наиболее полное для тех лет изложение в коллективной работе о непролетарских партиях и книге П.А.Подболотова и Л.М.Спирина о крахе меньшевизма в Советской России.¹³⁶

В разделах книги о непролетарских партиях в России, посвященных меньшевизму после октября 1917 г., имя Мартова встречается лишь как имя человека, “клеветнически” обвинявшего советское правительство в нарушении Конституции РСФСР (декабрь 1919 г.), а затем эмигрировавшего в связи с отказом принять большевистскую программу. Мартов и не мог принять такую программу, которую в письме Н.С.Кристи (30 декабря 1917 г.) характеризовал так: “Здесь же расцветает такой “окопно-казарменный” квази-социализм, основанный на всестороннем “опрощении” всей жизни, на культе даже не “мозолистого кулака”, а просто кулака, что чувствуешь себя как будто бы виноватым перед всяким культурным буржуа... Мы идем – через анархию – несомнен-

но к какому-нибудь цезаризму, основанному на потере всем народом веры в способность самоуправляться”¹³⁷.

Мартов пытался сопротивляться как мог нарождавшемуся тоталитарному режиму. В конце марта – апреле 1918 г. Мартов выступил в защиту действий грузинских меньшевиков и обвинил Сталина, инициатора нападков на них, в организации в свое время разбойных экспроприаций, повлекших за собой исключение его из рядов РСДРП. Сталин подал заявление в Ревтрибунал, обвиняя Мартова в “клевете” и требуя привлечь его к ответственности. Но Ревтрибунал нашел “дело по обвинению Мартова в клевете неподсудным Революционному трибуналу и постановил жалобу гражданина Сталина оставить без дальнейшего рассмотрения”.¹³⁸ В июне 1918 г. Мартов написал брошюру “Долой смертную казнь”, в которой обличались большевики: “Как только стали они у власти, с первого же дня, объявив об отмене смертной казни, они начали убивать... Политический террор, введенный с октября большевиками, насытил кровавыми испарениями воздух русских полей. Гражданская война все больше ожесточается, все больше дичают в ней и звереют люди, все более забываются великие заветы истинной человечности, которым всегда учил социализм”. Мартов выступал на заседаниях ВЦИК, требуя давать слово оппозиционным фракциям, он был против создания армии, “отделенной от народа”, в присяге которой нет указаний “не выполнять приказаний командира, идущих против основ свободы и вольности гражданина или против существа самой республики”.

29 апреля 1918 г. Мартов полемизировал с Лениным на заседании ВЦИК. Ленин говорил об основных идеях статьи “Очередные задачи Советской власти”. Он подчеркивал единство антибольшевистского фронта “от Милюкова до Мартова”, колебания левых эсеров, резко критиковал позицию левых коммунистов по вопросам внутренней и внешней политики правительства. Мартов выступил от фракции меньшевиков. По мнению Мартова, прозвучавшая из уст Ленина критика в адрес Бухарина и Радека, была не борьбой с “какой-то левее его стоящей группой, – это внутренняя борь-

ба двух душ, из которых состоит современный большевизм, Это внутренняя борьба между утопистом Дон-Кихотом и трезвым кулакообразным Санчо-Панса”.

Мартов подчеркивал, что за периодом разрушения после всякой революции должен идти период созидания. Ленин прав в том, что социализм невозможен без учета и контроля. Но ввести их в российских условиях того времени было невозможно. “Когда мы с гражданином Лениным были марксистами в одинаковом смысле этого слова, тогда гражданин Ленин это понимал.” Мартов аргументировал: дисциплинарные меры методом диктатуры насадить трудно. Он говорил, ссылаясь на опыт истории, что “когда до диктатуры известный класс, взявший власть, еще не созрел, он оказывается неспособным выполнять эту власть или легко передает ее диктатору, но этот диктатор, в силу того, что создается объективное направление, именно в силу этого, – этот диктатор становится проводником классовых интересов не того класса, который выдвинул его, а другого, противоположного класса.” Мартов делал вывод: “Всякая диктатура, в этих условиях созданная, превратится в диктатуру контрреволюции, ликвидирующую все завоевания демократической революции”. Мартов вспомнил закон древней Греции, по которому из страны высылались те, кто говорил о личной диктатуре. “Опыт истории показал, – заключал он, – что никакими мерами тут не поможешь, но высылать из пределов, как было в Афинской республике, я бы посоветовал всех, и левых, и правых коммунистов”.

Мартов не раз выступал как член ВЦИК на его заседаниях, протестуя против закрытия оппозиционным властям газет, против бюрократической централизации продовольственного дела. На заседании ВЦИК 14 июня 1918 г. он решительно отверг домыслы сотрудника “Правды” Л.С.Сосновского о причастности меньшевиков к выступлению Чехословацкого корпуса. “Ложь, гнусная ложь, будто хоть один член нашей партии приложил к погромам Советов свою руку”, – повторял Мартов. Именно в этот день изгнания меньшевиков и правых эсеров из ВЦИК Мартов изложил четко и

ясно свое кредо социал-демократа, резко отличающееся от большевистской морали. Он вспомнил июльские дни 1917 г., когда выступал против преследования большевиков. “Мы исполняли свой долг и будем его исполнять и тогда, когда вас, вешателей сегодняшнего дня, будут преследовать ваши враги... Наш старый девиз, с которым мы вступили в первые ряды русского пролетариата,.. остается прежним. Ничего с нами не поделаешь. Вы можете нас брать заложниками, и мы предупреждаем, что мы не только не готовим вооруженного восстания, но ходим невооруженными,.. и.. эти ваши наемные люди могут каждую минуту, в любой момент убить каждого из нас... Мы идем одним путем, – путем организации рабочих масс... Мы счастливы констатировать, что нет места вокруг Москвы и на всем пространстве Великороссии, где бы большевистский демагог мог свободно выступить на свободном рабочем собрании, где бы ему не предъявили счета в том зле и унижении, которое ваше правительство принесло рабочему классу. После каждого из нас восстанут тысячи, и горе вам!”¹³⁹

Можно лишь сожалеть, что из книг советских авторов выпала начальная история советского парламентаризма, когда силой и страхом начали устанавливать единомыслие, угодное властям. Выпали теоретические и практические рекомендации Мартова и других российских социалистов, их прогнозы. Остались лишь весьма обедненное представление о социалистической мысли той поры и “победоносная” борьба большевиков и Ленина с оппозицией, а также апология победителей.

Книга П.А.Подболотова и Л.М.Спирина о послеоктябрьской истории меньшевизма в Советской России написана также с ленинских позиций. Но ее достоинством является использование источников, позволяющих уяснить мнение Мартова по отдельным вопросам и выяснить реакцию Ленина на них. Авторы сообщали, что Мартов в сентябре-декабре 1917 г. редактировал газету своей фракции “Искра”, и когда Ленин узнал о выходе в июле 1918 г. в Берлине статьи Мартова “Маркс и проблема диктатуры пролетариата”, то

потребовал от полпреда А.А.Иоффе: “Такие вещи надо посылать тотчас”. Авторы, по Ленину, подчеркивали необходимость диктатуры пролетариата, но тут же передавали сомнения Мартова, высказанные им в статьях 1918-1919 гг., о том, что Советы стали для рабочих мнимым всевластием и поэтому от них следует отказаться, что существующая диктатура не приведет к социализму, а “объективно явится тем хирургическим ножом, при помощи которого история... извлекает из недр старой сословной монархии современное буржуазное общество”. Они показали, как Ленин защищал и оправдывал политику красного террора и как Мартов последовательно выступал против него.

Авторы книги убеждали читателя в правильности высказываний Ленина, но в настоящее время ясно, что во многом оправдались прогнозы Мартова (как он и предполагал, Советы стали прикрытием диктатуры большевиков в парткратическом государстве, хлебная монополия и продразверстка не обеспечили население продовольствием, красный террор привел к гибели тысяч невинных людей и т.д.). Авторы сообщали о докладе Мартова на апрельском (1920 г.) совещании меньшевиков “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии”. Они пересказали суть доклада Мартова, отметившего, что власть рабочих возможна лишь в развитых странах с достаточной численностью и организованностью пролетариата. В других странах, по мнению Мартова, после победы революции неизбежен был раздел власти между пролетариатом и мелкой буржуазией, особенно “мелким самостоятельным и полусамостоятельным крестьянством”. Авторы делали вывод, что Мартов отвергал возможность существования диктатуры пролетариата в России. И он действительно отвергал это. Но свой вывод Мартов как-то аргументировал, а авторы ограничились указанием на высказывания Ленина. Деятельность Мартова в эмиграции оценивалась, также по Ленину, как “антисоветская” и “клеветническая”.¹⁴⁰

Работы, написанные профессиональными историками, свидетельствовали о том, что проблема исследования дея-

тельности Мартова и истории российского меньшевизма упиралась в необходимость отказа от канонизации Ленина, пересмотра его концепции о насилии и диктатуре. Ведь, по существу, научная критика кончалась там, где начиналась биография Ленина и история КПСС. Если историк встречал противоречие между позициями Ленина и Мартова, РКП(б) и РСДРП, то он тут же был вынужден без особой аргументации и размышлений признать правоту первых и ошибочность вторых. С 1991 г. ситуация изменилась: КПСС перестала быть правящей партией в стране, появилась возможность источниковой критики ранее “освященных” партийных документов, в том числе и ленинских текстов. С.В.Тютюкин в книге, опубликованной в 1991 г., писал о том, что уходят в прошлое времена, когда меньшевики автоматически отлучались от марксизма, революции и рабочего класса, что “необходим более гибкий и трезвый подход к большевизму и меньшевизму, ибо у каждого из них были свои сильные и слабые стороны, свои достижения и ошибки”.¹⁴¹

Можно ли отказаться от стереотипов?

Историков в попытке создать хотя бы неокарикатуренный образ Мартова опередили писатели и журналисты. Э.Казакевич и В.Костиков хотели понять взаимоотношения бывших друзей – Ленина и Мартова, ставших затем на исходе жизни врагами. Рассказ “Враги” Э.Казакевич опубликовал в “Известиях” еще в 1962 г. и точно передал основную мысль: Мартов не смог бы уехать за границу в сентябре 1920 г. без разрешения Ленина. В то время меньшевистский ЦК обратился в Коминтерн и Совнарком с просьбой направить двух своих представителей на съезд Независимой социалистической партии Германии в город Галле. ЦК РКП(б) рассмотрел “Письмо ЦК РСДРП в Совет Народных Комиссаров о разрешении выехать за границу Ю.О.Мартову и Р.А.Абрамовичу”. Решили: “Ходатайство ЦК РСДРП – удовлетворить”. Ленин позже говорил: “...мы охотно пустили Мартова за границу”. Э.Казакевич опирался на воспоминания старой большевички С.С.Штерн-Михайловой, передавшей Мартову предложение Ленина уехать из России. Отсюда легенда о гуманном поступке прежнего друга. Отчасти эту версию в мемуарах повторял и Р.А. Абрамович, когда писал, что вопрос о выдаче им паспортов вызвал в ЦК РКП(б) разногласия. “Многие члены ЦК настаивали на том, что Мартов со своими большими интернациональными связями может наделать Коминтерну много хлопот за границей. Но другие, и в особенности Ленин, настаивали на том, что выгоднее Мартова выпустить за границу для того, чтобы отделаться от него в самой Москве. Некоторые видные большевики потом передавали, что в сущности большинство ЦК было против выдачи паспортов. Но позиция Ленина была истолкована так, что жалея старого друга Мартова, которого он не переставал лю-

бить, он хочет дать ему возможность уйти от неизбежной тюрьмы и ссылки”.

В.Костиков противопоставил жестокость Ленина и “революционера с незапятнанной совестью и руками, социал-демократа самой чистой пробы – Юлия Осиповича Мартова” и тут же был подвергнут разнузданной критике, сводящейся к старому советско-большевистскому окрику: “Не смей трогать Ленина!”. Никакой научной аргументации обвинения критиков не содержали.¹⁴²

В начале 80-х годов XX в. ЦК КПСС решил начать подготовку шестого издания собрания сочинений Ленина. Предполагалось опубликовать примерно 70 томов, а также 10 томов воспоминаний. Среди последних вышли в усеченном виде тенденциозно подобранные воспоминания оппонентов Ленина – Мартова, Валентинова, Каутского и других, а также речи соратников вождя, произнесенные по случаю его 50-летия. Из работ Мартова были опубликованы: небольшой отрывок из “Записок социал-демократа” и выступление на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. М.С.Ольминский в юбилейном приветствии вождю (апрель 1920 г.) был весьма самокритичен, заявив: “Все мы, интеллигенты, действительно хлюпки, кроме товарища Ленина и некоторых других”.¹⁴³ Сподвижники Ленина оценивали жестокость и нетерпимость вождя как высшую доблесть, способную обеспечить победу, которая оправдывала примененные для этого самые неразборчивые средства.

В обстановке жестких идеологических установок, исключая критику документов, исходящих от Ленина и большевистского руководства, проблема изучения социал-демократического наследия в России не считалась актуальной. Мартов, как один из признанных лидеров социал-демократического движения, его деятельность и литературное наследие не являлись предметом исследования сами по себе, а только в “связке” с Лениным и другими большевистскими вождями. Об этом подробнее других писал Д.А.Волкогонов в книгах о Сталине, Троцком и Ленине, касаясь их взаимоотношений с Мартовым.

Рассмотрим лишь два вопроса, поставленных Д.А.Волкогоновым: 1) насколько обоснована поддерживаемая им традиционная версия, согласно которой Мартов был “хороший человек”, но “плохой политик”? 2) если Мартов был таким, как о нем высказывались в пору своего политического триумфа Ленин и Троцкий, то в чем они ему завидовали, поскольку их оценки содержали и элемент самоутверждения? На первый вопрос Д.А.Волкогонов в разное время отвечал неоднозначно, и с ним не всегда можно согласиться, второй – лишь ставится в его книгах.

Характеристики Мартова, данные Д.А.Волкогоновым, достаточно известны. В 1989 г. он писал о Мартове: “Пожалуй, он был певцом философского импрессионизма, испытывавший удовольствие от бесконечной перемены своих взглядов, колебаний, сомнений. Это был тот случай, когда утонченность личной культуры не опиралась на прочные, мировоззренческие устои”. Д.А.Волкогонов писал о том, что Мартов остался на “задворках революции”, и соглашался с утверждением Троцкого, что Мартов олицетворял “волю безволия, упорство нерешительности”. В 1992 г. он повторил это в книге о Троцком. Правда, заметил, что политические оценки Троцкого часто оскорбительны. “Для него Мартов, Суханов, Абрамович, любой другой политический оппонент – лишь один из “артистов” исторической сцены, на которой каждый играет свою роль. И он – тоже”. В 1994 г. в книге о Ленине Д.А.Волкогонов назвал Мартова “наивным романтиком, одержимым мыслью привить социалистическим программам и практике демократические ценности”, “российским Дон Кихотом”. Но он, наконец, увидел, что “судьба отношений Мартова и Ленина – это судьба двух концепций революционного развития в России: гуманной – демократической и силовой – тоталитарной”, что склонный к компромиссам Мартов был непреклонен, когда дело касалось нравственных принципов, отсутствия гуманистических начал в ленинском плане социалистического строительства в России. И тут же неожиданно замечал: “У Мартова были аргументы нравственные, у Ленина – аргументы полити-

ческого прагматизма”. Д.А.Волкогонов подметил и главное различие: Мартов и другие интеллигенты-социалисты хотели добиться достойной жизни человека без применения насилия, с использованием мирового демократического опыта. Ленин думал не о человеке, а о “массе”, для которой хотел создать “конструкцию коммунистической жизни”, рожденную в его сознании.¹⁴⁴

Д.А.Волкогонов давал в своих книгах разные характеристики Мартову. И это естественно, ибо знакомство с новыми документами изменяло старые оценки. Вначале он говорил о “непрочных мировоззренческих устоях” Мартова, через пять лет отмечал его “непреклонность” в принципиальных вопросах, что ближе к истине. Мартов не был “наивным романтиком”, его аргументы против многих ленинских установок носили не только “нравственный характер”, у него были необычайно прочные мировоззренческие устои. Как политик, в связи с новыми обстоятельствами, он менял устаревшие тактические лозунги и установки, колебался, думал, прежде чем формулировать новые. Такое происходило и с другими политиками, Только для Ленина подобное объяснялось в советской историографии “творческим развитием марксизма”, а для Мартова – “беспринципностью”. Мартов был необычайно цельной личностью. Д.А.Волкогонов отмечал, что в конце прошлого века, попав в ссылку в Шушенское, Ленин счел нормальным “ввиду слабости здоровья” выпросить себе место поприятнее. Мартов полагал, что революционер не может просить снисхождения у властей, с которыми борется, и писать подобное отказался. А.И.Ульянова-Елизарова вспоминала, что ссылка для Ленина протекала в сравнительно благоприятных условиях. Чтобы не писать о “прошении” брата, она выдвинула свою версию: “В худшие условия попал – очевидно как еврей – Ю.О.Цедербаум (позднее Мартов). Он был сослан в самый северный пункт, в Туруханск, отделенный непроходимыми топями и болотами, и был на все время ссылки отрезан от товарищей.” Мартов и позже не мог понять Ленина. Когда в 1918 г. начались расстрелы Мартов возмущенно говорил друзьям:

“Он подписывает смертный приговор, ложится спать и спокойно спит до утра”. Подобного для себя Мартов не представлял. Октябрь 1917 г. стал для него катастрофой. Он не знал, что делать, так как быть в оппозиции рабочему движению не мог. 19 ноября 1917 г. в письме П.Б.Аксельроду Мартов писал: “...настал момент, когда нашему брату, марксисту, совесть не позволяет сделать то, что, казалось бы, для него обязательно: быть с пролетариатом даже когда он ошибается. После мучительных колебаний и сомнений я решил, что в создавшейся ситуации на время “умыть руки” и отойти в сторону более правильный исход, чем оставаться в роли оппозиции в том лагере, где Ленин и Троцкий вершат судьбы революции.

Вот положение. Оно трагично. Поймите, что все-таки перед нами победившее восстание пролетариата, то есть почти весь пролетариат стоит за Лениным и ждет от переворота социального освобождения и притом понимает, что он вызвал на бой все антипролетарские силы. При этих условиях не быть, хотя бы в роли оппозиции, в рядах пролетариата – почти нетерпимо. Но демагогические формы, в которые облечен режим и преторианская подкладка господства Ленина не дают смелости идти туда, особенно в этот период, когда власть новая еще не утвердилась и, борясь с пассивным сопротивлением общественного организма, прибегает к насилиям всякого рода...

Самочувствие наше, как можете догадываться, весьма плохо. Присутствуешь при разгроме революции и чувствуешь себя беспомощным что-нибудь сделать”.¹⁴⁵ Не являются ли эти высказывания, – а их можно продолжить – свидетельством стойкой мировоззренческой позиции Мартова?

Мартов не был вождем-диктатором, который брали за образец историки тоталитарного общества. Он был лидером-интеллектуалом западного социал-демократического типа, с которым можно спорить и обсуждать различные вопросы, не боясь поплатиться за несогласие. Мартов, как и Плеханов, не мог быть большевиком. Но никто из них не был донкихотствующим политиком. Просто политика по-

степенной подготовки перехода России к социализму, предлагаемая Мартовым, была далека от маккиавелизма, от того стремления к захвату власти любой ценой, на который были способны большевистские вожди. И сожалеть о том, что он был “наивным романтиком” в данном случае равносильно признанию, что порядочные, совестливые и честные люди в России к власти прийти не могли и что она (власть) является “прибежищем только негодяев”. Но это, по крайней мере, некорректно. Да, после октября 1917 г. большевики добились и уничтожили российских демократов. Но, как оказалось, насилие и штыки – не лучший способ удержания власти. В конце концов пророчески прав оказался Мартов. В таком случае, это что: “наивный романтизм” или провидчески-точный расчет исторического развития страны?

В книгах Д.А.Волкогонова приводятся множество критически-оскорбительных высказываний большевистских вождей о Мартове и меньшевиках. Большевистские вожди создавали школу борьбы за власть, а не школу демократии. Им нужна была вера в непогрешимость и могущество их партии, в правоту ее вождей. Им не нужен был думающий и сомневающийся Мартов и его интеллектуальные коллеги. Спорить с ними после того, как власть оказалась у них в руках, большевики считали бессмысленным делом. Ведь был более прямой и действенный путь “убеждения”: расстрелы, тюрьмы, ссылки и высылки. Брат Мартова, С.И.Цедербаум-Ежов, член ЦК РСДРП, арестовывался в 1919, 1920, 1921 гг. и так продолжалось вплоть до 1937 г. Арест грозил и Мартову. Он уехал в сентябре 1920 г. в Германию, не предполагая, что это его последняя эмиграция. ЦК РСДРП циркулярным письмом сообщал местным организациям 28 сентября 1920 г., что партийная конференция должна была собраться в середине октября, но в связи с отъездом Мартова ее решено открыть 30 декабря. В письме сообщалось, что поездка Мартова продлится около 2-3 месяцев и он вернется к Новому году. Р.А.Абрамович вспоминал, что отъезд Мартова за границу в тот момент не был ни объективно, ни субъективно эмиграцией. Мартов был очень болен (туберкулез горла) и, навер-

ное, поэтому обратно и не поехал. А его ждали. 15 августа 1921 г. председатель ВЧК Ф.Э.Дзержинский отдал на всякий случай распоряжение о розыске и аресте меньшевиков: “Мартова (Цедербаума), Дана (д-р Гурвич), Б.Горева (Б.Гольдман), Либера (М.Гольдман), Потресова и др. У Вас в политическом отделе и бюро печати должны быть адреса, по которым (а также по адресному столу) можно установить и адреса вождей”.¹⁴⁶ Это была неминуемая, финальная часть давнего политического диалога, большевистский способ прекратить всякую “полемику”.

Д.А.Волкогонов в книге о Ленине один из разделов назвал “Трагедия Мартова”. Это определение он взял у Троцкого. Тот видел трагедию лидера меньшевизма в том, что он не стал большевиком. Д.А.Волкогонов объяснял трагедию Мартова его наивной верой в то, что “революция может быть чистой, моральной, светлой”. В таком случае с большим основанием можно говорить о трагедии большевистских вождей, принесших на алтарь созданного ими тоталитарного государства жизни миллионов своих сограждан и потерпевших сокрушительное поражение после временной реализации своих жесточайших планов. Возможно, его предчувствовали Ленин и Троцкий, яростно полемизируя с Мартовым, всячески оскорбляя его в своих выступлениях после достижения власти. Может быть, их гнев усиливался от того, что они натолкнулись на сопротивление человека, не желавшего вместе с ними быть “повязанным кровью сограждан” и открыто выступавшего против террора и гражданской войны?

Профессор Веслеанского университета (США) Филип Помпер воспользовался методом психоанализа для изучения взаимоотношений между Троцким и Мартовым. По его мнению, негативные оценки Троцким деятельности Мартова объясняются тем, что Троцкий всю жизнь подавлял в себе те качества, которые видел в Мартове. Для Троцкого Мартов – личность гамлетовского типа, чрезмерно совестливая, беспомощная фигура интеллигента. Мартов оставался тем, кем он был, не насилуя себя и ничего не скрывая о себе. Это

раздражало. Поэтому Троцкий ставил себе в заслугу то, чего Мартов сделать не мог. Троцкий хотел всячески забыть свое еврейское происхождение, пребывание в партии меньшевиков, он хотел быть, как все “твердокаменным большевиком”, в этом видел свой звездный час и готов был за него заплачивать. Мартов не хотел ни от чего отказываться и ни на какие властные должности не претендовал.¹⁴⁷ Он был Мартовым. Отсюда зависть и нападки бывших друзей, их бравадование кажущимся превосходством. Троцкий в начале века был многим обязан Мартову, но теперь он стал вождем, работал “под Ленина” и хотел быть, как все, беспощадным.

В эмиграции Троцкий много писал. В “Истории русской революции” он не раз возвращался к личности Мартова, противопоставляя его действия своим, дабы выглядеть в лучшем свете. Он писал, что после свержения самодержавия Мартов “безнадежно растерялся и повис в воздухе. В 1917 г., как и в 1905 г., революция почти не заметила этого выдающегося человека”. Мартов выиграл у Троцкого голосование на Демократическом совещании предложением создать “однородное социалистическое правительство” вместо передачи власти Советам, на чем настаивал Троцкий. Но последний взял реванш на II Всероссийском съезде Советов, отправив Мартова, как полагал Троцкий, на “свалку истории”. “Гамлет демократического социализма, – писал Троцкий, – Мартов делал шаг вперед, когда революция откатывалась, как в июле; теперь, когда революция готовилась совершить львиный скачок, Мартов отступал”.¹⁴⁸ По Ленину и Троцкому Мартову не хватало “революционной твердости”, а это было, по их мнению, “решающим недостатком”.

На II Всероссийском съезде Советов после единогласного голосования за предложение Мартова о создании демократического правительства правые меньшевики нарушили хрупкую договоренность категорическими требованиями осудить вооруженный захват власти большевиками, а затем демонстративно ушли из зала заседаний. Тогда и произнес Троцкий свои знаменитые проклятья в адрес ушедших: “Тем, кто ушли, и тем, кто грозит, что уйдут, мы говорим: ваша

роль сыграна; отправляйтесь туда, где ваше место, – в мусорную яму истории!” Так предложение Мартова потерпело поражение, а возможность дальнейшего развития событий по демократическому пути была упущена.¹⁴⁹ Но Мартов и его единомышленники, вопреки зловещим фразам Троцкого не сгнули из истории. Они сражались за демократическую Россию сколько и как могли. Не их вина. Это была общенациональная беда. Только через семь десятилетий после тех памятных событий в стране вновь стала возрождаться демократия.

Работы начала 90-х годов XX в. уже опираются на отличные от прежних источниковедческие и методологические принципы. Г.З.Иоффе и Г.И.Ильяшук проанализировали письма Мартова к его другу Н.С.Кристи, хранящиеся в РЦХИДНИ, но до сих пор полностью не опубликованные. Письма – своеобразный, интимный источник, в них много личного, эмоционального. Они показывают смену настроений Мартова в 1917 г., его желание избежать раскола в социалистическом движении, обеспечить победу демократии мирными, политическими средствами. Г.З.Иоффе писал о том, что Мартов видел, как перспективы крушения капитализма исчезают, а социалистические эксперименты обнаруживают свою несостоятельность. Потому борьба за демократию оставалась, по его твердому убеждению, главной проблемой. Г.И.Ильяшук ознакомилась с 19 письмами, 5-открытками и 3-телеграммами Мартова, посланными Н.С.Кристи в Швейцарию с 9 января по 24 октября 1917 г. Анализируя эти документы, Г.И.Ильяшук пришла к выводу о том, что меньшевики-интернационалисты более отстаивали право не подчиняться общепартийным решениям и директивам, чем стремились к организационному разрыву с оборонцами¹⁵⁰. Заметим, что указанные авторы, в недалеком прошлом, как и другие советские историки, пропагандировавшие жесткие ленинские взгляды на меньшевизм, отошли от них, причем у Г.З.Иоффе это получилось более естественно.

Тогда же появился очерк Г.М.Дейча, в котором обобща-

лись ленинские высказывания о Мартове, а также статья О.В.Волобуева и Г.И.Ильящук “Послеоктябрьский меньшевизм”. В ней рассказывалось о предложении Мартова II Всероссийскому съезду Советов и высказывалось предположение, что в любом случае идея “однородного социалистического правительства” была обречена из-за непримиримости позиций большевиков, левых эсеров и почти всех остальных социалистов. Ведь Ленин соглашался на объединение лишь при условии признания его программы. Такой трактовкой событий авторы возлагали вину за срыв предложения Мартова не только на правых социалистов, но и на большевиков. Авторы пытались рассмотреть эволюцию взглядов Мартова в послеоктябрьский период. Этот сюжет изучен недостаточно. Однако попытку авторов нельзя признать удачной. Подборка цитат из выступлений Мартова с целью сблизить его позицию и большевиков не представляется убедительной. Свою позицию в то время Мартов определил четко – против гражданской войны. Он писал: “В качестве марксистской рабочей партии РСДРП отнеслась отрицательно к перевороту 25 октября”, соглашение меньшевиков с эсерами закончилось после разгона Учредительного собрания, когда эсеры встали на путь вооруженной борьбы, а меньшевики занялись привычной политической работой – завоеванием Советов. “Воспоминаниями ренегата” назвал Мартов книгу И.М.Майского “Демократическая контрреволюция”, напомнив, что член ЦК РСДРП Майский был исключен из партии меньшевиков за участие в гражданской войне (Майский в августе 1918 г. возглавил управление труда в правительстве Комитета членов Учредительного собрания, созданного в Самаре. С 1921 г. он член РКП(б). Позже советский дипломат и академик). Мартов подчеркивал свое неприятие гражданской войны и интервенции. Он выступал за единение РСДРП.¹⁵¹

В начале 90-х годов историки, еще недавно во всех грехах обвинявшие меньшевиков и их лидеров, перешли на позицию возложения равной вины за случившееся в стране: на большевиков, меньшевиков и эсеров. Потому в работах Мар-

това они стали искать по “советской привычке” общее, объединяющее его хоть в чем-то с большевиками, стали говорить об ошибочности невосприятия последним любых демократических программ.

О.В.Волобуев и Г.И.Ильяшук отрицательно отнеслись к утверждению, что “большевики с неоправданным запозданием” срисовали у РСДРП контуры новой экономической политики, отказавшись лишь от “политического нэпа” на том основании, что “платформа меньшевистского ЦК отнюдь не была аналогом решений X-го и последующих съездов РКП(б)”. Это верно. Аналогов большевистских решений, в том числе и X-го съезда с его запрещением фракций и беспощадным подавлением выступления матросов Кронштадта, у меньшевиков не было. Речь шла об идее свободной торговли крестьян результатами своего труда, отмене продразверстки, разгосударствлению части национализированной промышленности. По признанию Ленина большевики “срисовали” в 1917 г. у эсеров аграрную программу. Так почему же они не могли сделать подобное и с предложениями меньшевиков? Н.Н.Суханов писал в автобиографии, находясь в следственном изоляторе ОГПУ (1930) о своем неприятии “якобинской диктатуры большевиков”. Он вспоминал, что в начале 1920 г. был вместе с Троцким на Урале и доказывал ему важность немедленной отмены продразверстки. “Троцкий оспаривал мои положения,- писал Суханов, – и резюмировал такого рода беседы в смысле, что своей продовольственной политики партия менять не собирается. Впоследствии оказалось, что именно в это время Троцкий по телеграфу с Урала выступил с проектом введения нэпа и во время кампании против него, в одном из партийных заседаний, демонстрировал соответствующую телеграфную ленту”¹⁵² Подробнее о влиянии идей Мартова и других лидеров меньшевизма на выработку новой экономической политики хотел, но не смог рассказать В.Никитин, подменив суть предложенной темы рассмотрением политики РКП(б) по отношению к РСДРП в 1919 году.¹⁵³

Начало 90-х годов XX в. ознаменовалось рядом событий, способствовавших более успешному изучению истории меньшевизма, отходу историков от ранее принятых штампов и определений. Речь идет о переиздании находившихся в спецхранах книг, более широком и непредвзятом использовании зарубежной литературы, участии в совместных исследовательских проектах. Отрадным фактом стало переиздание “Записок о революции” Н.Н.Суханова, многие строки которых посвящены Мартову. Это Н.Н.Суханов писал о поразительной силе интеллекта Мартова. “Я был, правда, совсем не оперившимся птенцом, но я чувствовал, что выступления Мартова заливают меня с головой новыми идеями; и, не сочувствуя ему, я видел, что он выходит победителем в схватках с народническими генералами”. И далее: “Мартов – самый умный человек, какого я когда-либо знал”. По рекомендации Мартова в мае 1917 г. Н.Н.Суханов стал членом партии меньшевиков.¹⁵⁴ Ныне без прежних ярлыковых, бездоказательных определений используются книги зарубежных авторов о Г.В.Плеханове, Ю.О.Мартове, П.Б.Аксельроде, И.Г.Церетели, статьи и воспоминания бывших меньшевиков, исследования об их деятельности.¹⁵⁵ Историки перестали утверждать, что только Ленин был истинным носителем марксизма в России, и признали за теоретиками меньшевизма также право на истину. Вот одно из высказываний: “Десятки раз осмеянная и ошельмованная меньшевистская концепция, согласно которой царизму должна была наследовать буржуазия, во-первых, отнюдь не так нелепа, как нам казалось, и, во-вторых, не так однозначна и прямолинейна, как нам преподносилась”.¹⁵⁶

В 1959 г. группа американских историков во главе с профессором Л.Хеймсоном приступила к осуществлению меж-

дународного проекта по изучению истории меньшевизма. Результатом стали многие работы, в том числе и совместное с советскими историками трехтомное документальное издание (пока опубликованы первые два тома и первая часть третьего тома).¹⁵⁷ Им предпосланы вводные очерки Л.Хеймсона, В.Миллера, З.Галили и А.Ненарокова. Характерным для них является отсутствие политических оценок действий меньшевиков, данных Лениным и другими большевиками. Четкое выделение предмета исследования способствовало и более объективному, по сравнению с прежними советскими изданиями, его изучению. Л.Хеймсон писал о выработке Мартовым тактики партии в 1905-1907 гг., когда вождь меньшевизма связывал успешность революционной борьбы российских рабочих с поддержкой пролетариата более развитых капиталистических стран. В западнической ориентации меньшевиков он видел их основное отличие от планов большевиков. В первом томе З.Галили подробно характеризовала документы сборника. По ее мнению, они показывают не только эволюцию меньшевистской позиции по основным вопросам революции: о власти, войне и экономическом положении России, но и сложность вариаций внутривнутрипартийных взглядов по этим вопросам. К ним она относил критику Мартовым революционного оборончества в первой половине 1917 г. В.Миллер, фрагментарно обзревая деятельность меньшевиков в 1917 г., подчеркивал перспективность взглядов Мартова на развитие революции и сожалел, что приход Мартова к руководству партией, после приезда из эмиграции, произошел слишком поздно. Во введении ко второму тому, написанному З.Галили и А.Ненароковым, даны документальные характеристики причин кризиса коалиционной политики меньшевистского руководства в июле – августе 1917 г. и усиления центробежных тенденций в РСДРП.¹⁵⁸

Профессор Ратгерского университета штата Нью-Джерси (США) Зива Галили – автор многих работ по истории меньшевизма. В последние годы некоторые из них вышли в переводе на русский язык.¹⁵⁹ З.Галили вслед за Л.Хейм-

соном утверждала, что Мартов и небольшая группа его сторонников по партии пришли к выводу, что только социалистическое движение в более развитых европейских странах может помочь рабочему классу России выйти из политического тупика, созданного общей отсталостью страны. Среди меньшевиков были и иные точки зрения.¹⁶⁰ В наполненной интересными фактами и наблюдениями книге З.Галили говорится об особой, отличной от многих меньшевистских лидеров, позиции Мартова в 1917 г. В книге исследуется “опыт меньшевистского хождения во власть”, участие меньшевиков в работе коалиционного правительства. С.В.Тютюкин, автор рецензии на книгу З.Галили, справедливо упрекал автора за недостаточное внимание, уделенное Мартову, позиция которого резко разошлась тогда с мнением Церетели, Дана и Чхеидзе, осуществлявшими официальное руководство партии.¹⁶¹ Заметим лишь, что разработка этого сюжета не являлась специальной задачей исследования З.Галили.

О Мартове писали в своих книгах практически все зарубежные историки, занимающиеся историей России начала XX столетия. А.Рабинович в книге “Большевики приходят к власти” назвал Мартова наиболее авторитетной и уважаемой политической фигурой в меньшевистской партии, хотя и не сообщил о нем что-либо новое. Р.Такер обратил внимание на неприязненные отношения Мартова и Сталина. Последний был поклонником жестких методов Ленина, интеллигентность и сомнения Мартова ему претили. Р.Такер приводил антисемитское высказывание Сталина в адрес меньшевиков. “Ленин, – говорил Коба, обращаясь к грузинским рабочим Батуми в 1905 г., – возмущен, что Бог послал ему таких товарищей, как меньшевики! В самом деле, что это за народ! Мартов, Дан, Аксельрод – жиды обрезанные. Да старая баба В.Засулич. Поди и работай с ними. Ни на борьбу с ними не пойдешь, ни на пиру не повеселишься. Трусы и торгаши!”¹⁶² Сталин тем самым выдавал себя и Ленина за членов “истинно русской” партии. Ему был ненавистен интернационализм Мартова, его ум и эрудиция. Они были антиподы во всем.

А.Авторханов выделял в редакции “Искры” двух организаторов и партийных теоретиков: Ленина и Мартова. Первый возглавил направление “революционного социализма”, второй – “демократического социализма”. Это выразилось в том, что Ленин с самого начала знал, что хочет Октябрь, минуя Февраль. Только в этом Плеханов и Мартов расходились с Лениным. Заметим, что не только в этом, но и в методах достижения Февраля и Октября. А.Авторханов указывал и на другое различие: Мартов боролся за партию демократическую, а Ленин – за партию абсолютного централизма. Потому и стали они непримиримыми антиподами не только в практике, но и в идеологии. Мартов и меньшевики отвергали всякие уголовные и аморальные средства в борьбе с врагами, не отрицая в принципе организованное насилие от имени партии и рабочего класса, если страну охватила революция. Ленин и его сторонники считали уже одну постановку вопроса о средствах моральных и аморальных, о методах и формах, допустимых и недопустимых в политике, не только “оппортунистической”, но и преступной. На V съезде РСДРП Мартов выступил против террористических актов и различных эксков, проводимых от имени рабочей партии. Именно тогда, по мнению А.Авторханова, под духовным водительством Ленина в самой фракции большевиков начало зарождаться новое политико-уголовное направление.

Р.Пайпс обратил внимание на роль Мартова в разоблачении финансовых махинаций Ленина (наследство Шмита и др.), в результате чего на заседании Международного социалистического бюро в 1912 г. Плеханов открыто обвинил Ленина в воровстве, а Мартов – в политическом шарлатанстве.

В.Бровкин, автор книги “Меньшевики после Октября”, вновь вернулся к этому сюжету в своей новой книге о гражданской войне в России, ее небольшой раздел он назвал “Ленин и Мартов”. В.Бровкин сообщил об оптимизме Мартова в начале 1919 г. в связи с некоторой либерализацией ленинской политики по отношению к крестьянству и оппозицион-

ным партиям. О том, как после легализации РСДРП декретом ВЦИК стала меняться ее политика, известно из многих работ отечественных историков.¹⁶³ О.В.Волобуев и Г.И.Ильящук возложили равную ответственность на РСДРП и РКП(б) за то, что тогда не произошло единения демократических сил страны. В.Бровкин, не затрагивая этого вопроса, отметил, что меньшевики использовали изменившуюся ситуацию для борьбы за свободное избрание Советов, расширение прав рабочих, для обуздания красного милитаризма. Заметим, что Мартов определенно обвинял РКП(б) в том, что альянс демократов не состоялся, и не очень верил в реальность либеральных экономических реформ.¹⁶⁴

Достаточно традиционным для зарубежных исследователей было утверждение об исключительных заслугах Бунда в образовании РСДРП. Так, Л.Шапиро утверждал, что именно у Бунда Ленин заимствовал идею самостоятельной пролетарской партии в России, что именно Бунд, а не “Союз борьбы” положил начало соединению научного социализма с массовым рабочим движением. Для него и Ш.Галая – большевизм случайно возникшая альтернатива либеральному движению в России. Эти выводы особо характерны для книги Израиля Гетцлера, написавшего политическую биографию Мартова. В рецензии на эту книгу американский профессор Д.Безил писал о “благоговении Гетцлера перед Мартовым, его единодушии с Мартовым в оценке ценностей”. Он делал вывод о том, что она “написана учеником Мартова, который решает вопросы, ставившиеся когда-то учителем, пользуется критериями учителя и в общем и целом приходит к тем же выводам, что и учитель”.

В 1990-1994 гг. появились очерки о Мартове. Г.И.Ильящук и В.И.Миллер, наверное впервые в советской историографии, создали краткую научную биографию Мартова. В прежних советских энциклопедических справочниках Мартов либо не упоминался вовсе, либо ему посвящалось всего несколько негативных строк. Г.И.Ильящук и В.И.Миллер со ссылками на архивные документы показали не только основные вехи биографии Мартова, но и сообщили подробности

его расхождений с Лениным по организационным и политическим вопросам. С.В.Тютюкин написал о Мартове с явной симпатией и более публицистично. Если советские историки в своих работах акцентировали внимание на критике Лениным Мартова, то С.В.Тютюкин построил очерк с точностью до «наоборот». Он подчеркнул, что после раскола РСДРП Мартов развернул «яростную борьбу с большевизмом и лично Лениным, которого он обвинял в стремлении установить в партии личную диктатуру». С.В.Тютюкин видел в Мартове «совесть меньшевизма», он был, безусловно, совестью российской социал-демократии в целом, поставивший целью своей жизни сохранить ее демократические устои. По мнению С.В.Тютюкина, Мартова ужасало, что большевики надолго дискредитируют в глазах народа идею социализма, идею, которой он сам был предан безраздельно. Не даром на его надгробии надпись: «Юлий Мартов – борец за освобождение рабочего класса».¹⁶⁵ Н.Б.Богданова, написавшая книгу об отце, отмечала, как высоко он ценил Мартова. Она сообщила, как Мартов, предвидя худшее, уговаривал Б.О.Богданова уехать в 1920 г. из России. Богданов не уехал и на многие годы стал узником Гулага.¹⁶⁶ В очерке о Мартове, помещенном в английской энциклопедии русской революции, Мартов характеризовался как борец против большевистского террора, оппозиционер большевистскому режиму, человек много сделавший для формирования за границей антибольшевистского общественного мнения. Мартов требовал выполнения конституционных законов и требовал свободы действий для меньшевиков.

Деятельность Мартова получила освещение в очерках по истории меньшевизма, ставших частью «Истории политических партий России» и особенно в последней работе В.И.Миллера «Революция в России. 1917-1918 гг. Проблемы изучения». С.В.Тютюкин отдавал дань советским традициям, когда писал об импрессионализме Мартова или о том, что за исключением Г.В.Плеханова, меньшевики не выдвинули крупных марксистских теоретиков национального и тем более международного масштаба, хотя работы Мартова и дру-

гих несомненно обогатили демократическую общественную мысль России начала XX века. Мартов был впечатлителен, прислушивался к мнению окружающих, но в вопросах чести, своего понимания ситуации был непреклонен. Плеханов не только был меньшевиком, он стоял у рождения большевизма и меньшевизма. Сравнение его в данном случае с Мартовым некорректно. Произведения Плеханова в советское время за немногим исключением все же издавались, работы Мартова – нет. Плеханова упоминали во всех советских учебниках, где создавался его имидж крупного марксиста. Мартова знали только как враждебного большевикам меньшевика. Может быть, для начала следует издать произведения Мартова, так же, как и работы Плеханова, а уж затем судить о вкладе в марксизм каждого из тех, кто стоял у истоков российской социал-демократии. Во всяком случае, следует прислушаться к словам Р.А.Абрамовича о том, что если “отцом мирового большевизма стал Ленин, то Мартову выпало на долю стать идеологом мирового меньшевизма”. С.В.Тютюкин полагал, что Мартов и меньшевики потерпели политическое поражение в России 26 октября 1917 г. Н.С.Симонов назвал лишь несколько общеизвестных фактов из послеоктябрьской жизни Мартова.¹⁶⁷

Довольно интересно сравнение В.И.Миллера. Так он установил численность большевиков в России в апреле-мае 1917 г. в примерно 50 тыс. человек, а меньшевиков в то же время – не менее 100 тыс., что свидетельствовало об отношении масс к этим фракциям РСДРП. Летом стихийный большевизм стал набирать силу. В августе 1917 г. большевиков было 200-215 тыс. членов, меньшевиков около 200 тыс. К концу 1917 г. число большевиков выросло до 350 тыс., а количество меньшевиков осталось на прежнем уровне – около 200 тыс. человек. В 1917 г., по мнению В.И.Миллера, произошел взлет и падение влияния на население страны российских меньшевиков. В.И.Миллер писал о Мартове как о яркой и привлекательной личности, которая не смогла предотвратить поражения единомышленников.¹⁶⁸

Переход многих отечественных историков от привыч-

ных отрицательных “оценок” деятельности меньшевиков и их лидеров к более объективным оказался необычайно сложным. “Груз прошлых штампов” продолжал довлеть даже над теми, кто хотел бы от них решительно отказаться. В книге В.Х.Тумаринсона “Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус” была сделана попытка выяснить причины несостоявшегося консенсуса между большевиками и меньшевиками. Автор подтвердил общеизвестный факт отсутствия такого между двумя партиями и их вождями. Среди причин несостоявшегося межпартийного соглашения Тумаринсон выделяет непримиримость Ленина и нерешительность Мартова. Думается, что это совсем не главная причина происшедшего. За Лениным шла организованная политическая партия, стремящаяся к власти. Ленину и большевикам власть была нужна не только для удовлетворения личных амбиций, но и как средство осуществления задуманных революционных преобразований в стране. Мартов был против предложенных Лениным и его партией методов осуществления их планов и честно боролся против них политическими способами. Едва ли следует упрекать Мартова в совершенных ошибках, из-за которых он будто бы и проиграл Ленину. Тумаринсон пишет, что Мартов допустил оплошность, когда в конце 1903 года мог, но не воспользовался возможностью исключить Ленина из партии. Но он перестал бы быть Мартовым с его естественным признанием права на инакомыслие, если бы позволил себе такое. Тумаринсон характеризовал Мартова по Троцкому и Гётцлеру называя вождя меньшевизма “Гамлетом демократического социализма”.¹⁶⁹ Мартов не был похож на шекспировского принца датского. Он руководствовался в своих действиях твердыми нравственными принципами, его сомнения в принятии отдельных решений были свойственны многим интеллектуалам, а гамлетовской проблемы: быть или не быть, – не существовало.

Содержательная статья П.Ю.Савельева и С.В.Тютюкина “Юлий Осипович Мартов (1873-1923): человек и политик” полна интересных наблюдений и выводов. Авторы правы в главном: исследование деятельности Мартова, как и

меньшевистской партии, десятилетия находилось под влиянием необъективной политической конъюнктуры. П.Ю.Савельев и С.В.Тютюкин сделали многое, дабы преодолеть ее. Представленная в их статье политическая биография Мартова знакомит читателей с этим ярким неординарным человеком и его трагической судьбой. Однако, и они не смогли отойти от несправедливых обвинений Мартова в пропаганде “утопических пацифистских идей” в годы первой мировой войны, его различных ошибок в оценке конкретных ситуаций (что естественно для любого политика и человека). Основной вывод авторов статьи неутешителен: Мартову, сторонникам политической честности, принципиальности и демократизма уготована в России не востребованность и роль сопротивления грубой силе и невежеству, хотя бы и ценой собственной жизни.¹⁷⁰ Хотелось бы верить в ошибочность этого прогноза авторов.

Известный американский историк Карл Беккер полагал, что “каждое поколение рождает собственных историков”. Наверное, это так. Последним советским историкам пришлось жить при разных режимах. Одни из них, испытав на себе воздействие безжалостного большевистского режима, заняли крайние позиции. Например, для Доры Штурман нет и не может быть хорошего пути к социализму (ни революционного, ни эволюционного). Потому что сам социализм (будь то “национальный” или “интернациональный”) и есть зло. Мартов предупреждал о том, что действия большевиков от имени “научного социализма” отвратят от него массы. Он умер, еще не зная, что в Германии придут к власти национал-социалисты Гитлера, а в Италии чернорубашечники социалиста Муссолини. Крайне радикальный социализм оказался связанным с тоталитаризмом и всеми ужасами и кошмарами XX века. Потому можно понять категорическое суждение Д.Штурман.¹⁷¹ Мартов был за гуманный социализм, освобождающий трудящихся от всякого гнета. В ряде стран, в том числе и России, все это произошло иначе. Не вина, а беда российских, немецких, итальянских социал-демократов, не сумевших предотвратить нашествие красно-

черно-коричневых в своих странах. Российская историография жизни и деятельности Мартова наводит на размышления о том, что история социал-демократии в стране и ее лидеров была нарочито искажена или предана забвению, дабы труднее было извлечь урок поражения демократии, изучить его, это поражение, чтобы в будущем превратить в победу.

История социал-демократического движения в России и политические биографии его лидеров изучены недостаточно и тенденциозно. Исследовательская работа в этом направлении только началась. И сразу же появился один из самых главных вопросов, на который еще предстоит ответить: как случилось, что в 1917 г. “плохой” Ленин победил, а “хороший” Мартов проиграл? Может быть в истории нет победителей, а насилие над ней неминуемо оборачивается поражением временных триумфаторов? Скорее всего, настоящая оценка действий всех российских социалистов еще ждет своих исследователей. Но это объективное понимание прошлого наступит только тогда, когда политическая конъюнктура не будет столь сильно, как это было до недавнего времени, влиять на творчество историка.

¹ Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т.4. С.506. Все псевдонимы Мартова до сих пор не раскрыты.

² И.Гетцлер указывает на 94 работы Мартова. I. Getzler. Martov. A political Biography of Russian social-democrat. Cambridge, 1967. P.232-233, В.В.Крылов называет 179 работ. – Крылов В.В. Ю.О.Мартов. библиография // Сов. библиография. 1990. № 5. С.82-87. По данным С.В.Тютюкина, только в “Искре” Мартов опубликовал более 90 статей и заметок. См.: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С.118-119. В отдельных библиографических указателях также упоминается далеко не полный перечень работ Мартова. См.: Русская политическая литература за границей. Социал-демократические издания. Указатель социал-демократической литературы на русском языке. 1883-1905. М., 1922. Вып.1. Под ред. Л.Б.Каменева; Постников С.П. Библиография русской революции и гражданской войны (1917-1921). Прага, 1938. Bourguina A. Russian social democracy the menshevik movement. A bibliography. Stanford, California, 1968; и др.

³ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941, Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1962. Спирин Л.М. Историография борьбы РКП(б) с мелкобуржуазными партиями в 1917-1920 гг. // Вопр. истории КПСС. 1966. № 4. С.101-108. Сивохина Т.А. Современная историография политического банкротства мелкобуржуазных партий в советской России. // История и историки. 1976. М., 1979. С.79-86; Цамутали А.Н. Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986; и др.

⁴ Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917-1923) М., 1968. С.204-205.

⁵ Злобин В.И. Второй съезд РСДРП. М., 1980; Шестаков С.В. Историография деятельности большевистской партии в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1977. С.14.

⁶ Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.И., Шелохаев В.В. История политических партий России 1907-1914 годов в советской историографии // Вопр. истории. 1989. № 4. С.153, 160.

⁷ Хвылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской историографии конца XIX- начала XX вв. Автореф. дис. д-ра ист. наук. Л., 1985. С.9. В конце XIX-начале XX вв. российская историческая наука переживала не кризис, а подъем. Были в то время широко известны имена В.О.Ключевского и его учеников. См.: Эммонс Т. Ключевский и его ученики. // Вопр. истории. 1990. № 10. С.45-61. Эмигрировавшие или высланные из России большевиками историки, философы, экономисты составляли славу мирового обществоведения. См.: Пашуто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992; и др.

⁸ См.: Тарновский К.Н. О предпосылках образования в России марксистской партии нового типа. // Вопр. истории КПСС. 1987. № 10. С.46-47.

⁹ Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.- 1920 г.). М., 1977. С.39. Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С.10.

¹⁰ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.41.С.14. В 5-м издании сочинений Ленина дан анализ около 80-ти периодических изданий меньшевиков, упоминается более 150 – ти деятелей меньшевизма. Большое место занимает критика взглядов Г.В.Плеханова и Ю.О.Мартова. В работах Ленина дана оценка примерно равного количества (около 110) их материалов См.: Арапов А.С. Идейная борьба В.И.Ленина против меньшевизма (1903-1917). Методол. аспекты. Автореф. дис.др. ист. наук. М., 1988. С.35.

¹¹ Назовем лишь два наиболее резких высказывания Ленина о Мартове. Первое относится к 1911 г., когда Ленин, никак не аргументируя, в раздражении писал; “Что касается до таких приемов борьбы заграничных ликвидаторов против РСДРП, как политический шантаж и поставка информации в охранку,- чем занялся г-н Мартов при помощи редакции “Голоса”,- то собрание клеймит презрением подобные произведения, на которые достаточно указать, чтобы вызвать отвращение к ним у всех порядочных людей (Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.20. С.288,347). Мартов, естественно, никогда и никак не был связан с охранкой и, будучи щепетильно честным и опытным конспиратором никого и никогда не подставлял. Второе относится к июлю 1919 г., к критике статей Мартова о мировом большевизме. “Сей субъект,- отмечал Ленин,- самый видный (и едва ли не самый “левый”) меньшевик, притом же почтеннейший член бернского Интернационала, солидарный с идейным его вождем, К.Каутским” (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.39. С.142). Н.Валентинов, встречавшийся с Лениным в 1904 г., вспоминал; “Ленин был бурный, страстный и пристрастный человек. Его разговоры, речи во время прогулок о Бунде, Акимове, Аксельроде, Мартове, борьбе на съезде, где, по его признанию, он “бешено хлопал дверями”,- были злой, ругательной, не стесняющейся в выражениях полемикой. Он буквально исходил желчью, говоря о меньшевиках” (Валентинов Н. Встречи с Лениным. 1979. С.208).

¹² Яковлев А. Время творческой смелости. // Коммунист. 1990. № 10. С.7, 9-10.

¹³ Мартов вспоминал, как в 1894 г. в Вильно группа социал-демократов, критически осмысливая методы своей работы, пришла к выводу о важности агитации. “Мы чувствовали,- писал Мартов,- что яв-

ляемся новаторами в партии, и что на нас лежит долг пропаганды тех новых методов, к которым привел нас наш опыт. В результате обмена мнениями по этому вопросу А.Кремер представил нечто в роде реферата, теоретически и практически обосновывавшего нашу позицию. После коллективного обсуждения рукописи в центральной группе мы ее приняли по существу, как нашу, так сказать, программу, но ввиду неуклюжести рукописи в архитектурном отношении, мне было поручено ее отделать. Я был весьма доволен результатом своей редакторской работы; в минимальной степени вторгшись в оригинальное местами изложение Кремера, освободив его лишь от некоторых длиннот и повторов, я прибавил две, кажется, вводные страницы, содержавшие сжатую характеристику того механизма, которым капитализм приводит в движение пролетариат и вырабатывает предпосылки для поступательного развития его движения. С таким прибавлением центральная часть рукописи, содержащая развитие плана все углубляющейся агитации, имевшей целью привести нас к цели организации борьбы рабочего класса против царизма под социал-демократическим знаменем, получила более принципиальное освещение. Товарищи одобрили мою редакционную работу, и мы стали знакомить с рукописью наших рабочих и рассылать ее в копиях во все города, с которыми были связаны" //Мартов Ю. Записки социал-демократа.М., 1924. С.236-238.

¹⁴ Лядов М. История российской социал-демократической рабочей партии. Спб.,1906. С.88. Лядов (Мандельштам) М.Н. (1872-1947), один из организаторов московского "Рабочего союза". С 1920 г. – большевик.

¹⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.7. С. 211. Некоторые советские историки подвергали критике все работы Мартова, в том числе и те, о которых положительно отзывался Ленин. Так, Т.А.Игнатенко писала, что Плеханов и Мартов в работах конца XIX – начала XX в. собрали фактический материал о развитии капитализма в России, но его явно не хватало для характеристики экономики России начала XX в. В качестве примера автор назвала книгу Мартова "Пролетарская борьба в России" (СПб.,1906). Это был очерк истории русского рабочего движения, который под заголовком "Красное знамя в России" был впервые издан в Женеве в 1900 г. и не ставил перед собой тех задач, которые решал Ленин в "Развитии капитализма в России" // Игнатенко Т.А. Критика меньшевистской концепции истории Октября в советской историографии (1917 г. – середина 30 – х годов). М.,1986 . С.30,42.

¹⁶ Современный мир. 1906. № 3. С.93-94.

¹⁷ Рубакин Н.А. Среди книг. М.,1913.Т.2. С.770.

¹⁸ Кудрявцев А. Новости русской историографии за последнее десятилетие // Летопись. 1916. № 12. С.322.

¹⁹ Воспоминания о В.И.Ленине. М.,1984. Т.1. С.245, 334.

²⁰ Г.Аронсон в очерке “Как жил и работал Ю.О.Мартов” сообщил о множестве серьезных работ, написанных Мартовым, которые публиковались в России и за границей. Он рассказал, как 1 мая 1895 г. Мартов в Вильно сделал доклад на собрании агитаторов, которому представители Бунда приписали “первоклассное историческое значение”. Так же высоко оценивались и другие его работы См.: Мартов и его близкие. Нью Йорк.1959. С.90; и др. Н.Валентинов свидетельствовал о том, как Ленин весьма невнимательно относился к источникам, критикуя Маха и Авенариуса, и как Мартов готов был слушать Валентинова на эту тему “хоть три часа”, схватывая с поразительной тонкостью и быстротой суть незнакомых ему вопросов и находя вариации искомой формулировки. “Расставшись с Мартовым я думал; сильно же он отличается от Ленина! Это два разных психологических типа,- писал Валентинов.- С тем и другим пришлось обсуждать одни и те же вопросы, а какая разница в самом подходе к ним. Мартов прежде чем их откинуть – хочет понять. Ленин же ... считает, что нужно лепить бубновый туз, даже не разбираясь; Мартов говорит – нужен не наскок, а серьезная критика, Ленин же, очертив вокруг себя круг, все, что вне его топчет ногами, рубит топором”././ Валентинов Н. Встречи с Лениным. С.309-311.

²¹ Мартов и его близкие.С.93. Л.Г.Дейч записал в дневнике о том, как 6 февраля 1918 г. он навестил больного Г.В.Плеханова. В разговоре Плеханов сказал о Ленине: “Я думал, что он умнее, чем оказался”. О Мартове: “Он куда талантливее и глубже Троцкого. Первая его статья в “Новом Слове” Струве сперва заставила меня подумать, что это новый Добролюбов, затем он больше ничего путного не написал”. Троцкий – “пустой, невежественный болтун”, “болтушка”, как правильно назвал его Ленин”. См.: Записные книжки Л.Г.Дейча. // Вопр. истории. 1996. № 3. С.15-16.

²² Штурман Д. О вождях российского коммунизма. Париж – Москва,1993. Кн. 1. С.30, 212. В разговоре с Валентиновым Ленин говорил, что многие мечтают о дирижерской палочке. Но Каутский, Плеханов, Аксельрод и другие не организаторы и потому не могут быть дирижерами. “Мартов? Прекрасный журналист, полезная фигура в редакции, но разве может он претендовать на дирижерскую палочку? Ведь это истеричный интеллигент. Его все время надо держать под присмотром... Из слов Ленина с полной ясностью вытекало, что право на дирижерскую палочку в партии может принадлежать только ему”././ Валентинов Н. Встречи с Лениным, с. 167-168.

Позже Ленин раздраженно назвал Мартова и Дана “грязными клеветниками”, “вонючками мартовыми” за справедливое обвинение Малиновского в провокаторстве, чему Ленин не сразу поверил. // Волкогонов Д.А. Семь вождей. М., 1995. Кн. 1. С. 35. В письме к И. Арманд Ленин назвал Мартова “негодяем”. // Волкогонов Д.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 111. Подобных беспардонных высказываний Ленина в адрес своих политических противников много.

²³ См.; Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968; Ильяшук Г.И. В.И. Ленин о политическом банкротстве меньшевизма. Минск, 1981; Исторический опыт борьбы КПСС против меньшевизма. М., 1979; Игнатенко Т.А. Критика меньшевистской концепции истории Октября в советской историографии (1917 – середина 30 – х годов). М., 1986; Арапов А.С. В.И. Ленин и идейная борьба с меньшевизмом: Методология, методика. Саратов, 1987; и др.

²⁴ Творчество. 1920. № 7-10. С.1-7. Ангарский (Клестов) Н.С. (1873-1941), большевик, издатель марксистской литературы, в 1919-1920 гг. редактор журнала “Творчество”. - Подробнее о нем см.: Будаев Д.И. Историк большевистской партии Н.С. Ангарский. // Вопр истории КПСС. 1990. № 4. С. 106-119.

²⁵ Воспоминания о В.И. Ленине. Т.1. С. 270.

²⁶ Горький М. Владимир Ленин // Русский современник. М.; Л. 1924. С. 242; Воспоминания о В.И. Ленине. М., 1984. Т.2. С. 242.

²⁷ О. Волобуев, С. Кулешов, В. Шелохаев обращали внимание на работы советских историков, которые выбирали одни ленинские цитаты, не замечая других. Они писали, что Ленин создавал работу “Шаг вперед, два шага назад” в сложной ситуации и потому вложил в нее огромный эмоциональный накал. Они упрекали тех, кто не замечал, что “Шаг вперед, два шага назад” – это “перегиб палки в другую сторону”, что Ленин, готовя в 1907 г. эту работу для переиздания, снял ряд полемических моментов. См.: Волобуев О., Кулешов С., Шелохаев В. Историко-партийная наука; условия развития // Коммунист. 1989. № 16. С. 41-42.

²⁸ Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Т.1. От редакции.

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.19. С. 64.

³⁰ Там же. С. 308, 360. Черных А.Г. В.И. Ленин – историк пролетарской революции в России. М., 1969. С. 51-52; и др.

³¹ Н.А. Бердяев писал в “Вехах” (Франкфурт-на-Майне, 1967. С. 12): “Нужно, наконец, признать, что “буржуазная” наука и есть именно настоящая, объективная наука, “субъективная” же наука наших народников и “классовая” наука наших марксистов имеет больше общего с особой формой веры, чем с наукой”.

³² Мартов хорошо знал Ленина, одно время они были друзьями. Еще в 1904 г. в брошюре “Борьба с “осадным положением” в РСДРП” (Женева, 1904. С.68) Мартов употребил термин “ленинизм”, понимая под этим стремление Ленина к “гипертрофии централизма”, “искусственному подавлению всякой оппозиции”, “систематическому давлению сверху на все элементы, проявляющие самостоятельность и “оппозиционное” настроение” (С.16,22).

³³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.39. С.139-145. Черных А.Г. Указ. соч. С.75-80; Городецкий Е.Н. Ленин-основоположник советской исторической науки. М.,1970. С.250-251; и др.

³⁴ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.39. С.445. Мартов Ю.О. Мировой большевизм. Берлин,1923. С.13.

³⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.40. С.24. К концу 20- х годов более 60% историков-коммунистов занимались историей партии и ленинизмом. См.: Волин М. В.И.Ленин и первые шаги советских историков // Проблемы истории общественного движения и историографии. М.,1971. С.382.

³⁶ Троцкий Л.Д. Политические силуэты. М.,1990. С.67-68.

³⁷ Ерманский О.А. Из пережитого (1887-1921). М.; Л., 1927. С. 188.

³⁸ 7-й Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов: Стеногр. отчет. 5-9 декабря 1919 г. М.,1920. С.63. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.39. С.158,416.

³⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.37. С.189. После проведенного Я.М.Свердловым голосования, исключившего правых эсеров и меньшевиков из Советов, и предложения покинуть зал заседаний ВЦИК (14 июня 1918 г.) вскочил Мартов и, посылая проклятья “диктаторам”, “узурпаторам”, “захватчикам”, пытался надеть свое поношенное пальто, но никак не попадал в рукав, Ленин стоял бледный и молча смотрел. Сидевший рядом левый эсер весело смеялся, тыча пальцем в кашляющего и ругающегося Мартова. Тот, наконец, справился с пальто и, уходя, обернувшись, пророчески бросил хохочущему революционеру: “Вы напрасно веселитесь, молодой человек. Не пройдет и трех месяцев, как вы последуете за нами”. Цит. по: Волгогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. М.,1994. Кн.1. С.177.

⁴⁰ Ф.Э.Дзержинский 15 июля 1919 г. приказывал всем губернским ЧК учредить “самый строгий контроль” за меньшевиками и левыми эсерами, брать из них заложников, предупреждать их, что за антибольшевистскую агитацию “они отвечают своей головой”. (Приказы ВЧК за 1919 год. М.,1919).

⁴¹ РЦХИДНИ. Ф.2. Д.15680. Л.1-2; Д.16003. Л.31; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.51. С.150.

⁴² Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.43. С.241; Волкогонов Д.А. Указ.соч. С.156-157. В январе 1928 г. Н.Осинский (В.В.Оболенский) писал Сталину, что В.М.Смирнов (член президиума Госплана) за троцкизм высылается на три года на Урал. Но он вырвал зубы и болен. “В свое время,- писал Осинский,- Ленин выпроводил Мартова за границу со всеми удобствами, а перед тем заботился о том, есть ли у него шуба и галоши. Все это потому, что Мартов когда-то был революционером”. Осинский спрашивал Сталина, нужно ли духовно и физически уничтожать бывших революционеров. И полагал, что этого делать не следует. Он предлагал: “1) отправить их за границу, как Ленин поступил с Мартовым или 2) поселить внутри страны, в местах с теплым климатом, и где Смирнов, например, мог бы написать хорошую книгу о кредите”. Сталин счел письмо “оскорбительным для партии” и возвратил его Осинскому. См.: Источник. 1994. № 6. С. 88.

⁴³ Альбац Е. Мина замедленного действия (Политический портрет КГБ). М.,1992. С.53.

⁴⁴ Большевики: Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения. М.,1918; 1990, изд. 3-е, с.79; Санкт-Петербургское охранное отделение в 1895-1901 гг. // Былое. 1921. № 16.С.113.

⁴⁵ См.: Игнатенко Т.А. Указ. соч., с.71. Быстрянский (Ватин) В.А. (1886-1940) большевик, историк. О нем см.: Иванов Л.В. Историк-марксист В.А.Быстрянский (Ватин) // История и историки.1974. М.,1976; Солдатенко В.Ф. Публицист, ученый-историк.// Вопр. истории КПСС. 1991. № 4. С.127-138.

⁴⁶ Воспоминания о В.И.Ленине. Т.1. С.270, 578.

⁴⁷ Дни, 1923, 5 апреля; Последние новости, 1923, 12 апр. Кускова (Прокопович) Е.Д. (1869-1958) – участница революционного и кооперативного движения в России, журналистка, выступала за предотвращение гражданской войны в стране. В 1921 г. – активный деятель “Всероссийского комитета помощи голодающим”. В 1922 г. выслана за границу, проживала в Праге и Женеве.

⁴⁸ В.М.Чернов подчеркивал интеллект Мартова и удивлялся: “Есть нечто символическое в том, что в самые последние годы Мартов в полном расцвете умственных сил угасал, выброшенный на отшель эмигрантского прозябания, в то время, как стихию революции возглавлял Ленин- живой мертвец, человек с полуразрушенной психикой, в чьих выступлениях уже давно сказывается полное отсутствие задерживающих центров и максимальная неуравновешенность”. Чернов объяснял это тем, что человечество меньше ценит интеллект, нежели “темные подсознательные силы души”. Потому “более стихийный человек, Ленин, бывал обычно сильнее интеллектуально

более тонкого и богатого по натуре Мартова”. Чернов вспоминал, что Мартов подарил ему книгу своих воспоминаний с надписью: “многoletнему друго-противнику”, а не врагу. Чернов видел в Марто-ве объединителя социалистического движения России. См. об этом: Революционная Россия, 1923. № 26-27. С.1-4. Чернов В.М.(1873-1952) – один из лидеров партии эсеров, председатель Учредительного собрания. В эмиграции с 1920 г. В.М.Зензинов (1880-1953) – член ЦК партии эсеров, сообщал в те траурные дни, что считает себя учени-ком Мартова, который был “бесспорным вождем российской социал-демократии”, а затем, после октября 1917 г. – лидером оппозиции, ко-торый страстно сражался за правду, как он ее понимал. См.: Дни, 1923, 12 апр.

⁴⁹ См.: Тютюкин С.В. Первая российская революция и Г.В.Плеханов. Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905-1907 гг. М., 1981. С.43.

⁵⁰ Отечественная история. 1993. № 1. С.98.

⁵¹ Там же. П.Ю.Савельев ссылается на воспоминания Н.К.Крупской, опубликованные в 1989 г., и данные из книги Бобровой Е.К. “Н.К.Крупская – историк партии”. (Л.,1990).

⁵² Мартов Л. История российской социал-демократии. Пг.-М., 1923. С.74.

⁵³ Лепешинский П.Н. На повороте. М.,1955. С.70 (первая публикация – 1922 г.); Воспоминания о В.И.Ленине. Т.2. С.72; Шотман А.В. Дайте нам организацию революционеров... М.,1987. С.536 (первая публикация – 1925 г.); Луначарский А.В. Революционные силуэты. М.,1923. С.70. Среди воспоминаний 20-х годов выделялась объективностью книга А.Балабановой “Из личных воспоминаний циммервальдца” (Л.-М.,1925), в которой она воздерживалась от каких-либо субъективных оценок по поводу участия Мартова на конференции. Балабанова видела в Мартове творческую натуру, теоретика, интересного собеседника (С.81), отмечала, что Ленин лишь косвенно влиял на работу конференции (С.82), подчеркивала, что Мартову принадлежал лозунг поддержки пролетариатом других стран Февральской революции в России (С.98), что он последовательно защищал идеи циммервальдской конференции. Искренней симпатией к Мартову отмечены воспоминания К.Н.Захаровой-Цедербаум и С.И.Цедербаума “Из эпохи “Искры”. (М.;Л.,1926).

⁵⁴ Невский В.Л.Мартов (Ю.О.Цедербаум) // Под знаменем марксизма. 1923. № 4-5. С.222-228; Он же. Рец. на кн.: Л.Мартов. История российской социал-демократии. М.-Пг., 1922 // Печать и революция. 1923. Кн. 2. С.160-162; Он же. Рец. на кн.: Ю.О.Мартов. Мировой большевизм. Берлин, 1923.// Печать и революция. 1924. № 4.

С.199-201; Он же. Очерки по истории РКП(б). Л.,1924. Т.1. С.353,367,369,388,400,542,546. Невский (Кривобоков) В.И. (1876-1937), большевик, пропагандист ленинизма, историк, директор библиотеки им.Ленина в Москве. Список написанного им составляет 570 названий. О нем см.: Чесноков В.И. В.И.Невский как историк русского революционного движения.// История и историки. М.,1965; Пушкарева И. Революционер, историк революции // Коммунист. 1976. № 8. С.82-87.

⁵⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д.355. Л. 2.

⁵⁶ Мартов Ю.О. Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. М.; Пг., 1923; Он же. Общественное и умственное течение в России. 1870-1905 гг. М.;Л., 1924; Он же. Записки социал-демократа. М.;1924, ч. 1; Он же. История Российской социал-демократии. Период 1898-1907 гг. М.;Пг.;1918 (изд.2.1922; изд.3.1923); Он же. Очерки международного социализма и рабочего движения (1907-1913 гг.) М;Л; 1926. П.Ю. Савельев пишет, что эти издания предпринимались по инициативе брата Мартова – С.О.Цедербаума. См.: Отечественная история. 1993. №1. С.107-108. Без постановления Политбюро ЦК РКП(б) эти издания вряд ли были возможны.

⁵⁷ Аксельрод Л.И. (Ортодокс). Этюды и воспоминания. Л.,1925; Гольдман Л.И. Организация и типография “Искры” в России (из личных воспоминаний). М., 1928.

⁵⁸ Социалистич. вестн. 1933. № 6-7. С.3-4. Дан (Гурвич) Ф.И. (1871-1947), врач, активный деятель Петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса” и меньшевистской партии. Член Президиума ВЦИК в июне 1917 г., член ВЦИК в 1918 г., в 1922 г. выслан за границу.

⁵⁹ Социалистич. вестн. 1943. № 7-8. С.73-74. Абрамович (Рейн) Р.А. (1880-1963), в революционном движении с 1901 г., бундовец, затем меньшевик. С 1920 г. – эмигрант.

⁶⁰ Каменев Л.Б. Между двумя революциями. М.,1923; Печать и революция. 1924. № 4. С.203-204; Зиновьев Г.Е. История РКП(б). Л., 1925.

⁶¹ Попов Н.Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии (шесть лекций). М., 1924. С.83; Б.К. Рец.: на кн.: Ю.Мартов. Общественные и умственные течения в России 1870-1905 гг. М.,1924 // Каторга и ссылка. 1925.Кн.3. С.234-235.

⁶² Вардин (Мгеладзе) И. Партия меньшевиков и русская революция. М.,1922; Он же. Против меньшевизма! Тверь,1924; Он же. Революция и меньшевизм. М.;Л.,1925. С.32,94,98. 11 апреля 1921 г. уполномоченный-референт ВЧК И.Вардин сообщал в ЦК РКП(б), что партии меньшевиков и эсеров находятся на нелегальном положении.

См.: РЦХИДНИ. Ф.17.Оп.84. Д.269. Л.1.

⁶³ Вардин И. Революция и меньшевизм. С. 32, 94, 98.

⁶⁴ Адоратский В.В. Октябрьская революция и диктатура пролетариата в меньшевистском освещении // Революция права. 1927. №4. С.65-66,68. В.В.Адоратский (1878-1945), большевик, пользовался доверием Ленина, позже академик, в 1931-1939 гг. – директор института Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б) .

⁶⁵ Зиновьев Г.Е. Война, революция и меньшевизм. М.;Л.,1931; Лепешинский П. Большевики. М.,1931; Большевизм на службе русской и международной контрреволюции. М.;Л.,1931; Минц И. Большевики в интервенции. М.;Л.,1931; Радек К. Мировой меньшевизм и интервенция против СССР. М.;Л.,1931; Процесс контрреволюционной организации меньшевиков. М.,1931; и др.

⁶⁶ Только в 1929 г. было арестовано не менее 130 историков См.: Брачев В.С. “Дело” академика С.Ф.Платонова // Вопр. истории. 1989. №5; Академическое дело 1929-1931 гг. Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Спб.,1993. Вып.1; и др.

⁶⁷ Каганович Л.М. За большевистское изучение истории партии. М.,1932. С.24; Борьба классов, 1932. №2-3. С.5.

⁶⁸ История ВКП(б).М.;Л.,1926. Вып.1. С.128,132,136,304,308,319,347,352.

⁶⁹ История ВКП(б). М.;Л.,1929. Т.3. С.206; 1930. Т.2. С.279-280.

⁷⁰ Троцкий Л. Ленин и старая “Искра” // А.Луначарский, К.Радек, Л.Троцкий. Силуэты: политические портреты. М.,1991. С.18,19; Луначарский А. Юлий Осипович Мартов (Цедербаум). Там же. С.272,275.

⁷¹ Социалистич. вестн. 1935. № 12. С.10,11.

⁷² Мартынов А.С. О меньшевизме и большевизме. М., 1923. С.3,9,53. Мартынов, желая всячески выразить свою благодарность большевистским властям, даже оправдывал красный террор времен гражданской войны, когда писал: “То же самое можно сказать и о политическом терроре. Говорят, что погибла масса невинных жертв этого террора; говорят, что политический террор проводился часто людьми примазавшимися к революции и эксплуатировавшими ее в своих корыстных целях. И это весьма вероятно. Но что было делать во дни революции советской власти” (С.36). Мартов решительно осуждал террор.

⁷³ Мартынов А. От издательства // Мартов Ю. Записки социал-демократа. М.,1924. С.4-5, 9; Мартынов А. Воспоминания из эпохи 2-го съезда РСДРП. М.,1934. С.6,71; и др.

⁷⁴ Н.К.Крупская при подготовке примечаний к изданию протоколов III-го съезда партии была против указаний о том, что А.И.Ры-

кова будто бы уже в 1905 г. отличали “правооппортунистические взгляды”. (Боброва Е.К. Указ. соч. С.124,126,155,157).

⁷⁵ Подробнее об этом см.: Боброва Е.К. Указ. соч. С.189-193; Куманев В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М.,1991. С.263-264.

⁷⁶ Сорин В.Г. Первые шаги Ленина по созданию партии. М.,1934. С.92,99-101. См. также: Кучкин А.П. Владимир Гордеевич Сорин. // Вопр. истории КПСС. 1965. № 1.

⁷⁷ История ВКП(б): Краткий курс. М.,1938. С.41.

⁷⁸ См.: Городецкий Е.Н. Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. 1930-1960-е гг. М.,1982; Очерки истории исторической науки в СССР. М.,1985. Т.5; и др.

⁷⁹ Утверждение П.Ю.Савельева о том, что “История КПСС” под ред. Б.Н.Пономарева (М.,1959) оказала “не меньшее концептуальное влияние на развитие историографии, чем “Краткий курс” (Отечественная история. 1993.№1. С.99) нельзя признать удачным. В период реабилитации, а не Большого террора, начала открытого диссидентского движения в стране, знакомства с зарубежной историографией, ни одна концепция по насаждению культа Ленина не могла сравниться с влиянием “Краткого курса”. К тому же, “История КПСС” иной фразеологией, но часто повторяла выводы “Краткого курса”.

⁸⁰ История КПСС.М., 1967. Т.1. С.224, 228, 280 281, 293, 403, 470, 473, 479, 487, 524, 525; Творчество. 1920. №7-10. С.6; Мартов Ю. Записки социал-демократа. С.270; Суслов М.Г. Борьба против “экономизма” в российской социал-демократии (историография проблемы). Иркутск,1986. С.25-27. Мартов подчеркивал, что Плеханов и Аксельрод наиболее решительно выступили против большинства заграничного “Союза”, которое тяготело к “экономизму”.// Мартов Л. История российской социал-демократии. Пг.;М., 1923. С.47.

⁸¹ Маслов Н.Н. Ленин как историк партии. Л.,1969. С.41,63,224.

⁸² Комисарова Л.И.,Ольховский Е.Р. У истоков марксистской исторической мысли в России.М., 1986. С.93,127,128,141.

⁸³ Мартов Л. Борьба с “осадным положением” в российской социал-демакратической рабочей партии (Ответ на письмо Н. Ленина). Женева, 1904. С.5-6,66-68.

⁸⁴ Цит.по: Новые документы Н.К. Крупской о жизни и деятельности В.И. Ленина// Вопр. истории КПСС. 1964. №2. С.67.

⁸⁵ Исторический опыт борьбы КПСС против меньшевизма.М.,1979. С.70.

⁸⁶ См. об этом: Вопр. истории. 1989. № 11. С.125,131.

⁸⁷ Ленинский сборник II, III, IV, VIII, X, XV; Социал-демократи-

ческое движение в России. Материалы. М.;Л.,1928. Т.1; Возвращенная публицистика. М.,1991. Кн.1; и др.

В 1990 г. В.В.Шелохаев призывал историков “вернуться к первоисточникам, непредвзято взглянуть на прежних героев и “демонов” революции, отказаться от точки зрения, согласно которой большевики, по крайней мере в теории, всегда давали единственно правильное, оптимальное решение всех вопросов, а их идейные противники всегда ошибались и изменяли народу”(Коммунист.1990. № 10. С.17.

⁸⁹ Подробнее см.: Буртин Ю. Ахиллеса пята исторической теории Маркса// Октябрь. 1989. № 11. С. 12,46.

⁹⁰ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.9. С.59.

⁹¹ См.: Борьба ленинской партии против непролетарских партий и течений (дооктябрьский период): Историогр. очерки. Л. 1987. С.90,111.

⁹² Тарновский К.Н. 24 декабря 1900 г. М.,1977. С.23,26-27,30,68,81,217-223.

⁹³ Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т.1. С.185,189. Троцкий характеризовал Мартова: “Лидер меньшевиков Мартов, является одной из самых трагических фигур революционного движения. Даровитый писатель, изобретательный политик, проницательный ум, Мартов был гораздо выше того идейного течения, которое он возглавил. Но его мысли не хватало мужества, его проницательности недоставало воли. Цепкость не заменяла их. Первый отклик Мартова на события всегда обнаруживал революционное устремление. Но немедленно же его мысль, не поддерживаемая пружиной воли, оседала вниз. Наша близость с ним не выдержала испытания первых крупных событий надвигающейся революции”(Там же. С.190).

⁹⁴ Яковлев А.Н. Горькая чаша. Большевизм и реформация России. Ярославль, 1994. С.129.

⁹⁵ Подробнее см.: Keep I. The rise of social democracy in Russia. Oxford, 1963. P. 129.

⁹⁶ А.Н.Потресов писал о В.И. Ленине: “Ни Плеханов, ни Мартов, ни кто-либо другой не обладали секретом излучавшегося Лениным прямо гипнотического воздействия на людей, я бы сказал – господства над ними. Плеханова – почитали, Мартова – любили, но только за Лениным беспрекословно шли, как за единственным бесспорным вождем. Ибо только Ленин представлял собою, в особенности в России, редкостное явление человека железной воли, неукротимой энергии, сливающего фанатическую веру в движение, в дело, с наименьшей верой в себя... Но за этими великими достоинствами

скрываются также великие изъяны, отрицательные черты, которые, может быть, были бы уместны у какого-нибудь средневекового или азиатского завоевателя”.//Цит. по: Волгогонов Д.А. Ленин. М.,1994. Кн.1. С.142.

⁹⁷ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. С.186; Волгогонов Д.А. Указ. соч. С.146. Писатель С.Залыгин замечал, что Ленин всегда доказывал то, что хотел, используя для этого своеобразный метод. Он изолировал предмет доказательства от остальной действительности, от фактов и связей, которые могли его затруднить. Таким образом, предмет был обречен на ленинское истолкование. Ленин также придавал процессу истолкования главный смысл, а людям обещал счастье. См.:Новый мир. 1995. № 3. С.162-163.

⁹⁸ Спиридович А. Записки жандарма. М., 1991. С.66, 67.

⁹⁹ Keep I. Op. cit. P. 44-47; и др.

¹⁰⁰ Общественное движение в России в начале XX века. Спб.,1909. Т.1. С.405.

¹⁰¹ Тарновский К.Н. О некоторых особенностях формирования непролетарских партий в России (непролетарские партии России в трех революциях). М.,1989. С.26.

¹⁰² Общественное движение в России в начале XX века. Спб., 1914. Т.3. Кн.5. С.541.

¹⁰³ Маслова А.Т. Разоблачение В.И.Лениным меньшевистской концепции движущих сил революции 1905-1907 гг.// Вопр. истории КПСС. 1965. № 1.С.20-33; Волобуев О.В.Критика меньшевистских взглядов на 1-ю русскую революцию в ленинских работах 1905-1907 гг.// Поволжский край. 1977. № 5. С.53-69; Он же. Критика В.И.Лениным меньшевистских взглядов на роль классов в революции 1905-1907 годов.// Вопр. тактического и организационного руководства партии большевиков в период трех революций. М.,1979. С.99-130; Волобуев О.В., Муравьев В.А. Ленинская концепция революции 1905-1907 годов в России и советская историография. М.,1982; Чиковани А.Ю. Ленинская концепция первой буржуазно-демократической революции в России (1905-1907 гг.). М.,1981; и др.

¹⁰⁴ История КПСС. М., 1967. Т.2. С.7, 28-29; Чиковани А.Ю. Указ.соч. С.42-43; Волобуев О.В., Муравьев В.А. Указ.соч. С.176-177.

¹⁰⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.21. С.172.

¹⁰⁶ См.: История политических партий России. М.,1994. С.237-238.

¹⁰⁷ В.И.Ленин: Биогр. хроника. М., 1971. Т.2. С.90, 133, 135. В середине августа 1905 г. Ленин ознакомился со статьей Мартова “Русский пролетариат и Дума” и, по словам Крупской, пришел “в азарт страшный и собирался доказать всю пошлость этого “плана” участия

социал-демократии в выборах в булыгинскую Думу. (С.140, 283, 308, 337, 350-351).

¹⁰⁸ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.19. С.360; Т.20. С.400; Вопр. истории КПСС. 1965. № 1. С. 21,25, 26.

¹⁰⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.19. С.359-360; Чиковани А.Ю. Указ.соч. С.52, 67; Возрождение. 1909. № 1-2. С.30; Тарновский К.Н. Проблемы социально-экономической истории империалистической России на современном этапе советской исторической науки: Автореф. дис. д-ра ист. наук. М.,1970. С.28-29; Волобуев П.В. Пролетариат – гегемон социалистической революции // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М.,1970. С.55.

¹¹⁰ Ленин В.И. Опыт классификации русских политических партий. // Полн.собр.соч. Т.14; Избирательная кампания в IV Государственную думу. // Там же. Т.21; Политические партии России. // Там же. Т.21.

¹¹¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.14. С.22; Мартов Л. Политические партии в России. СПб.,1906; 2-е изд. М.,1917. С.4-9,17-24; Поволжский край. 1977. № 5. С.61.

¹¹² Вопросы тактического и организационного руководства партии большевиков в период трех революций. С.119-121; Волобуев О.В. Идеино-теоретическая борьба по вопросам истории революции 1905-1907 гг. М., 1984. С.62-63; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.14. С.182.

¹¹³ Волобуев О.В. Идеино-теоретическая борьба по вопросам истории революции 1905-1907 гг. С.60-61; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.13. С.366-367.

¹¹⁴ Общественное движение в России в начале XX-го века. Т.3. Кн.5. С.610; Мартов Л. История российской социал-демократии. Пг.;М.,1923. С.168; Четвертый (объединительный) съезд РСДРП: Протоколы. М.,1934. С.202-209.

¹¹⁵ Череванин Н. Пролетариат в революции. М.,1907. С.16-19. Ленин выступил с критикой этой книги. См.: Полн.собр.соч. Т.11. С.119-120.

¹¹⁶ Тютюкин С.В. Первая российская революция и Г.В.Плеханов. М.,1981. С.95,97,110.

¹¹⁷ История КПСС. Т.2. С.250,267,298-300,478-479; Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М.,1989. С.81, 159; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.26. С.31.

¹¹⁸ История КПСС. Т.2. С.526-527; Ленинский сборник. М.,1985. Т.XL. С.369-379; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.27. С.90-92.

¹¹⁹ В.И.Ленин. Биогр. хроника. М.,1971. Т.2. С.457, 465-466, 537-538; М.,1972. Т.3. С.207, 291, 417.

¹²⁰ Шестаков С.В. Историография деятельности большевистской партии в период первой мировой войны и Февральской революции. М., 1977. С.27 ; Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России 1914-1917 гг. М., 1972. С.51, 58-59, 62, 63, 104; Волобуев П.В. К вопросу о закономерности Октябрьской революции // Коммунист. 1990. № 10. С.20.

¹²¹ Тютюкин С.В. Указ. соч. С.116-117, 125, 153, 292-293.

¹²² История КПСС. М., 1967. Т.3. Кн.1. С.9, 42, 281, 331, 501, 553. В.И.Ленин: Биограф. хроника. М., 1973. Т.4. С.7, 92, 97, 314-315; М., 1974. Т.5. С.416; Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг., 1918. С.35, 75-76; Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов, М., 1920. С.7, 32. На съезде Мартов выступил с заявлением против утверждения Г.Е.Зиновьева о том, что меньшевики будто бы отказывались защищать Петроград от наступающих немцев. Он привел факты, когда по распоряжению Крыленко от желающих идти в Красную Армию меньшевиков требовали письменного признания власти большевиков, т.е. предлагали защищать не российский город, а власти. (там же, с.82) . Мартов также требовал назначения следственной комиссии для выяснения обстоятельств, при которых был отдан приказ о демобилизации армии в то время, как армия еще могла сопротивляться. "Где слова Троцкого о священной войне? – спрашивал Мартов. – Троцкий так недавно сказал: "Если Германия откажется от заключения демократического мира, то мы объявим ей священную войну." "Где эта война?" На это Зиновьев ответил: "Если назначать следственную комиссию, то ее надо назначать над всем ходом нашей революции" (полагая виновником разложения армии революцию). // Цит. по: Фельштинский Ю.Г. Брестский мир. М.. 1992. С. 287, 298-299, 303-304.

¹²³ См.: Демиденко Г.Г. Советская историография жизни и деятельности соратников В.И.Ленина. Харьков, 1985; Иванова Л.В. Биографические очерки в литературном наследии В.И.Ленина. // История и историки, 1970. М., 1972. С.374-406.

¹²⁴ Минц И.И. История Великого Октября. М., 1977. Т.1. С.196, 315-316; Мартов Л. Национализм и социализм. Пг., 1918. С.5, 46.

¹²⁵ См.: Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993. С.43.

¹²⁶ Минц И.И. История Великого Октября. М., 1978. Т.2. С.102-103.

¹²⁷ Галили З. Указ.соч. С.41.

¹²⁸ Галили З. Указ. соч. С.351-352. Провидческие высказывания Мартова в 1917 г. позволили В.И.Миллеру предположить: "Если бы

Ю.О.Мартов с соратниками вернулись в Россию раньше, скажем, в начале апреля, вместе с Лениным, курс меньшевиков в последующие месяцы был бы иным.”(Миллер В. *Меньшевицкая партия в 1917 году // Меньшевики в 1917 году*. М., 1994. Т.1. С.62).

¹²⁹ См.: Хеймсон Л. *Меньшевизм и большевизм (1903-1917) : формирование менталитетов и политической культуры // Меньшевики в 1917 году*. С.46-47.

¹³⁰ Минц И.И. *История Великого Октября*. Т.2. С.496-497, 635, 778-779, 960-961; М.,1973. Т.3. С.171.

¹³¹ См.: Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959. С.48.

¹³² Астрахан Х.М. *Большевики и их политические противники в 1917 году*. Л.,1973. С.63, 213, 301, 302; Спирин Л.М. *Россия: 1917 год. Из истории борьбы политических партий*. М., 1987. С.159, 195. См. также: Суханов Н.Н. *Записки о революции*. М.,1992. Т.3. Кн.5-7. С.55.

¹³³ См.: Волобуев О.В., Миллер В.И., Шелохаев В.В. *Непролетарские партии России: итоги изучения и нерешенные проблемы // Непролетарские партии России в трех революциях*. М., 1989. С. 9, 11, 12.

¹³⁴ Рубан Н.В. *Октябрьская революция и крах меньшевизма (1917-1918 г.)*. М.,1968; *Непролетарские партии России. Урок истории*. М.,1984.

¹³⁵ Рубан Н.В. *Указ.соч.* С.32, 104, 105, 137,291; *Непролетарские партии России*. С.280,282,292,294,339.

¹³⁶ *Непролетарские партии России. Урок истории.*; Подболотов П.А., Спирин Л.М. *Краh меньшевизма в Советской России*. Л.,1988.

¹³⁷ *Непролетарские партии России*. С.468, 472; Мартов и его близкие. С.49.

¹³⁸ Об этом эпизоде см.: Троцкий Л.Д. *Сталин*. М.,1990. Т.1. С.148-149; Антонов-Овсеенко А. *Портрет тирана*. Нью-Йорк, 1980. С.9-11; Волкогонов Д. *Триумф и трагедия*. М.,1989. Кн.1. Ч.1. С.46-47; Иоффе Г. *Республика кумовьев. Как прошла первая репетиция сталинских процессов // Родина*. 1990. № 8. С.12-18. Мартов вернулся к этому факту в 1922 г., когда в статье “Таинственный незнакомец” писал, что областной Закавказский комитет РСДРП, ведший расследование по поводу эксков, в 1910 г. “постановил исключить из партии всех лиц, уличенных в содействии Петросяну-Мирскому при ограблении тифлисского банка. В числе этих лиц был Джугашвили-Сталин, ныне один из всероссийских диктаторов” (*Социалистич. вестник*. Берлин,1922. № 16. С.8).

¹³⁹ Мартов и его близкие. С.149, 151; *Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. Стеногр. отчет*. М.,1920. С.167-168, 180, 224-226, 328-330, 425-426.

¹⁴⁰ Подболотов П.А., Спирин Л.М. Указ.соч. С.19, 28, 37, 58, 144, 147, 180.

¹⁴¹ Гютюкин С.В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991. С.95.

¹⁴² Казакевич Э. Враги // Факел: Историко-революционный альманах. М.,1989. С.242-243; Костиков В. След от шляпы Ю.О. // Огонек. 1990. № 10. С.28-31; Голуб П. В королевстве кривых зеркал, или о том, как на страницах “Огонька” пытаются реабилитировать меньшевиков // Коммунист Вооруженных Сил. 1990. № 17. С.26-31; Кузнецов К.К. “Бывали хуже времена...” // Воен.-ист. журн. 1991. № 8. С.4-8; Волгогонов Д. А. Триумф и трагедия. М.,1989. Кн.1. Ч.1. С.146; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.43. С.241; Абрамович Р. Меньшевики и социалистический Интернационал. 1918-1940 // Меньшевики. Vermont, 1988. С.265. А.Авторханов отмечал, что Ленин, “хотя и отрицал в политической борьбе всякую общечеловеческую “внеклассовую” мораль, но в силу своего происхождения,..не был свободен...от понятия личной чести, долга и лояльности иногда даже по отношению к своим политическим врагам (Мартов,Плеханов,князь Кропоткин)” (Авторханов А. Происхождении партократии. Франкфурт на-Майне.1973. Т.1. С.37.

¹⁴³ Ленин – человек, мыслитель, революционер. М.,1990. С.338-342; Недорисованный портрет. 50-летие В.И.Ленина в речах, статьях, приветствиях. М.,1990. С.31.

¹⁴⁴ Волгогонов Д.А. Триумф и трагедия. Кн.1. Ч.1. С.145-146; Он же. Троцкий. Политический портрет. М..1992. Кн.1. С.54; Кн.2. С.286; Он же. Ленин. Политический портрет. М..1994. Кн.1. С.171, 174, 175, 178, 323.

¹⁴⁵ Цит. по: Волгогонов Д.А. Ленин. Кн.1. С.89-90; Воспоминания о В.И.Ленине. Т.1. С.54; Далин Д. Меньшевизм в период советской власти.// Меньшевики. С.153, 154.

¹⁴⁶ Меньшевики в Советской России. Казань, 1996. Сб. док.; Абрамович Р.А. Ю.О.Мартов и мировой меньшевизм.// Мартов и его близкие. С.83.

¹⁴⁷ Волгогонов Д.А. Ленин. Кн.1. С.170,178; Помпер Ф. Троцкий и Мартов// История СССР. 1991. № 5. С.192-203.

¹⁴⁸ Троцкий Л.Д. История русской революции. Берлин, 1931. Т.1. С.258; Берлин, 1933. Т.2. Ч.1. С.374; Т.2. Ч.2. С.337.

¹⁴⁹ Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.М.:Л.,1928. С.43-44; “Мы ушли,- писал Н.Н.Суханов,- неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов. Этого мало:

мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции” (Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1992. Т.3. С.343).

¹⁵⁰ Иоффе Г.З. Ночь упущенных возможностей. // Моск. новости. 1990. 4 февр; Он же. Юлий Мартов. Из писем 1917г. // Свободная мысль. 1991. №16. С.26-39; Ильящук Г.И. Ю.О. Мартов в зеркале личной переписки 1917 г. // История политических партий в вузовском курсе политической истории. М., 1991. Вып.1. С.134-136; Она же. Переписка лидеров меньшевизма как исторический источник (на примере писем Ю.О. Мартова 1917г.) // О подлинности и достоверности исторического источника. Казань, 1991. С.71-83.

¹⁵¹ Дейч Г.М. Ленинские эскизы к портретам друзей и противников. Л., 1990. С.69-88; Волобуев О.В., Ильящук Г.И. Послеоктябрьский меньшевизм. // История СССР. 1991. № 2. С.32-51; Для сравнения см.: Волобуев О.В. Банкротство меньшевистской концепции буржуазной революции в 1917 г. (к постановке проблемы) // Непролетарские партии России в 1917 году и в годы гражданской войны. М., 1980. С.74-81; Ильящук Г.И. История политического банкротства меньшевизма в период подготовки Октября в трудах В.И.Ленина. // Там же, с.64-74. См. также: Мартов Л. Линия социал-демократии // Вопросы социал-демократической политики. Пг.; М., 1920. Вып.1. С.3,5; Ю.О.Мартов о партии 1918-1919 гг. // Социалистич. вестник. Париж. 1927. № 7. С.4; Мартов Л. Воспоминания ренегата // Социалистич. вестник. Берлин. 1922. № 23-24. С.15-16.

¹⁵² См.: Литвин А.Л. Без права на мысль. Историк в эпоху Большого террора. Очерки судеб. Казань, 1994. С.27.

¹⁵³ Никитин В. Ленин и Мартов: несостоявшийся диалог о новой экономической политике // Диалог. 1991. № 10. С.64-67.

¹⁵⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т.1. С.18, 24. Предисловие к новому изданию книг Н.Н.Суханова написал с большим сочувствием к нему и его коллегам А.А.Корников. Он же стал автором книги о Н.Н.Суханове. См.: Корников А.А. Судьба российского революционера: Н.Н.Суханов – человек, политик, мемуарист. Иваново, 1995.

¹⁵⁵ См.: Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959; Baron S. Plekhanov. The father of Russian Marxism. Stanford, 1963, Getzler I. Martov. A political biography of Russian social-democrat. Melbourne, 1967, Ascher A. Pavel Axelrod and development of menshevism. Cambridge, 1972, Roobol W. Tsereteli. A democrat in the russian revolution.. Amsterdam, 1976, Письма Ф.И. Дана. 1899-1946. Амстердам, 1985; Из архива Л.О.Дан. Амстердам, 1987; Большевики. Benson, 1988; Большевики после Октябрьской революции. Benson, 1990; и др.

¹⁵⁶ Иоффе Г., Тютюкин С. *Меньшевики.* // Наука и жизнь. 1990. № 11. С.85.

¹⁵⁷ *The mensheviks from the revolution of 1917 to second world war.* London, 1974; *The Making of three Russian Revolutionaries: Voices from the Mensheviks Past.* Ed. L. H aimson, Z. Galili and R.Wortman. New-York, 1987; *Меньшевики в 1917 году. От января до июльских событий.* М., 1994. Т.1; М., 1995. Т.2. *От июльских событий до корниловского мятежа.* Отв. ред. З.Галили, А.Ненароков; М., 1996. Т.3. Ч.1. *От корниловского мятежа до Временного Демократического Совета Российской Республики (август – первая декада октября).* Отв. ред. З.Галили, А.Ненароков.

¹⁵⁸ *Меньшевики в 1917 году.* Т.1. С.28-29, 53, 62, 69, 71, 88, 96; Т.2. С.17-72.

¹⁵⁹ Галили З. *Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия.* М., 1993; *Она же. Меньшевики и вопрос о коалиционном правительстве: позиция “революционных оборонцев” и ее политические последствия* // *Отечественная история.* 1993. № 6. С.15-27; *Она же. Меньшевики и проблема коалиционного правительства: позиция революционных оборонцев и ее политические последствия* // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* Спб., 1994. С.98-115.

¹⁶⁰ *Отечественная история.* 1993. № 6. С.16; *Анатомия революции.* С.100.

¹⁶¹ *Отечественная история.* 1995. № 2. С.202-206.

¹⁶² См.: Такер Р. *Сталин. Путь к власти. 1879-1929. История и личность.* М., 1990. С.126, 135.

¹⁶³ Рабинович А. *Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде.* М., 1989. С.51, 52, 283, 323; Авторханов А. *Происхождение партократии.* Франкфурт на-Майне, 1973. Т.1. С.74, 96, 163, 169, 171; Он же. *Ленин в судьбах России. Размышления историка.* Prometheus – Verlag, 1990. С.9, 235; Пайпс Р. *Русская революция.* М., 1994. Ч.2. С.40-41, 46; Brovkin V. *The mensheviks after October. Socialist opposition and the rise of the bolshevik dictatorship.* London, 1987; Brovkin V. *Behind the front lines of the civil war. Political parties and social movements in Russia. 1918-1922.* Princeton university press, 1994. P.31-34; Shapiro L. *The Communist Party of the Soviet Union.* N.Y., L., 1960. P.29, 39; Galai Sh. *The Liberation Movement in Russian. 1905-1907.* L., 1973. P.1. Рец. на кн. Гетцлера см.: *Russian Review.* 1968. October. P.475; В советской историографии проблема влияния Бунда на создание РСДРП оценивалась отрицательно. См.: Бушмарин Н.В., Червякова М.М. *Бунд в освещении современной буржуазной историографии* // *Великий Октябрь и непролетарские*

партии. Материалы конференции. М., 1982. С.225-242; а также см.: Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920 гг.). М.,1968. С.306-310.

¹⁶⁴ Волобуев О.В., Ильяшук Г.И. Послеоктябрьский меньшевизм // История СССР. 1991. № 2. С.48-49.

¹⁶⁵ Ильяшук Г.И., Миллер В.И. Мартов Ю.О.// Политические деятели России.1917. Биографический словарь. М.,1993. С.204-208; Имя Мартова не упоминалось в энциклопедии “Гражданская война и военная интервенция в СССР”. М.,1983; а так же в кратком историко – революционном справочнике “Великий Октябрь”. М.,1987. В энциклопедии “Великая Октябрьская социалистическая революция” (М.,1987. С.287) ему отводилось несколько строк. См.: Подболотов П.А., Рудницкая В.С. Юлий Мартов: политик и человек.//История отечества в портретах политических и государственных деятелей. Брянск, 1993. С.3-14; Тютюкин С.В. Ю.О.Мартов.// Политическая история России в партиях и лицах. М.,1994. С.113-129; The Blackwell Encyclopedia of the Russian Revolution.. Ed. by Harold Shukman. Oxford, 1994. P. 353-355.

¹⁶⁶ Богданова Н.Б. Мой отец – меньшевик. Спб.,1994. С.75,102. Подробнее о книге Н.Б.Богдановой см. рец. И.Х.Урилова// Отечественная история. 1996. № 2.

¹⁶⁷ Тютюкин С.В. “Мягкие” марксисты: меньшевики // История политических партий России. М.,1994. С.216-260; Симонов Н.С. Политические соперники: меньшевики, эсеры.// Там же.С.312-347; См.также: Мартов и его близкие. С.82.

¹⁶⁸ Миллер В.И. Революция в России . 1917-1918 гг. Проблемы изучения. Диссертация в форме научного доклада по совокупности опубликованных трудов. М., 1995. В.И.Миллер (1930-1995) – автор многих работ по истории меньшевизма.

¹⁶⁹ Тумаринсон В.Х. Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус. (Опыт исторической реконструкции). М., 1994. С. 75-78, 91-92, 263,264.

¹⁷⁰ Новая и новейшая история. 1995. № 4. С.133-157; № 5. С.130-166.

¹⁷¹ См.: Анатомия революции... С.20; Новый мир. 1994. № 12. С.191.

ГЛАВА II

Становление Мартова как лидера, теоретика и историка меньшевизма

Творческое наследие российских социал-демократов изучено односторонне и недостаточно. Большинство советских историков апологетически воспринимали труды В.И.Ленина, благожелательно-критически – Г.В.Плеханова, негативно – Ю.О.Мартова¹. Мартов был автором более 500 книг, брошюр, газетных и журнальных статей², посвященных рабочему и социал-демократическому движению в России, но они или замалчивались в советской историографии, или упоминались с явным неодобрением.³

В 1967 г. была опубликована, например, статья В.В.Мицурова и Ю.М.Критского “Российское рабочее и социал-демократическое движение 70-х – начала 90-х годов XIX века в советской исторической литературе”. В ней отмечалось значение подсчетов количества стачек и волнений, но говорилось, что в дореволюционных исследованиях С.Н. Прокоповича “К рабочему вопросу в России” (Спб., 1905. С.45-72) и Ю.О.Мартова “Развитие крупной промышленности и рабочее движение” (в кн.: История России в XIX в. Спб., 1908. Т.У111.С.67-156) эти подсчеты сделаны только на основании газетных источников.⁴ Полагая, что этого источника недостаточно, авторы статьи не отвечают на вопрос, насколько точны, или неточны данные Прокоповича и Мартова. А без этого их упреки теряют смысл. Н.Н.Маслов в статье, вышедшей в 1968 г., обвинял Мартова в фальсификации истории партии за попытку представить большевиков как неких бланкистов-заговорщиков, пытавшихся “втиснуть дело организации массового движения в прокрустово ложе конспиративно-бюрократической системы”. Маслов ссылаясь при этом на книгу Мартова по истории российской социал-демократии. Но на указанной Масловым с.68-й книги Мартова

речь шла “немного о другом”. Мартов анализировал написанное Лениным “Письмо к товарищу о наших организационных задачах” и отстаивал свою точку зрения на организационное строение РСДРП как демократической организации, а не “централистского строя” со строго законспирированными местными центрами.⁵ Цитата Мартова не давала оснований для столь категоричного вывода Маслова.

В 1969 г. Ш.М.Левин процитировал статью Мартова “Вопросы дня. Кое-что о терроре...” (Искра.1901. № 4). В.А.Твардовская предпочла эту же статью оставить безымянной, отнеся ее к заслугам “ленинской “Искры”⁶. Подобных иллюстраций необъективного отношения к трудам Мартова можно привести множество. Ситуация стала меняться с начала 1990-х годов, когда в российской историографии появились первые, хотя и очень краткие научные биографии Мартова, критическое восприятие деятельности Ленина, объективные попытки разобраться в творчестве Плеханова.⁷

Советская историография рассматривала распространение марксизма в России и начало социал-демократии в зависимости от трактовки биографии Ленина. Среди первых отечественных марксистов назывались Н.Е.Федосеев и Г.В.Плеханов. Но роль организатора марксистской партии всецело отводилась Ленину. Ныне эта схема подверглась кардинальной ревизии. Пересмотр многих, казалось бы, аксиоматических положений советской историографии начался в силу многих причин, среди которых важное место занимает критическое отношение к источникам, ранее пользовавшимся исключительным доверием, например, произведения Ленина, а также обращение к документам, исходящим от противников большевизма, и к достижениям немарксистской историографии.

Советскими обществоведами Ленину зачастую приписывалась более значительная роль, чем он играл на самом деле, причем процесс его становления как марксиста, как, впрочем, и у многих других лидеров российской социал-демократии, в действительности протекал более сложно, не-

жели это представлялось в советской исторической литературе⁸. И Ленин, и Мартов стали марксистами в студенческие годы, занимаясь самообразованием, участвуя в революционном движении, и посещая кружки, где много говорили о книгах К.Маркса и народофильском терроре. Но у каждого из них было и свое, сугубо личное, что формировало неприязнь к существовавшему в России режиму. Для Ленина сильным потрясением стала казнь старшего брата, на Мартова ужасное впечатление произвел еврейский погром в Одессе, где он тогда жил, и антисемитизм, который он, как еврей, испытал на себе обучаясь в петербургских гимназиях.

В 1892 г. Мартов участвовал в создании Петербургской группы “Освобождения труда” и тогда же в написанной им декларации высказал “носившуюся в воздухе” идею об объединении социал-демократических кружков в партию⁹. Мартов писал в “Записках социал-демократа”, что карьере ученого-естествоиспытателя он предпочел занятия политикой. Он стал одним из лидеров отечественной социал-демократии. Потому в трудах Мартова отразилась его точка зрения на историю российской социал-демократии.

Сравнительный анализ тематики ранних работ Ленина, Мартова и других российских марксистов фиксирует их почти одновременные выступления против народнических воззрений Н.К.Михайловского¹⁰, отклики на важнейшие политические события в стране и мире, взаимосвязь публицистической и практической деятельности.

17 мая 1893 г. Мартов был освобожден из заключения в “Крестах” и после месячного пребывания в Петербурге отправлен в ссылку в Вильно. Там, у местных революционеров Мартов учился конспирации, написал небольшую газетную корреспонденцию о кожевенном промысле в местечке Сморгонь, пропагандировал среди еврейских ремесленников идеи “Манифеста Коммунистической партии”, отредактировал и написал предисловие к брошюре А.Кремера “Об агитации” (1894).

В этой брошюре предлагалось объединить пропаганду и агитацию, теорию и практику. В отличие от плехановско-

го деления на “пропаганду для вождей и агитацию для масс”, речь шла о “бесперывной агитации среди фабричных рабочих, которая должна быть поставлена на почву реальных повседневных нужд и требований”.¹¹ Сам Мартов еще в 1892 г. заявлял о своей приверженности марксизму: “Русская революция, – писал он в декларации Петербургской группы “Освобождения труда”, – нашла себе новое прочное основание. Это основание – научный социализм”.¹²

В Вильно в начале 90-х годов XIX в. среди кружковцев существовало мнение об использовании марксизма в процессе объединения еврейских рабочих для борьбы с бесправием и притеснением евреев в Российской империи. Мартов дал этим настроениям политическое обоснование, выступив с речью на майском (1895 г.) собрании виленских агитаторов. Он говорил о слабости еврейского рабочего движения, о том, что без поддержки русских и польских рабочих евреям многого добиться не удастся. В свою очередь еврейский пролетариат может оказать поддержку русскому и польскому движению с тем, чтобы вместе “достигнуть общего освобождения”. Мартов предлагал “создать специально еврейскую рабочую организацию, которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейского пролетариата в борьбе за экономическое, гражданское и политическое освобождение”. И тут же признавал интернациональный характер социализма.¹³ Тогда же Мартов в листовке “По поводу еврейской стачки в Вильно” подчеркивал, что рабочее движение интернационально, что еврейский пролетариат может победить только вместе с рабочими других национальностей.¹⁴ Мартов не был руководителем Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России), созданного еврейскими социал-демократами в 1897 г., но сыграл значительную роль в жизни этой партии. Работая в редакции “Искры” в начале 1900-х годов, он поддерживал связь с руководством Бунда.¹⁵ Мартов стал и одним из первых историков Бунда.

Это было характерно для Мартова – писать о том, чему он сам был свидетелем. Он сам был крупной фигурой соци-

ал-демократического движения в России, но писал чаще не о себе, даже в воспоминаниях, а о людях, организациях, партиях. Для него Бунд был частью российской социал-демократии. Мартов писал о нем намного подробнее, нежели об армянских, латышских или мусульманских социал-демократах, ибо лучше знал историю Бунда и тех, кто его представлял.

Советские историки, особенно со времени издания “Краткого курса истории ВКП(б)” (1938), всячески опровергали “утверждение буржуазных историков об исключительной роли Бунда в созыве I-го съезда РСДРП и создании марксистской партии России”¹⁶. Мартов относил Бунд к социал-демократическим национальным партиям. Он называл газету “Голос рабочего”, выходящую с 1896 г. на еврейском языке, в числе первых российских социал-демократических газет. Мартов подчеркивал участие Бунда в 1898 г. наряду с “Союзами борьбы” Петербурга, Москвы, Киева и Екатеринослава в создании РСДРП. Подробно об этом он рассказал в “Истории российской социал-демократии”. По его мнению, организация общеврейского рабочего союза (Бунда) ускорила процесс сплочения других социал-демократических формирований и созыв I съезда РСДРП¹⁷.

В работах Мартова представлена история Петербургского “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”, в создании и деятельности которого он принял самое активное участие. После двухлетней вильнюсской ссылки Мартов в октябре 1895 г. приехал в Петербург. В то время там действовали две социал-демократические группы (“стариков” и “молодых”) и одна народническая. Мартов вернулся в Петербург с идеей объединения социал-демократов, использования вильнюсского опыта ведения агитации среди рабочих, организации издательского дела. Он увидел и позже написал о том, как “старики” во главе с Лениным и “молодые” (И. Чернышев и др.) занимались агитацией на питерских заводах.

Мартов встретился с Лениным, прибывшим из-за границы, и узнал, что Аксельрод и Плеханов рекомендовали ему использовать марксистские кружки как политическую

партию, “вмешиваясь во все крупные вопросы общественной жизни и стремясь стать в центре явно намечавшегося оппозиционного общественного оживления”¹⁸. Вскоре Мартов возглавил группу “молодых” и они объединились со “стариками” Ленина. Мартов писал позже об организационном строении объединения и подготовке первого номера газеты “Рабочее дело”, аресте в ночь на 9 декабря 1895 г. Ленина и других членов “Союза”. Оставшись на свободе, он предложил назвать объединенную организацию “Союзом борьбы за освобождение рабочего класса”¹⁹. Заметим, что Мартов считал необходимым сообщить о деятельности социал-демократов в Петербурге социалистам Запада. Он написал статью для берлинской “Форвертс”, излагающую планы и задачи “Союза борьбы” и она была опубликована²⁰. Однако в ночь на 5 января 1896 г. Мартов был арестован, год просидел в Доме предварительного заключения и только в конце января 1897 г. был приговорен к административной ссылке в Восточную Сибирь, в Туруханский край²¹.

Мартов дал несколько характеристик деятельности “Союза борьбы” и развитию социал-демократического движения во второй половине 90-х годов в России. В очерке “Зарождение политических партий и их деятельность” (1909) Мартов писал, что “Союзы борьбы”, созданные в Петербурге, Москве, Киеве и других городах, “представляли собою сравнительно немногочисленные группы интеллигентов-социал-демократов, изредка пополнявшиеся отдельными единицами из передовых рабочих”. В России, по мнению Мартова, во второй половине 90-х годов XIX в. вокруг “Союзов борьбы” и аналогичных групп было организовано несколько тысяч рабочих и несколько сот интеллигентов. Он обращал внимание на частые аресты социал-демократов, особенно учащейся молодежи, и полагал, что социал-демократизм в то время был наиболее влиятельным направлением среди демократической интеллигенции. Мартов объяснял это тем, что “демократическая интеллигенция искала в народных массах рычаг, который помог бы ей добиться политического преобразования”, что крестьянство не оправдало

ее ожиданий и она перенесла свои надежды на промышленный пролетариат. Это поставило российское социал-демократическое движение на уровень европейского и стало формировать его “под флагом социал-демократического марксизма”. В “Истории российской социал-демократии” он повторил сказанное в 1909 г., подтвердив, что по сравнению с прежними кружками пропагандистов “Союзы борьбы” были довольно крупными организациями, но это “были по-прежнему организации руководителей движения”²².

Точка зрения Мартова на деятельность Петербургского “Союза борьбы” была в значительной степени воспринята в работах западных историков Р.Пайпса, Д.Кипа, И.Гетцлера, но была проигнорирована, либо раскритикована советскими историками. Последние исходили из того, что Петербургский “Союз борьбы” создал Ленин, что он представлял собой “зачаток пролетарской партии в России”. Ф.М.Суслова в специальной статье о становлении Петербургского “Союза борьбы” подвергла сомнению утверждение Мартова о том, что эта организация была создана в конце 1895 г., а не в сентябре, и утверждала, что название организации дал не Мартов, а М.А.Сильвин²³. Аргументация Ф.М.Сусловой основана на наиболее тенденциозных и купированных воспоминаниях старых большевиков, изданных в 30-е годы. Варианты этих воспоминаний публиковались в разное время. Известно, что Крупская в мемуарах 1920 г. считала Мартова автором названия Петербургского “Союза борьбы”, но позже об этом уже не писала. Сильвин также менял свое мнение, в том числе и по затронутым Ф.М.Сусловой сюжетам²⁴. Потому ее статья не является опровержением мнения Мартова, находящего ныне все больше подтверждений и в отечественной исторической литературе.

Во время заключения в Петербурге и пребывания в Турханской ссылке, где самым тяжелым, по описанию Мартова, “была чрезвычайная оторванность от внешнего мира”, а письма приходили “в лучшем случае через месяц, обычно через два”, он необычайно много писал. Мартов считал это “работой для партии” и объяснял необходимостью психоло-

гического “разряда”²⁵. Находясь в 1896 г. в Петербургском Доме предварительного заключения, Мартов написал статью “Об “Искорках” Н.В.Рубакина”, посвященную роли российских марксистов в борьбе с самодержавием, а затем взялся за собирание материалов для задуманной им серии критических статей о судьбах русского народничества 70 – 90-х годов. В отличие от работ Ленина, обличающих народничество, Мартову представлялось нужным “проследить всю эволюцию легального народничества за четверть века с точки зрения развития и раскрытия заключенных в нем с самого начала противоречий между его революционно-утопической непримиримой враждой ко всякой “буржуазности”, ко всему укладу капитализма, и реформистски – приспособленческим оппортунизмом, вытекающим из стремления обойти путь классовой борьбы”. Он подчеркивал в воспоминаниях, что “самый декаданс народничества 80-х и 90-х годов должен был явиться результатом развития второй его стороны по мере посрамления действительностью его первой, утопической. Библиотека “предварилки” дала мне обильный материал для изучения идейных течений 70-х и 80-х годов, и я усердно собирал этот материал для статей, которые написать мне удалось уже в ссылке”. И далее: “Ко времени прибытия моего в Туруханск я узнал о крупном событии в жизни социал-демократии: журнал “Новое слово” попал в руки компании Струве- Туган-Барановский – Богучарский и стал в полном смысле слова легальным органом складывающейся партии. Я поспешил принять личное участие в журнале и подготовил к печати серию о народничестве, для которой собрал материалы в “предварилке”. Серия под названием “Народничество прежде и теперь” и за подписью А.Егоров (псевдоним этот я составил из двух революционных своих кличек: Алексеем меня звали в Вильно и Егором – в питерском “Союзе борьбы”) начала печататься в ноябрьской книжке “Нового слова”. Но, – увы! – это была последняя книжка журнала; следующая с продолжением моей статьи была конфискована при выходе, и лишь очень немногие экземпляры ее попали в публику”²⁶.

В 1897 г. Мартов написал брошюру “Современная Россия”, в которой утверждал, что борьба против существовавшего в России режима означала “устранение последних препятствий на пути ее превращения в современное капиталистическое государство”, что “исторические условия сделали рабочий класс у нас единственным борцом за политическую свободу, и ему предстоит играть ту роль, которая в передовых странах Западной Европы выпала на долю буржуазии”²⁷.

В 1898 г. в ссылке Мартов узнал о I съезде РСДРП. Он решил написать в связи с этим популярную брошюру о целях социал-демократии и ее требованиях. В начале лета рукопись брошюры была отправлена в Вильно, к Полине Осиповне Гордон. Аресты бундовцев привели к утере рукописи, так как Гордон была в числе арестованных. Тогда Мартов заново написал брошюру и она была опубликована в Женеве.²⁸

По Мартову, РСДРП есть партия социалистическая, рабочая, так как “защищает интересы всего рабочего класса”. В ней объединена наиболее сознательная и деятельная часть рабочих. Это – демократическая партия, признающая, что рабочий класс добьется освобождения, заменив “нынешнее полицейское государство” на народное, и наконец, РСДРП – партия всероссийская, защищающая интересы пролетариата без различия вероисповедания и национальности.²⁹ Мартов призывал рабочих России добиваться охраны труда, бороться за экономические реформы, способствующие усилению классовой борьбы, требовать свободы стачек, печати, совести и союзов, всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, равенства всех граждан перед законом. Мартов выражал надежду: “Сознание того, что мы боремся за величайший переворот в истории человечества, будет укреплять энергию современных борцов, освещать их деятельность высшей целью и свяжет их братскими узами с пролетариатом всего мира, который всюду ставит себе ту же великую цель”.³⁰

Марксисты 90-х годов XIX в. формировались под влиянием учения, ставшего их верой и идеологией. Они, как правило, не принимали непосредственного участия в народни-

ческом движении, но, как позже отмечал Мартов, воспитывались, в отличие от плехановской группы, не только на опыте западноевропейского, но и российского рабочего движения. Роль пролетариата в революционном переустройстве мира подчеркивали в своих работах Ленин, Мартов, Плеханов, “легальный” марксист Струве.³¹ Мартов и Ленин писали свои произведения в конце 90-х годов, находясь в ссылке. В их статьях той поры сочеталась вера в рабочих, строителей “нового, светлого мира” с ненавистью к самодержавию, олицетворявшему для них “образ врага”.

В ссылке же Мартов работал над брошюрой по истории русского рабочего движения. Она была издана в 1900 г. под названием “Красное знамя в России”, а в 1906 г. вышла в Петербурге под заголовком “Пролетарская борьба в России”. Мартов писал, что брошюра создавалась по памяти, а потому позже пришлось устранять фактические неточности. В брошюре обращалось внимание на то, что идея социализма “возникла впервые не среди рабочих масс, а в кабинетах ученых, вышедших из среды буржуазии”. С другой стороны, уже в первой половине XIX в. “русские фабричные стали считаться классом, опасным для общественного порядка, т.е. для спокойствия высших классов”. Мартов писал о народниках и первых рабочих союзах в России и утверждал, что “только сам рабочий класс может освободиться от гнета капитала”, что “идея социализма есть теоретическое выражение классовых интересов пролетариата”, а потому задача социал-демократической партии – “содействовать развитию самосознания этого класса, объединять его.” Мартов был убежден, что в “лице социал-демократии русское социалистическое движение слило, наконец, свое дело с делом пролетариата”. Но, по Мартову, выражать потребности класса вовсе не значит плестись в хвосте этого класса, а наоборот – идти впереди него.³²

Логика брошюры Мартова, как впрочем и других работ марксистов того времени, была довольна проста: нужно бороться с полицейско-бюрократическим самодержавным государством за политические, экономические, национальные

свободы и равенство. Крестьянство с этой ролью не справилось, народники потерпели поражение. Тактика политического террора завела их в тупик. Массы им сочувствовали, но не поддерживали. Выход – в учении Маркса, в развитии социал-демократии, в соединении рабочего движения с учением о социализме. Для этого нужна организованная партия, ясная программа действий, пропаганда и агитация в массах. Потому данная брошюра Мартова, как и многие другие его работы, отличавшиеся литературным блеском, были не столько научными исследованиями, сколько публицистическими произведениями с призывом к переустройству общества.³³

В ссылке Мартов занимался переводами с немецкого “Анти-Дюринга” Энгельса, писал корреспонденции в сибирские газеты “Восточное обозрение” и “Сибирская жизнь”,³⁴ присоединился к составленному Лениным протесту против “Credo” Кусковой и Прокоповича (1899), активно переписывался с Лениным и Потресовым о необходимости “борьбы с ревизионизмом и “экономизмом”, писал письма и стихи.³⁵

29 января 1900 г. кончился срок ссылки. В середине февраля Мартов прибыл с товарищами в Красноярск и только через две недели смог следовать дальше, получив уведомление о запрете на три года жить в губернских и университетских городах. По пути Мартов встретился со ссылкой Г.М.Кржижановским (Нижеудинск), В.В.Старковым (Омск), Н.К.Крупской (Уфа). От последней он узнал о просьбе Ленина поехать в Псков, увидеться с ним, Потресовым, Засулич и решить вопрос о дальнейшей работе. Жить же Мартов решил в Полтаве, там обосновался его брат С.О.Цедербаум.

Мартов писал во второй части своих незаконченных воспоминаний, что он возвращался из ссылки под впечатлением господства в рядах социал-демократии “экономического” направления. Вскоре выяснилось, что различные группы социал-демократов готовят II съезд РСДРП. На совещании в Пскове (начало апреля 1900 г.) на квартире Любови

Николаевны Радченко встретились В.И.Ленин, Ю.О.Мартов, А.Н.Потресов, П.Б.Струве и М.И.Туган-Барановский. Воспоминания Мартова являются, вероятно, единственным источником о том, как проходило это совещание. Речь шла о создании социал-демократической газеты “Искры” и журнала “Заря”. С программной речью выступил Ленин. Мартов и Потресов предварительно ознакомились с предложениями Ленина и одобрили их. По наблюдению Мартова, Струве отмалчивался, а Туган-Барановский спорил. Но спор быстро угас, Струве и Туган-Барановский согласились сотрудничать в газете и журнале и даже сделали небольшой денежный взнос (Струве – 5 руб., Туган-Барановский – 10 руб.). Мартов сообщал о своих колебаниях по поводу сотрудничества с “легальными” марксистами. И тут же замечал: “Что касается Ленина, то он скорее склонялся внутренне к тому скептическому представлению о дальнейшем господстве марксизма, а, следовательно, и социал-демократии, над широкими кругами интеллигентной демократии, которое составилось и у меня. Но – и здесь я впервые мог наблюдать некоторые свойства Ленина, как практического политика, которые развернулись впоследствии, – из своего скептицизма он отнюдь не делал вывода о необходимости для нас идти своим путем, ликвидировав свои отношения к правому крылу марксизма. Напротив, он, может быть, еще инстинктивно нащупал политическую линию, в которой, как столь часто у него впоследствии, мысль о самых широких исторических задачах причудливо сочеталась с представлением о весьма мизерных, мелкотравчатых, если хотите, вульгарных средствах. Нельзя ли сложившуюся ситуацию “использовать” для образующейся рабочей партии в том смысле, чтобы взять у будущих либералов все, что они сегодня могут дать в смысле поддержки нашей организации, – их средства, их влияние, их таланты, – с тем, чтобы завтра, когда с ними уже будет не по пути, выбросить их, как выжатый лимон. Эта приблизительно идея мелькала смутно еще в мозгу Ленина, когда он упорно возвращался к плану начинать нашу работу по строительству “ортодоксальной” революционной социалистической

партии при неперенном участии тех людей, которых он в душе уже считал отпетыми буржуазными демократами, внутренне разорвавшими с марксизмом и, вдобавок, в данный момент наиболее опасными для нашего собственного еще молодого движения, которое они развращали теоретическими софизмами”.³⁶

Этим высказыванием Мартов отделял себя от Ленина, прежде всего, в морально-политическом плане. Он не представлял, как можно относиться к людям, руководствуясь их “нужностью для дела”. Мартов предлагал на совещании сотрудничать не со Струве и Туган-Барановским, а с бундовцами и “экономистами”, более близкими им по своим воззрениям, но Ленин настоял на своем.³⁷ Мартов, как человек, был более нравственно цельной натурой, для него было неприемлемо потребительское отношение к людям. Наверное, это был его недостаток как политика, но другим он быть не мог и в этом тоже состояла разница между Мартовым и Лениным, ставшая впоследствии одной из причин их политического и личного разрыва.

После совещания в Пскове началась деятельная подготовка к изданию “Искры”. С ее первого номера Мартов стал, по определению Троцкого, “главной публицистической силой “Искры””.³⁸ Тематика его статей отражала злободневные вопросы той поры. Мартов критиковал царское самодержавие, призывал интеллигенцию к активному участию в общественной жизни, протестовал против государственного и ответного эсеровского террора, разоблачал зубатовщину и отдельные действия Струве и бундовцев.

Позже, в очерке о деятельности социал-демократии России в 1900-1904 гг. Мартов подчеркивал, что первое время существования “Искры” было временем ожесточенной борьбы “политиков” и “экономистов”. Студенческое и рабочее движение тех лет помогло быстро политизировать массы и справиться с “экономизмом”. Труднее пришлось, указывал Мартов, с новым противником – возрождающимся народничеством, оживившим террористические традиции. “Борьба против террора, - писал Мартов, - была для “Искры”

в то же время борьбой за признание главным фактором освободительного движения рабочего класса, борьбой против попыток признать значение равноценного фактора за революционной интеллигенцией, как таковой”. По Мартову, “Искра” не игнорировала крестьянского движения и оппозиционные течения в обществе. Росло не только идейное, но и организационное влияние “Искры” на социал-демократию, чему способствовала публикация работ Ленина “С чего начать?” и “Что делать?” Мартов оценивал их как теоретическое обоснование “заговорщического перерождения организации”. Более того, по его мнению, “ведя ожесточенную борьбу с партией социалистов-революционеров как партией, стоящей на бланкистской, заговорщической почве, социал-демократия “искровского” периода, по своему организационному типу ничем от своей соперницы не отличалась”.³⁹ Ленинские идеи не все социал-демократы встретили с восторгом. Мартов также отнесся к ним критически. Призывы Ленина не объединяли, а разъединяли социал-демократическое движение в России. Отсюда – острейшая борьба по проекту программы РСДРП, предложенной Лениным.⁴⁰

Мартов высказывал эти идеи в 1909 г., когда формально меньшевики оставались одной из фракций РСДРП. Вряд ли нужно говорить и о том, что личная неприязнь Мартова к Ленину вызвала столь категорические формулировки о его работах. Мартов повторил свои выводы и в “Истории российской социал-демократии”, готовя в конце 1917 г. рукопись к изданию. В ней он обратил внимание на оправдание Лениным фактической диктатуры “партийных теоретиков, которым должна была принадлежать высшая власть в партии как гарантия того, что абсолютно управляющая движением организация профессиональных революционеров не свернет с пути действительно классовых интересов пролетариата. Передача верховного руководства партией группе идейных вождей, блюдущих марксистскую “ортодоксию”, должна была заменить собой, таким образом, ту гарантию против шатаний и уклонов, которую европейские рабочие

партии ищут в демократизме организации и массовом характере партии.”⁴¹

Естественно, что интеллектуально и объединенная в отдельные национальные партии часть социал-демократов не согласилась с планом Ленина. Мартов тоже не был согласен с этими идеями, хотя ему и было уготовано место среди будущего теоретического ареопага партии. Троцкий в автобиографии, подготовленной к изданию после депортации из СССР, идеализировал действия Ленина и писал, что еще до II съезда РСДРП Ленин был “твердый”, а Мартов “мягкий” искровец.⁴² Это определение весьма условно. “Мягкий” Мартов был необычайно тверд в принципиальных вопросах. Таким тогда оказался первый параграф устава партии, определявший, кто может быть членом РСДРП.

Известны три варианта проекта устава партии – один, написанный Лениным, и два, принадлежащие Мартову. Советские историки изучали формирование победоносного большевистского течения в партии. Кризис в РСДРП, особенно остро проявившийся после поражения Ленина при голосовании первого параграфа устава, глубоко не исследовался. Советская историография при объяснении происшедшего на съезде исходила из разъяснений Ленина, данных им в брошюре 1904 г. “Шаг вперед, два шага назад (кризис в нашей партии)”. Брошюра Ленина преследовала политическую цель – доказать, что “меньшинство” на съезде представляло собой оппортунизм в партии. Советские историки, следуя ленинской методике, изучали не историю партийного кризиса, а историю борьбы Ленина с его противниками, приклеивая последним различные политические ярлыки. Еще в 1903 г. одним из первых П.Б. Аксельрод отметил, что поиск внутреннего врага превратился в закон существования РСДРП. Он же обозначил параллель между партией большевистского типа и религиозной сектой. Плеханов, стоявший за внутривнутрипартийное согласие, считал, что конфронтация 1903 г. объяснялась не политическими, а психологическими факторами, так как интеллигент часто склонен превращать товарища по партии в своего конкурента. В ре-

зультате в партии возникают секты, группы, а это – источник раздоров.⁴³

Думается, прав был Мартов, отстаивавший партийную организацию более демократическую, нежели Ленин, стремившийся к партии элитарных профессионалов. Не случайно, централистская партия, созданная Лениным, стала моделью для создания им же в будущем суперцентрализованного советского государства.

Предложенная Мартовым формулировка первого параграфа устава, согласно которой для членства в партии, помимо признания ее программы и уплаты членских взносов, было достаточно лишь регулярно содействовать ее работе под контролем одной из партийных организаций (а не работать непосредственно в этой организации, как предлагал Ленин), собрала 28 голосов, против проголосовали 22 делегата съезда. Эта модель взаимоотношений члена партии с партийной организацией не была оригинальной: подобной точки зрения придерживались социал-демократы из многих партий II Интернационала. Таким образом, Мартов был за формирование в России социал-демократической партии западноевропейского образца, Ленин – за “партию нового типа”, партию революционеров-профессионалов, нацеленных на захват власти.

Непосредственным поводом для раскола стал не различный подход Ленина и Мартова к вопросу о членстве в партии, а выборы ЦК и нового состава редакции “Искры”, из которой Ленин хотел исключить В.И.Засулич, П.Б.Аксельрода и А.Н.Потресова. Мартов возражал, но когда победил Ленин, он, естественно, стал главой антиленинской оппозиции. Так возникли фракции большевиков во главе с Лениным и меньшевиков во главе с Мартовым. Однако вскоре стало ясно, что причины разногласий лежат гораздо глубже. Раскол РСДРП на большевиков и меньшевиков так или иначе, раньше или позже был неминуем, ибо они по-разному понимали задачи марксистской партии, у них была разная мораль и разные взгляды на будущее страны.⁴⁴ Возможно, в другой стране силы взаимного притяжения, обусловленные

общностью судьбы, доктрины и конечной целью спорящих сторон, могли бы взять верх над силами их взаимного отталкивания. Но в России, которая всегда была страной крайностей, дело обстояло иначе, хотя до образования двух совершенно независимых друг от друга социал-демократических рабочих партий большевики и меньшевики дошли лишь в 1917 г. Характерно другое: в отличие, например, от германской социал-демократической партии, где Э.Бернштейн и К.Каутский сохранили, несмотря на глубокие идейно-теоретические разногласия, товарищеские отношения, раскол РСДРП привел к полному разрыву прежних дружеских отношений между Мартовым и Лениным.

Начало 1903 г., казалось бы, не предвещало большой распри между ними, хотя проницательный Троцкий в воспоминаниях отмечал, что еще до II съезда РСДРП “Ленин критически и чуть подозрительно поглядывал на Мартова, которого очень ценил, а Мартов, чувствуя этот взгляд, тяготился и нервно поводил худым плечом. Когда они разговаривали друг с другом при встрече, не было уже ни дружеских интонаций, ни шуток, по крайней мере, на моих глазах. Ленин говорил, глядя мимо Мартова, а у Мартова глаза стекленели под отвисавшим и никогда не протиравшимся пенсне”. Троцкий полагал, что на Мартова психологически влияла В.И.Засулич, “отгораживая его от Ленина”.⁴⁵ По Троцкому, раскол оказался неожиданным для участников съезда, его не хотели ни Ленин, ни Мартов. “На съезде Ленин, – по воспоминаниям Троцкого, – завоевал Плеханова, но ненадолго; одновременно он потерял Мартова и – навсегда”.⁴⁶

В 1903 г. были опубликованы в Женеве три брошюры Мартова: “Пролетарский праздник”, “Милитаризм и рабочий класс”, “Еще раз в меньшинстве!” В первой Мартов знакомил читателей с историей первомайского праздника, подчеркивая важность объединения рабочих каждой страны “в одну социал-демократическую политическую партию” с тем, чтобы “добиваться перехода государственной власти в руки этой партии из рук теперешних правителей народов”. Он писал о необходимости борьбы рабочих за 8 часовую рабо-

чий день, замену постоянных армий (угроза войны) милицией, о том, что российскому пролетарию следует требовать политических свобод, о тяжелой судьбе рабочих, осужденных за участие в маевках. Во второй брошюре Мартов удивлялся, почему убийство одного человека считается преступлением, а сотен тысяч людей на войне – героизмом? Он писал о том, что милитаризм разоряет население (только в России на военные нужды шло 36% бюджета), а армия использовалась для подавления рабочих и крестьянских выступлений. Потому Мартов и предлагал вести социал-демократическую пропаганду в российской армии.

Эти две брошюры не касались внутрипартийных разногласий. Они разъясняли политику российских социал-демократов по указанным в заголовках темам и содержали интересный фактический материал. Так, Мартов подробно передавал хронологию российских маевок (1890-1902), указывал на их жертвы, подчеркивая героизм участников.⁴⁷

Текст брошюры Мартова “Еще раз в меньшинстве!” тогда же в сокращенном виде был опубликован в “Искре” (1903. № 53) под названием “Наш съезд”. В ней он назвал новой эрой восстановление партийного единства на II съезде РСДРП и тут же сетовал на то, что разногласия вновь раскололи партию. И этот раскол показал, что “условия нашей партии все еще далеки от “нормальных”. Мартов замечал, что большинство голосов, полученные Лениным при обсуждении ряда вопросов на съезде, еще не означало, что за Лениным идет большинство членов партии. Он полагал, что для нормального функционирования партии недостаточно “принять ортодоксальную программу и выработать строгий централистский устав”. Мартов назвал утопией попытки решать спорные вопросы по методу “тащить и не пущать”, подчеркнул, что “меньшинство не верит в мистическую силу “бумажных резолюций” и выразил сожаление в связи с потерей “двух видных товарищей по “Искре” – тов. Ленина и Плеханова”. Тогда он еще надеялся, что их пути разошлись не навсегда. Мартов был решительно против “извращений организационного централизма, которые грозят дезоргани-

зовать партию, прививая ей бюрократические тенденции и развивая семейно-кружковые начала в организационной политике”.⁴⁸

В брошюре, написанной вскоре после съезда, не было личностных выпадов и обвинений, было лишь желание выяснить границы разногласий и отстоять свои принципы. В письме Мартова П.Б.Аксельроду, датированном 31 августа 1903 г., он назвал происшедшее на съезде “передрягой”, сообщил, что виделся с Лениным и тот предлагал ему сотрудничество. Однако Мартов отказался.⁴⁹

Известно, что после съезда обе стороны вели переговоры, чтобы ликвидировать конфликт. Но Мартов и его приверженцы увидели в действиях Ленина, поставившего задачей любой ценой обеспечить большевикам преобладание в центральных органах РСДРП, стремление ввести в партии режим “осадного положения” и поставить оппозицию в неравное положение при защите своих взглядов. Вслед за спорами по организационным вопросам на II съезде РСДРП потянулась целая цепочка разногласий по тактическим и стратегическим вопросам, и авторы предисловия к берлинскому изданию писем Аксельрода и Мартова (1924) справедливо отмечали: “Кто может сомневаться в этом теперь, когда из ничтожных разногласий по § 1 устава, расколовших русскую социал-демократию на лондонском съезде 1903 г. на две обособленные фракции, так явственно для всех выросли два направления пролетарской мысли – социализм и коммунизм, раскалывающие ныне рабочий класс всего мира...”⁵⁰ В этом утверждении некорректно лишь одно: из “ничтожного разногласия” не могло появиться двух направлений “пролетарской мысли”.

Вскоре после II съезда РСДРП сторонники Ленина стали утверждать, что раскол носит не принципиальный характер, а личностный.⁵¹ Действительно, на II съезде Заграничной лиги русской революционной социал-демократии (13-18 октября 1903 г., Женева), объединявшей эмигрантские организации РСДРП, Ленин и Мартов обменялись резкими, оскорбительными заявлениями. Дело дошло до третейского

суда, но столкновение было исчерпано после восстановления старой редакции “Искры”. Ленин и Мартов при посредничестве Г.М.Кржижановского обменялись письмами, в которых заверяли друг друга, что конфликт возник в “результате недоразумения”.⁵²

В феврале 1904 г. вышла брошюра Мартова “Борьба с “осадным положением” в РСДРП” в виде ответа на письмо Ленина “Почему я вышел из редакции “Искры” (декабрь 1903 г.). В письме Ленин сообщал, что Мартов в статье “Наш съезд” (“Искра”. 1903. № 53) дал “совершенно неверное освещение того не очень глубокого, но очень дезорганизующего разделения между искровцами, к которому привел съезд”. Ленин хотел показать, что причиной раскола стали не споры о первом параграфе устава, а борьба за личное участие в руководящих органах партии. Хотя, по его мнению, “единственным, действительно принципиальным спором, разделившим сколько-нибудь определенно обе “стороны” (т.е. большинство и меньшинство искровцев), был спор о параграфе I устава партии”. Ленин написал письмо в начале декабря 1903 г. и тогда же в Женеве издал его небольшой брошюрой. Пространный брошюрный ответ Мартова был завершен 6 февраля 1904 г. Пространность своего ответа Мартов объяснял тем, что шестистраничное письмо Ленина содержало “конденсированный экстракт всех пущенных против так называемого “меньшинства” партии извращений истины”. Он считал “неправдой” утверждение Ленина о расхождении по вопросу о “личном составе центров”, так как меньшинство разошлось с большинством в вопросе о системе выборов, которая не гарантировала “интересов партии”. Мартов достаточно критически оценивал деятельность редакции старой “Искры”, когда писал: “Течение мысли, подсказавшее политику осадного положения, не явилось результатом “гениального безумия” одного сильного человека, не создано злой волей определенной категории, это течение мысли тесно связано со всем предшествующим развитием нашей партии, оно – законное, в своем роде, детище той самой “Искры”, которая совершила несомненную положи-

тельную работу по сплочению партии... К моменту партийного съезда “искровство” положительно стало задерживать дальнейшее развитие партии”, потому что “искровство как особая форма революционного социал-демократизма пережило себя”. В приложении к брошюре Мартова содержался ответ редакции “Искры” Ленину с разъяснениями причин отказа ему в публикации письма в газете. Одна из них состояла, по мнению редакции, в том, что Ленин пытался набросить моральную тень на мотивы действий половины партии и большинства редакции “Искры” и свести, ведущуюся в партии борьбу двух организационных тенденций на уровень жалкой и презренной борьбы “из-за мест”.⁵³

Ленин и Мартов, каждый по отдельности, выступали от имени партии и обвиняли друг друга в кружковщине, заявляли о желании примириться, но только на своих условиях. Потому чем дальше, тем больше они становились все непримиримее. Они все оценивали по-разному. Так, для Мартова поддержка Программы на съезде означала высший критерий для преодоления принципиальных разногласий, для Ленина – это факт менее значимый, чем принадлежность к одной из групп, сложившихся на съезде. У каждого из них были свои сторонники и противники. Мартова тогда поддерживали П.Б. Аксельрод, Ф.И.Дан, Л.Д.Троцкий и другие. Неспойно было и в редакции “Искры”, где Г.В.Плеханов полагал, что в углублении раскола виновны обе стороны, а не только Ленин.

В мае 1904 г. появилась работа Ленина “Шаг вперед, два шага назад”, где он указал на неслучайность раскола и на то, что в его основе лежали организационные вопросы. И, разумеется, не согласился ни с одним из доводов брошюры Мартова об “осадном положении” в партии. В приложении к книге Ленин опубликовал заметку об “Инциденте тов. Гусева с тов. Дейчем”.⁵⁴ Суть последнего состояла в том, что С.И.Гусев (Я.Д.Драбкин) распространил список кандидатов, будто бы выставляемых меньшинством в ЦК на II съезде РСДРП, сообщив, что список исходил от Л.Г.Дейча. Третейский суд, разобрав это дело, признал, что “сообщение Гусева... будто

Дейч передал ему, Гусеву, список, лишено основания”.⁵⁵ Ленин вступился за Гусева, а Мартов – за Дейча. Мартов сделал это в двух работах 1904 г. – “Вперед или назад?” и “Об одном “недостойном” поступке”.

Ленин критиковал Мартова прямолинейно, зло и цинично. Мартов отвечал жесткой иронией, также не стеснясь в выражениях. Мартов ужасался стремлению Ленина подавить “пролетарской дисциплиной” “интеллигентский индивидуализм” и решительно восстал, отстаивая право членов партии на инакомыслие. Мартов видел тогда в Ленине “представителя консервативной тенденции” в партии, боявшегося “всякого критического отношения к “искровскому наследству”.

Столь же остро и принципиально ставил Мартов вопрос о подделке Гусевым списка пяти кандидатов в члены ЦК. Мартов писал, что намерен довести дело до конца и “убедить партию освободиться от странной опасности, которую представляет собой приютившаяся в наших рядах “нечаевщина”. Сегодня “терпимость” к фальсификаторам, завтра – свободный доступ Дегаевым: такова эта серьезная опасность, от которой партия должна себя оградить самыми решительными мерами”. Мартов был убежден, что разногласия могут быть всякие, но по вопросу об этических принципах двух мнений быть не может.⁵⁶

В своих работах Мартов и позже неоднократно возвращался к расколу российской социал-демократии на II съезде РСДРП, как правило, с весьма категорическими формулировками. Он винил большевиков в том, что последовавший за съездом год явился для социал-демократии “эпохой нового организационного разброда”, что раскол по “организационному вопросу послужил исходным пунктом для выделения из идейно объединенной “искровцами” социал-демократии двух фракций, постепенно занявших противоположные позиции по всем вопросам тактики, выдвинутым развитием событий, и отражавших собою более или менее отчетливо различные тенденции в движении самого рабочего класса”. Мартов отмечал, что после съезда партия была ослаблена.

Меньшинство, “сплотившееся на почве оппозиции крайнему централизму, заговорщичеству и диктаторским тенденциям Ленина, хотя и объявило, что будет бороться за торжество своих взглядов в рамках самой партии, но отказалось принимать какое-либо участие в работе центральных учреждений, пока ему не будет обеспечена достаточная свобода для пропаганды этих взглядов”. Большевики взялись за “чистку местных комитетов и борьбу с “оппортунистами” в организационном вопросе”. Все это расстраивало работу партии.⁵⁷

Разумеется, мнение официальной советской историографии о кризисе в партии в момент появления двух политических течений (большевизма и меньшевизма) было отличным от выводов Мартова. В наиболее концентрированной форме оно выражено в многотомной истории КПСС, где все происшедшее на II съезде РСДРП оценивалось как победа Ленина и большевиков и подчеркивалось, насколько эта победа была благом для российского пролетариата.⁵⁸

Происхождение большевизма и меньшевизма в России объясняется историками по-разному. В советской историографии это было связано с тем, что история большевизма занимала в ней совершенно особое место. Основными документами при изучении истории РСДРП были высказывания Ленина и его сторонников, чья “истинность” не шла ни в какое сравнение с данными других источников.⁵⁹ В настоящее время у историков не вызывает сомнения принадлежность меньшевиков, как и большевиков к марксизму. Мартов, как и Ленин в “искровский” период разрабатывал проблему взаимодействия рабочего и социал-демократического движения, подчеркивал особую заинтересованность пролетариата в победоносной революции. Мартов и Аксельрод в то время более осторожно оценивали зрелость пролетарского движения в России и считали, что и после II съезда партии еще предстоит длительная работа по слиянию социализма и стихийных выражений классовой борьбы. Для Мартова, Аксельрода и Ленина той поры характерно стремление вырваться за рамки ортодоксального марксизма. Различны были методы, призывы, формы работы.

Среди российских историков превалирует мнение о том, что основной причиной расхождений между Лениным (большевиками) и Мартовым (меньшевиками) стала разная интерпретация марксизма применительно к условиям страны и задачам революции. Согласно их рассуждениям, и те и другие исходили из марксизма, но большевики лучше учли конкретно-исторические условия и особенности российского менталитета, а меньшевики преувеличивали опыт революций в Англии и Франции XVII-XIX вв., занимали догматическую позицию, приравнивая русскую революцию к европейским. Ленин понимал, что в силу ряда причин (нелегального характера деятельности РСДРП, преимущественно интеллигентского состава на первых порах и др.) социал-демократическая партия западноевропейского образца неприемлема для организации захвата власти в России, что необходима партия нового типа. Это мнение наиболее полно отражено в многотомной истории КПСС и исходит из признания закономерности победы большевиков в борьбе за власть в 1917 г.

Это положение выглядит неубедительно в свете поражения большевиков после семи десятилетий их правления. Вопрос о закономерности или случайности захвата власти большевиками стал дискуссионным. Большевизм как радикальное течение явно “вырос из крестьянского недоедания”. Но он не был чисто российским явлением, хотя и имел в России традиционные корни. Точно так же, как и не только российским явлением был меньшевизм. Оба эти течения приняли идеологию Маркса и отрицание буржуазности, широко распространенное среди западноевропейской интеллигенции, но большевики восприняли традиции радикализма, особенно российского, а меньшевики – либерализма.

Наверное, прагматический склад характера, склонность к лидерству, понимание силы российских маргиналов сыграли немалую роль в том, что Ленин стал адептом радикального большевизма. Вероятно, он лучше других сознавал значение российской традиции, ибо в России уже были попытки управлять страной “по своей идее”. Это пытались сде-

лать Иван Грозный при помощи опричнины и Петр I, также применявший пытки и казни. Давно замечено историками и политологами, что “идейный” лидер, как правило, воплощает идею с жестокой энергией.⁶⁰

1904 год прошел для Мартова в обстановке жесткой конфронтации с Лениным и конфликтов с Плехановым. В предисловии к брошюре Ф.А.Череванина “Организационный вопрос” Мартов формулировал свое видение организационных проблем РСДРП так: “Без централизма мы не можем рассчитывать на успешное и полное проведение нашей революционно-социалистической программы в политике партии, без известной автономии отдельных частей партии мы рискуем утратить связь с массами и выродиться в бюрократическую и заговорщическую организацию”.⁶¹ Его многочисленные статьи в “Искре” той поры были посвящены подготовке социал-демократии к грядущему открытому выступлению масс против царизма, разъяснению важности их политической активности, и нецелесообразности индивидуального террора как метода политической борьбы, что подтверждалось убийством эсерами министра внутренних дел России В.К.Плеве (15 июля 1904 г.), вызвавшим правительственную реакцию. Мартов разоблачал антисемитскую политику царизма и подчеркивал в отличие от “пораженческих” лозунгов большевиков, что японские победы не могут принести свободу в Россию.⁶² “Мир и свобода”, или в переводе на язык политических требований: немедленная приостановка военных действий и созыв всенародного Учредительного собрания для ликвидации существующего государственного порядка и для заключения мира”, – писал Мартов 20 сентября 1904 г. в “Искре”.

1 января 1905 г. в газетах “Вперед” и “Искра” одновременно были опубликованы статьи Ленина и Мартова о падении Порт-Артура. Ленин увидел в этом поражение царизма и сделал вывод: “Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма”. Мартов был менее категоричен. По его мнению, падение Порт-Артура поставило российское общество

перед выбором: продолжать войну, или заключить мир, отказавшись от колониальной политики царизма и тем самым готовя свержение самодержавия. Он так же, как и Ленин, был уверен, что поражение России в войне революционизирует массы, а потому “за падением порт-артурских стен неминуемо последует падение Петропавловки”.⁶³

В статье, опубликованной в сборнике “Общественное движение в России в начале XX века”, Мартов отмечал, что война с Японией обнаружила “внутреннюю слабость и гнилость старого режима” в России, а потому “политическая реформа” стала всеобщим требованием. В “Истории российской социал-демократии” Мартов отмечал, что лидеры ряда партий рассчитывали в то время на японскую помощь в борьбе с царизмом. Он писал: “Лидер финских буржуазных “активистов” – впоследствии глава финляндского правительства в 1905 году – Конни Циллиакус сделал прямые предложения как Г.В.Плеханову, так и заграничным представителям Бунда вступить в переговоры с агентами японского правительства о помощи русской революции деньгами и оружием. Получив должный отпор и указание, что социал-демократия намерена сохранить полную независимость по отношению к военным противникам царского правительства, Циллиакус, как видно из позднее опубликованных разоблачений охранной полиции, осведомленной весьма недурно об этих интригах, вступил в тесные сношения с различными национально-революционными партиями и в той или иной форме втянул многие из них в круг своей авантюры”.⁶⁴ Мартов был решительно против каких-либо связей со страной, воюющей с Россией. Когда он узнал о том, что заведующий экспедицией РСДРП В.Д.Бонч-Бруевич через японских социалистов пытался распространять среди российских военнопленных социал-демократическую литературу, то назвал это “попытками завести сношения с японским агентом в Вене для снабжения его литературой”.⁶⁵ Меншевистский ЦК отмежевался от инициативы Бонч-Бруевича. Позже, в 1915 г., Плеханов сообщил, что, по его сведениям, уже во время русско-японской войны “ленинский центр не брезговал по-

мощью японского правительства, агенты которого в Европе помогали распространению ленинских изданий”.⁶⁶

С 1 октября 1904 г. под редакцией Мартова в Женеве стала выходить газета “Социал-демократ”.⁶⁷ Но он продолжал активно сотрудничать и в “Искре”. Одним из острых вопросов, обсуждавшихся социал-демократами в то время было отношение к политическому террору. Мартов замечал, что даже Плеханов после убийства Плеве поставил в Совете партии вопрос о соглашении с эсерами, в котором террористические акты признавались бы целесообразными в создавшихся условиях. Соглашение было сорвано ультимативным заявлением Аксельрода и Мартова, объявивших о своем выходе из состава Совета РСДРП, если подобное решение будет принято.⁶⁸

Мартов весь 1904 год ожидал революцию в России, и все же “Кровавое воскресенье”, ставшее ее началом, по его собственному признанию, застало его врасплох.⁶⁹ Статьи Мартова той поры красноречиво свидетельствуют об этом. В сборнике “За два года” было опубликовано 39 статей Мартова, перепечатанных только из “Искры” за 1904-1905 гг. Многие из них вышли отдельными изданиями, рукописи некоторых сохранились. В статье о ситуации в стране накануне революции Мартов писал, что ее “часто предсказывали”, так как напряжение в обществе искало выхода. Это напряжение вызывалось неудачами русской армии в войне, массовым ожиданием перемен к лучшему, недовольством репрессиями по отношению ко всем слоям населения.⁷⁰ В главах брошюры, подводящей итоги развития рабочего движения в России к 1905 г., Мартов отмечал пробуждение пролетариата к сознательной жизни. Это выражалось в том, что “в годы тяжелой войны русского правительства с Японией, в дни всеобщей нужды и горя, в час, когда холопствующие высшие классы России жертвуют на эту безобразную войну миллионы народных денег – российский пролетариат кричит не “Да здравствует война и Николай!”, а “Долой войну, долой самодержавие, да здравствует мир и свобода!”.⁷¹ Мартов в статье “Самодержавие на скамье подсудимых” (в 1904 г. она

была издана отдельной брошюрой) писал о судебном фарсе над громилами, участниками кишиневского погрома и убийства евреев. В кишиневском погроме он увидел “политическую борьбу издыхающего самодержавия с его главным, смертельным, непобедимым врагом – классовым движением русских, еврейских и иных пролетариев”.⁷² Итогами политического развития России к 1905 г. Мартов считал, прежде всего, быстрый рост недовольства своим положением всех слоев населения, переход в “освободительный лагерь всего многочисленного “иностранческого” населения” страны, превращение пролетариата в “становой хребет, борющейся за свое буржуазное освобождение нации”.⁷³

Отечественная историография лишь с начала 1990-х годов стала более или менее объективно изучать роль РСДРП в революции 1905-1907 гг.⁷⁴ Было, в частности, установлено, что к лету 1905 г. в РСДРП насчитывалось 26 тыс. членов (14 тыс. большевиков и более 12 тыс. меньшевиков), а после объединительного съезда в 1906 г. численность партии возросла до 150-170 тыс. человек. В 1907 г. меньшевистская фракция РСДРП составила 45 тыс., а большевистская – около 60 тыс. членов. По мнению С.В.Тютюкина и В.В.Шелохаева, сходство большевиков и меньшевиков в программных и организационных вопросах в 1905-1907 гг. было велико. Отличие же состояло в том, что меньшевики предпочитали действовать в борьбе за власть легальными методами, полагая, что революционное движение можно даже притормозить, дабы избежать неоправданных жертв. Вместе с тем левые меньшевики были близки большевикам в своей вере в близкую социалистическую революцию.⁷⁵ Меньшевики видели в революции буржуазно-демократический переворот, ставящий целью дать импульс развитию капиталистических отношений в стране. В связи с этим Мартов полагал, что РСДРП не является монопольным политическим руководителем революционного процесса, ее задача – заниматься антиправительственной агитацией и организацией рабочих. Он считал, что РСДРП в тогдашней обстановке должна была оставаться в роли оппозиционной партии. Позиция Мартова на-

шла отражение в решениях Женевской конференции меньшевиков, состоявшейся параллельно с III (Лондонским) съездом большевиков в апреле- мае 1905 г. Мартов более осторожно, нежели Ленин, формулировал отношение рабочей партии к подготовке вооруженного восстания и явно симпатизировал либеральному движению. В отличие от Ленина, Мартов был за участие в выборах в Государственную думу, чтобы провести в нее “решительных сторонников демократии”.⁷⁶

Начало революции Мартов встретил в Женеве. В Россию он вернулся лишь после манифеста 17 октября 1905 г. и объявления амнистии. Но его публицистика той поры свидетельствует, насколько внимательно он следил за ситуацией в стране, разбирался в ней, хотя и предлагал не всегда бесспорные стратегические и тактические решения.⁷⁷ На “Кровавое воскресенье” он откликнулся 27 января 1905 г. в “Искре” статьей “Девятое января”. В событиях 9 января 1905 г. Мартов увидел “уличную революцию”, когда неудача с подачей петиции царю заставила рабочих подумать о вооруженной борьбе и поставила на повестку дня народное восстание. Он приходил к выводу о том, что вместе с расстрелом рабочей демонстрации в Петербурге рухнули идеи “народного абсолютизма” и “полицейского социализма”, появилось недоверие к российскому либерализму. В один день пролетариат получил сочувствие общества и стал лидером нации. Мартов подчеркивал, что январская эпопея создала базис для социал-демократической работы, которая должна привести к политическому руководству начавшимся массовым революционным движением. Мартов полагал, что задачей социал-демократии является “развязывание” революции, и с этим связывал успех деятельности партии.⁷⁸

Статьи Мартова в “Искре” были тогда посвящены критике действий комиссии сенатора Н.В.Шидловского (17 февраля 1905 г.), развитию рабочего движения в России (6 марта 1905 г.), идее замены полиции милицией (31 марта 1905 г.), резкому осуждению расстрелов рабочих в Польше (23 апреля 1905 г.), попытке правительства противопоставить кре-

стьян рабочим (23 апреля 1905 г.), задачам социал-демократии по развитию революции (15 мая 1905 г.), восстанию на броненосце “Потемкин” (21 июня, 1 июля 1905 г.). В восстании матросов “Потемкина” Мартов увидел возможность “организовать революцию”, потому что каждое “успешное частичное восстание может сделаться исходной точкой восстания всероссийского”. Отсюда вытекала задача социал-демократов: “обеспечить возможность управлять большими массами”. Мартов высоко оценил выступление матросов, считая, что “история знает неудачные восстания, имевшие более революционное значение, чем иные победы повстанцев”.⁷⁹

112-й номер “Искры”, вышедший 8 октября 1905 г., оказался последним. Статьи Мартова, опубликованные в “Искре”, были написаны им “издалека”, на основе различных сведений, поступавших из России за границу. Ситуация изменилась после приезда Мартова в Петербург, где он вплотную столкнулся с революционными реалиями и превратился из зарубежного наблюдателя в их активного российского участника. Его сразу же заняла практическая работа в Петербургском совете рабочих депутатов, редакциях газет “Начало”⁸⁰ и “Партийных известий”, а также в Организационной комиссии РСДРП, где на одно из первых мест тогда встали вопросы об установлении федеративных связей с большевиками и возможном созыве “рабочего съезда”.

Вначале Мартов испытал чувство восторга от полностью захватившей его революционной работы, от того, как стремительно развивалась революция в стране. В конце октября 1905 г. он писал Аксельроду из Петербурга в Цюрих, что с момента приезда не спал ни разу больше 5 часов и буквально валится с ног. Но главное, по его мнению, состояло в том, что “престиж с.-д. стоит невероятно высоко. Нечто подобное трудно было себе представить. Демократия заискивает; в последние дни началось “массовое” обратное превращение освобожденцев в “марксистов” (при том, обыкновенно, в “меньшевиков”). Влияние (идейное) так колоссально велико, что “захват власти” при бурном обороте дальней-

ших событий начинает иногда казаться почти неизбежным (это не значит, что такой захват представляет нечто заманчивое; я то боюсь, что это будет поворотным пунктом революции и не хуже, чем была якобинская диктатура)".⁸¹ Повседневная суета так захлестнула Мартова, что спустя несколько месяцев, 17 февраля 1906 г., в письме Аксельроду он жаловался, что не может закончить ни одного начатого произведения, что с конца декабря много раз начинал письмо к нему с описанием и объяснением "пережитого здесь, и ни разу не мог дойти даже до середины: не то невращения, не то психическая усталость – но я не мог справиться с мыслями..."⁸² Мартов сообщал, что за прошедшие четыре месяца, особенно после декабрьского разгрома в Москве, во весь рост встала задача возрождения партии и оживления ее участия в избирательной кампании. Как известно, Мартов был за участие в выборах в Государственную думу, а Ленин – за бойкот Думы.⁸³ Мартов решительно выступал также против экспроприаций, "партизанского террора", который, по его мнению, "стал распространяться с ужасающей быстротой", что "грозит дезорганизовать и деморализовать пролетариат окончательно". Он был возмущен тем, что "большевики, ничему не научившиеся с декабря, упиваются этим видом "подготовки".⁸⁴

И все-таки главным итогом 1905 г. Мартов считал стремление к объединению двух фракций РСДРП, которое "никогда еще в течение 2 лет со времени разрыва" не было так заметно.⁸⁵ 22 января 1905 г. Мартов разъяснял свою позицию швейцарским социалистам, незадолго до этого получившим письмо Ленина. Мартов упрекал Ленина в создании группы "неизвестных доселе партийных литераторов и русских практиков" для созыва нового экстренного съезда и внесения "сильной дезорганизации партии". В необратимости раскола Мартов обвинял Ленина и пояснял: если т. Ульянов пишет Вам о большинстве, идущем за ним, то это не нужно понимать в буквальном смысле слова, ибо наравне с комитетами и организациями, на которые он указывает как на своих приверженцев, существует целый ряд параллельных ор-

ганизаций “меньшинства”. Мартов рассказывал, что Ленин отказался от третейских услуг А.Бебеля в примирении российских социал-демократов, хотя Совет партии был с этим согласен. Он подчеркивал, что Ленин созывал фракционный съезд. Мартов настаивал на предотвращении раскола. В марте 1905 г. Мартов от имени редакции “Искры” протестовал против созыва 111 съезда партии, который может только усугубить раскол РСДРП. Плеханов в 1906 г. также винил Ленина в расколе партии. В “Открытом письме товарищам” он писал: “Я помню, что однажды, в эпоху формального раскола в нашей партии, Ленин стал уверять меня в том, что он сам всей душой хочет объединения с “меньшевиками”. “Верю, – ответил я ему, – но вы так же стремитесь к объединению с ними, как голодный человек стремится к объединению с куском хлеба: вы хотите съесть их”.⁸⁶

Против созыва III съезда РСДРП, который закрепил бы раскол в партии, выступали и некоторые местные организации. Так, Астраханский комитет РСДРП в начале 1905 г. общал редакции “Искры”: “Мы энергично отвергаем точку зрения т. Ленина, пытавшегося втиснуть жизнь всей партии... в узкие рамки организации мыслящих лишь по Ленину... Вместо идейного вождя, руководящего направлением партийной жизни силою своего авторитета, перед нами встает облик злого демона партии, парализующего ее силы и ведущего борьбу против нее самой”. Подобных писем с мест и от отдельных социал-демократов в адрес редакции новой “Искры” сохранилось довольно много. Однако были и другие мнения. Например, А.Л.Парвус писал Мартову в апреле 1905 г., что тактика “Искры” вела к дискредитации Ленина, а не к объединению партии, что “Ленин вышел из “Искры”, но ленинизм в ней остался... Как я отношусь к расставшимся частям партии? Я не могу вдохновиться тактикой “Искры” и не могу преисполниться злобой к большинству, напротив, во мне вскипает раздражение и растет негодование и против тех, и против других”.⁸⁷ Разумеется, были и письма с мест, приветствующие созыв съезда.

Вместе с тем, вскоре после III съезда и конференции

меньшевиков в Женеве начались переговоры между ЦК, избранным съездом, и Организационной комиссией, выбранной конференцией, о возможности объединения. Вначале переговоры были безрезультатными. Но после 17 октября 1905 г. петербургские большевики и меньшевики объединились в единую организацию. Это движение столичных социал-демократов способствовало достижению компромисса на общепартийном уровне и принятию решения о созыве объединительного съезда.

Роза Люксембург, выступая на V съезде РСДРП, отмечала, что российская социал-демократия впервые в истории рабочего движения выступила как самостоятельная политическая сила именно в революционные годы. Это потребовало от нее решения многих теоретических и практических вопросов. По мнению С.В.Тютюкина и В.В.Шелухаева, “идеологическая панорама российской социал-демократии в период революции 1905-1907 гг. отличалась необыкновенной широтой и богатством оттенков”. Среди них они выделяли стратегию и тактику большевиков, планы меньшевиков, а также теорию “перманентной” революции. С.В.Тютюкин и В.В.Шелухаев отмечали общее и особенное в тактике двух фракций РСДРП, подчеркивали роль Мартова как признанного лидера меньшевиков, первым поднявшим знамя восстания против “ленинизма”. Более подробно меньшевистскую доктрину в революции 1905-1907 гг. рассмотрел А.П.Логунов. Он акцентировал внимание на дискуссии между Мартовым и Каутским в оценке характера российской революции. Каутский тогда полагал, что происходящая в России революция не является буржуазной, так как буржуазия не выступает как ее движущая сила, ни социалистической, потому что в результате ее будут сняты все барьеры для развития капитализма в стране. Мартов возражал: “Революция 20-го века, революция, происходящая в сфере владения всемирного капитала, может быть или буржуазной, или социалистической. Она может вести непосредственно или к господству капитализма, или к его уничтожению. *Tertium non datur*”. Логунов подчеркивал ориентацию Мартова на созда-

ние массового демократического движения для борьбы с царизмом. В России, писал Мартов, “в данный момент вовсе не происходит процесс первоначального отделения пролетариата от буржуазного либерализма. Весь ход нашего общественного развития сделал то, что классовое обособление пролетариата совершилось почти без труда и достигло высокой степени к моменту политической консолидации буржуазной демократии”. Логунов отмечал, что меньшевики были за использование всех форм борьбы, лишь бы обеспечить народу право реализовать свою волю.⁸⁸

В 1905-1907 гг. опубликованные работы Мартова были посвящены различным сюжетам текущей “повестки дня”. Многие из них затрагивали спорные вопросы. Мартов отстаивал свое видение решения важных теоретических и тактических проблем. Часть из них касалась думской проблематики: “Народ и Государственная дума”, “Что делать Государственной думе?”, “Избирательные соглашения”, “Новый закон”, “Подарок русским рабочим и крестьянам”. Но в центре его внимания была проблема реформирования партии, и с этим, вероятно, связано изучение Мартовым опыта других российских политических партий, их классификация.

Мартов написал одну из самых известных своих брошюр о политических партиях России сразу же после роспуска I Государственной думы, в июле-августе 1906 г. Ленин завершил статью “Опыт классификации русских политических партий” почти в то же время, в сентябре. Отличие их подходов к проблеме известно: Ленин классифицировал политические партии России по классовому признаку, Мартов – по отношению партий к самодержавию. Потому для Мартова “партия – это союз единомыслящих, ставящих себе одни и те же цели и сговорившихся соединить свои силы для согласной деятельности в государственной жизни”. Ленин видел в борьбе партий полное и оформленное выражение политической борьбы классов, Мартов, как и Ленин, – “борьбу между разными классами современного общества за свои интересы”. Мартов объединял либералов и революционеров общим понятием “левые партии”.

Для Ленина же кадеты были контрреволюционерами, а в “левый блок” входили, по его мнению, только социал-демократы и эсеры.⁸⁹

Мартов и Ленин написали свои работы о классификации политических партий в России после завершения работы IV (Объединительного) съезда РСДРП (10-25 апреля 1906 г., Стокгольм). Мартов на съезд не поехал, а Ленин не очень был доволен его результатами. Во всяком случае поводом к написанию брошюры о классификации партий он назвал уклонение съезда от их классового анализа.⁹⁰ 7 февраля 1906 г. в Петербурге вышел первый номер “Партийных известий” – объединительного центрального органа РСДРП, в редакцию которых вошли три большевика – В.И.Ленин, А.В.Луначарский, В.А.Базаров и три меньшевика – Ф.И.Дан, Ю.О.Мартов, А.С.Мартынов. На IV съезде РСДРП победили меньшевики. Объединение было формальным, что прекрасно понимали и Мартов, и Ленин. В июле 1906 г. Мартов был арестован и после месяца пребывания в “одиночке” ему предложили на выбор: немедленный выезд за пределы России, или три года ссылки в Нарымский край. Естественно, Мартов избрал первое. Сначала он уехал в Берлин, а с ноября 1906 г. жил в Териоках на территории Финляндии, там же где тогда находился и П.Б.Аксельрод. В Териоках в январе 1907 г. состоялось заседание ЦК РСДРП, в котором участвовал Мартов и где обсуждался вопрос о выборах во II Думу. В феврале 1907 г. Мартов в Териоках собрал меньшевистских лидеров для выработки проектов резолюций к предстоящему V съезду РСДРП.

Съезд прошел в Лондоне (20 апреля -19 мая 1907 г.). Среди делегатов с решающим голосом на нем присутствовали 89 большевиков и 88 меньшевиков. Мартов выступил с отчетом о работе ЦК РСДРП. Он заявил, что доклад был обсужден на заседании ЦК и выражает коллективное мнение его членов. Мартов говорил о том, что декабрьское поражение рабочих в 1905 г. привело к вытеснению пролетариата с политической арены, что до IV съезда партийные организации влачили “вялое существование, а широкие массы прояв-

ляли политическую пассивность". ЦК поддержал социал-демократических депутатов II Думы, выступивших в качестве оппозиции правительству. Он подчеркивал важность выработки тактики партии в условиях спада революции, но был решительно против того, чтобы отвечать на "белый террор" правительства "партизанским террором" и экспроприациями. Мартов выступал от имени ЦК, в который входили и большевики, и меньшевики. Но это не смутило выступившего от большевистской фракции А.А.Богданова, который заявил: "... Такого ЦК, какой был, нам не надо". Резкой критике деятельность ЦК и доклад Мартова подверг и Ленин, увидев банкротство ЦК в проводившейся им оппортунистической политике. Мартов не согласился с этим, отвечая оппонентам, что ЦК выражал мнение не только меньшевистской фракции, но и РСДРП в целом. Вывод его был пессимистичен: вреднее всего для партии неопределенность, и пока единой партии не существует, не может быть и ее центрального учреждения. Мартов утверждал, что никто из меньшевиков не хочет раскола, что меньшевизм – официальное направление в партии и с этим нужно считаться.

Дискуссионными на съезде оказались вопросы о поисках политических союзников пролетариата и о "рабочем съезде". Мартов и его сторонники склонялись к блоку с кадетами, Ленин – к эсерам и трудовикам. Мартов исходил из того, что главной задачей являлось доведение демократической революции до конца и ее нельзя решить в союзе с эсерами, которые опираются на такие авантюристические методы борьбы, как политический террор и утопические требования "социализации" и "уравнительного землепользования". Ленин был против, считая, что не все неонародники выступают за терроризм, и что Мартов помогает либералам.⁹¹ Мартов, как и многие его коллеги по партии, видел в крестьянстве опору примитивного капитализма, тяготеющего к бонапартизму, а не к демократической революции. Кадеты, либеральная буржуазия представлялись ему носителем прогресса и сторонниками демократических преобразований. Мартов полагал, что по мере развития революции бу-

дет все очевиднее ее буржуазное содержание и что необходимо соблюдать марксистский вывод о примате социально-экономических отношений в обществе. Он писал: “Марксист при построении своих задач должен исходить не из “экономического состояния”, а из экономического движения, не из статики, а из динамики экономического “строения”. Экономически обусловлены для него не только данные “силы и качества”, но и их развитие”.⁹²

На съезде была принята резолюция “Об отношении к непролетарским партиям”, которая поддержала точку зрения Ленина, а не Мартова. Резолюция объявляла борьбу черносотенцам, октябристам и кадетам, ратовала за проведение левоблокистской тактики по отношению к эсерам, энесам и трудовикам. Резолюция о “Рабочем съезде и беспартийных рабочих организациях” исходила из того, что агитация за “рабочий съезд” вредна для партии. Идея Аксельрода и Мартова о превращении РСДРП из полуподпольной в широкую легальную организацию была отвергнута. Мартов мог утешиться лишь тем, что его предложение о роспуске боевых дружин и запрете экспроприаций было поддержано большинством делегатов. На съезде был избран ЦК (5 большевиков и 4 меньшевика), создан институт кандидатов в члены ЦК (10 большевиков, в том числе Ленин; 7 меньшевиков, в том числе Мартов). Большевики создали и свой сепаратный фракционный центр во главе с Лениным из 14 человек. В целом на съезде победили большевики. Мартов уехал из Лондона в Париж не в лучшем настроении.⁹³

Вскоре он получил из России известие о роспуске II Государственной думы (3 июня 1907 г.), а затем и аресте социал-демократической фракции. С 18 по 24 августа 1907 г. в Штутгарте проходил очередной конгресс II Интернационала. В его работе участвовали 34 делегата от РСДРП: А.А.Богданов, В.И.Ленин, Ю.О.Мартов, Г.В.Плеханов и др. Основным на конгрессе стало обсуждение вопроса о милитаризме и международных конфликтах. Мартов подробно описал штутгартские дискуссии по этой проблеме в статье “Кон-

гресс в Штутгарте”. Речь шла о борьбе за предотвращение войны в Европе. Мартов изложил содержание предложений Жана Жореса, Эдуарда Вайяна, Жюля Геда, Августа Бебеля. Весьма критически он отнесся к выступлению Густава Эрве, требовавшего отвечать на всякое объявление войны забастовкой и восстанием. Мартов назвал его “невежественным, крикливым демагогом, человеком одержимым “явной националистической “пруссофобией”.”⁹⁴

Роза Люксембург высказалась вместе с Лениным и Мартовым в поддержку проекта Бебеля, но с некоторыми дополнениями. В проекте Бебеля отмечалась возможность соединения антимилиитаристской работы с борьбой за социализм. Дополнения Р.Люксембург, Ленина и Мартова предлагали использовать политические кризисы, которые могли бы возникнуть в случае войн в странах-участницах для завоевания пролетариатом политической власти. Мартов сообщал в статье также о том, как были приняты резолюции конгресса с осуждением колониальной политики, в поддержку избирательных прав женщин, и об установлении сотрудничества социалистических партий с профсоюзами.

Известно, что марксизм, как и всякая большая идея, содержал в себе элементы утопии, мессианства и доктринальной категоричности. Мартов был убежден в верности пути общественного развития, предсказанного Марксом, уверен в мессианской роли пролетариата и его социал-демократической партии, в том, что только они смогут сотворить социалистическое благо для всех. Его пугало крестьянство с его низкой политической культурой, наивным монархизмом и склонностью к стихийному бунтарству. В январе 1907 г. он написал брошюру “Социалисты-революционеры и пролетариат,” как бы предвосхищая будущие споры на V съезде РСДРП о политических союзниках рабочей партии. По мнению Мартова, сила РСДРП была в том, что это была партия только рабочего класса, слабость же партии эсеров состояла в желании представлять и пролетариат, и крестьянство, и интеллигенцию. Мартов указывал, что социал-демократы готовы поддержать крестьянство, если оно пойдет за проле-

тариатом. Он призывал рабочих идти в РСДРП, а не становиться эсерами.⁹⁵

Последовавший после третьеиюньского государственного переворота (1907 г.), разгром социал-демократических комитетов в России вызвал пессимистические оценки Мартова. 26 октября 1907 г. в письме к Аксельроду он писал: “Дела наши в России из рук вон скверны, и деморализованные Лондоном меньшевики до сих пор остаются в положении аморфной массы”.⁹⁶ Перед РСДРП в целом встала задача определения тактики в новых, постреволюционных условиях. Вопрос сохранения единства фракций перешел в принцип сохранения целостности самих фракций.

Судя по переписке Мартова с Аксельродом, его, более других вопросов, осенью 1907 г. беспокоила организация газеты и журнала, которые бы стали центрами объединения сторонников меньшевизма, а также проблема их финансирования. Мартов писал Аксельроду 18 января 1908 г. о важности издания не газеты за границей, а журнала в Петербурге.⁹⁷ В конце января 1908 г. в Женеве на совещании меньшевиков было решено издавать журнал “Голос социал-демократа”, в котором публиковались затем многие статьи Мартова.⁹⁸ В это же время Мартова захватила огромная научно-публицистическая работа, связанная с изданием 5-томника “Общественное движение в России в начале XX – го века”, где он был соредактором и автором статей по истории российской социал-демократии.

Еще в марте 1907 г. Мартов передал Плеханову предложение петербургского издателя Н.Глаголева о написании коллективного труда по истории революционного движения в России начала XX в. Мартову и Плеханову предлагалось быть его редакторами. Плеханов согласился написать историю идей, Мартов – очерк истории социал-демократии. В предисловии к первому тому издания Мартов писал: “Преследуя строго научные цели, наш труд никого не обличает, не задается целью ничьей апологии. Предоставить говорить самим фактам – таким желанием воодушевлены участники этой работы”.⁹⁹ Но это заявление осталось лишь благим по-

желанием. Участники событий были авторами или редакторами многотомника (П.Б.Аксельрод, Ю.О.Мартов, П.П.Маслов, Г.В.Плеханов, А.Н.Потресов, Ф.И.Дан, А.С.Мартынов, М.С.Балабанов, А.М.Коллонтай, В.О.Цедербаум и др.), к прошлому у них было личностное, субъективное отношение. Не менее ревностно относились они и к статьям своих товарищей, авторам истории общественного движения. 25 октября 1908 г. Плеханов писал Мартову, что “в этом 5-томнике как бы исповедь наша”. Поэтому он был против того, чтобы Потресов освещал прошлое российской социал-демократии односторонне, в пользу Струве, “легального марксизма” и недооценивал роль группы Освобождение труда”. (Имелась в виду статья Потресова “Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху”). Несмотря на доводы Мартова о том, что некоторые “оттенки” в статье Потресова можно не замечать, Плеханов и в последующих письмах продолжал настаивать на ее “вредности” и был категорически против публикации. Когда его доводы не были приняты, Плеханов 8 ноября 1908 г. уведомил Мартова об отказе принимать какое-либо участие в издании 5-томника, так как он не желал быть вместе с Потресовым, с его “фабричным” пониманием значения идеологий и социалистической теории в истории общественного развития России.¹⁰⁰

В первом томе Мартов выступил в качестве соредактора, автора предисловия, главы “Зарождение политических партий и их деятельность” и заключительного раздела об итогах политического развития. Разумеется, он использовал свои прежние работы, но уточнил ряд формулировок, дал ссылки на прочитанную литературу и попытался более глубоко осмыслить происшедшее. Среди источников в его главе назывались статьи из газет и журналов, партийные программы и воззвания, листовки, труды Аксельрода, Ленина, Плеханова и Струве. Главный итог политического развития российского общества к 1905 г. Мартов видел в его готовности к революционным преобразованиям.

Для Мартова российское социал-демократическое дви-

жение началось с группы “Освобождение труда” и было продолжено кружком Д.Благоева, Петербургским “Союзом борьбы за освобождение рабочего класса” и аналогичными организациями в других городах. Особенностью движения явилось широкое участие в нем интеллигенции и российская трансформация марксизма. Мартов видел в “экономизме” и “легальном марксизме” необходимые этапы развития социал-демократии, а в расколе демократической интеллигенции – влияние идей Э.Бернштейна и последствия тех сложностей, с которыми было связано в России организационное оформление политических партий. Промышленный кризис 1900 г., рост рабочего и студенческого движений ускорили партийное строительство. Мартов подробно охарактеризовал роль газеты “Искра” в этом процессе, критически отнесся к планам Ленина по созданию партии нового типа, назвав ее “заговорщической”. В этом он видел причины раскола на II съезде РСДРП. Мартов делал вывод о том, что “организационная слабость партии не позволяла ей брать на себя инициативы каких-либо решительных действий... Поэтому 9 января 1905 г. во многих отношениях застало социал-демократию врасплох”.¹⁰¹ Мартова можно упрекнуть в схематизме изложения, в пропуске деятельности кружков Н.Е.Федосеева и П.В.Точисского, но его критическое восприятие начального этапа российского социал-демократического движения и значения двух первых съездов РСДРП давало более широкий простор для дальнейшего изучения проблемы, чем “победоносное” ее изложение многими представителями советской историографии.

В третьем томе “Истории общественного движения”, вышедшем в 1914 г., Мартов был автором главы о деятельности российской социал-демократии в 1905-1907 гг. В это понятие он включал семь партий, полагая, что раскол РСДРП был главным препятствием для присоединения к ней национальных марксистских организаций. Он подтверждал свой тезис тем, что на IV съезде партии во время формального объединения большевистской и меньшевистской фракций, к РСДРП присоединились Бунд, латышские и польские со-

циал-демократы. Расколом и междоусобицей Мартов объяснял то, что бурный петербургский январь 1905 г. “прошел не только вне непосредственного руководства социал-демократии, но и без заметного участия ее как организованного целого”. Однако, по его мнению, к концу 1905 г. социал-демократия в России стала влиятельной политической партией, и наиболее последовательной демократической силой.

Мартов характеризовал большевиков, прежде всего, как сектантскую и заговорщическую фракцию. Ссылаясь на резолюции II съезда РСДРП, он пытался обосновать ориентацию меньшевиков на координацию действий социалистической и буржуазной демократии при условии “признания несоциалистическими партиями демократических требований, выставленных пролетариатом”. Меньшевики, по утверждению Мартова, были против блокирования с эсерами в силу “социально-реакционной тенденции” их аграрной программы и “особенно авантюристско-заговорщического характера... тактики (террор)”. Известно, что большевики, следуя решениям III съезда партии, были за тактику “левого блока”, где было место эсерам, но не было места для либеральной буржуазии. Ведь большевики настойчиво подчеркивали, насколько опасна и гибельна для дела революции была бы первенствующая и руководящая роль в освободительном движении либерально-монархической партии кадетов.”

Мартов достаточно критически писал об ошибочной тактике различных групп российских социал-демократов в 1905 г. У меньшевиков это был “сознательный отказ от задачи организационного объединения народных движений”. У Парвуса и Троцкого – признание в качестве руководителя революции только партии пролетариата и отстаивание радикального разрешения политического кризиса. Заблуждением Ленина, по мнению Мартова, была ставка только на союз пролетариата с мелкобуржуазной демократией при упорной борьбе с либеральными движениями.

Среди наиболее крупных проявлений деятельности социал-демократов весной-летом 1905 г. Мартов назвал руководство крестьянским движением в Закавказье; сдержива-

ние “национального фанатизма” в Баку; участие в восстании матросов на броненосце “Потемкин”; руководство манифестациями и вооруженными столкновениями с властями в Иваново-Вознесенске, Лодзи, Нижнем Новгороде, создание отрядов “самообороны” для противостояния еврейским погромам. Он писал об изданиях “Искры” и тиражировании местных социал-демократических изданий, о миллионах экземплярах прокламаций, характеризовал численность и социальный состав ряда организаций, особо выделяя число рабочих в них.

После царского манифеста 17 октября 1905 г. РСДРП была поставлена перед необходимостью своей реорганизации, как полагал Мартов. Это было связано с задачей демократизации руководства и организационного строительства партии в легальных условиях, а также с давлением “низов”, требовавших объединения фракций. Мартов назвал утопической идею Парвуса и Троцкого о “перманентной революции”. Согласно этой теории, падение царизма должно было сразу привести к власти пролетариата, опирающегося на помощь социалистических революций в других странах. По мысли Парвуса, социалистическая революция в стране победит тогда, когда “социал-демократическая организация пролетариата в России охватит все рабочие массы”.

Поражение декабрьского вооруженного восстания в Москве вызвало разгром многих социал-демократических комитетов, но уже в феврале 1906 г. организационная жизнь партии вновь “кипела ключом”. IV съезд партии прошел под знаком победы меньшевиков. Их поддержали организации Петербурга, Юга России и Кавказа; за большевиков были Центр и Урал. Мартов подчеркивал, что формальное объединение партии не поставило точку во внутривнутрипартийной борьбе, особенно по вопросу об отношении к думским выборам. V съезд партии склонил чашу весов в пользу большевиков. Но роспуск II Государственной Думы “послужил началом длительного глубокого кризиса в российской социал-демократии, сопровождавшегося явлением распада”. В 1912 г. раскол РСДРП вновь стал фактом. Мартов не скрывал, что

его критическое отношение к деятельности социал-демократии является и самокритикой “ввиду лично им сыгранной роли в качестве официального представителя одной из с.-д. фракций”. Автор полагал, что почти “10 лет, прошедших со времени описываемой эпохи, достаточный срок для того, чтобы не только обязать всех участников событий 1905 г. к критическому освещению их, но чтобы и сделать для них самих возможным объективное исследование их”.¹⁰²

Мартов сделал удачную попытку освещения прошлого РСДРП. Его можно упрекать в недостаточном внимании к деятельности местных социал-демократических и национальных организаций, но свое видение событий он изложил четко и честно. В его очерке нет апологетики ни одной из фракций, ни одного вождя. В нем – известные ему тогда факты, их анализ и малоутешительные выводы о бесконечных внутрипартийных распрях, мешавших общедемократическому делу.

Время, наступившее после первой российской революции, Мартов использовал не только для продолжения партийной и журналистской работы, но и для научных изысканий. Таковыми, безусловно, являются его упомянутые выше аналитические статьи в труде “Общественное движение в России в начале XX – го века”, а также участие в таких крупных изданиях, как “История России в XIX в.”, издававшаяся братьями А.Н. и И.Н. Гранат, и “История русской литературы XIX в.” под редакцией академика Д.Н. Овсяннико-Куликовского. Для первого издания он написал статьи: “Развитие крупной промышленности и рабочее движение до 1892 года” и “Развитие промышленности и рабочее движение с 1893 до 1903 г.”; для второго – “Общественные и умственные течения 70-х годов” и “Общественные и умственные течения в период 1884-1905 годов”.¹⁰³

Знакомство с этими работами Мартова показывает, сколь субъективно и предубежденно относилась к ним советская историография, либо замалчивая их, либо подвергая несправедливой критике. Так, источниковедческий анализ статьи Мартова о рабочем движении показывает, что он использо-

вал не только газетные данные, а достаточно широкий круг документов и результаты современных ему исследований.¹⁰⁴ Мартов писал свои работы, ссылаясь на выводы К.Каутского и М.И.Туган-Барановского, В.И.Семевского и К.А.Пажитнова, Г.В.Плеханова и других исследователей той поры, на отчеты фабричных инспекторов и рабочее законодательство, нелегальную революционную прессу и литературу.

Как и Туган-Барановский, Мартов считал, что крупная обрабатывающая промышленность в России начала развиваться с первой половины XVIII столетия, а первый закон, регулировавший отношения между фабрикантами и рабочими, был принят только 24 мая 1835 г. Мартов видел в российском рабочем законодательстве правовые акты, закреплявшие фактически почти полное бесправие рабочих. Общая тенденция при отборе фактов у Мартова, а позже и у советских историков довольно схожая, так как была подчинена задаче показа тяжелого экономического положения пролетариата, обоснования закономерности классовой борьбы в капиталистическом обществе, превращения рабочего класса в гегемона революции. Трудно не согласиться с утверждением Мартова, что к началу пореформенного периода рабочие концентрировались в нескольких промышленных районах страны, что в первые 20 лет после отмены крепостного права штрафы, налагаемые на рабочих, росли быстрее, нежели их зарплата, что основной формой сопротивления рабочих была стачка (по подсчетам Мартова, в 29 стачках 1878-1880 гг. участвовало 30-35 тыс. рабочих; советские историки насчитали за то же время не менее 170 рабочих выступлений). По мнению Мартова, принимаемые тогда законы о взаимоотношениях рабочих и предпринимателей (3 июня 1885 г., 3 июня 1886 г., 24 апреля 1890 г. и др.), несмотря на отдельные уступки (запрет ночных работ для женщин и подростков, внесение в расчетную книжку условий найма и др.) носили, прежде всего, репрессивный характер (наказание за участие в стачке и др.).¹⁰⁵

В своем очерке Мартов сосредоточил внимание не столько на развитии российской промышленности и осве-

щении вопроса о числе рабочих, их экономическом и социальном положении, сколько на описании стачек, политических требованиях рабочих, влиянии на них различных общественных течений и партий. Он отмечал, что правительство осуществляло систематические репрессии против участников рабочего движения, полицейскую опеку над ним. Развитию политической сознательности рабочих способствовала социалистическая агитация среди них, набиравшая силу с начала 70-х годов XIX в. Мартов, как позже и многие советские авторы, не ссылавшиеся на его работы, подробно рассказывал о деятельности “Южнороссийского союза рабочих”, “Северного союза русских рабочих”, знаменитой речи на суде Петра Алексеева и казни Степана Халтурина. Мартов полагал, что программа “Северного союза” представляла “комбинацию идей революционно-народнических с социал-демократическими в той их, окрашенной лассальянством форме, в какой они были усвоены в то время германской социал-демократией”.¹⁰⁶

Мартов назвал наступлением новой эры в судьбах российского социализма деятельность группы “Освобождение труда”, призвавшей к созданию самостоятельной рабочей партии. Вместе с тем он указал, что влияние ее было ограничено в основном интеллигентскими кругами. Это была более скромная оценка деятельности группы, нежели та, которую она получила в более поздних трудах историков КПСС, утверждавших, что группа своими переводами Маркса и Энгельса сыграла “огромную роль в утверждении идей научного социализма среди революционной интеллигенции и передовых рабочих”. На примере судьбы кружков М.Бруснева и Н.Федосеева Мартов подтверждал репрессивную политику царизма, видевшего в пропаганде социализма “тяжелое политическое преступление”. Отсутствием традиций у российского рабочего движения объяснял он основную причину замедленного восприятия массами марксизма.¹⁰⁷ Его мнение о влиянии российских марксистов на рабочее движение резко отличается от выводов официозных советских историков. Последние апологетизировали деятельность и рабо-

ты Ленина 90-х гг. XIX в., его критику произведений Н.К. Михайловского, П.Б.Струве, Г.В.Плеханова и др. Мартов имя Ленина даже не называет. По его мнению, книга П.Б.Струве “Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России” (Спб.,1894) “знаменовала собою начало широкого распространения марксистских идей в русской интеллигенции”. Затем он называл работы Г.В.Плеханова. Выход же социал-демократов за рамки кружковой работы Мартов датировал 1894-1895 гг., что было связано с появлением прокламаций, рабочей печати, участием в стачках и студенческих выступлениях.¹⁰⁸ Однако, полагал Мартов, “вопреки “Манифесту” 1898 г. (имеется в виду “Манифест” о создании РСДРП – И.У.), в рядах с.-д.,... задачи политической борьбы решительно отгеснялись на задний план... и лишь прекращение эпохи промышленного подъема и политическое оживление в непролетарских классах создали условия для борьбы с... “экономизмом”¹⁰⁹.

Мартов, будучи политиком, а не профессиональным историком, не исследовал численность, динамику роста, профессиональный, национальный, половой, возрастной и семейный состав фабрично-заводских рабочих страны, их бюджет, рабочее время и другие вопросы, интересующие специалистов-историков, экономистов и социологов. Он, как и Ленин, а позже и советские историки, преувеличивал уровень рабочего движения в России и “не замечал” такие его негативные явления, как грабежи, пьянство, участие в еврейских погромах и др.¹¹⁰ Для Мартова пролетариат России представлялся классом, в целом активно участвующим в революционном движении. Его данные о числе забастовок во второй половине 90-х годов XIX в., полученные из периодики и отчетов фабричной инспекции, ненамного отличаются от современных, так же как и вывод о том, что бастовали рабочие преимущественно небольших предприятий текстильной и металлообрабатывающей промышленности.¹¹¹ По его мнению, рабочее движение в 1894-1899 гг. впервые приняло характер общеклассового движения, направленного к изменению социального положения пролетариата, но результат

был незначительным. Мартов особо отмечал пагубную роль начальника московской охранки С.В.Зубатова, в короткое время дезорганизовавшего “социалистические кружки рабочих и интеллигенции”. Он так же, как и Ленин, назвал план легализации Зубатовым рабочего движения “полицейским социализмом”. И приходил к выводу, что самим фактом своего развития рабочее движение дискредитировало самодержавный режим и властные органы управления. Экономический кризис начала 1900-х годов вызвал увеличение числа стачек и привел к массовым выступлениям 1903 г., особенно на юге России. Однако начавшаяся в 1904 г. русско-японская война снова изменила обстановку.¹¹² Так Мартов подводил читателей к мысли, что революция 1905 г. была неизбежна в том числе и потому, что интересы рабочих и предпринимателей не смогли соединить ни зубатовщина, ни мало что дающие рабочим правительственные законы.

Четвертый том “Истории русской литературы XIX века” открывался очерком Мартова “Общественные и умственные течения 70-х годов”. В нем отмечалось, что первые десятилетия в истории пореформенной России явились временем “борьбы русской интеллигенции за свое самоопределение”. Это обстоятельство, а также создание I Интернационала (1864 г.) и трагедия Парижской Коммуны оказали сильное воздействие на развитие российской демократии. На формирование “поколения 70-х” оказал влияние и М.А.Бакунин. И здесь оценки Мартова близки к ленинским, а отсюда и к оценкам советской историографии. Он критиковал Бакунина за призыв к анархической революции; П.Л.Лаврова – за тезис о том, что движущей силой прогресса является критически мыслящая личность; Н.К.Михайловского (как и Лаврова) – за “субъективный метод” в социологии. Мартов считал, что “эклектический и европеизированный субъективизм П.Лаврова мог создать в революционном лагере лишь слабую секту учеников,.. бунтарское народничество бакунистов подчиняло себе умы и сердца борцов”. Этот вывод не был поддержан советскими историками, полагавшими, что теория “неоплатного долга” Лаврова была “с эн-

тузиазмом подхвачена разночинной молодежью” ; бакунинское же “вспышкопускательство” было быстро преодолено народническим движением.¹¹³ Критика немарксистских теорий была характерна для марксистов, принимавших только ими усвоенную истину. И в этом между Мартовым и советскими историками различий по существу нет.

Мартов писал о крахе народничества и бесперспективности “личного отпора насилию властей”, о том, что падение “Народной воли” было гибелью “всего народничества”. Он характеризовал либеральные, национальные и реакционные течения в российском обществе той поры как направленные к тому, чтобы ослабить революционную опасность и позволить правительству вернуться “к идеалам чистого полицейского абсолютизма”. По мнению Мартова, “из умирающего революционного народничества возник русский социал-демократический марксизм”. Советские историки были более осторожны в своих формулировках: марксистское направление революционной мысли в России, считали они, использовало лишь демократические тенденции народничества “на новой классовой основе”. Мартов же был более категоричен: “Разрывая окончательно с бакунизмом, Плеханов и Аксельрод разрывали и с прежними представлениями о субъекте грядущего народного движения... Опыт собственной пропаганды бунтарей среди городских рабочих и, еще более, стихийное стачечное движение конца 70-х гг. показали основателям с.-д. группы “Освобождение труда”, что и в России носителем передовых идей социального освобождения должен будет стать создаваемый капитализмом пролетариат”. В настоящее время, как известно, даны более взвешенные оценки народничества.¹¹⁴

Второй очерк Мартова “Общественные движения и умственные течения в период 1884-1905 гг.” открывал пятый том “Истории русской литературы XIX века”. Он характеризовал “восьмидесятников” как отказников от предыдущего идейного наследства. 80-е годы, по Мартову, это время апогея политической и общественной реакции. Голод и холерные эпидемии 1891-1892 гг. пробудили радикальную интел-

лигенцию. В.В.Воронцов, Н.К.Михайловский и другие стали доказывать несостоятельность капиталистического развития России, аргументируя этот тезис бедами, которые буржуазный прогресс нес крестьянам. Им возражали члены группы “Освобождение труда”, а также Струве, Туган-Барановский и другие марксисты. Но главная роль в развенчании идей народничества Мартовым отводилась Плеханову. В 90-е годы XIX в. марксизм усиливает влияние среди демократической интеллигенции, оттесняет народничество, а в 1898 г. социал-демократы создают свою партию.

Мартов выделял среди марксистских теоретиков в России два направления: одно с уклоном в российскую специфику (Ленин, Струве, Туган-Барановский), а второе “западное” (Аксельрод, Плеханов). В отличие от многих работ советских историков, подробно рассматривавших победоносную борьбу Ленина с различными идейными течениями вне и внутри социал-демократии, Мартов не упоминал о “легальных марксистах”, так как не видел в них нечто враждебное российским марксистам, но подробно характеризовал “экономизм”. Для него последний не был “оппортунизмом”. Он видел в нем влияние Э.Бернштейна, признание приоритета экономической, а не политической борьбы за права рабочих. Мартов в 1899 г. подписал, написанный Лениным “Протест российских социал-демократов”, но в очерке главную роль в разоблачении бернштейнианского социализма в 1900-1903 гг. отводил П.Струве, Н.Бердяеву, М.Туган-Барановскому, П.Новгородцеву, С.Франку, которых позже представляли в советской историографии как “разоблаченных легальных марксистов”. Борьбу с “экономистами” вели и “искровцы”, и она завершилась их победой на 11 съезде РСДРП.¹¹⁵

В очерке Мартов отмечал, что тенденция к централизму в организации марксистской партии и господству в ней идеологов явилась следствием борьбы “политиков” и “экономистов”. Он видел в ленинском плане построения партии “заговорщического типа” реставрацию бланкистских, народофильских устремлений части “плебейской интеллиген-

ции". Но этот замысел, как считал Мартов, противоречил социал-демократическим традициям, и потому его осуществление привело к внутривнутрипартийному кризису и появлению двух фракций РСДРП.¹¹⁶

Поражение революции и социал-демократии поставили перед Мартовым, как, впрочем, и перед многими другими политиками и мыслителями той поры, задачу осмысления происшедшего, выработки новой тактики партии в новых условиях, защиты ее морально-нравственных устоев. Очерки Мартова в таких крупных и популярных изданиях того времени, как "История России в XIX веке" и "История русской литературы XIX века" были частью такого осмысления недавнего прошлого. Сложные процессы, происходившие в общественно-политической жизни страны после поражения революции 1905-1907 гг, вызвали появление сборника статей "Вехи" (1909), авторами которых были многие бывшие "легальные марксисты" Н.А.Бердяев, П.Б.Струве, С.Л.Франк и др. Это была реакция либеральной интеллигенции на недавние революционные потрясения. Они видели в революции только разрушение и предлагали в качестве альтернативы только реформы на пути капиталистического развития России. Авторы "Вех" призывали интеллигенцию к покаянию, отказу от марксова социализма и идеи классовой борьбы. П.Струве тогда писал, что идея классовой борьбы "творчески бесплодна", ибо разъединяет нацию, а не объединяет ее. По мнению Н.Бердяева, "революция разрушает, а не творит, она – подведение итога разложению". А.Изгоев видел причину поражения революции 1905-1907 гг. в распрях между социал-демократами и либералами. "В результате разгромлены все... Полиция в тонкостях не разбирается". "Вехи" и другие книги авторов этого сборника вызвали неоднозначную реакцию. Ленин назвал "Вехи" энциклопедией либерального ренегатства.¹¹⁷

Мартова тогда беспокоила, прежде всего, судьба социал-демократического движения в России. Его исследовательские очерки и публицистические статьи полны размышлений на эту тему. Выводы были достаточно пессимистичны.

“Над русской социал-демократией, – писал Мартов в 1909 г., – с самого ее рождения тяготеют последствия первородного греха – ее организационного возникновения вне той среды, в которой кипит действительная борьба класса, идеологически ею представляемого. Библейский первородный грех заключался во вкушении от дерева познания... Наша социал-демократическая интеллигенция, вкусив от дерева познания законов общественного развития, поняла необходимость образования рабочей партии задолго до того, как в процессе классовой борьбы стали складываться элементы, достаточные для образования такой партии. Это обстоятельство мы имеем все основания считать великим благом для русского рабочего движения. Но на грешной земле оборотной стороной всякого блага является известное зло”.¹¹⁸ Этим “злом”, по Мартову, стала борьба фракций. Ленин видел в ней борьбу с реформизмом и оппортунизмом; Мартов считал, что в российском рабочем движении не реформизм противостоял марксизму, а марксистское направление – его якобинско-бланкистскому толкованию и действиям, максималистским настроениям большевиков.

Мартов как политик понимал необходимость хотя бы формального единения фракций. Он участвовал в декабре 1908 г. в работе V (Общероссийской) конференции РСДРП в Париже, вместе с Лениным стал членом редакции общепартийной газеты “Социал-демократ”. Но это никак не мешало ему выступать против того, что он считал несовместимыми со своими принципами. Он не примкнул ни к так называемым “ликвидаторам”, ни к меньшевикам-партийцам Плеханова. Вместе с Ф.Даном на страницах газеты “Голос социал-демократа” он ратовал за единение российских социал-демократов. В единении РСДРП он видел политическую силу, способную возглавить пролетариат в грядущих революционных столкновениях с самодержавием. Особенно неприемлемы для Мартова были безнравственные поступки, к каковым он относил, например, методы пополнения партийной казны путем экспроприаций. 3 сентября 1908 г. он писал Аксельроду:” Признаюсь, я все больше считаю

ошибкой самое номинальное участие в этой разбойничьей шайке”.¹¹⁹

Переписка Мартова с Аксельродом, Плехановым и другими социал-демократами той поры, его многочисленные газетные статьи свидетельствовали о том, что наиболее приоритетными в политической борьбе для него тогда оставались укрепление меньшевистской фракции и разоблачение большевизма. 25 августа 1910 г. он сообщал Аксельроду, что воспользовавшись полемикой между К.Каутским и Р.Люксембург, написал статью “Прусская дискуссия и русский опыт” для журнала “Нойе цайт”. В ней он обвинил западноевропейских социал-демократов в двойном стандарте: “те глупости, которые считаются для Европы непозволительными, для России признаются”. Мартов негодовал, что не ощущает поддержки руководителей II Интернационала в борьбе с “самобытно-бланкистской”, большевистской точкой зрения.¹²⁰

Особое возмущение Мартова вызвали тогда нечистоплотные финансовые операции руководителей Большевистского центра. В конце 1907 г. он вместе с Плехановым, Давидом и Мартыновым резко осудил тифлисскую экспроприацию, обвинив Ленина в нарушении решений IV и V съездов РСДРП, запретивших подобные акции. В 1908-1910 гг. Мартов требовал возвращения меньшевикам части наследства московского фабриканта Н.П.Шмита, завещанного РСДРП в целом, а не одним большевиком. Этот конфликт нашел отражение в брошюре Мартова “Спасители или упразднители? Кто и как разрушал РСДРП” (1911). В ней он отрицал свою принадлежность к “ликвидаторам” и протестовал против “чудовищной клеветы” ленинцев. Мартов писал о “ленинской нечаевщине”, о том, что именно большевики, а не “ликвидаторы” деморализовали партию и стремились ее “упразднить”. Мартов предал огласке преступления против партии Большевистского центра – экспроприации Лбова на Урале, ограбление банка в Тифлисе (1907) и др. Он заявил, что роспуск Большевистского центра в 1910 г. не означал, прекращения деятельности организации “перманентного

заговора против партии”. Мартов сообщил “пикантные” подробности, как при помощи угроз и фиктивного брака большевика Игнатьева с наследницей Н.П.Шмита, большевики заполучили его состояние.¹²¹ Мартов пришел к выводу, что происходящее в РСДРП – “это не просто борьба личностей за господство в партии, это борьба отсталых заговорщических элементов социализма против живого духа социал-демократического движения”. В брошюре “Спасители или упразднители?” им было впервые опубликовано принятое в январе 1910 г. решение пленума ЦК, в котором осуждались недопустимые приемы, которые использовал Большевицкий центр в борьбе за наследство Н.П.Шмита.¹²²

Брошюра Мартова вызвала разноречивые отклики. Читавший ее в рукописи П.Б.Аксельрод писал В.И.Засулич 22 февраля 1911 г., что находится “под кошмарным впечатлением этого архисенсационного произведения”, что перед ним “развернулась ошеломляющая картина глупостей и мерзости запустения, недопустимых в мало-мальски порядочном обществе цивилизованных людей”.¹²³

В 1910-1911 гг. заметно усилилась критика Лениным работ Мартова. Ленин обвинял своего бывшего друга в “марксистски подкрашенных либеральных взглядах”, “фокусничестве”, а после выхода “Спасителей или упразднителей?” – в клевете и шантаже. В 1911 г. по предложению Ленина и под его редакцией была опубликована брошюра Л.Б.Каменева “Две партии”, где раздел “Оргия шантажа” был целиком посвящен критике Мартова. Ленин написал к ней предисловие, и, по словам Каменева, его замечания сводились к “стремлению еще более заострить полемический характер” работы. Именно в предисловии к брошюре Каменева Ленин писал о Мартове как “специалисте по части шантажа и клеветы”.¹²⁴

После этого ни о каком сотрудничестве Мартова с Лениным не могло быть и речи. В июне 1911 г. Мартов и Дан вышли из состава редакции газеты “Социал-демократ”. Ленин и его сторонники порвали с Заграничным бюро ЦК. К.Каутский одобрил этот последний шаг, когда писал 9 авгу-

ста 1911 г. А.В.Луначарскому: “В действиях Ленина мы видели только ответ на отвратительную брошюру Мартова против него, которая являлась бы прямо бессмысленной, если бы не преследовала цели принудить к расколу”. Позже Каутский сожалел о подобной оценке брошюры Мартова. Много лет спустя в беседе с Б.И.Николаевским он говорил ему, что “считает свои тогдашние отзывы о Мартове одной из самых тягостных своих ошибок, но подробно объяснял, что поверить Мартову тогда он не мог, что нужен был опыт революции 1917 г. и последующих лет, чтобы правильно понять Ленина и убедиться в обоснованности тогдашних обвинений Мартова”.

Плеханов в 1911 г. был согласен с первой оценкой Каутского, увидев в брошюре Мартова результат “межфракционной грызни”. В марте 1912 г. в совместном с Ф.И.Даном и А.С.Мартыновым письме Мартов информировал П.Б. Аксельрода и В.И.Засулич о том, что, к сожалению, Плеханов “стал поддерживать вырождающееся сектантское направление в партии” и пытается “опорочить недавнее политическое прошлое”, в том числе Аксельрода и Засулич. Авторы письма выражали надежду, что их адресаты “спокойно перенесут” “фиглярские упражнения бывшего... соратника”. В письме Аксельроду от 11 июля 1912 г. Мартов писал, что лидер эсеров В.М.Чернов использовал “пуришкевические упражнения Каменева, носящие характер личной ругани” против него, и хотел об этих инсинуациях заявить публично.¹²⁵

Брошюра Мартова фактографична и эмоциональна. Мартов написал и издал ее в 1911 г., хотя многие факты, представленные в ней, были ему известны задолго до этого. Он предал огласке тайны авгиевых конюшен большевистского руководства и, естественно, вызвал резкие возражения со стороны ленинцев, но без необходимой аргументации. Доказательства Мартова не принимались, но и не опровергались документально. Брошюра “Соглашатели или упрямцы?”, как позже писал Г.Аронсон, стала “надгробным словом над всеми попытками сговора меньшевиков с большевиками”.¹²⁶

5 января 1912 г. в Праге открылась большевистская конференция, избравшая свой ЦК и объявившая об организационном размежевании с “ликвидаторами”. Мартов назвал конференцию фракционной и отказался признавать ее решения. Более того, он и его сторонники обжаловали легитимность конференции протестом в Международное социалистическое бюро (28 февраля 1912 г.), а затем приняли решение о проведении в августе 1912 г. в Вене конференции социал-демократических организаций России. На Венской конференции был создан так называемый Августовский блок, избран Организационный комитет и Заграничный секретариат РСДРП, членом которого стал и Мартов. В то время Мартова волновала избирательная кампания в IV Государственную Думу. По его мнению, у Ленина “вообще остался в жизни один шанс – проведение в Думу пары-другой своих ставленников”. В реальной действительности в IV Государственной Думе большевики были представлены 6-ю депутатами, а меньшевики получили 7 мандатов. Вместе с тем Мартова угнетало то обстоятельство, что в июле 1912 г. “в Москве не осталось никаких организационных опор для серьезной поддержки газеты и других меньшевистских начинаний”.¹²⁷

Мартов не согласился с решением Пражской конференции о прекращении финансовой помощи газете Троцкого “Правда”, издававшейся в Вене. Но особо его возмутило, что под этим же названием стала выходить в Петербурге большевистская фракционная газета. В письме в редакцию газеты “Живое дело” он выступил против “экспроприации” заголовка: “Не только Троцкий и редакторы “Правды”, но и все сторонники его... вправе считать, что поступком Н.Полетаева нарушены их права, которые должны были бы быть неприкосновенны для каждого порядочного человека и вдвойне для каждого социалиста”.¹²⁸

В феврале 1913 г., по случаю 300-летия Дома Романовых, была объявлена амнистия. Мартов мог теперь ехать в Россию, что и сделал в ноябре. Приехал он в Петербург больным, к тому же смена климата усугубила заболевание горла, суставов и сердца.¹²⁹ В Петербурге Мартову удалось

поселиться по фиктивным документам (как некрещенный еврей без высшего образования он не мог проживать в столице). Мартов активно включился в партийную работу, писал в газеты и журналы и, по определению Аксельрода, выражал себя, как “богато одаренная натура”. Мартов в начале 1914 г. работал в редакциях “Рабочей газеты” и “Нашей зари”, журнале “Современник”, консультировал меньшевистскую фракцию IV Государственной Думы и был одним из первых обвинителей большевистского депутата Р.В.Малиновского в провокаторстве. 2 июня 1914 г. он писал Аксельроду из Петербурга: “Наши дела все подошли вплотную к одному – делу Малиновского. Пока этот нарыв не будет вскрыт, решительный шаг вперед нельзя будет сделать. Мы все уверены без малейшего сомнения, что Малиновский провокатор...”¹³⁰

В 1911-1914 гг. Мартов много писал по вопросам внешней политики и европейского рабочего движения.¹³¹ И опять-таки он писал о том, что хорошо знал: о международных конгрессах социалистов, лидерах, с которыми встречался, событиях, которые широко освещались и обсуждались в прессе. Он рассказывал читателям об Августе Бебеле, Поле Лафарге и Жане Жоресе, политическом кризисе во Франции, гибели “Титаника” и о многом другом.¹³² 2 июня 1914 г. Мартов сообщал Аксельроду о встрече в Петербурге с председателем Международного социалистического бюро Э.Вандервельде, который приехал выяснить, нельзя ли восстановить единство РСДРП. Он сказал тогда Мартову: “Вы, конечно, догадываетесь, что мои симпатии на стороне Вашего течения, но я не могу выражать этого”. Мартов отмечал в письме, что этот вывод Вандервельде сделал после знакомства с деятельностью большевистской и меньшевистской фракций, когда понял, “где Европа и где Азия”. Мартов разъяснил ему, что российские социал-демократы работают “не в подземельях и не в масках, а почти в европейской во многих отношениях обстановке”, и что поэтому и в России не нужна партия “нового типа”.¹³³ Симпатии Вандервельде к меньшевикам свидетельствовали, что именно они более дру-

гих походили на рабочую парламентскую партию европейского типа. Разумеется, Мартов согласился с предложением Вандервельде участвовать в “объединительном” совещании под эгидой Международного социалистического бюро в Брюсселе, которое созывалось для примирения большевиков, меньшевиков и других партийных течений.

Совещание в Брюсселе состоялось 16-17 июля 1914 г. В его работе участвовали К.Каутский, Р.Люксембург, Э.Вандервельде, К.Гюисманс, Г.В.Плеханов, П.Б.Аксельрод, Ю.О.Мартов, Л.Д.Троцкий. Большевики были представлены И.Ф.Арманд, М.Ф.Владимирским и И.В.Поповым. И.Арманд зачитала ленинский доклад с ультимативными условиями объединения (признания ленинских принципов построения партии). Ультиматум Ленина был отвергнут по предложению Каутского, раскольнические действия большевиков были осуждены. Пришедшие к соглашению небольшевистские группы РСДРП обратились с воззванием “Ко всем рабочим России”, написанным Плехановым, Мартовым и Троцким. В нем подчеркивалась возможность объединения, говорилось, что “нельзя совершить худшего преступления против пролетариата России, как мешать и не допускать сплочения его различных групп в единый организм”.¹³⁴

Начало Первой мировой войны и убийство Жана Жореса потрясли Мартова. Шовинизм в воюющих странах быстро стал преобладающей идеологией, перечеркнув все решения конгрессов II Интернационала по борьбе с милитаризмом, о пролетарском интернационализме и др. Мартов жил тогда в Париже, паникующем перед немецким наступлением, бедствовал, работал в газете “Голос”, основанной российскими эмигрантами. Он быстро стал ее ведущим публицистом, хотя вместе с ним в этой газете тогда работали Луначарский, Троцкий, и другие яркие и опытные газетчики.¹³⁵

Судя по письмам Мартова Аксельроду осенью 1914 г., его политические позиции по отношению к начавшейся войне были определены: резкое осуждение империалистической войны, как несправедливой и антинародной со стороны всех воюющих стран; критика социал-патриотизма;

восстановление 11 Интернационала под знаменами пролетарского интернационализма. Мартов колебался в выборе союзников.¹³⁶ 14 октября 1914 г. он писал Аксельроду, что “скорее, чем с Плехановым, мы может быть, могли бы столкнуться с Лениным”. И тут же уточнял: “Насчет сговора с Лениным я только так упоминаю: охоты работать вместе с ним у меня нет, и я предпочел бы, чтобы мы сами, в меньшевистском составе заявили о себе в этом случае”. У Мартова и Ленина было тогда общее неприятие социал-шовинизма.¹³⁷ Но Мартов категорически отвергал ленинскую тактику революционного пораженчества, призыв к военному разгрому царизма, проповедь превращения войны империалистической в войну гражданскую. Для него эта программа была неприемлема, прежде всего, с морально-этической точки зрения. Мартов писал в статье “Война и российский пролетариат”: “Как ни заманчиво революционной партии иметь за собою сразу симпатии широких народных масс и армии, как ни обязательно для нее не вызывать неумелой тактикой или, тем паче, словесным озорством (вроде игры в “пораженчество”) пропасти между собою и народными массами и армией, они должны не забывать из-за минутных успехов будущего того класса, которому она служит...”¹³⁸

Мартов был несогласен и с патриотическими, оборонческими призывами Плеханова и Потресова, выступавших за победу в войне России и стран Антанты. 27 октября 1914 г. он писал Аксельроду, что с Лениным нельзя иметь дело, так как он “нас больше скомпрометирует, чем будет нам полезен”. Соглашение с Плехановым тоже не имеет смысла, потому что он все более “увязает в российско-националистическом болоте”. Мартов сожалел, что его ответы Плеханову в газете “Голос” до российской публики не доходят. 30 ноября 1914 г., он писал в “Голосе”, что не разделяет пессимистических прогнозов Плеханова о негативных последствиях, которые могут иметь для России ее военные поражения. Мартов считал, что в этом случае встал бы вопрос о “радикальной ликвидации старого режима”. Более того, Мартов утверждал: “экономический прогресс есть основа социаль-

ного и политического развития. Конечно. Но это не значит, что всякий, купленный любой ценой шаг по пути экономического прогресса непосредственно отражается шагом вперед по пути политического развития". В письме С.Ю.Семковскому 10 июля 1915 г. Мартов писал, что Плеханов "переживает несомненно глубокий кризис, который не может не кончиться или коренной ревизией марксизма или совершенным уходом от социализма. Скорее, конечно, первое".¹³⁹

Мартов, наряду с Троцким, сначала занял центристскую позицию, не желая "ни побед, ни поражений" каждой воюющей стране и требуя прекращения войны как таковой.¹⁴⁰ В этом смысле он был революционным пацифистом. Ленин исходил из того, что сначала должна быть революция, а затем мир, предложенный захватившими власть большевиками. Для Мартова на первом месте стоял мир, а потом уж революция. Мартов вскоре разошелся и с Троцким, ушедшим к наиболее радикальным социалистам.¹⁴¹

В своих многочисленных статьях, опубликованных в то время в различных эмигрантских и российских газетах и журналах, Мартов затрагивал широкий круг вопросов. В его суждениях можно найти много общего с высказываниями и мнениями других социалистических лидеров той поры.¹⁴² Мартов был близок в объяснении причин возникновения войны к Ленину, когда напрямую связывал их с империализмом (высшей стадией капитализма), под которым он понимал: возникновение интернационального мирового хозяйства, не считавшегося с территориальной замкнутостью отдельных государств; полное преобладание финансового капитала над промышленным и торговым; экспансию сильнейших капиталистических держав в более слабые страны; рост милитаризма. Мартов разделял тогда не только ленинскую иллюзию о "загнивающем" и "умирающем" капитализме, но и ошибочно полагал, что только завоевание политической власти пролетариатом в международном масштабе прекратит войны.¹⁴³

Мартов переживал крах II Интернационала, раскол в европейском социалистическом движении, в РСДРП и в

меньшевистской фракции. Среди меньшевиков были явные патриоты, сторонники победы России в войне (Г.В.Плеханов, П.П.Маслов, В.И.Засулич, Н.И.Иорданский и др.); социал-патриоты, предлагавшие отказываться царизму в военных кредитах, и советовавшие рабочим не бастовать (А.Н.Потресов, Ф.А.Череванин, В.О.Левицкий и др.); думская фракция (Н.С.Чхеидзе и др.), выступавшая за мир и критиковавшая правительство, но объявлявшая антивоенные массовые действия преждевременными. Мартов был меньшевиком-интернационалистом, желавшим победы мировой антиимпериалистической революции и демократической революции в России. Он был членом Заграничного секретариата ОК, выпустившего в 1915-1916 гг. несколько номеров "Известий", журнал "Война и Интернационал" и направившего ряд инструктивных писем меньшевистским организациям России.

Война развела европейских социалистов по разные стороны, и Мартов тогда делал многое для их соединения, полагая особенно важным восстановление старых довоенных связей. Война стала для социалистического движения и для каждого социалиста временем крушения прежних надежд. Мартов в деловых письмах к Аксельроду и интимных к Надежде Самойловне Кристи писал о многих своих прежних знакомых, по его собственному выражению, "с привкусом уксуса и желчи". В письме Аксельроду 12 сентября 1914 г. Мартов выражал надежду, что только российские меньшевики смогут "восстать" против марксистов за марксизм", так как немецкие "учителя" потерпели политический крах. Ленин называл Мартова "каутскианцем", а Мартов в марте 1915 г. характеризовал Каутского не иначе, как "предателем" и "старой бабой". Мартов негодовал против "пораженца" Ленина, а Парвус считал радикальными русскими "пораженцами" Ленина, Мартова и Троцкого.¹⁴⁴ В письме Кристи от 3 марта 1916 г. Мартов писал о своем первом восприятии начала войны как "катастрофы, которая "на всех навалилась, меня лично совершенно придавила... Когда я думаю о том, что со мною произошло с августа 1914 г., приходит в голову...

вульгарное сравнение с собакой, у которой перешибли спинной хребет”. Он утверждал, что война разделила его жизнь на две половины.¹⁴⁵

В советской исторической литературе встречается утверждение о том, что в годы войны Мартов менял свою позицию и от критики германских и французских социалистов переходил к их поддержке.¹⁴⁶ Это было вполне естественно, если менялась ситуация и позиция тех, кого он прежде критиковал. В письме Кристи 6 мая 1916 г. Мартов объяснял перемену к положительному отношению к французским и немецким социалистам тем, что они вместе с ним и другими подписали манифест Кинтальской конференции о мире без аннексий и заявили, что не будут голосовать за военные кредиты.¹⁴⁷ 12 сентября 1914 г. Мартов в газете “Голос” протестовал против письма В.Л.Бурцева в лондонскую “Times”, где говорилось, что в России “все партии без исключения поддерживали правительство”. Мартов возмущался: не все. “Открытое письмо” французскому социалисту Г.Эрве (Голос. 1914, 25 сент.) Мартов заканчивал словами: “Российский социалистический пролетариат не ждет освобождения России ни от победы Вильгельма II, ни от победы Николая II”. Он полагал, что такое “поведение будет одобрено будущими заседаниями восстановленного и освобожденного от перебежчиков социализма Интернационала”.

В августе 1915 г. Мартов переехал в Швейцарию, а 5-8 сентября принял активное участие в Циммервальдской конференции, собравшей 38 социалистов из 11 стран. Эта конференция стала известна созданием движения за мир и пролетарскую солидарность, как собрание социалистов – противников войны.¹⁴⁸ Манифест, принятый участниками конференции, призывал бороться за мир, свободу и священные идеи социализма, не используя при этом радикальных средств. Это отвечало тогда точке зрения Мартова. Он участвовал в составлении и редактировании основных документов Кинтальской конференции (11-17 апреля 1916 г.). Принятый на конференции манифест был обращен к пролетариям воюющих стран, к “разоряемым и умерщвляемым на-

родам” с призывом: “Поднимемся на борьбу за немедленный мир без аннексий!”¹⁴⁹

В 1914-1916 гг. к Мартову обращались с просьбой присылать статьи редакции многих газет и журналов. Но он решительно отказывался от сотрудничества с теми изданиями, которые проводили политическую линию, противоречащую его принципам.¹⁵⁰

Мартов получал обширную корреспонденцию, из которой узнавал о происходящем в России. Особо беспокоила его судьба российского социал-демократического движения. В начале войны он получил письмо П.П.Маслова с “печальными мыслями” в связи с “развалом нашей литературной братии”. Маслов весьма пессимистически оценивал будущее меньшевистского движения в России. 14 марта 1916 г. М.Г.Коган (Гриневич) просил Мартова письменно известить его об отношении меньшевистского руководства к войне. Он сообщал, что спрашивает его об этом от имени петербургских меньшевиков, “стоящих на Вашей точке зрения”. Характеризуя общее состояние меньшевизма в России, Коган определял его так: “полная дезорганизация”, так как единого мнения среди меньшевиков нет, а среди интеллигенции “преобладает оборончество”. Себя он объявлял сторонником Мартова. Единомышленники Мартова в октябре 1915 г., обращаясь к рабочим, призывали их “понять, что действительной великой опасностью было бы зачумление пролетарских голов национал-либеральным ядом, под какой бы этикеткой он ни подносился”. Тогда же группа петербургских и московских меньшевиков выступила с критикой политики меньшевиков-оборонцев, предлагая объединиться под лозунгом борьбы за мир. К началу 1916 г. общее впечатление Мартова о положении меньшевиков в России было неблагоприятным. В письме Аксельроду 3 января 1916 г. он передавал мнение отдельных корреспондентов о том, “что в России наши дела плохи”, что среди работающих в самарской меньшевистской газете “Голос” не оказалось ни одного, разделяющего “мартовско-минусинско-иркутского направления”, что “все живое уйдет к ленинцам”.¹⁵¹ С весны

1916 г. настроение Мартова повысилось. В конце мая он писал об улучшении положения в питерской меньшевистской организации, о том, что увеличивается число антиоборонческих изданий.¹⁵²

В 1915-1916 г.г. Мартов наблюдал назревание в России нового политического кризиса. С конца 1915 г. от имени Заграничного секретариата ОК РСДРП он поставил задачи организации революционных выступлений рабочих и активизации деятельности партии. В большой программной статье “Война и российская социал-демократия” Мартов высказал свои взгляды на грядущую революцию в России. Он считал, что после нее к власти придет не пролетариат (так думали Ленин и Троцкий), не блоки рабочих с либералами (за это были Плеханов и Потресов), а российская буржуазия. По его мнению, пролетариат должен был участвовать в революции не “во имя национальной обороны”, а “во имя мира”. Стремление Мартова к объединению, а не расколу (общества или партии) привело его к мысли об оптимальном варианте властной структуры для страны: Россия – республика, власти выражают интересы всех демократических сил: пролетариата, городской мелкобуржуазной демократии, крестьянства. Мартов был убежден, что революция в России возможна как часть общеевропейской демократической революции.¹⁵³

Многие статьи Мартова периода войны носили полемический характер споров с Лениным, Плехановым, Троцким. Эти дискуссионные работы – часть социал-демократической литературы той поры. В ней обозначены проблемы, связанные, прежде всего, с выработкой тактики социалистического движения в военных условиях. При этом Мартов резко выступал против догматического восприятия марксизма, связывая это явление с “оборончеством”. Он утверждал: “Марксисты не обязаны слепо повторять всякое слово, сказанное 60 и более лет назад Марксом: частных ошибок в их политических суждениях было столько же, сколько в суждениях каждого крупного и самостоятельного мыслителя”. Мартов считал сказкой плехановский прогноз возможного

германского экономического закабаления России. Он защищал марксизм, когда писал, что “не в национальной реакции против марксизма, а в развитии и всесторонней реализации интернационалистского содержания марксова учения заключается задача завтрашнего дня движения”. Потому он называл позицию защиты своих стран, занятую Каутским, Плехановым и Гедом – “вульгаризованным марксизмом”.¹⁵⁴

Мартов писал в “Метафизике упрощительства” (август 1915 г.), что ленинская метафизика “пораженчества”, подобно метафизике “защиты отечества”, оправдывает “усилия социал-патриотов”. Потому, полагал он, нужно объединение вокруг лозунга: “Ни побед, ни поражений”. В статье “Война и российская демократия” Мартов призывал к единению последней, так как Россия “оказалась пунктом наименьшего сопротивления для духа разрушения, вызванного к жизни империалистическим вихрем”.¹⁵⁵

Мартов в своих работах откликался на многие события в жизни европейских социалистов. Его обеспокоило покушение 21 октября 1916 г. на австрийского премьер-министра графа Штюргка. В него стрелял Фридрих Адлер, сын лидера австрийских социал-демократов Виктора Адлера, сам социалист-интернационалист. 22 октября 1916 г. Мартов сообщал Н.С.Кристи: “Пишу тебе в самом тяжелом состоянии, до последней степени подавленный тем, что случилось в Вене... Самый ближайший единомышленник. Никто из европейцев так не подошел близко к нашей точке зрения, не стал на позицию решительного, но свободного от истерического энтузиазма, интернационализма. И вот такой человек идет на явное политическое самоубийство... В этом – ужасная трагедия именно для того поколения, к которому я принадлежу”. Мартов посвятил этому событию статьи и отдельную брошюру. В поступке Фридриха Адлера он увидел отчаяние социалиста, стремящегося своим безрассудным поступком привлечь внимание к необходимости покончить с войной. Он пришел к выводу, что “режим белого террора необходимо вызывает и морально оправдывает террор красный”. И оправдывал происшедшее тем, что “всякий режим, закрыва-

ющий угнетенному классу пути свободной борьбы и организации, с необходимостью порождает террористические акты и является достаточным моральным оправданием их”, а также тем, что Адлер очень тяжело переживал распад II Интернационала. Мартов выражал надежду, что Фридрих Адлер останется в памяти как символ “той беспощадной к врагу и к себе революционной борьбы, которую история ставит в порядке дня”.¹⁵⁶

В августе 1916 г. Мартов написал брошюру “Национализм и социализм (идеология “Самозащиты”)”. Цензура запретила тогда ее публикацию. Издавая ее позже, Мартов утверждал, что его главный вывод той поры верен и после революции в России. Этот вывод он сформулировал предельно точно: “Социал-демократия будет решительно и последовательно интернационалистской в своем мышлении и в своей политике или сойдет бесславно с исторической сцены”. Он писал о том, что первым трофеем войны стал “ортодоксальный” лозунг марксистов о том, что у пролетария нет отечества, поскольку все разбежались по своим национальным квартирам. Мартов предполагал, что в результате войны в Европе появится такая государственная форма, как демократический цезаризм (с коллективным, а не индивидуальным цезарем), который не будет заинтересован в развитии демократических учреждений. Другим результатом, по его мнению, станет обострение классовых интересов и самоизживание замкнутого в себе национального государства.¹⁵⁷ Не все прогнозы Мартова оправдались. В России под прикрытием демократического цезаризма стал быстро развиваться культовый вождизм, а классовые интересы не смогли заглушить национально-государственные. Более того, несмотря на идеологическую риторику, последние неизменно одерживали верх над первыми.

Письма Мартова в 1916 г. были сдержанно-оптимистическими. В них сквозила тоска и усталость от непрерывных дебатов, оскорблений, невозможности что-либо изменить в борьбе, прежде всего, с бывшими друзьями. Он писал Н.С.Кристи в июне 1916 г., что с удовольствием читает Стен-

даля, предпочитая его Бальзаку, но совсем уйти от “политики”, как она ему советует, не может. Ведь такие времена приближаются, отвечал Мартов, что “даже кабинетные по природе люди, будут вынуждены “выходить на площадь”, “мешаться в гуще общественной жизни”. Он аргументировал свое нежелание “уйти” от политической деятельности чувством ответственности человека, пережившего мировую войну, за свою родину и человечество в целом. “Это и психологически невозможно, да и совесть не позволила бы, – писал он. – Само собой разумеется, что Вашей антипатии к “политике”... я не разделяю, и людей она не более коверкает, чем всякая другая профессия, от артиста до человека науки”.¹⁵⁸ В ноябре 1916 г. Мартов сообщил Кристи, что с удовольствием переводит на русский Р.Роллана и хочет написать большие статьи о максимализме и французской оппозиции. О “Бесах” Достоевского он говорил как о своем любимом произведении и жаловался на происки против него Ленина и Троцкого.¹⁵⁹ Более мрачно он писал Н.Е.Щупак, говоря о трагедии своего поколения, “бесполезности или бессилии всех наших идей и идеалов”, поскольку любая “личная драма, с какой бы стороны она ни царапала душу, есть лишь кусочек большой коллективной трагедии”.¹⁶⁰ И еще. Рефреном многих писем Мартова была “тяга в Россию”. Ему часто не давала покоя сама мысль, что “придется еще надолго остаться в Швейцарии”, что “может быть, после войны не сразу удастся поехать в Россию, что вполне возможно, что реакция будет во всей силе и после здешних выступлений закроет мне дорогу”.¹⁶¹ Эти опасения не оправдались. Российская революция в феврале 1917 г. сделала всех политических противников самодержавия равноправными гражданами страны. Тем не менее дорога в Петроград заняла у Мартова больше двух месяцев.

Конец XIX – начало XX века – особый период в истории социал-демократического и рабочего движения в России. Это время непосредственной борьбы за свержение самодержавия и смену общественного строя в стране. За короткое время народы России пережили две войны: русско-япон-

скую и первую мировую, революцию, попытки экономического и политического реформирования, многие социально-политические кризисы. Социал-демократическое движение в России, в силу разных обстоятельств не было единым, а скорее движение – целеустремленным и организованным.¹⁶²

Трудно сказать, чьи работы: Ленина, Мартова или Плеханова более объективно и достоверно отображали историю российского социал-демократического и рабочего движения той поры. Они были политиками, публицистами и историками-марксистами. Но в зависимости от своих политических пристрастий каждый из них отбирал при написании своих работ только те факты, которые как-то аргументировали “его” точку зрения на политические и исторические проблемы. Они критиковали друг друга, часто используя для этого цитаты из работ К.Маркса. По отдельным тактическим вопросам они объединялись, затем разъединялись, причем Ленин, несомненно, был большим мастером раскола, чем Мартов – объединения партии. В связи с меняющимися обстоятельствами их взгляды изменялись, но приоритетным для Ленина все время оставалось “дело его жизни”, для Мартова – непреходящие высокие нравственные ценности.

Результаты революции 1905-1907 гг. заставили Мартова и его единомышленников избавиться от абстрактных суждений о гегемонии пролетариата. Путь практической реализации своих замыслов привел их к идее союза с либералами, созданию единого демократического фронта против самодержавия. Большевистские лидеры склонялись к максималистским требованиям в борьбе за социализм. Это нашло свое отражение и в их работах, ставших разными направлениями марксистской литературы в России начала XX века.

¹ См. Проблемы истории в трудах В.И. Ленина. Указатель советской исторической литературы о В.И. Ленине как историке. Изд.-3-е. М., 1973 (указатель насчитывает 1744 книги и статьи о Ленине как историке. Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977; Савельев П.Ю. Л. Мартов в советской исторической литературе // Отечественная история. 1993. № 1; Урилов И.Х. Ю.О. Мартов: Историографический очерк. М., 1995.

² Подсчеты работ Мартова произведены на основе библиографического указателя. См.: Бургина А. Социал-демократическая меньшевистская литература. Stanford, 1968.

³ Труды Мартова не упоминались в специальных историографических работах. См.: Невский В.И. Что сделано по истории революционного движения за десять лет (1917-1927 гг.). // Печать и революция. 1927. Кн.8. С.62-69; Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977; Бовыкин В.И., Пушкарева И.М. Некоторые итоги и перспективы научной разработки истории рабочего класса и рабочего движения в России. // Новейшие исследования по истории России периода империализма в советской и зарубежной историографии: Сборник. М., 1985. С.4-11; и др.

⁴ Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1969. Ч.1. С.170.

⁵ Маслов Н.Н. В.И. Ленин и советская историография истории КПСС. // В.И. Ленин и историческая наука. М., 1968. С.445; Мартов Л. История российской социал-демократии. Пг.; М., 1923. С.68; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С.5-6.

⁶ Левин Ш.М. В.И. Ленин и проблема революционного народничества 70- годов. // В.И. Ленин и русская общественно-политическая мысль XIX – начала XX вв. Л., 1969. С.220; Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1969. С.217.

⁷ См.: Урилов И.Х. Указ. соч. С.55-69; Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. М., 1994. Кн.1-2; Тютюкин С.В. Политическая драма Г.В. Плеханова // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С.124-163. Савельев П.Ю., Тютюкин С.В. Юлий Осипович Мартов (1873-1923): человек и политик // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С.133-157; № 5. С.130-166. Отечественные историки в попытках объективно представить деятельность и творчество лидеров российской социал-демократии следовали, как правило, за уже написанным вне России. См.: Varon S. Plekhanov. The father of Russian marxism. Stanford, 1963; Он же. Плеханов, утопизм и российская революция. // Отечественная история. 1995. № 5. С.117-129; Getzler I. Martov. A political biography of Russian social-democrat. Melbourne, 1967; Штурман Д. О вождах российского коммунизма. Париж-Москва, 1993. Кн.1-2; и др.

⁸ См.: Ингерфлом К. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М., 1993; и др. Иную точку зрения см.: Мельниченко В. "Нужно быть сумасшедшим, чтобы не признать величия Ленина". М., 1994; и др.

⁹ Мартов Ю. Записки социал-демократа. М., 1924. С.152-153.

¹⁰ Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? (1894) // Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.1; Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю (1895). // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. М., 1956. Т.1; Струве П.Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Спб., 1894; и др. В 1963 г. А.Ф.Костин без веской аргументации критиковал немецкого историка Д.Гейера за его утверждение, что якобы Струве, а не Ленин сыграл главную роль в теоретическом разгроме народничества. См.: D.Geyer. Lenin in der russischen Sozialdemokratie. Köln-Graz, 1962 S.36; Костин А.Ф. История русской социал-демократии в кривом зеркале г.Гейера // Вопр. истории КПСС. 1963. № 7. С.130. Думается, что для "разгрома" народнической теории потребовалось время и многие работы российских социал-демократов.

¹¹ Об агитации. Женева, 1896. С.16. Р.Пайпс увидел в брошюре "Об агитации" "единственный источник новых идей и новой тактики". // Pipes R. Social Democracy and the St. Petersburg labor movement. 1885-1897. Harvard University Press, 1963. P.58; Ю.Шерпер полагает, что эта работа сыграла "решающую роль в переходе от пропаганды к агитации". См.: Шерпер Ю. Социал-демократическая интеллигенция и рабочие. // Реформы или революция. Россия 1861-1917. Спб., 1992/ С.112-113. Советские историки считали брошюру "Об агитации" "основой экономического – первым проявлением оппортунизма в рабочем движении России". // Полевой Ю.З. Зарождение марксизма в России. 1883-1894 гг. М., 1959. С.503. Мартов был убежден, что "рукопись Кремера дала обоснованный конкретный план перехода от убожества отвлеченной кружковой пропаганды к той массовой политической борьбе против царизма, организация которой явилась общепризнанной партийной задачей". // Мартов Ю. Записки социал-демократа. С.237.

¹² Мартов Ю. Записки социал-демократа. С.152.

¹³ Мартов Ю. Поворотный пункт в истории еврейского рабочего движения. Женева, 1900. С.18-20. Замечание И.С.Мамаева о том, что призвав создать еврейскую рабочую организацию, "Мартов выразил определенное недоверие российскому пролетариату", следует признать некорректным. См.: Мамаев И.С. Становление Ю.О.Мартова как политического деятеля. // Вестник Московского университе-

та. История. 1995. № 2. С.28. В дореволюционной России более половины политических партий, в том числе и социал-демократической ориентации, носили национальное название. См.: Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995. Почему же в таком случае только призыв к созданию еврейской рабочей партии выражал “недоверие российскому пролетариату”? Мартов позже высказал недовольство переизданием этой речи, так как узнал, что его аргументация “вульгаризируется”. // Мартов Ю. Записки социал-демократа. С.248.

¹⁴ Мартов Л. По поводу еврейской стачки в Вильно. 1895 г. Женева, 1896. П.Аксельрод позже вспоминал: “В 1896 г., подготавливая к печати 1-й № “Работника”, я получил – не помню откуда – рукопись, без заглавия и без подписи, доставленную за границу из Вильно. Это была листовка, написанная по поводу выступления виленского магида (проповедника – И.У.), громившего в синагоге еврейских рабочих за стачку, устроенную ими против хозяина-еврея. Защищая рабочих-забастовщиков, объясняя новое для западного края явление – борьбу еврейских рабочих с еврейскими капиталистами, – автор сумел настолько расширить и углубить вопрос, что листовка производила впечатление чего-то для того времени – совершенно исключительного; да и теперь это юношеское произведение Юлия Осиповича остается полным интереса документом в истории рабочего движения в России. (Аксельрод П. Памяти Мартова. // Социалистич. вестн. 1923. 10 апр.

¹⁵ Мартов в письме руководству Бунда 23 марта 1901 г. упрекал их за неприсылку сведений об их деятельности. В письме 16 июля 1901 г. он и Н.К.Крупская писали С.О.Цедербауму в Вильно: “Бунду передай следующее: мы не прочь от соглашения с ним, но обязательным условием ставим одно: опубликование ими принципиального согласия с нами и готовности поддерживать “Искру” как общерусский социал-демократический орган”. (Переписка В.И.Ленина и редакции “Искры” с социал-демократическими организациями в России. 1900-1903 гг. Сб. документов. М., 1969. Т.1. С.45-48, 161).

¹⁶ См.: Червякова М.М. Идеальный разгром большевиками оппортунистической теории и политики Бунда (1897-1921 гг.). Автореф. дисс. д-ра ист. наук. М., 1982. С.27-29; Червякова М.М., Бушмарин Н.В. Бунд в освещении современной буржуазной историографии. // Великий Октябрь и непролетарские партии. Материалы конференции. М., 1982. С.226-228. Авторы многотомной истории КПСС подчеркивали роль Ленина в создании социал-демократической партии в России // История КПСС. М., 1967. Т.1. С.256-257.

¹⁷ Мартов Л. Политические партии в России. Спб., 1906. С.21;

Он же. Пролетарская борьба в России. Спб., 1906. С.93,95; Он же. История российской социал-демократии. Пг.;М., 1923. С.28,56-57.

¹⁸ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С.266-267.

¹⁹ “Мы долго колебались, – вспоминал Мартов, – как назвать организацию. Соответственно названию, избранному нами для газеты, мы раньше думали о союзе “Рабочее дело”. Теперь, чтобы не связать себя с арестованными, от этого имени приходилось отказаться. После разных предложений все сошлись на моем: назваться “Союзом борьбы за освобождение рабочего класса”. (Мартов Ю. Записки социал-демократа. С.292).

²⁰ Там же. Сс.295.

²¹ 27 января 1897 г. Мартов, Ленин, Кржижановский и другие руководители “Союза борьбы” получили по три года Восточной Сибири, причем для Мартова, как еврея сделана оговорка о высылке в Туруханский край, в особо тяжелые условия для выживания. См.: Социалистич. вестн. 1924. № 9. С.19. С 1887 г. по соглашению департамента полиции и генерал-губернатора Восточной Сибири, евреев-революционеров поселяли только в самых северных районах. См.: Розеноер С. Ледяная тюрьма. М., 1934. С.16, 34.

²² Общественное движение в России в начале XX века. Спб., 1909. Т.1. С.377-378; Мартов Л. История российской социал-демократии. С.29.

²³ История КПСС.Т.1.С.224,234; Сулова Ф.М. Становление Петербургского “Союза борьбы”. //Вопр. истории.1985.№ 1.С.95-104.

²⁴ Подробнее см.: Урилов И.Х. Указ.соч. С.8-9; Сильвин М.А. В.И.Ленин в эпоху зарождения партии. //Каторга и ссылка.1934.№ 1; Он же. Ленин в период зарождения партии. М.,1958. Достаточно сравнить эти воспоминания Сильвина, чтобы убедиться, что в более позднем издании разногласий с написанным Мартовым нет. Авторы книги “Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия” (М.,1995. С.68) также придерживаются мнения, что название “Союз борьбы за освобождение рабочего класса” было принято по предложению Мартова. При этом они ссылаются на работу П.Н.Милюкова “Год борьбы. Публицистическая хроника: 1905-1906. СПб.,1907, где на С.169 действительно об этом говорится.

²⁵ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С.310,349.

²⁶ Там же. С. 311-312, 395.

²⁷ Мартов Ю. Современная Россия. Женева, 1898. С.25,63.

²⁸ Мартов Ю. Рабочее дело в России. Женева, 1899. Автор в предисловии к 4-му изданию писал: “Первое издание этой книги вышло в 1899 г... Я предложил партии эту книжку, как опыт популярного из-

ложения политической программы нашей партии” (Он же. Рабочее дело в России. СПб., 1906. С.3).

²⁹ Мартов Ю. Рабочее дело в России. СПб., 1906. С.9,10.

³⁰ Там же. С.91.

³¹ РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.16. Л.36. П.Б.Струве признавал: “Рабочий вопрос и рабочее движение сыграли в 90-е годы очень крупную роль в развитии нашего политического сознания. Рабочее движение открыло перед радикальной русской интеллигенцией новые горизонты, оплодотворила ее мысль новыми и ценными возбуждениями, возродило утраченную было веру в широкие политические и социальные задачи времени” (Освобождение, 1902. № 4. С.1).

³² Мартов Ю. Записки социал-демократа. С.406-407; Он же. Красное знамя в России. Очерк истории русского рабочего движения. Женева, 1900; Он же. Пролетарская борьба в России. СПб., 1906. П.Б.Аксельрод, автор предисловия к книге, вспоминал, как к нему попала рукопись без подписи под названием “Красное знамя в России”. “Неведомый автор,- писал Аксельрод,- давал в этой работе очерк развития революционного и рабочего движения в России, руководствуясь при этом мыслью “проследить, как развитие экономической борьбы рабочих масс , так и развитие социалистической мысли до момента, когда она стала уделом пролетариата. Автор ставил во главу угла аналогию между Западом и Россией в историческом процессе слияния самопроизвольного массового рабочего движения, возникшего и развившегося на почве экономической борьбы, с социалистическим. Хотя я в предисловии счел нужным сделать некоторые оговорки относительно этой аналогии, но сама попытка установить ее указала на широкий кругозор и далеко незаурядную вдумчивость автора в явления, о которых он трактует. Но, пожалуй, еще в большей степени эта черта проявилась в широких исторических рамках очерка и в изображении процесса развития социал-демократического движения, как непосредственного продолжения и детища предшествовавшего революционного движения в России. В то время очень, очень немногие среди молодых товарищей так ясно понимали внутреннюю, генетическую связь между нашим и народническим движением, и указать на нее было необходимо”. Аксельрод отметил, что впервые фамилию автора брошюры услышал в 1901 г. от Ленина. И когда встретился с Мартовым, то увидел в нем человека “исключительной моральной и интеллектуальной силы”. //Социалистич. вестн. 1923. 10 апр. С.2.

³³ Мартов Ю. Красное знамя в России. С.3,5,6,48,55,60.

³⁴ В архивном фонде Мартова сохранились положительные от-

клики на его “Туруханские письма”, опубликовавшиеся в “Сибирской жизни” (1899). См.: РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.34. Л.1-3.

³⁵ Политические стихи Мартова см.: Сов. архивы. 1991. № 5. С.50. Наиболее популярным был, написанный Мартовым “Гимн новейшего русского социалиста”. (Заря, 1901. № 1. С.152-153; История КПСС. Т.1.С.280-281.

³⁶ Мартов Ю.О. Недописанные главы... //РЦХИДНИ.Ф.362. Оп.1. Д.23. Л.1-48; Он же. Из неопубликованных воспоминаний //Ленинский сборник. М., 1925. Т.1У. С.49-61. Совещание в Пскове состоялось не позднее 4 апреля 1900 г. См.: История КПСС. Т.1. С.566. Мартов датой совещания назвал май 1900 г. См.: Мартов Л. История российской социал-демократии. С.51.

³⁷ В.И.Ленин в предисловии к сборнику “За 12 лет” характеризовал Струве, Туган-Барановского, Бердяева и других “легальных” марксистов как буржуазных демократов, для которых “разрыв с народничеством означал переход от мешанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму” (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.16. С.98).

³⁸ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Ч.1. С.175. В “старой” “Искре” было опубликовано 45 статей, а в журнале “Заря” – 7 статей Мартова. В докладе Мартова о деятельности группы “Искры”, составленном для Белостокской конференции (1902 г.) говорилось, что “Искра” должна была стать органом “воинствующего пролетарского социализма, беспощадно борющегося с современным социальным и политическим порядком”. Он сообщил, что в 18-ти номерах “Искры” опубликованы 62 отдельные статьи, 96 менее крупных заметок, 211 корреспонденций и 9 партдокументов. Статьи были посвящены международному и российскому социал-демократическому и рабочему движению. См.: Доклады социал-демократических комитетов второму съезду РСДРП. М.;Л., 1930. С.86-92; Вестн. МГУ. История. 1995. № 2. С.33.

³⁹ Общественное движение в России в начале XX века.Т.1. С.400-407.

⁴⁰ Подробнее см.:Приймак Н.И. Советское источниковедение ленинского наследия. Л., 1981. С.92-131.

⁴¹ Мартов Л. История российской социал-демократии. С.67. По мнению Д.Гейера, “для Ленина социал-демократия означала не соединение социализма с рабочим движением, а социализм плюс организация” (Geyer D. Op. cit. S.419).

⁴² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т.1. С.176.

⁴³ См.: Приймак Н.И. Указ.соч. С.131-135; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.8.С.185-414; Аксельрод П.Б.Борьба социалистичес-

кой и буржуазной тенденций в русском рабочем движении. Спб., 1907. С.70-72; Плеханов Г.В. Нечто об “экономизме” и об “экономистах” (мысли вслух по поводу второго съезда РСДРП). // Соч. М.:Л., 1926. Т.13. С.14; Он же. Враждующие между собой братья. // Там же. С.309-310. А.В.Луначарский вспоминал, что у него было представление о нераздельной троице: Ленин, Мартов и Потресов, поэтому раскол на II съезде очень удивил. “Мы были скорее всего, возмущены этим расколом, – писал он, – и старались, на основании скудных данных, которые доходили до нас, разобраться, в чем тут дело? Не было недостатка в слухах о том, что Ленин, склочник и раскольник, во что бы то ни стало хочет установить самодержавие в партии, что Мартов и Аксельрод не захотели, так сказать, присягнуть ему в качестве всепартийного хана... Вскоре сделалось известным, среди кого имеет успех та или другая линия. К меньшевикам примкнуло большинство марксистской интеллигенции столиц, они имели несомненный успех среди наиболее квалифицированных рабочих; к большевикам, прежде всего, примкнули комитеты, т.е. провинциальные работники – профессионалы революции. И это была, конечно, главным образом, интеллигенция, несомненно другого типа – не марксистствующие профессора, студенты и курсистки, а люди, раз навсегда, бесповоротно сделавшие своей профессией революцию”. // Луначарский А.В. Революционные силуэты. М., 1923. С.6-7. К.Каутский писал, что раскол на II съезде партии “явился неосознанным протестом части “искровцев” против сменившей “кустарничество” экономистов гипертрофии централизма, против культа заговорщической “организации профессиональных революционеров”, подчиненной диктаторскому центру с Лениным во главе, и, в свою очередь, долженствующей руководить “готовыми к повиновению” рабочими массами”. // Социалистич. вестн. 1925. № 15-16. С.11. Плеханов предупреждал, что наделение руководящего ядра партии чрезмерными полномочиями при отсутствии должного контроля со стороны рядовых партийцев может привести к следующему: “ЦК всюду “раскассировывает” все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему: “ура!”, одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха... Если бы наша партия, в самом деле, наградила себя такой организацией, то в ее рядах очень скоро не осталось бы места ни для умных людей, ни для закаленных борцов: в ней

остались бы лишь лягушки, получившие, наконец, желанного царя, да Центральный Журавль, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другой...Я централист, но не бонопартист. Я стою за создание сильной централистской организации, но я не хочу, чтобы центр нашей партии съел всю партию, подобно тому, как тощие фараоны коровы съели жирных”. (Плеханов Г.В. Централизм или бонопартизм? (новая попытка образумить лягушек, просящих себе царя). // Соч. Т.13. С.90, 92.

Современные конфликтологи утверждают, что конфликты и кризисы играют позитивную роль в процессе формирования радикальных партий, т.к. партии подобного типа малочисленны и для них важно партийное единство. Для таких партий не столько страшен внешний враг, сколько внутренний отступник, потому в них “вечный поиск внутреннего врага”. (Козлова Е.С. Кризис в РСДРП. 1903-1904 гг. (Методологические аспекты изучения). // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия истории, языкознания, литературоведения. 1992. Вып.2. С.96-100.

⁴⁴ Новая и новейшая история. 1995. № 4. С.145-147.

⁴⁵ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Ч.1. С.176.

⁴⁶ Там же. С.186-187, 189.

⁴⁷ Мартов Л. Пролетарский праздник. Женева, 1903. С.1-2, 4, 5, 9, 10-14; Он же. Militarизм и рабочий класс. Женева, 1903. С.1-3.

⁴⁸ Мартов Л. Еще раз в меньшинстве! Женева. 1903. С.1-2, 4-6. Рукопись этой статьи хранится в РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.4. Л.1-51. Проведенная Мартовым редакционная правка своей статьи свидетельствует о его большой требовательности к этой важной для него работе.

⁴⁹ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. Берлин, 1924. С.87. Том вышел под редакцией Ф.Дана, Б.Николаевского, Л.Цедербаум-Дан.

⁵⁰ Там же. С.8, 88-90.

⁵¹ Мартов писал Аксельроду 13 сентября 1903 г., что в Женеву приехал сторонник Ленина Литвинов, распространяющий “кучу сплетен о чисто “личном” характере раскола. См.: Там же. С.91.

⁵² Там же. С.100. Троцкий писал в воспоминаниях, что его разрыв с Лениным носил тогда личный и политический характер, так как поведение Ленина на съезде показалось ему возмутительным, а игнорирование Аксельрода, Мартова и Засулич казалось ему невозможным. См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т.1. С.187-188. Тогда Троцкий поддержал Мартова. Подробнее об этом см.: Волкогонов Д.А. Троцкий. Кн.1. С.66-69.

⁵³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.8. С.365; Мартов Л. Борьба с “осадным положением” в РСДРП. Женева, 1904. С.1,3,66-68,80.

⁵⁴ Ленин В.И. Полн. собр.соч. Т.8. С.330, 378.

⁵⁵ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.107.

⁵⁶ Мартов Л. Вперед или назад? Женева, 1904. С.5,8,11; Он же. Об одном “недостойном” поступке. (Ответ Ленину, Лядову и Ко). Женева, 1904.С.1,16. Много лет спустя Г.Аронсон обратил внимание на ярко выраженную совесть Мартова. Он считал, что Мартов не по тактическим, а по моральным мотивам отказывался войти в редакцию, из которой Ленин хотел устранить старых со-редакторов “Искры” Аксельрода, Засулич и Потресова. В протоколах 11 съезда РСДРП дважды приводилось заявление Мартова: “Я бы считал себя скомпрометированным человеком, если бы принял это предложение”. (Социалистич. вестн. 1949. № 8-9. С.155). Мартов был прав, когда говорил об увлеченности Ленина С.Г.Нечаевым (1847-1882), “русским бланкистом”. В.Д.Бонч-Бруевич вспоминал, как Ленин говорил ему о таланте Нечаева – организатора, конспиратора, предлагавшего уничтожить всех царствующих Романовых. Ленин считал нужным издать все написанное Нечаевым. См.: Бонч-Бруевич В.Д. Ленин о художественной литературе. // Тридцать дней. 1934. № 1. С.18.

⁵⁷ Общественное движение в России в начале XX века. Спб., 1909. Т.1. С.408; Мартов Ю. Общественные и умственные течения в России 1870-1905 гг. Л.-М., 1924. С.107; Мартов Л. История российской социал-демократии. С.77. Мартов подчеркивал роль П.Б.Аксельрода в разоблачении большевизма. По его словам, в статье “Объединение российской социал-демократии и ее задачи” (Искра. 1903. 15 дек. № 55; 1904. 15 января. № 57) Аксельрод показал, что большевизм является идеологией крайнего крыла революционно-демократической интеллигенции. См. об этом: Мартов Л. История российской социал-демократии. С.80. Много позже Ф.И.Дан, говоря об этой же статье Аксельрода, подчеркивая его предвидение того, что большевизм действительно стал “злой шуткой”, какую история “сыграла над русским пролетариатом”. (Социалистич. вестн. 1925. 18 августа. № 15-16. С.5. Аксельрод видел в ленинском плане “организационную утопию теократического характера: светское общество отдается во власть маленького духовного ордена”. // Социалистич. вестн. 1940. № 7. С.95.

⁵⁸ История КПСС. Т.1. С.516, 542.

⁵⁹ С.В.Тютюкин и В.В.Шелохаев подчеркивают, что общие труды по истории КПСС и около 150 изданных очерков истории местных организаций весьма далеки от научной объективности. См.: Реформы или революция. С.122.

⁶⁰ Подробнее об этом см.: Крупина Т.Д. Российский пролетариат на пути к Октябрю: критический анализ новейшей буржуазной историографии. М., 1987. С.19; Кириллова Е.А. Очерки радикализма в России XIX века. Философско-исторические концепции 40-60 годов. Новосибирск, 1991; Померанц Г. Разрушительные тенденции в русской культуре. //Новый мир. 1995. № 8. С.136-137.

⁶¹ Череванин Ф.А. Организационный вопрос. С предисловием Л.Мартова. Женева, 1904. С.14.

⁶² См.: За два года. Спб., 1906. Сб. ст. Сс.69-78,105-111,124-130,142-147,148-153.

⁶³ Там же. С. 672-676; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.9. С.153.

⁶⁴ Общественное движение в России в начале XX века. Т.1. С.663-664; Мартов Л. История российской социал-демократии. С.83. Мартов, вероятно, использовал данные, изданной в 1905 г. в Петербурге брошюры "Изнанка революции. Вооруженное восстание в России на японские средства", в которой были воспроизведены фотокопии писем, которыми в первой половине 1905 г. обменивались бывший японский военный атташе в России полковник М.Акаси с К.Циллиаксом. Российские историки Д.Б.Павлов и С.А.Петров в книге "Японские деньги и русская революция" (М., 1993. С.7,17,19,23,68) подробно рассказали о встречах Акаси с финскими и польскими оппозиционерами, в которых обсуждались вопросы организации беспорядков в России. Они подчеркнули, что желание большевистского руководства "поучаствовать в дележе японского пирога" не увенчалось успехом "благодаря позиции" меньшевиков.

⁶⁵ См.: Волковичер И. Партия и русско-японская война. //Пролет. революция. 1924. № 12. С.120.

⁶⁶ См.: Павлов Д.Б., Петров С.А. Указ.соч. С.32.

⁶⁷ П.Ю.Савельев и С.В.Тютюкин сообщают в очерке о Мартове, что Плеханов потребовал контроля над новым изданием. В ответ Мартов "зарубил" статью сторонницы Плеханова Л.И.Аксельрод, выступавшей под псевдонимом Ортодокс. См.: Новая и новейшая история. 1995. № 4. С.149. Опубликованное еще в 20-х годах письмо Мартова на эту тему не дает такого "несколько одностороннего" толкования происшедшего со статьей Л.И.Аксельрод. Мартов писал в редакцию "Искры", что на заседании редколлегии 5 ноября 1904 г. обсуждалась статья Л.И.Аксельрод "Новый вид ревизионизма", посвященная критике эмпириомонизма Богданова. Мартов был против, отмечая в письменном отзыве слабость статьи и признавая тем не менее "необходимой серьезную идейную борьбу с "новым видом ревизионизма". (Волковичер И. Мартов и Богдановский эмпириомонизм. // Пролет. революция. 1924. № 1. С.201-202.

⁶⁸ Мартов Л. История российской социал-демократии. С.84-85.

⁶⁹ РЦХИДНИ. Ф.278. Оп.1. Д.5 Л.5,7; Новая и новейшая история. 1995. № 4. С.149.

⁷⁰ РЦХИДНИ.Ф.362. Оп.1. Д.12. Л.1-3.

⁷¹ Там же. Д.14. Л.11-13.

⁷² Мартов Ю. Самодержавие на скамье подсудимых. Женева, 1904. С.6.

⁷³ Общественное движение в России в начале XX века. Т.1.С.668, 674.

⁷⁴ Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. РСДРП в годы первой российской революции. // Реформы или революция? Россия 1861-1917. Спб., 1992. С.121-131; Тютюкин С.В. "Мягкие" марксисты: меньшевики. // История политических партий России. М., 1994. С.216-260; Савельев П.Ю., Тютюкин С.В. Юлий Осипович Мартов (1873-1923): человек и политик. // Новая и новейшая история. 1995. № 4. С.133-157; № 5. С.130-166; Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996. В настоящее время российские историки отошли от утверждений 1970-х годов, когда основным достижением советской исторической науки признавалось "раскрытие историографического значения ленинских работ, посвященных революции 1905-1907 гг." (/ Волобуев О.В. Современная историография революции 1905-1907 гг. //: Революция 1905-1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1976. С.84.

⁷⁵ Реформы или революция? С.123, 128-131. По расчетам М.Волина, в 1905-1907 гг. среди большевиков было 64% рабочих, 4% служащих, 32% интеллигентов. Волин сделал вывод, что большинство большевиков были рабочими. См.: Волин М. К вопросу об изучении состава большевистской партии накануне и в период революции. // Революция 1905-1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. С.175. В.В.Ложкин, проанализировавший 4,5 тыс. карточек с биографическими данными, сообщал, что среди социал-демократов (не только большевиков) в 1905 г. было 60,8% русских, 18,8 евреев, 10,8 украинцев, 6,4 грузин, 1,3 поляков, 1 латышей, 0,3% белоруссов и т.д. См.: Ложкин В.В. Состав рабочих социал-демократов и их роль в создании ленинской партии. // Вопр. истории. 1983. № 7. С.69,76. Эти данные подтвердили И.Н.Киселев, А.П.Корелин, В.В.Шелохаев в статье "Политические партии в России в 1905-1907 гг.: численность, состав, размещение (количественный анализ). // История СССР. 1990. № 4. С.72. По данным А.Е.Иванова, в 1905-1907 гг. примерно 70-80 % активного студенчества ориентировалась на революционно-радикальные партии. См.: Отечественная история. 1995. № 4. С.212. Для сравнения, в партии эсеров к концу 1906 г. бы-

ло 43,2% рабочих, 45,2 крестьян и солдат, 11,6% интеллигентов. См.: Леонов М.И. Эсеры в 1905-1907 гг. Самара, 1992. С.31. Есть и иные данные, основанные на сведениях “Биографического справочника членов общества бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев”, по которым среди эсеров было 45,6% рабочих, 7,7% крестьян././Там же. Ясно одно, что рабочие составили почти половину эсеровской партии и на этом основании ее тоже можно считать рабоче-крестьянской.

⁷⁶ Подробнее об этом см.: Новая и новейшая история. 1995. № 4. С.149-150.

⁷⁷ П.Ю.Савельев и С.В.Тютюкин пишут, что Мартов поехал в Россию, “как всегда на крутых поворотах истории” разволнованный и растерянный, не имея “никакого конкретного плана ближайших действий и рассчитывая на то, что его подскажет обстановка в Петербурге” (Новая и новейшая история. 1995. № 4. С.150). Это утверждение спорно. Революционные события в России развивались в значительной степени стихийно. Большевистский съезд и меньшевистская конференция состоялись только в мае 1905 г. и определили общие задачи. Мартов, естественно, был взволнован предстоящим свиданием с родными и друзьями, самой революционной обстановкой в стране, но не растерян. Он, конечно, рассчитывал, что ситуация подскажет ему план действий. Его аналитический ум требовал изучения того, что на самом деле происходило в России, а затем уже должен был последовать сообразный план действий.

⁷⁸ За два года. С.257-262. Ленин в статье “Начало революции в России” (Вперед. 1905. 18 янв.; Полн.собр.соч. Т.9. С.201) увидел в 9-м января, в отличие от Мартова, не событие, зовущее к восстанию, а уже восстание рабочих против царизма. Как и Мартов он призывал рабочих к вооружению, считая, что социал-демократы должны возглавить пролетарскую борьбу с царизмом.

⁷⁹ За два года. С.373,377,378. Ленин также высоко оценил действия потемкинцев, заявив: “... броненосец “Потемкин” остался непобежденной территорией революции, какова бы не была его судьба, перед нами налицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии”. (Полн.собр.соч. Т.10. С.337).

⁸⁰ “Начало” – с.-д. газета. Выходила с 13 ноября по 2 декабря 1905 г. (всего 16 номеров) под редакцией Ю.О.Мартова, А.Н.Потресо-ва, Ф.И.Дана, А.С.Мартынова, Н.И.Иорданского, Л.Д.Троцкого и А.Л.Парвуса.Троцкий в воспоминаниях отмечал, что редакция газеты выступала за единение партии “при пассивном сопротивлении Мартова”.//Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т.1. С.209. Мартов сомневался,

но не сопротивлялся. Обе фракции в ходе декабрьского вооруженного восстания в Москве действовали вполне согласованно, а в конце декабря создали объединенный ЦК РСДРП и единую редакцию "Партийных известий". (Новая и новейшая история. 1995. № 4. С.151).

⁸¹ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.146,147.

⁸² Там же. С.147. Троцкий, цитируя слова Мартова об усталости, иронически писал, что "Мартов не знал, как назвать свою болезнь. Между тем имя ее вполне определенное: меньшевизм. В эпоху революции оппортунизм означает прежде всего свою растерянность и неспособность "справиться с мыслями". // Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т.1. С.210. В воспоминаниях, написанных после депортации из СССР, Троцкий стремился не отделять себя от Ленина и всячески поносил меньшевиков. Во второй половине октября 1905 г. Троцкий был избран заместителем председателя Петербургского совета рабочих депутатов Г.С.Хрусталева-Носаря и считался меньшевиком. Д.А.Волкогонов заметил, что до 1917 г. Троцкий был в оппозиции к Ленину, а временами вел против него настоящую войну. См.: Волкогонов Д. Троцкий. Политический портрет. Кн.1. С.76, 91.

⁸³ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.148. Ленин видел тогда в выборах "конституционные иллюзии". (Полн.собр.соч.Т.12. С.306). Позже он признал тактику бойкота выборов ошибкой, хотя небольшой и легко поправимой. См.: Полн.собр.соч. Т.41. С.18.

⁸⁴ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.150. Революция 1905-1907 гг. вызвала всплеск политического терроризма. С января 1905 по конец 1907 г. только эсеры произвели 233 покушения: в 1905 г. – 59, в 1906 г. – 93, в 1907 г. – 81. См.: Павлов Д.Б. Из истории боевой деятельности партии эсеров накануне и в годы революции 1905-1907 гг. // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С.149. В 1905 г. не выступали против террора ни Плеханов, ни Ленин. Ленин называл его партизанской борьбой и призывал поощрять партизанские выступления боевых дружин. См.: Полн.собр.соч. Т.12. С.181. Осенью 1905 г. он писал в Боевой комитет при Петербургском большевистском комитете: "Я с ужасом, ей-богу с ужасом, вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали!" Ленин призывал учиться на избиениях городских. См.: Полн.собр.соч. Т.11.С.336-338. Троцкий писал о том, что "Ленин открыто защищал экспроприации в печати".(Троцкий Л.Д. Сталин. М..1990. Т.1. С.149). Биограф Л.Б.Красина Т.Э.О,Коннор пишет, что" с конца 1905 г. большевики все чаще прибегали к "экспроприациям" или, говоря по-просту, ограблениям банков и почтовых отделений для получения средств. Красин организовал не одну сотню "экссов", как их называли на революционном жаргоне, в которых участвовали большевистские

группы боевиков". (О,Коннор Т.Э. Инженер революции. Л.Б.Красин и большевики. 1870-1926. М.,1993, С.82). Другой биограф Красина Н.Пияшев отмечает, что руководитель "Боевой технической группы" большевиков Красин с "блеском разрабатывал планы очередного изъятия средств из царской казны для Камо".(Пияшев Н. Человек из легенды. М., 1995. С.23).Наиболее крупные экспроприации были совершены боевыми группами РСДРП в 1906-1907 гг.: группами Я.Лутера в Гельсингфорском государственном банке, С.Тер-Петросяна (Камо) в Тифлисе, А.Лбова, захватившем 3 июля 1907 г. пароходную кассу. О.В.Будницкий в предисловии к сборнику документов "Кровь по совести": терроризм в России.(Ростов на-Дону, 1994. С.13) писал, что полемика искровских публицистов против эсеровского террора была вызвана,скорее партийной конкуренцией (после успешных терактов авторитет эсеров стал повышаться), чем неприятием этого способа борьбы. Однако, Мартов, один из ведущих искровских публицистов, был последователен и принципиален в неприятии любых проявлений политического терроризма. Вопрос об экспроприациях обсуждался на двух (IУ и У) совместных съездах большевиков и меньшевиков. По настоянию меньшевиков, предложение ленинцев об их разрешении съездами было отвергнуто. П.Б.Аксельрод тогда утверждал, что "террористические тенденции не пустили прочных корней в социал-демократической среде... Зато бунтарско-заговорщические тенденции нашли себе в ней благоприятную почву." (Аксельрод П.Б. Две тактики. Доклад, прочитанный на съезде в Стокгольме.СПб.,1907. С.13).

⁸⁵ Мартов Л. Первая эпоха русской революции. М.,1906. С.55.

⁸⁶ РЦХИДНИ. Ф.278. Оп.1, Д.403. Л.1-2; Д.408. Л.1-5; Дневник социал-демократа,1906. № 8. Отд. оттиск.С.4,6; Плеханов Г.В. Соч. Т.ХУ. М.;Л.,1926. С.323,326.

⁸⁷ РЦХИДНИ. Ф.278. Оп.1. Д.15. Л.1-2; Д.18,19,20,22 и др.; Д.323. Л.1-2.

⁸⁸ Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель-май 1907 г.: Протоколы. М.,1963. С.101; Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С.63, 77; Логунов А.П. Революция 1905-1907 годов и российская социал-демократия. Ростов на-Дону, 1992. С.79,116, 121-122, 127, 132; Мартов Л. К.Каутский и русская революция.//Отклики. СПб., 1907. Сб.2. С.11; Мартов Л. Избирательные приглашения. СПб.,1907. С.13-14.

⁸⁹ Мартов Л. Политические партии в России. СПб.,1906; 2-е изд.М.,1917. С.3,5,8,15,21-22,29; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.14. С.21-27; Т.12. С.137. Л.М.Спирин. исходя из высказываний Ленина, формулировал:" под политической партией понимается соответству-

ющим образом оформленная организация самой активной части класса (или социального слоя класса), которая ставит своей целью ведение политической борьбы за интересы данного класса (слоя) и наиболее полно и последовательно их выражает и защищает. // Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977. С.26.

⁹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.14. С.21. П.Ю.Савельев и С.В.Тютюкин называют несколько поводов отказа Мартова от поездки на съезд: личные причины, полицейская слежка, он полагал, что в то время объединение фракций не имело смысла. См.: Новая и новейшая история. 1995. № 4. С.152.

⁹¹ На съезде практически не было вопроса, по которому бы не возникали острейшие споры между большевиками и меньшевиками. Плеханов на одном из заседаний съезда с горечью говорил, обращаясь к большевикам: "...мы вас нисколько не боимся,.. хотя вы и хотите запугать нас, крича, что если не будут выработаны желательные для вас теоретические указания, то пролетариат будет иметь право обвинять нас в измене. Это сильно, но слишком неосновательно, чтобы на этом останавливаться". Мартов же предлагал устранить из повестки дня пункт о подготовке восстания, предложенный большевиками: "Социал-демократическая партия может принимать участие в восстании, призывать массы к восстанию,.. но готовить восстание она не может, если остается на почве своей программы, если не становится партией заговора" (Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1963. С.43, 62). Троцкий, делегат съезда, позже не преминул заметить о том, как Ленин предложил утвердить решение мандатной комиссии о предоставлении совещательного голоса четверем делегатам, в том числе Сталину (Ивановичу. Под этой фамилией он был на съезде). Мартов спросил с места: "Я просил бы выяснить, кому дается совещательный голос, кто эти лица, откуда и т.д." Ленин сослался на мнение мандатной комиссии. "Весьма вероятно,- писал Троцкий,- что у Мартова были уже какие-либо закулисные сведения о специфическом характере работы Ивановича... и что именно Ленин поспешил отвести опасный намек ссылкой на единогласие мандатной комиссии". // Троцкий Л.Д. Сталин. Т.1. С.134. См. также: Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Протоколы. С.73-88, 118, 132, 176-180, 318, 319. 490-491.

⁹² Мартов Л. Еще о характере русской революции. // Отголоски. Сб.1. С.62,63.

⁹³ И.Гегтлер писал: "Мартов не возвратился из Лондона в Финляндию и столыпинскую Россию, а поселился в Париже. Это второе изгнание продолжалось до 1913 г., когда амнистия в честь трехсотле-

тия романовской династии позволила ему вернуться легально в Россию. Его жизнь в Париже не была легкой. Его заработок от написанного был очень мал. Но он не имел семьи и для существования ему требовалось немного, и компенсировалась его бедность любимым Парижем и Ротондой, где много лет он привычно сидел, разговаривал и писал”. // Getzler I. Martov. P.119.

⁹⁴ Мартов Л. Конгресс в Штутгарте //Международный социалистический конгресс в Штутгарте. СПб.,1907. С.128. Позже Мартов возвратился к характеристике деятельности Г.Эрве. Он писал о нем, как учителе гимназии и социалисте, принявшем участие в требовании пересмотра “дела Дрейфуса”. Эрве стал журналистом и призывал к национал-социализму. По мнению Мартова, Эрве часто менял свои воззрения и потому был обречен на одинокое брюзжание. См.: Мартов Л. Гражданин Густав Эрве (страница из истории французской общестственности). // Летопись. М., 1916. № 6. С.230-242.

⁹⁵ Мартов Л. Социалисты – революционеры и пролетариат. Спб.,1907; 2-е издание, перераб. Пг.,1917. С.9,10,27. В архивном фонде Мартова хранятся рукописи его статей “Рабочее дело и партия социалистов-революционеров”, “Почему рабочие должны вести политическую борьбу?” //РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.15. Л.4; Д.6. Л.3. В этих статьях затрагиваются сюжеты брошюры Мартова об эсерах и пролетариате.

⁹⁶ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.166. С Аксельродом Мартова связывали дружески-доверительные отношения. 29 октября 1907 г., отвечая Мартову на предложение переселиться в Париж и вместе работать, Аксельрод писал, что мечтает об этом, так как “мы друг друга хорошо дополняем”, “мысль у нас работает в одном направлении”, “я отчетливо представляю себе, в каком именно смысле я выиграл бы от постоянного общения с Вами” //Там же. С.170-171.

⁹⁷ Там же. С.181. В 1908 г. вышло русское издание “Литературно-го наследства К.Маркса и Ф.Энгельса”, одним из соредакторов был Мартов //Там же. С.183.

⁹⁸ “Голос социал-демократа” (№ 1-2) вышел в Женеве в феврале 1908 г. под редакцией П.Аксельрода, Ф.Дана, Ю.Мартова, А.Мартынова, Г.Плеханова. В апреле 1908 г. в № 4-5 “Голоса социал-демократа” были опубликованы статьи Мартова “К первому мая” и “Социал-демократия в профессиональном движении”; в № 8-9 – “Перед думской сессией” и др.

⁹⁹ Общественное движение в России в начале XX века. Т.1. С.1. С.В.Тютюкин и В.В.Шелохаев указывают, что в 5-томнике участвовали “лучшие силы меньшевизма”, что “собранный в многотомнике

фактический материал поистине бесценен". Они справедливо подчеркивают, что в концептуальном плане разделы многотомника отражали взгляды меньшевиков, содержали резкую критику большевистского радикализма и гегемонизма, потому и вызвали неодобрительные возражения Ленина. //Тютюкин С.В.,Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М.,1996. С.148-149.

¹⁰⁰ Социал-демократическое движение в России. Материалы. М.,Л.,1928.Т.1. С.186-188. В "Дневнике социал-демократа" (август 1909. № 9) Плеханов писал о том, что проредактировал все статьи первого тома, включая статью Потресова. После ее прочтения у него сложилось мнение о невозможности для него участвовать в издании подобной статьи, написанной ликвидатором, а не революционером. Однако Мартов и Дан убедили его остаться в редакции до тех пор, пока Потресов не представит статьи в исправленном виде. Познакомившись с переработанной статьей, Плеханов убедился, что он "Потресову не товарищ", что ему с ним "не по дороге". В статье "Комедия ошибок" ("Дневник социал-демократа", февраль 1910. № 10) Плеханов назвал Потресова за его статью "плохим историографом нашей общественной мысли", не понимавшим роль революционного "фактора" в истории этой мысли. //Плеханов Г.В. Сочинения. М.-Л., 1927. Т.ХІХ. С.25-26, 50-51. Мартов сожалел об уходе Плеханова из редакции. В письме к нему (12 декабря 1908 г.) он писал: "Руки опускаются при мысли, что нам абсолютно не дано образовать какой-либо прочный литературный коллектив". Мартов проклинал ремесло человека, которому "всю жизнь приходится заботиться о склеивании расклеивающихся коллективов". Он упрекал Плеханова в ультимативном отказе от работы и сетовал на то, что не может "переварить" факт неприятия статьи Потресова с предложением "порвать с ним литературные отношения", т.к. никто не гарантирован "от того, что ему не придется согрешить плохой работой". // Там же. С.84-86. С.В.Тютюкин и В.В.Шелохаев объясняют неуступчивость Мартова в данном вопросе стремлением сохранить единство РСДРП, несмотря на разность взглядов Плеханова и Потресова. //Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Указ.соч. С.148.

¹⁰¹ Общественное движение в России в начале XX века.Т.1. С.378, 384-385, 400-405, 410.

¹⁰² Общественное движение в России в начале XX века. СПб.,1914. Т.3. С.538,540-541, 550-555, 560-562, 583-585, 602,609, 617, 642; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.14. С.104; Парвус. Россия и революция. СПб., 1906.С.206. Парвус (Гельфанд А.Л. 1869-1924), российский, затем германский социал-демократ. Подробнее о нем см.: Волкогон Д.А. Троцкий. Политический портрет. М.,1992. Кн.1. С.318-323.

Сын Парвуса – Е.А.Гнедин (1898-1983), в 1937 г. занимал должность заведующего отделом печати Наркомата по иностранным делам. В мае 1939 г. репрессирован, в августе 1955 г. реабилитирован. См.: Гнедин Е.А. Себя не потерять... // Новый мир. 1988. № 7. С.173-209.

¹⁰³ История России в XIX веке. СПб., 1909. Т.6. С.114-162; СПб., 1910. Т.8. С.67-156; История русской литературы XIX в. М., 1910. Т.4. С.1-52; М., 1910. Т.5. С.1-60. С.О.Цедербаум (Ежов) в советское время переиздал публикации. См.: Мартов Ю.О. Развитие крупной промышленности и рабочее движение в России. Пг.;М., 1923; он же. Общественные и умственные течения в России. 1870-1905 гг. Л.;М., 1924.

¹⁰⁴ В использовании одних газетных данных Мартова несправедливо упрекали в своей статье В.В.Мицуров и В.В.Критский. // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. С.170. Только в 1945-1978 гг. было опубликовано около 2 тыс. книг о пролетариате России. См.: Заборов М.И. Советские исследования по истории рабочего класса за последние 30 лет. // К изучению рабочего класса и рабочего движения. М., 1982. С.287. В них, как правило, работы Мартова не упоминались.

¹⁰⁵ История России в XIX в. Т.6. С.114,116,118,123,136,137,143. Первые законы о труде в России датируются 24 мая 1835 г. и 7 августа 1845 г. По первому из них, рабочий до истечения срока найма не мог оставить работу, или требовать прибавки зарплаты. Этим законом впервые в истории России крепостническое государство сделало попытку вмешаться в отношения между предпринимателями и рабочими. Второй закон “о неупотреблении малолетних в ночные работы на фабриках” не имел практического значения, так как в нем не предусматривалось привлечение к ответственности хозяина за его нарушение. // История СССР. М., 1967. Т.1У. С.305; М., 1968. Т.У. С.195.

¹⁰⁶ История России в XIX веке. Т.6. С.144. “Народнические положения в программе союза, очевидно, отражали начальную форму пролетарского движения”, – утверждают О.Д.Соколов и А.С.Трофимов. // Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С.272.

¹⁰⁷ История России в XIX веке. Т.6. С.149,150,161; История КПСС. Т.1. С.132.

¹⁰⁸ История России в XIX веке. Т.8. С.68, 107.

¹⁰⁹ Там же. Т.8. С.109.

¹¹⁰ См.: Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Т.1. Период крепостного труда. Пг., 1923. Т.2. Период свободного договора в условиях самодержавного режима (с 1861 г. по 1905 г.). Изд.3-е. Л., 1924. Т.3. Революционный период (с 1905 г. по 1923 г.). Л., 1925;

Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900-1914 гг. Л., 1976. Ч.Винн, изучавший рабочее движение в Донбассе и на юге страны в 1870-1905 гг., показал, что рабочие выступления сопровождались разгулом жестокости и насилия, что пролетариат, участвовавший в борьбе с царизмом, часто дискредитировал себя пьянством, участием в межнациональных междоусобицах (он рассказал, как в октябре 1905 г. в Екатеринославе рабочие во время забастовки разгромили несколько еврейских кварталов). Социал-демократам Ч.Винн отводил роль катализатора, предлагал не преувеличивать степень их влияния на рабочих. Он полагал, что ряд советских историков был зациклен на небольшой группе квалифицированных рабочих, тогда как основная масса пролетариев была малограмотна и несознательна. // Wynn Ch. Strikes and pogroms in the Donbas-Dnepr bend in late Imperial Russia. 1870-1905. Princeton, 1992. Российский рецензент не опроверг выводов Ч.Винна. См.: Коновалов В.С. Рец. на указ. кн. Ч.Винна. – Отечественная история. 1995. № 4. С.184-188.

¹¹¹ По Мартову, в 1895 г. бастовало 48 тыс. рабочих, в 1896 – 67 тыс., в 1897 – 102 тыс., в 1898 – 87 тыс., в 1899 – 130 тыс. // История России в XIX в. Т.8.С.69,70. По подсчетам советских историков в 1895 г. бастовало 55 тыс. рабочих, в 1896 – 76 тыс., в 1897 – 84 тыс., в 1898 – 75 тыс., в 1899 – 84 тыс. См.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1883. С.344.

¹¹² История России в XIX веке. Т.8. С.86, 92,96,105,128; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.7. С.319.

¹¹³ История русской литературы XIX века. Т.4. С.12-16, 21,24-27,34; История КПСС. Т.1. С.51-54.

¹¹⁴ История русской литературы XIX века. Т.4. С.36,41,48,49,51; История КПСС. Т.1. С.69; Антонов В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности // Вопр. истории, 1991. № 1. С.14-15.

¹¹⁵ История русской литературы XIX века. Т.5. С.8-9, 17, 23-24, 31, 39; История КПСС. Т.1. С.207-209, 292-293.

¹¹⁶ История русской литературы XIX века. Т.5. С.41, 43, 44.

¹¹⁷ Струве П. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Спб., 1911. С.29; Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907-1909 гг.). Спб., 1910. С.53; Изгоев А. Русское общество и революция. М., 1910. С.233; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.19. С.168.

¹¹⁸ См.: Социалистич. вестн. 1924. № 9. С.3-4.

¹¹⁹ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.189. Участники ограблений уфимских поездов осенью 1906 г. утверждали, что часть похищенных денег они передали меньшевистскому ЦК. По свидетель-

ству И.Ф.Дубровинского, меньшевистский ЦК тогда получил около 130 тыс. рублей. // Ленин, о котором спорят сегодня. М.,1991. С.87. Однако проведенное в то время расследование установило, что эти деньги были переданы в ЦК, но не меньшевику, а большевику, и поступили в кассу не ЦК, а большевистского центра. // Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.190.

¹²⁰ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.202.

¹²¹ Подробнее о деятельности Большевистского центра см.: Николаевский Б.И. К истории “Большевистского центра”. // В кн.: Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М.,1995. С.11-92; О’Коннор Т. Борьба в Большевистском центре в 1908-1909 гг. // Вопр. истории. 1991. № 1. С.20-38. Советские историки дело о наследстве Н.П.Шмита излагали сообразно тому, как его излагал Ленин. Из написанного Лениным “Изложения дела” ясно, что большевики получили эти деньги – около 258 тыс. рублей в 1908 г. по завещанию владельца мебельной фабрики в Москве Николая Павловича Шмита, погибшего в царской тюрьме. Ленин писал:” Умирая, он завещал свое состояние большевикам. Само собой разумеется, это завещание, сделанное устно, не имело никакой юридической силы. Тем не менее сестры Шмит, которые получили его наследство, хотели распорядиться им согласно воле своего брата и передали деньги большевикам”. // Ленинский сборник. М.,1975. XXXУ111. С.66. В январе 1910 г. на пленуме (Объединительном) ЦК РСДРП было решено с учетом “назревшей потребности в организационном единстве партии” наследство Шмита во избежании каких-либо злоупотреблений передать в руки “стороннего держателя”. Ленин разъяснял, что большевики дали согласие передать принадлежащие им деньги на общие нужды РСДРП только при условии, что “всякая раскольническая деятельность” меньшевиков будет прекращена. В противном случае деньги должны были быть возвращены большевикам. В качестве “держателей” денег были утверждены с общего согласия Карл Каутский, Франц Меринг и Клара Цеткин. Но вскоре они от своих обязанностей отказались. У1 (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП обсудила в январе 1912 г. вопрос о “держательских” деньгах и заявила о том, что “находящиеся у т.Цеткин суммы” безусловно принадлежат партии “в лице выбранного конференцией ЦК”. В конце января 1912 г. Ленин приехал в Берлин с целью добиться от “держателей” денег, согласно решению конференции, но сделать этого не смог. Он искал адвокатов.Адвокаты были найдены, но до суда дело не дошло, “держатели” так и не отдали большевикам деньги. Хранились они в одном из немецких банков. Начавшаяся мировая война, затем революция “вообще поставила на этих деньгах крест”, - позже писала

М.И.Ульянова. См.: Ленинский сборник. Т.ХХХУ111. С.41-71; Адоратский В.В. За восемнадцать лет. // Воспоминания о Ленине. М.,1984. Т.2.С.174; Попов И.Ф. Один день с Лениным. М.,1963. С.52-54. У Мартова была иная точка зрения // См.: Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.188-189. Плеханов писал Мартову 9 декабря 1907 г.: “Читали ли вы о берлинской истории? Дело это так гнусно, что право, кажется нам пора разорвать с большевиками. Очень прошу вас написать мне, что вы думаете об этом”. //Социал-демократическое движение в России. Т.1. С.175. В этом вопросе Мартов был солидарен с Плехановым. В “Голосе социал-демократа” (1908. № 1) меньшевики предлагали исключить большевиков из РСДРП. Большевик Я.А.Житомирский, выдавший полиции Камо и Л.Б.Красина, одновременно с членством в партии в течение 15 лет был и агентом царской охраны. //Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пг., 1918. С.343.

¹²² Мартов Л. Спасители или упразднители? (Кто и как разрушал РСДРП). Париж,1911. С.9,10,12-13, 20-21,36,40. В.Таратута был членом Большевицкого центра. Н.А.Рожков характеризовал его как “прожженного негодя”. Ленин так говорил Рожкову:” Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот, вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить. А Виктор пошел... Это человек незаменимый” (Цит.по: Николаевский Б.И.Тайные страницы истории. С.35-36). В резолюции пленума ЦК (январь 1910 г.) говорилось:” ЦК считает необходимым признать, что игнорирование ЦК его членами, входящими в состав БЦ, при совершении различных операций” по реализации пожертвования “было неправильно и в особенности неправильно было согласие их передать без ведома ЦК на рассмотрение представителей партии социалистов-революционеров спор БЦ с частными лицами”. //Спасители или упразднители? С.21.

¹²³ Социал-демократическое движение в России.Т.1. С.208-209.

¹²⁴ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.19. С.358; Т.20. С.195,196; Камнев Ю. Две партии. Париж,1911; Л.,1924. 2-е изд.

¹²⁵ Ленин В.И. Соч. М.-Л.,1930. Изд.3-е. Т.15. Примеч. С.629-630; Николаевский Б.И.Страницы прошлого. //Социалистич. вестн. 1958. № 6. С.127;” Дневник социал-демократа”. Октябрь 1911 г. № 15; Плеханов Г.В. Соч. Т.ХIХ. С.340. Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.240; Дан Ф., Мартов Л., Мартынов А. Открытое письмо П.Б.Аксельроду и В.И. Засулич. Париж, 1912.

¹²⁶ Аронсон Г. Мартов в борьбе с большевизмом (1903-1910). //Социалистич. вестн. 1940. № 7. С.96. А.А.Богданов писал о возможном сближении большевиков и меньшевиков в январе 1910 г. Он

рассказывал о том, как в 1908-1909 г. Ленин организовал раскол большевистского течения, а Плеханов – меньшевистского. На пленуме ЦК РСДРП в январе 1910 г. произошло объединение Ленина со сторонниками Мартова и Дана. Но оно вскоре развалилось. После этого началось сближение Ленина и Плеханова “в общей войне против вчерашних друзей” Ленина, меньшевиков, не плехановцев. // Богданов А.А. Десятилетие отлучения от марксизма. М., 1995. Кн.3. С.153.

¹²⁷ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.224, 243.

¹²⁸ РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.17. Л.1-3. В. Шелгунов вспоминал о том, как возникло самое название газеты “Правда”. “Мы стремились получить для ежедневной большевистской газеты однословное название,- писал он.- Пошли к инспектору типографий, который выдавал разрешения на названия газеты. Он заявил, что все названия заняты. Н.Полетаев, просматривая списки разрешенных газет, натолкнулся на “Правду” – газеты религиозно-нравственного склада, разрешенную к изданию одному синодскому чиновнику. “Съездите к нему и переговорите”,- посоветовал инспектор типографий. Приехали к этому чиновнику, и он за небольшую мзду дал согласие, уступил название газеты. Кажется, мы ему дали 25 руб. Таким образом получили название “Правда” (Шелгунов В. Рождение газеты. // 25 лет “Правды”. М., 1937. С.37).

¹²⁹ А.Н.Потресов писал П.Б.Аксельроду в июле 1913 г., что Мартов собирается в Россию как только завершит свою главу для 5-томника; в сентябре 1913 г. В.И.Засулич сообщала Мартову о слухах о его приезде и утверждала, что “Россия опять становится страной, “где все возможно” ; в конце ноября Аксельрод с тревогой писал о болезни Мартова: “боюсь, что петербургский климат вообще для его здоровья губителен” ; в декабре Аксельрод просил Потресова сообщить ему о здоровье Мартова. // Социал-демократическое движение в России. Т.1.С.235,248,255,257. Мартов писал Ф.И.Дану 10 марта 1913 г., что под амнистию он подпадает, но как еврей, не окончивший из-за ареста университета, имеет право жительства только в “черте оседлости”. Потому он думал сначала “проехаться по России, легализоваться, что для работы над главой 5-ти томника ему нужны материалы из социал-демократического архива и библиотеки, основанных на средства И.Д.Бebutova в Берлине. // Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.269-271.

¹³⁰ Социал-демократическое движение в России. Т.1. С.269; Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.291-292. Р.В.Малиновский (1876-1918) был большевиком, завербованным московской охранкой в 1910 г. В январе 1912 г. Малиновский на Пражской конференции

был избран членом ЦК по рекомендации Ленина, позже избран депутатом IУ Государственной думы и председателем ее большевистской фракции. 7 мая 1914 г. шеф корпуса жандармов генерал В.Ф.Джунковский неожиданно поставил в известность председателя думы М.В.Родзянко о том, что Малиновский – агент охраны. 8 мая 1914 г. Малиновский сложил с себя обязанности председателя фракции, получил от охраны 6 тыс. рублей и уехал за границу, никого из большевистского руководства не известив об этом. Подробнее о Малиновском см.: Жухрай В. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М., 1991; Розенталь И.С. Провокатор Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996.

Мартов заявил в “Нашей рабочей газете”, что бегство Малиновского есть следствие его разоблаченной службы в охране. Ленин и Зиновьев поручились за “политическую честность” Малиновского и назвали Дана и Мартова “грязными клеветниками”. Позже выяснилось, что Мартов и Дан были правы. В марте 1917 г., при вскрытии архива Департамента полиции, были обнаружены доносы Малиновского. В 1918 г. Малиновский вернулся в Россию, был арестован, предан суду Верховного трибунала ВЦИК и расстрелян в ночь с 5 на 6 ноября. См.: Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. Комментарий. С.292.

¹³¹ В советское время многие из этих статей Мартова были изданы С.О.Цедербаумом (Ежовым) отдельной книгой. См.: Мартов Ю.О. Очерки международного социализма и рабочего движения. Л.-М., 1926.

¹³² Мартов Л. Август Бебель. //Голос социал-демократа. 1910. № 19-20; Новая рабочая газета. 1913. № 39; Он же. Новый политический кризис во Франции. //Наша заря, 1911. № 6; Он же. Поль Лафарг. //Новая жизнь. 1911. № 3; Он же. Гибель “Титаника”. //Живое дело, 1912. № 14; Он же. Жан Жорес. //Наше слово. 1915. № 154 (1.У111).

¹³³ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.290-291.

¹³⁴ Социал-демократическое движение в России. Т.1. С.397-400.

¹³⁵ О настроениях Мартова после начала войны можно судить по ряду свидетельств. В письме Аксельроду 12 сентября 1914 г. из Парижа он объяснял, что не побежал из города, т.к. не хотел быть “как все”. // Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.299. Вышло 108 номеров газеты “Голос”, пока она не была закрыта французской военной цензурой. В юбилейном, сотом номере, Мартов вспоминал “ту обстановку, при которой появился первый пробный номер. Армия фон Клюка стояла в 30 км. от Парижа... Зажиточные классы ... покидали город. Русская колония опустела, остались лишь те, кому некуда было бежать, ибо всюду их ждал голод и безработица. Моральная по-

давленность, уныние, граничащее с отчаянием... при виде распада Интернационала... ужас положения и фальш социал-патриотической фразы. В этих условиях частная группа товарищей решила поднять "Голос", голос социалистической уверенности в торжестве нашего идеала". Эта группа не спрашивала своих членов о фракционных убеждениях, она сплотила людей разных фракционных течений, сплотила так, как может сплотить общее несчастье, кораблекрушение, закинувшее нескольких человек на маленький клочок земли. Ей казалось святотатством в момент величайшего мирового несчастья, в момент падения многих старых кумиров вспоминать о бывших делах, воскрешать старые фракционные споры. Ждала ли эта группа успеха своего предприятия – трудно сказать. Скорее в эту минуту она ждала, вместе со всем населением, осады Парижа, но поднять голос надо было, ибо у нас всех оторвали кусок нашей души, в нас поколебали нашу веру в Интернационал". // Цит. по: Двинов Б. Л. Мартов (Ю.О.Цедербаум). – Новый журнал. Нью-Йорк, 1961. Кн. 63. С.279. Газета "Голос" издавалась с сентября 1914 до середины января 1915 г. После закрытия она была заменена газетой "Наше слово".

¹³⁶ 23 декабря 1914 г. в газете "Голос" (№ 87) Мартов протестовал против высказывания Э.Вандервельде, что в своей борьбе против шовинизма он одинок. " Это неверно,- писал Мартов.- Вокруг меня ряды единомышленников, не подумывавших о том, чтобы сдавать принципиальные позиции революционного марксизма. Их не сбили с толку такие авторитеты международного социализма, как Гед, Плеханов, Каутский, Вандервельде". Подробнее об отношении Мартова к первой мировой войне см.: Getzler J. Martov. A political biography of russian social-democrat. P. 138-147; Савельев П.Ю., Тютюкин С.В. Юлий Осипович Мартов (1873-1923): человек и политик. // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С.130-137.

¹³⁷ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.303. Ленин в первые месяцы войны положительно относился к призывам Мартова. В реферате на тему "Пролетариат и война" (" Голос".25,27 октября 1914 г.), письме А.Г.Шляпникову (17 октября 1914 г.), статье "Положение и задачи социалистического Интернационала" (Социал-демократ.1914. 1 ноября) Ленин писал о "приличном" Мартове, дававшем отпор шовинизму. Но уже с марта 1915 г., с Бернской конференции, на которой Мартов не поддержал ленинский лозунг о превращении современной империалистической войны в войну гражданскую, он стал писать о Мартове, как "замаскированном шовинисте", а затем в статье "О положениии дел в российской социал-демократии" (Социал-демократ. 1915. 26 июля) резко критиковал Мартова за поддержку лозунга "ни побед, ни поражений". // Полн.

собр.соч. Т.26. С.292. С этого времени и до 1917 г. Ленин ни разу положительно о Мартове не отзывался. Статья Мартова “Война и российский пролетариат” (Интернационал и война. 1915.№ 1) вызвала резкую критику Ленина в статье “Прикрытие социал-шовинистической политики интернационалистскими фразами”. // Полн.собр.соч. Т.27. С.90-92; Ленинский сборник. М.,1985. XL. С.369-379. Ленин в 1916 г. упрекал Мартова за призыв к единству РСДРП, называл его “русским каутскианцем”, “прикрытым оппортунистом”.

¹³⁸ Цит. по: Ленинский сборник. XL. С.373. Об отношении Ленина к первой мировой войне см.: История КПСС. М.,1967. Т.2. С.468-535. Троцкий, не бывший оборонцем, утверждал в газете “Наше слово”, что проповедовать желательность поражения царской России нет смысла, ибо это будет означать желание победы реакционной Германии. // Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет. Кн.1. С.185.

¹³⁹ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.305, 344. Подробнее об отношении Плеханова к войне см.: Тютюкин С.В. Политическая драма Г.В.Плеханова. // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С.153-155.

¹⁴⁰ Троцкий вспоминал: “Крупнейшей фигурой, которую я нашел в Париже среди русской эмиграции, был несомненно Мартов, вождь меньшевиков, один из даровитейших людей, каких мне вообще приходилось встречать на жизненном пути. Несчастье этого человека состояло в том, что судьба сделала его политиком в революционную эпоху, не наделив для этого необходимым запасом воли”. Отсутствие у Мартова “необходимого запаса воли” Троцкий видел в том, что Мартов тогда отказался от сотрудничества с ним и Лениным. // Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т.1. С.280-281. Но ведь отказ “сотрудничества” тоже является проявлением “необходимого запаса воли”.

¹⁴¹ Подробнее о позиции Троцкого в годы первой мировой войны см.: Волкогонов Д.А. Троцкий. Политический портрет. М.,1992. Кн.1. С.111-116.

¹⁴² Мартов Л. Против войны. Сб.статей (1914-1916). М.,1917; Он же. Кризис демократии во Франции. Пг.,1917; Он же. Первая Циммервальдская конференция. Пг., 1917; и др.

¹⁴³ Подробнее см.: Новая и новейшая история. 1995. № 5. С.131-132.

¹⁴⁴ Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.301, 320, 325; Парвус. Правда глаза колет! Стокгольм, 1918. С.10.

¹⁴⁵ РЦХИДНИ. Ф,362. Оп.1. Д.51. Л.35. В письмах к Н.С.Кристи 1915-1916 гг. Мартов сообщал о личных переживаниях, тяжелых ус-

ловиях жизни, полемике с Лениным и Троцким, Каутским и Гедом, “никчемных дебатах” в Цюрихе с Зиновьевым и Радеком. // Там же. Л.15. В феврале 1916 г. он писал Кристи о своей поездке в Берн на частное совещание “циммервальдцев”, на котором было решено созвать вторую конференцию интернационалистов. Мартов сообщал, что “группа Ленина-Радека оказалась на этот раз совсем ничтожной, бесконечное число раз сидела в луже, вызывая всеобщее неудовольствие своим хулиганством”. // Там же. Л.19. 29 февраля 1916 г. он делился с Кристи впечатлениями о реферате Ленина о мире. “Увидев меня, этот храбрый человек решил не допустить дискуссии – ухитрился утомительно-противоречивый и бессодержательный реферат тянуть так, чтобы, начав в 9, кончить без 5 в 12 (а в 12 часов все здесь закрывается). Когда дело пришло к концу, публика потребовала дискуссии и оказалось, что “референт” завтра уже уедет”. В реферате, разумеется, больше всего меня ругали. Публика запротестовала. Председатель успокаивает: господа, тов. Ленин через 10 дней снова будет в Цюрихе, его оппоненты могут назначить контрреферат. Я было успокоился, но Семковский догадался спросить: а обяжется ли референт явиться на дискуссию по этому контрреферату? Ленин, не отрывая глаз от своих бумаг, громко отвечает: “Ни в коем случае!” Даже большевики сконфузились. А мне осталось только объявить, что я читаю реферат о “противоречиях и беспринципности в реферате Н.Ленина”, что обещает мне собрать большую публику”. // Там же. Л.30. 16 апреля 1916 г. Мартов писал Кристи о неприятных чувствах, связанных с предстоящей Кинтальской конференцией, т.к. там “опять придется сталкиваться с неприятными личностями вроде Ленина и Ко, интенсивно работать и еще более интенсивно следить за всякими “шахматными ходами”, т.е. мелочными, скверными интригами. Ой, как мне всего этого не хочется. У меня уже сейчас скверный вкус во рту”. // Там же. Л. 41.

¹⁴⁶ См.: Ионичев Н.П. Российская социал-демократия против милитаризма и войны. Конец XIX в. – 1917 г. М., 1990. С.43.

¹⁴⁷ РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.43. В последние годы историки стали менять акценты в сторону более сдержанных оценок. В биографической хронике жизни Ленина говорится, что 3 декабря 1914 г. Ленин выступил в Берне с критикой реферата Мартова “Война и кризис социализма”, упрекая его в повороте к социал-шовинизму. // В.И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1972. Т.3. С.305. П.Ю. Савельев и С.В. Тютюкин об этом же написали так: Ленин после долгого перерыва в Берне оппонировал Мартову, и “хотя оба держались вполне корректно, чувствовалось, что полного взаимопонимания между ними нет”. // Новая и новейшая история. 1995. № 5.

С.133. Обвинение Мартова в “социал-шовинизме” исчезло. Ленин во время дискуссии назвал реферат Мартова “социологическим введением в эклектическую политику” за его критику социал-шовинистов, критиковал за отказ Мартова от полного разрыва с ними. // Ленин Б.И. Соч. 3-е изд. Т.18. Комментар. С.432.

¹⁴⁸ П.Ю.Савельев и С.В.Тютюкин утверждают, что по сравнению с Лениным, Троцким и Аксельродом Мартов держался в Циммервальде в тени. // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С.135. А.И.Балабанова, секретарь конференции, наоборот, вспоминала об активности Мартова и о том, что “влияние П.Б.Аксельрода и в особенности В.И.Ленина на внутреннее развитие Циммервальдского движения было скорее косвенного характера, оно проводилось главным образом через их фракционных сторонников. Лично же они принимали участие лишь в конференции и особенно важных совещаниях”. // Балабанова А. Из личных воспоминаний циммервальдца. Л.:М., 1925. С.80, 82.

¹⁴⁹ Циммервальдская и Кинтальская конференции. Офиц. документы. Л.:М., 1924. С.51. Мартов писал Кристи 6 мая 1916 г. о своих впечатлениях от Кинтальской конференции. Он сообщал, что очень устал: “... заседали иногда с 9 утра до 3-4 ночи, а я сверх этого общего пайка имел много работы”. И продолжал: “В общем, я доволен, хотя большинство успеха со времени Циммервальда зарегистрировать не пришлось. Съехалось до 40 человек, а около 25 не получили паспортов, или, получив, были задержаны на границе. Благодаря этому, конечно, состав был не только случайным и благоприятным для “фракционных комбинаций” Ленина и Ко. На деле этого не вышло, и не только ленинцы не дирижировали, но, осмотревшись и поняв положение, они вели себя почти по-европейски. Дошло до того, что за нами почти ухаживали. Во всяком случае, работали сообща без подвохов (или почти без)... С фракционной точки зрения, вообще, конференция для нас – большой успех”. Мартов писал, что подписи под манифестом бывших “оборонцев” (французских, немецких и итальянских социалистов) “изменили отношение к нам со стороны ленинцев, которые начали с своего протеста против моего и П.Б.(Аксельрода) мандатов, но бесславно потерпели поражение”. // РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.43-44.

¹⁵⁰ В архивном фонде Мартова (РЦХИДНИ. ф.362) хранятся многочисленные предложения Мартову писать в разные газеты и журналы. 28 ноября 1915 г. его просил об этом Г.И.Чудновский из газеты “Новый мир”, издававшейся в Нью-Йорке. // РЦХИДНИ, Ф.362. Оп.1. Д.53. Л.1; 7 декабря 1915 г. – Н.Н.Суханов, редактор “Современника”. // Там же. Д.54. Л.1-2. 15 декабря 1915 г. Мартов полу-

чил уведомление о том, что французская военная цензура изъяла его корреспонденцию в американские газеты. // Там же. Д.55. Л.1. Об этом же он писал 3 января 1916 г. Аксельроду: “На новый год я получил очень огорчительную бумагу – сообщение от почты, что французская цензура секвестровала отправленную мною 2 месяца назад в Нью-Йорк статью о Циммервальдской конференции и ее значении... Это убыток в 150-200 франков; со статьи я копии не снял, да и все равно было бы поздно”. // Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.355. 2 марта 1916 г. Мартова просил прислать статью в журнал “Демон” Анри Гильбо. // РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.57. Л.1. В июне 1916 г. Мартов получил приглашение от редакции журнала “Дело” (Потресов и др.) о сотрудничестве. Он ответил публичным отказом, мотивуруя его “оборонческой” позицией издания, выпуском сборника “Самозащита”. // Там же. Д.59. Л.1. Газета “Наше слово” (№ 1 – 29 января 1915 г. – конец сентября 1916 г.) стала выходить после закрытия французскими властями газеты “Голос”. Мартов остался членом ее редколлегии. Он писал Аксельроду в апреле 1915 г., что в этой газете ему пришлось бороться с “ленинофильством”, которое не сильно, и с “упростительством, которое сильнее, потому что его поддерживает Троцкий.” // Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.332. В августе 1916 г. Мартов вышел из состава редколлегии газеты в знак протеста против захвата ее сторонниками Троцкого. // РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.60. Л.3. В октябре 1916 г. Мартова попросили написать в самарскую газету “Наш голос”). // Там же. Д.61. Л.1. ¹⁵¹ РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.45. Л.1-4; Д.49. Л.1-2; Ф.451. Оп.1. Д.98. Л.7-8; Д.99. Л.3-4; Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.355.

¹⁵² РЦХИДНИ. Ф.451. Оп.1 Д.106. Л.1-2; Оп.2. Д.12. Л.1.

¹⁵³ Интернационал и война. Цюрих, 1915. № 1. С.117-118.

¹⁵⁴ Мартов Л. А Маркса оставьте в покое. // Голос. 1914. 23 окт.; Он же. Война и Плеханов. // Голос. 1914. № 41; Он же. Почему Маркс “пангерманист”. // Наше слово. 1915, 30 марта; Он же. Русский марксизм и война. // Наше слово. 1915, № 100-102. Рукописи этих статей Мартова см.: РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.18. Л.31,34, 45, 67.

¹⁵⁵ РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.18. Л.92, 100. В 1915-1916 гг. личная неприязнь между Лениным и Мартовым росла. 13 июля 1916 г. раздраженный Мартов сообщал Кристи об инциденте, который имел место во время Кинтальской конференции. Он писал, что Ленин рассказал А.Гильбо о нем, Аксельроде и Троцком “всякий вздор”. Гильбо решил все это выяснить у Аксельрода и Мартова, а затем сказал последнему, что скажет Ленину, что “нечестно, пользуясь тем, что он не читает по-русски, клеветать на нас. Я конечно, отговорил

его от такого разговора. Но тогда он стал меня расспрашивать: но как же Ленин может так, без всяких оснований чернить одного товарища в глазах других? И я смущенно, обезоруженный этой честностью, вероятно, очень неубедительно объяснил ему, что фанатизм может окрашивать белое в черное и обратно, так как фанатик искренне сам верит своим словам. Гильбо этого не понимает, для него социализм, революция предполагает чистую душу, которая не может покрыться никаким налетом...” // РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.64.

¹⁵⁶ РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.84; О чем говорят венские выстрелы // Известия Заграничного секретариата организационного комитета РСДРП. 1916. № 7; Мартов Л. Фридрих Адлер. Пг., 1917. С.6, 7, 11, 13. Троцкий полагал, что “террористический акт Фридриха Адлера был вспышкой отчаявшегося оппортунизма, не более того”. // Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т.1. С.269.

¹⁵⁷ Мартов Л. Национализм и социализм (идеология “Самозащиты”). Пг., 1918. С.5, 10, 34-35, 77-78. Интернационалистские взгляды Мартова в то время наиболее последовательно разделял П.Б.Аксельрод. В брошюре “Борьба за мир и восстановление Интернационала” (Пг., 1917. С.5) он выступал против воинствующего национализма, патриотизма и дезорганизаторских действий, “пораженцев”. Борьбу за мир он полагал единственным демократическим движением. И писал: “Ленин уже в первые месяцы войны объявил лозунг движения в пользу мира “поповским лозунгом”, которому он противопоставил “гражданскую войну” для социалистического переворота. “Поповский лозунг” Циммервальда ленинцы использовали только как орудие, как подсобное средство для своих специальных целей; ради этих целей они немало усердия потратили на то, чтобы тормозить концентрацию всех сил интернациональной оппозиции в борьбе за мир”.

¹⁵⁸ РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.19. Л.49,51.

¹⁵⁹ Там же. Л.88,102, 111. Мартов писал Кристи 8 июня 1916 г., что “политическая поденщина опутывает душу”, а он “горячится”. И потому “та или иная передержка, полемическая выходка, интрига или клевета может меня взвинтить и облить на все то время, в течение которого мне приходится о ней говорить...” // Там же. Л.51.

¹⁶⁰ Мартов Ю.О. Письма 1916-1922. Бенсон, 1990. С.9.

¹⁶¹ РЦХИДНИ. Ф.362. Оп. 1. Д.19. Л.53,64.

¹⁶² Драма в “верхах” меньшевистского руководства дала возможность их противникам изображать Мартова “в виде исключения” “приличным человеком”. Более того, писал тогда Мартов, - когда слухи о “состоянии умов руководителей меньшевиков” дошли до Ленина, он начал их использовать, “чтобы всюду говорить о моей “изоляция”

ции”, о том, что я “предан” всеми друзьями, что мне остается только признать свои прошлые заблуждения и присоединиться к нему и его клике”.//Письма П.Б.Аксельрода и Ю.О.Мартова. С.321-323. Мартов переживал размежевание в партии “с большим надрывом на душе, его беспокоил распад “наиболее духовно сплоченных до сих пор элементов”, ухищрения тех, кто готов “использовать в мелочных кружковых интересах даже величайшие мировые трагедии и катастрофы”.//Там же. С.321. О.А.Ерманский вспоминал, как в 1915 г. появились прокламации против меньшевиков-оборонцев за подписью “группа меньшевиков-интернационалистов” и какое “большое негодование со стороны большинства меньшевиков” они вызвали, так как в подписи увидели “проявление раскольничества”.//Ерманский О.А. Из пережитого. М.:Л., 1927. С.121.

ГЛАВА III

1917 год в жизни и творчестве Ю.О.Мартова

Революции 1917 г. потрясли Россию до основания, коренным образом изменили судьбы народов и политиков. Последние ждали революционных потрясений, но не прогнозировали их так скоро. 9 января 1917 г. Ленин в Цюрихе, выступая перед швейцарской рабочей молодежью в день 12-й годовщины начала первой российской революции, говорил: “Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции”.¹ Ленину тогда было неполных 47 лет.

Мартов 14 декабря 1916 г. писал Н.С. Кристи о ностальгии по России, тоске “по русскому ландшафту, русскому снегу, русским извозчикам, русскому борщу и русским лицам”. Он вспоминал, что из последних 15 лет только около трех лет провел в России, что мечтает о Петербурге, а не о Париже. 28 февраля 1917 г. Мартов с огорчением сообщал тому же адресату: “С Россией, конечно, все сношения оборвались: ни газет, ни журналов, ни писем. Крайне досадно это и нервирует.”² Мартову шел 44 год. Он не предвидел в начале 1917-го, что наступил, наверное, самый решающий год его жизни, когда, казалось бы, возможная победа революции быстро превратилась, волей обстоятельств, в поражение всей российской демократии и меньшевизма.

В феврале 1917 г. Мартов завершил брошюру “Кризис демократии во Франции”. В ней он написал о перерождении в результате войны социалистической идеологии, расколе в обществе, вновь критиковал Густава Эрве.³ Только 2 марта 1917 г. из экстренных выпусков швейцарских газет российские эмигранты узнали о революции в России, дававшей им возможность вернуться на родину. Тогда Мартов сформулировал свое отношение к происходящему: “Либо революция

убьет войну, либо война убьет революцию". Проблема возвращения на родину российских эмигрантов оказалась очень сложной: шла война, союзники России не торопились помочь тем, кто был против войны в принципе (Мартов) или стоял на пораженческих позициях (Ленин). Проезд через тогда воюющую с Россией Германию мог вызвать кривотолки. Анжелика Балабанова вспоминала, как на совещании российских социалистов в Берне М.А.Натансон заявил о возможности улететь в Петроград на аэроплане. Мартов же предложил обратиться к новым российским властям с тем, чтобы они добились их пропуска через германскую территорию в обмен на интернированных в России немцев или австрийцев.⁴

Мартов писал Н.С.Кристи 17(30) марта 1917 г. о своих переживаниях, связанных с отъездом в Россию. Он негодовал по поводу того, что "милюковская банда, дав полную свободу внутри, снаружи установила "кордон" хуже прежнего", что британские власти выпускают не всех революционеров, а германские – не возражают против пропуска через свою территорию всех. Мартов замечал, что Ленин хочет ехать немедленно, а он не может предстать перед народом с "парвусовским ореолом" и продолжает настаивать на официальном обмене. Он отмечал, что "лично большевики стали весьма любезны, и мы теперь с ними, Зиновьевым и Лениным, возобновили личные отношения. На реферате Ленин тоже говорил без особенно сильных "выражений", но пропасть остается между нами глубокая, а чушь, которую он порет по поводу наших задач, возмутительна..." Мартов сообщал Кристи, что усиленно работает и скоро должны выйти три его брошюры.⁵ 1 апреля Мартов писал Кристи о своих болезнях, а 5 апреля сообщал, что "ленинцы уезжают". (Ленин с группой политэмигрантов выехал из Цюриха 27 марта (9 апреля 1917 г.). 13 апреля Мартов сообщал Кристи, что "ответов на наши стоны и мольбы" из России нет, а "Ленин с братией приближаются к русской границе, может быть, смеясь над нами, мы же должны здесь защищать их против травли социал-патриотов".

В письме (13 апреля) Мартов впервые после революции излагал свое видение политической ситуации в России. Он назвал “глупостью” требование Ленина свергнуть Временное правительство. По его мнению, “радикальная буржуазная революция” могла развиваться так, “чтобы рабочий класс предоставил буржуазии власть, но толкая ее все время вперед, держа ее под своим давлением и контролем”. (Заметим, что подобные взгляды высказывали Каменев, Сталин и другие большевики до приезда Ленина, призывая к условной поддержке и давлению на Временное правительство и не требуя его свержения). Мартов считал, что от такого положения выиграет революция и рабочий класс: “революция потому, что ломка старого совершается силами почти всех классов и потому будет более основательной; пролетариат потому, что его партия получает возможность, не смешиваясь с правительством и не отвечая за его действия, организовать его силы в неслыханном размере, приобретать колоссальное влияние на всю страну и заставлять правительство идти влево и влево”.

В статье Плеханова “Две линии” (1915) говорилось о возможном развитии русской революции по “восходящей линии”: сначала преемниками самодержавия станут октябристы и кадеты; их сменит мелкобуржуазная демократия, а потом – социал-демократы и эсеры. Нечто подобное предлагал теперь и Мартов. Когда буржуазные партии, писал он Кристи, попытаются избавиться от давления рабочих, тогда это правительство нужно изменить, устранив из него Гучкова и Милюкова, затем заменить кадетское правительство трудовиками и социал-патриотами. “Лишь тогда, когда вся буржуазия и ее подголоски исчерпают себя, дадут все, что могут, хотя бы под давлением” и затем встанут “поперек дороги пролетариату, перед ним встанет задача или взять власть в свои руки, если есть шансы ее завоевать в открытой битве, или признать, что эта революция закончена, что созданная ею буржуазная республика окончательно сложилась, и занять место оппозиции – партии меньшинства населения, – которая своей борьбой и агитацией в рамках ново-

го строя готовит силы пролетариата к новой революции, имеющей одну задачу – отвоевание власти у буржуазии в целом”⁶.

Мартов видел для социал-демократии и для себя место лишь в оппозиции правительству и поэтому был против участия в его коалиционном составе. Но он был противником и методов Ленина, направленных на “ускорение” событий в борьбе за власть.

20 апреля 1917 г. в письме Кристи Мартов вновь возвращался к своим мыслям о будущем российской революции. Он писал о том, что у него нет разногласий с Лениным и Троцким по поводу естественного желания всякой политической партии стать у власти. Спор шел о том, как в революционной обстановке, когда старая власть падает, а “классы приходят в брожение”, социал-демократы смогут добиться власти. Он предупреждал, что партия может увлечь за собой крестьян обещаниями быстро удовлетворить их нужды, но эта “авантюра” наверняка завершится “трагическим крахом”. Мартов исходил из того, что захват власти – дело “не одного момента, а целого периода борьбы”. Он был против создания иллюзорных и авантюристических ситуаций. “Я думаю, – писал Мартов, – ... что рабочим, которые сознают, что они (в России) еще меньшинство населения, надо показать, что власть может попасть в их руки после долгой борьбы, в которой они окрепнут в силу, способную не только случайно схватить власть в руки, но и удержать ее, и использовать для осуществления своих целей”. По его мнению, власть Советов, к которой звал тогда Ленин, могла быть только “властью крестьянской солдатчины, державшей в плену социалистов”. Мартов был уверен, что “исторические условия не созрели для перехода власти в наши руки”. Он призывал к критике правительства, но не к свержению его.⁷

Письма Мартова Кристи той поры были его “письмами издалека”. Они не были похожи на ленинские политические письма-инструкции. Мартов писал женщине, которую любил и которой доверял. Потому в его письмах интимные откровения перемежались с искренним выражением взглядов

на происходящее в России, мнением о поступках общих знакомых. В письме 25 (12) апреля 1917 г. он выражал недовольство “неблагородством” ленинцев, которые, с одной стороны, “Мартовым прикрываются” (ведь это он придумал германский маршрут), а с другой — провоцируют, говоря, что “Мартов ехать не хочет”.⁸

Сохранилось 14 писем Мартова Кристи, написанных в марте-мае 1917 г. до приезда в Петроград, 15-е из Петрограда датировано 22 (9) мая. В них нашли отражение их личные отношения, вопросы, связанные с переездом из Швейцарии на родину, мысли о ходе революции в России. Мартов писал о “склочных” Зиновьеве и Радеке и о том, что в Петрограде Совет оказал решающее воздействие на падение самодержавия (2 мая (19 апреля)); сообщал о своей “страшной физической усталости” и о том, что, несмотря на призыв Чхеидзе, Скобелева, Дана и Церетели отказаться от проезда через Германию, ехать придется. Он не одобрил поступок своих питерских коллег, в угоду “оборонцам” приостановившим публикацию его брошюр против них и заменивших их переизданием его агитационных брошюр 1905 г. (4 мая (21 апреля)). Мартов сообщал о том, что “известия из России подмывают ехать: движение за мир усиливается, наша публика, кажется, действует решительнее и прямее, а, с другой стороны, организуется контрреволюция и надо спешить приехать, если не хочешь рисковать вовсе не видеть первой фазы революции” (11 мая (28 апреля)). Для него время перед отъездом превратилось в “нервную сутолоку”, а семь дней в пути в “изрядно надоевшее” занятие. “За это время наши успели вступить министрами. Одна хорошая сторона, — иронично замечал он, — что, благодаря этому вступлению, нас не встретят слишком плохо” (19 (6) мая).

9 (22) мая 1917 г. Мартов приехал в Петроград и тотчас же описал свои впечатления в письме Кристи. Он сообщал, что переезд был тяжелым, а “Россия встретила нас неприветливо”. Но на вокзале в Петрограде была “грандиозная и хорошая встреча”, причем многие встречающие были большевиками. Мартов рассказывал о разговорах с В.М. Черно-

вым, И.Г. Церетели, М.И. Скобелевым и К.А.Гвоздевым (в то время Чернов, Церетели и Скобелев были уже министрами Временного правительства, а Гвоздев – членом Исполкома Петроградского Совета). Он назвал “непоправимой”, “окончательной глупостью” их участие в работе коалиционного правительства без “ясного соглашения о требовании немедленного мира”.⁹

Случилось так, что Мартов приехал в дни работы Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных (т.е. тех, где меньшевики и большевики еще работали вместе) организаций РСДРП.¹⁰ Вечером, в день приезда, он выступил на конференции, предварительно проведя серию бесед с меньшевистским руководством. Он знал, что участники конференции уже приняли решение, одобряющее участие Скобелева и Церетели в работе Временного правительства. И все же попытался изменить ход событий. У него было несколько аргументов: неотмененные решения 1-ой общероссийской конференции партийных работников (Женева, май 1905 г.) о том, что социал-демократия должна оставаться партией революционной оппозиции, а не участвовать вместе с буржуазией в работе Временного правительства; решение Организационного комитета от 24 апреля 1917 г., признавшего нецелесообразным участие социалистов в буржуазном правительстве; резолюция Петроградской общегородской конференции меньшевиков (3 мая 1917 г.), признавшей нежелательным участие социал-демократов в работе Временного правительства.

Мартов исходил из того, что вступление социалистов, членов Совета в правительство делает ненужным Совет, а согласие на работу в правительстве без предварительных условий – “это хуже преступления, это глупость”. По мнению Мартова, кадеты специально подкинули меньшевистским лидерам немного власти, с тем, чтобы “связать” их с собой и сделать столь же ответственными за непопулярную политику Временного правительства. Мартов считал, что условием объединения социалистов при восстановлении Интернационала должны были стать формулы “мир без аннексий и кон-

трибуций на основе права наций на самоопределение”, отказ социалистов от сотрудничества со своими правительствами, готовность продолжать классовую борьбу.¹¹

Делегаты конференции не восприняли призывы и аргументы Мартова. В письме Кристи 22 (9) мая он писал, что “масса провинциальных делегатов, приехавшая с иллюзией возможности “объединения” и с уверенностью, что революцию спасти от гражданской войны можно лишь участием в правительстве, настроилась прямо враждебно”. Он сообщал о фактическом расколе меньшевиков, среди которых были сторонники коалиции с правительством, “ухода” к Ленину и Троцкому, интернационалисты. Мартов был за “среднее решение”: раскола “не производить”, коалицию с правительством считать вредной, ответственность за его действия не нести и “бороться за мир самостоятельно”, ни на какие ответственные должности не идти. Он писал, что “засел” за работу по организации единомышленников, выработку декларации. Мартов определял тогда позицию Ленина и Троцкого, как “сумасшедшую”, с их обещанием массам “чуда” от захвата власти. Мартов с восторгом писал о собраниях в Петрограде “под флагом меньшевиков-интернационалистов” и о сборе денег на издание газеты, потому что “в массе и рабочих, и солдат стремление к миру очень сильно”. Общее впечатление от встреченного в Петрограде, как видно из письма, у Мартова было невеселое: “Чувствуется, что блестяще начатая революция идет под гору, потому что при войне ей некуда идти. Страна разорена... обыватели всего страшатся... Если не удастся привести очень скоро к миру, неизбежна катастрофа”.¹²

Сотрудничество меньшевиков с Временным правительством и интернационалистская позиция Мартова вызвали разноречивые оценки современников и историков. Ленин определял значение коалиции так: “Шестое мая было выигрышным днем для буржуазии. Ее правительство стояло на краю гибели. Массы были заведомо и безусловно, горячо и непримиримо против него. Одного слова народнических и меньшевистских вождей Совета было достаточно, чтобы

правительство беспрекословно сдало свою власть, и Львов на заседании в Мариинском дворце вынужден был открыто признать это”.¹³ Нетрудно заметить, что мнение Мартова, высказанное им на меньшевистской конференции 9 мая 1917 г. о том, что “худшее наше заявление это то, что мы не стремимся взять в свои руки власть”, что, “если можно взять всю власть, зачем ограничиться ее “кусочком”¹⁴, – мало чем отличается от ленинского. Ленин и Мартов в то время были настроены на передачу всей власти в руки Советов, а не на создание коалиционного правительства. Разница заключалась в том, что Мартов не провозглашал лозунга свержения Временного правительства и был за единство своей партии, которого к его приезду не было. Потому Ленин предлагал Мартову и его сторонникам в мае 1917 г. объединиться с большевиками, при условии порыва с оборонцами. Мартов свой отказ мотивировал общей с меньшевиками разных направлений оценкой социально-экономического содержания российской революции.¹⁵

Н.Н.Суханов отмечал, что меньшевистская конференция дала победу соглашательскому советскому большинству, превратило меньшевиков в правительственную партию и поставила интернационалистов Мартова “по другую сторону баррикад – бок о бок с партией Ленина”.¹⁶ И.И.Минц, наиболее полно отразивший в своей работе по истории Октябрьской революции ленинское видение той поры, считал, что большевики были правы, призывая к свержению Временного правительства. На основании высказываний Ленина он утверждал, что меньшевики и эсеры могли провозгласить власть Советов, а не сохранять своим участием Временное правительство.¹⁷ Зива Галили отметила ряд обстоятельств, способствовавших расколу меньшевиков и поддержке частью их них коалиции с Временным правительством. Среди этих обстоятельств она назвала отказ ряда меньшевистских лидеров от предубеждения против участия социалистов в коалиционном правительстве; различные концепции развития революции в России у Церетели и Мартова. Для Церетели революция была “общенациональной”, а

коалиция означала “единство живых сил страны” на ее буржуазно-демократическом этапе. Галили полагала, что майская конференция меньшевиков санкционировала коалицию, потому что этого хотели провинциальные делегаты, что была иллюзия установления таким образом взаимопонимания между рабочими и предпринимателями.¹⁸

Церетели и “революционные оборонцы” видели развитие революции и преодоление кризиса в стране в создании коалиционного демократического правительства, Мартов – однородного, социалистического, Ленин – большевистского, с привлечением согласных с его программой действий.

Давний раскол социал-демократического движения в России усугубился в годы Первой мировой войны внутрипартийными распрями, а после свержения самодержавия и дальнейшим дроблением партийных единств. Меньшевики не были исключением. Условия, на которых Церетели предлагал сотрудничество с Временным правительством, подверглись критике не только со стороны интернационалистов. Часть меньшевиков полагала, что социалисты в правительстве должны оказывать давление на буржуазию с тем, чтобы та в ряде случаев поступилась своими экономическими интересами. Ф.А.Череванин предлагал иметь в правительстве большинство министров – социалистов с тем, чтобы активно проводить свою программу по вопросам мира и регулирующих мер в экономике. Однако поддержана была точка зрения Церетели, более того, резолюция Петроградского Совета 5 мая 1917 г. провозглашала “полное доверие” и “активную поддержку” коалиционному правительству.¹⁹

В.И.Миллер высказал предположение, что если бы Мартов с соратниками вернулись в Россию раньше, в начале апреля, а не в мае, “курс меньшевиков в последующие месяцы был бы иным”. П.Ю.Савельев и С.В.Тютюкин причинами неприятия предложений Мартова на меньшевистской конференции назвали неверие делегатов в близость мировой революции и святость интернациональных уз, антипатию к Мартову и его утопическим пацифистским идеям.²⁰ Думается, что все эти утверждения мало обоснованы.

Известно, что среди меньшевиков в 1917 г. выделялись группы ультраоборонцев (Г.В.Плеханов и его "Единство"), умеренных оборонцев (Н.С.Чхеидзе, И.Г.Церетели, М.И.Скобелев), интернационалистов (Ю.О.Мартов). Л.Хеймсон выделил три черты политического менталитета меньшевиков: "почти религиозная убежденность ... в закономерности исторических процессов в той форме, в какой они были определены в трактовке классических произведений основателей русского марксизма"; "убеждение в том, что массы, а не какая-нибудь революционная элита... играет решающую роль в исторических процессах"; "глубокая западная ориентация, принимавшая не только идеологический и политический, но и культурный характер".²¹ Все меньшевики были в революционной оппозиции самодержавию. У них была и общая концепция революции, согласно которой в то время Россия была готова не к социалистической, а лишь к буржуазной революции и поэтому рабочей партии следует оказывать давление на буржуазию в процессе совместной работы с ней. Мартов более других выражал в годы войны идею интернациональных антивоенных акций и был за победу в России демократической революции.

Февральская революция и свержение самодержавия поставили перед всеми политическими партиями России, получившими равные легальные условия для своей деятельности, задачи выработки тактики действий в новых условиях. Меньшевики очень быстро превратились в одну из ведущих политических сил страны. Достаточно отметить, что Н.С.Чхеидзе возглавил Петроградский Совет, на решения которого ориентировались все Советы страны, вплоть до избрания ЦИК Советов в июне 1917 г. 15 членов исполкома Петроградского Совета, избранного 27 февраля 1917 г., представляли собой меньшевиков, эсеров, трудовиков, большевиков (2),²² т.е. различные течения социалистического движения России. Меньшевики, став одной из правящих партий страны, в ходе апрельского кризиса, заняв министерские посты, быстро превратились из оппозиционной в правительственную партию.

Историки спорят до сих пор, обсуждая вопрос, было ли вступление меньшевиков в состав Временного правительства ошибкой? Многие из них склоняются к утвердительному ответу, ссылаясь на негативное отношение к этому Мартова.²³ И все-таки, наверное, иначе меньшевистские лидеры поступить не могли, даже учитывая отсутствие единства в партии и бесконечные сомнения сторонников коалиции. Революционная эйфория в марте-мае 1917 г. взывала к объединению не только социал-демократов, но и всей демократической общественности страны. Многие меньшевистские лидеры считали тогда и кадетов демократической частью общества, а так как власть, по их мнению, находилась в руках буржуазии, которую следовало “держать под контролем”, нужно было войти в состав правительства.²⁴ Позже стали ясны неблагоприятные для меньшевиков результаты коалиции: им не удалось добиться сколь-нибудь необходимых решений, удовлетворяющих нужды масс, стать общенациональным правительством, предотвратить всполохи гражданской войны, дать землю крестьянам и выйти из войны. Коалиция не исключила максимализма ни рабочих, ни буржуазии, которые быстро теряли доверие к правительству. Но виновны ли в этом только Церетели и Скобелев, занявшие второстепенные посты в правительстве и постоянно согласовывавшие свои действия с ОК партии меньшевиков? Или же, учитывая особенности российского менталитета – веру во всемогущество государства с сильной личностью во главе, в стране тогда была невозможна демократическая альтернатива развития революции?

Меньшевики вошли в коалицию, когда Временное правительство серией своих декретов заявило о создании в России демократической государственности. Поэтому, судя по результатам голосования на меньшевистской конференции, более ранний приезд Мартова вряд ли изменил бы мнение делегатов. Другое дело, что коалиционное правительство своей выжидательной тактикой и нерешительностью привело к быстрому разочарованию в “демократии”, что намерение провести радикальные реформы остались в основном

на бумаге. Промедление было во всем: в отсрочках выборов в Учредительное собрание, развитии местного самоуправления, создании культурно-национальных центров, решении жгучих вопросов о мире и земле. Медлительность властей, нежелание или невозможность проведения радикальных преобразований обернулись обреченностью демократической альтернативы в 1917 г. в России. Ведь говорил же язвительно Ленин, обращаясь в марте 1920 г. к меньшевикам и эсерам: “Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему вы этого не сделали? Потому, что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием.”²⁵ Программы меньшевиков и эсеров не были ни пустыми, ни вздорными, но они не были выполнены в силу различных обстоятельств.

Что касается замечаний П.Ю.Савельева и С.В.Тютюкина, то весной 1917 г. ни Мартов, ни делегаты съезда не верили в близость мировой революции, но Мартов был убежден в необходимости интернационального единства пролетариата, что не исключало для него, как, впрочем и для Ленина, возможность победы революции в одной, отдельно взятой стране. Тем более, что в России самодержавие было свергнуто и революция стала историческим фактом. Призывы к миру у Мартова не носили “утопического и пацифистского” характера. Достаточно для этого сравнить резолюцию о войне, принятую 9 мая 1917 г. на меньшевистской конференции с декларацией меньшевиков-интернационалистов (вторая половина мая 1917 г.), отразившей точку зрения Мартова. В них разоблачался империалистический характер войны и ставилось задачей достижение мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов. Под влиянием Мартова в резолюцию конференции было вписано предложение о готовности пролетариата продолжать классовую борьбу. Но тут же была сделана оговорка о том, что пока идет война “вся революционная демократия обязана всемерно содействовать укреплению боеспособности армии для всесторонней защиты страны от угрожающих ей внешних

опасностей”. В декларации подверглась критике позиция меньшевиков, поддержавших Временное правительство, которая привела к “шатаниям... между борьбой за мир и “войной до победы”. Мартов и его единомышленники были убеждены в том, что развитие революции в России зависит от быстрого окончания войны, что раскол социал-демократии вызвал дробление среди рабочих, часть которых стала искать “выхода из хозяйственного кризиса и ужасов войны в единоспасающем чуде захвата власти и немедленной социализации”. На этой же почве, как считали интернационалисты во главе с Мартовым, произрастали “утопические идеи немедленного превращения буржуазно-демократической революции в социалистическую”, “вера в спасительность бунтарски-захватных методов толкания вперед революции”.²⁶ Весьма трудно в этих выводах обнаружить “утопические пацифистские идеи”.

Нуждается, на наш взгляд, в уточнении и замечание П.Ю.Савельева и С.В.Тютюкина о том, что делегаты меньшевистской конференции “явно не симпатизировали” Мартову. Ведь Мартов был избран одним из почетных председателей конференции и стал членом ряда ее рабочих органов. Газетная информация в “Новой жизни” (1917.13 мая) не отражала мнения большинства делегатов.²⁷ Несколько провинциалов недовольных Мартовым – явно недостаточный аргумент для сделанного авторами замечания.

Мартов писал Кристи 17 (30) июня 1917 г., что последний месяц был для него “поистине ужасным”, что он был очень занят работой в Исполкоме Петросовета и его международного отдела, что “даже для писания остается мало времени”. Он сообщал, что занимает “в революционном лагере особо привилегированное положение: от меня те и другие выслушивают такие истины, какие от других, благодаря раздражению страстей, и слушать не стали бы”. Мартов писал о выпуске первого номера “Летучего листка меньшевиков-интернационалистов” и о том, что ленинцы его не атакуют, а Троцкий на I Всероссийском съезде Советов, после его выступления против Церетели и Скобелева воскликнул: “Да

здравствует революционный социал-демократ Мартов!” У Мартова была такая интуиция, которая, как правило, была и провидческой. Вот и в этом письме он предсказывал: “Над всем тяготеет ощущение чрезвычайной “временности” всего, что совершается. Такое у всех чувство, что-то новое будет в России: то ли поворот крутой назад, то ли красный террор каких-нибудь полков, считающих себя большевистскими, но на деле настроенных просто пугачевски. Последние две недели каждый день полон слухов о бунтах в отдельных полках, о готовящихся “выступлениях” и пр. А пока незаметно и неуловимо организуется какая-то контрреволюция, которая умело собирает силы”.²⁸

В мае 1917 г. главным для Мартова было сохранение и развитие интернационалистской позиции меньшевизма. Открытое несогласие с рядом принципиальных решений меньшевистской конференции позволили ему остаться самим собой и начать организацию единомышленников.²⁹ Позиция Мартова была тогда скорее ортодоксально-марксистской, нежели центристской. Он исходил из марксистских установок, решений партийных съездов и международных социалистических конференций, с которыми был солидарен, учитывал опыт европейских и российской 1905 г. революций. Мартов полагал, что результатами буржуазной революции воспользуется, прежде всего, буржуазия. Рабочие должны организоваться и с помощью социал-демократии оказать на буржуазию давление. Мартов был против ускорения и радикализации революционного процесса, путчей и социальных экспериментов. Он был за всеобщий демократический мир, агитационно-пропагандистскую работу среди рабочих, постепенное превращение социал-демократии в правящую партию. Мартов не был ни революционным оптимистом, ни пессимистом, он верил в планомерную преобразовательную работу. У него было немного сторонников, но их позиция оказалась достаточно весомой для того, чтобы меньшевиков-интернационалистов пытались привлечь на свою сторону как Чхеидзе и Церетели, так и Ленин и Троцкий.³⁰

Первый Всероссийский съезд Советов (3-24 июня 1917 г.)

собрал 1090 делегатов. О партийной принадлежности заявили 777, из них делегаты разделились так: эсеры – 285, меньшевики – 248, большевики – 105, интернационалисты – 32, внефракционные социалисты – 73, объединенные социал-демократы – 10, бундовцы – 10, группа Плеханова “Единство” – 3, народные социалисты – 3, трудовики – 5, “стоящие на платформе социал-демократов и эсеров” – 2, анархист – 1.³¹ Несмотря на небольшую численность, меньшевики-интернационалисты 23 июня 1917 г. создали при Петроградском Совете отдельную фракцию.³²

Повестка дня съезда предусматривала обсуждение таких животрепещущих вопросов, как оборона страны и борьба за мир, революционная демократия и правительственная власть, подготовка к выборам в Учредительное собрание, аграрные, продовольственные, национальные, финансовые и иные проблемы. На съезде с изложением своих взглядов выступили А.Ф.Керенский, В.И.Ленин, Г.В.Плеханов, М.И.Либбер, Ф.И.Дан, И.Г.Церетели, М.И.Скобелев, В.М.Чернов, Н.Д.Авксентьев, Л.Б.Каменев и другие. Протокольные газетные записи той поры зафиксировали и несколько выступлений Мартова.

Основными вопросами стали отношение революционной демократии к правительству и к войне. Большевистская резолюция характеризовала Временное правительство как империалистическое и требовала передачи власти в стране Советам. Объединенные социал-демократы рекомендовали заменить Временное правительство временным революционным парламентом. Защитники коалиционного правительства утверждали, что переход власти к Советам означал бы крушение революции. Поэтому предлагалось одобрить создание коалиции и выразить доверие министрам-социалистам. Они согласились ускорить созыв Учредительного собрания, избрать на съезде ВЦИК, перед которым министры-социалисты готовы нести ответственность за проводимую Временным правительством политику.

Мартов резко критиковал Временное правительство за отсутствие жизненно необходимых реформ. Он повторил

свое утверждение о том, что не нужно было социалистам входить в коалиционное правительство. Вместе с тем, Мартов был против перехода власти в руки Советов, чего требовали большевики и в какой-то мере Луначарский от имени объединенных социал-демократов. В конце июня на страницах второго номера "Летучего листка меньшевиков-интернационалистов" Мартов разъяснял, почему, по его мнению, невозможен переход власти в руки Советов. Он считал, что на политической арене России после марта 1917 г. появилась "громадная рать крестьянско-солдатской демократии", чье классовое сознание "сильно отстает от роста ее организованности". Мартов был против передачи власти Советам, потому что демократия льнет к компромиссу с буржуазным либерализмом; и вместо революционного давления на буржуазию ее поддерживает. Он считал, что Советы еще не созрели для взятия власти и тем более для ее удержания. "Ни к чему другому, как к реакции в пользу империалистических элементов буржуазии – быть может, после кратковременного эпизода "диктатуры пролетариата" – такое положение не привело бы", – заключал Мартов. Вместе с тем, он не исключал, что переход власти "в руки мелкобуржуазной демократии станет в процессе развития революции, рано или поздно, политической необходимостью". Мартов предлагал сосредоточиться на завоевании Советами политической независимости, роли организованного авангарда демократической революции.³³ Но дальнейшее развитие событий, прежде всего июльский кризис, заставило Мартова внести существенные коррективы в его прогнозы.

З.Галили заметила, что на I Всероссийском съезде Советов министры-социалисты выступали скорее в роли членов правительства, а не лидеров партии и уже поэтому шансов на создание единой социал-демократической партии не было. Меньшевикам, сторонникам коалиции, легче было объединиться с эсерами, чем с большевиками, призывавшими к передаче власти Советам, или с меньшевиками-интернационалистами, выступавшими за выход социалистов из кабинета. Не случайна была и разногласица среди меньшевиков в свя-

зи с планом большевиков провести массовую демонстрацию против Временного правительства 10 июня 1917 г. Церетели тогда призвал исключить большевиков из Совета; Дан обвинил большевиков в “авантюризме”, способном разрушить “семью революционной демократии”; Мартов не сомневался в том, что “авантюристов нужно морально изолировать”, и утверждал, что радикализация рабочих явилась результатом политики коалиционного правительства в целом и министров-социалистов в частности. Предложение Мартова не передавать власть Советам, а добиваться того, чтобы они сыграли роль организованного авангарда демократической революции, З.Галили назвала абстрактным, а П.Ю.Савельев и С.В.Тютюкин – неконкретным.³⁴ Однако выступления Мартова на I Всероссийском съезде Советов позволяют представить, о каком правительстве в то время мечтал Мартов.

По его мнению, правительство должно было представлять не сильную власть, которая “все рассудит”, а организованную силу демократии. При продолжении революции, считал он, - “порядок сверху наладить еще нельзя”. “Нам нужно правительство, – говорил Мартов, – которое представляло бы средние демократические элементы России, оставляя нас независимыми от него. Надо было в свое время твердо отказаться от власти, вместо того, чтобы нетвердо на нее согласиться”. Кредо Мартова – демократическое правительство. Он говорил Керенскому: “Марксистом можешь ты не быть, но демократом быть обязан”. Французская революция, подчеркивал Мартов, “умерла не от Бонапарта, а потому, что она не сделала всего, что нужно для свободного развития демократических принципов”. Мартов считал, что демократическое правительство не должно иметь “неограниченных полномочий”, держать в одних руках “оружие революционной борьбы и оружие полицейской расправы”, что оно не вправе бороться с инакомыслием. Мартов решительно осудил приказ правительства о наступлении русской армии 18 июня, назвав его позором российской демократии. “Мы не можем, – подчеркивал Мартов, – упиваться тем декадентским восторгом, о котором было сказано в данный мо-

мент. Социализм этой беспощадной смерти не понимает и перед этим восторгом смерти не капитулирует”.³⁵

Из выступлений Мартова на съезде следовало, что он был за вполне конкретное легитимное демократическое правительство в России. Именно так понял его и Н.Н.Суханов, сторонник Мартова и делегат съезда. “Что же должно быть после вместо коалиции? Я решал этот вопрос совершенно определенно: должна быть диктатура демократии, рабочих и крестьян, против буржуазии”, – писал Суханов. Но когда он хотел выступить с этим предложением, Мартов возразил. Мартов полагал, что съезд Советов должен “управлять творчеством русской революции”.³⁶ Противоречий в высказываниях Мартова не было: он был за демократическое (позже однородное социалистическое) правительство, но полагал, что в июньской России 1917 г. время для него еще не пришло.

9 июня на съезде началось обсуждение вопроса об отношении к войне. Принятая делегатами резолюция предлагала всем воюющим странам мир без аннексий и контрибуций, с оговоркой, что “пока войне международными усилиями демократии не положен конец, русская революционная демократия обязана всемерно содействовать усилению боевой мощи нашей армии,.. ибо крушение русского фронта было бы поражением русской революции и тяжким ударом делу всей международной демократии”. Мартов критиковал лидеров “оборонцев” за неуверенную политику лавирования (нельзя рассчитывать на пробуждение масс и одновременно на одобрение союзников). Он считал, что если союзники не согласятся на мир без аннексий, то следует с ними порвать и это будет уже не сепаратный мир, а революционный выход из войны. Мартов был и против ленинского перекраивания карты мира на основе принципа самоопределения народов. Резолюция, предложенная съезду меньшевиками-интернационалистами, напрямую увязывала успешное развитие революции в России с прекращением войны. Потому они требовали от правительства начать немедленные переговоры о мире.³⁷ На съезде Мартов был избран членом

ВЦИК, а затем и членом его бюро. Его избрали также гласным Петроградской городской думы. Однако антиправительственная демонстрация 18 июня в Петрограде, а затем вспышка гражданской войны 3-4 июля, резко изменили мнение Мартова о происходящем.

Начало июля ознаменовалось правительственным кризисом и обострением разногласий среди социалистов. 2 июля ЦК кадетской партии решил отозвать четырех своих министров из состава правительства в знак протеста против предоставления ограниченной автономии Украине, с которой согласились министры-социалисты, и которая, по мнению кадетов, разрушала целостность российского государства. Вначале министры-социалисты восприняли уход кадетов из правительства как рядовую отставку и даже приняли решение кооптировать вместо них “тех представителей буржуазной демократии, которые не выскажутся против проведения радикальных демократических реформ”.³⁸ Но начавшиеся демонстрации рабочих и солдат в Петрограде резко обострили ситуацию. Кризис в “верхах” перерос в общий кризис с весьма резкой постановкой вопроса о власти.

Советские историки исходили из ленинского положения о том, что большевики пытались в начале июля 1917 г. предотвратить или направить в мирное русло антиправительственное выступление рабочих и солдат Петрограда. Большевики приняли в нем участие, полагая невозможным для революционной партии в такой момент уклониться от ответственности и не быть вместе с народом. Историки, использовавшие в своих работах более широкий круг источников и не связанные советской доктринальной идеологией, делали иные выводы. А.Рабинович указал на стихийность возникших тогда в Петрограде демонстраций протеста и на то, как часть большевиков старалась использовать их для захвата власти, а чуть позже “большевики были вынуждены взять на себя неизбежную и незавидную задачу как-то объяснить свою роль в неудачном восстании, защититься от обвинений в измене и вообще обезопасить себя от неминуемых ударов реакции”.³⁹

Реакция Мартова на отставку кадетов и начавшиеся выступления петроградцев была, по свидетельству Н.Н.Суханова, неожиданно быстрой и категоричной. Уже 3 июля Мартов признал необходимым “немедленное создание чисто демократического правительства из одних “советских” партий”.⁴⁰

Перед руководителями ВЦИК и Петроградского Совета тогда встала проблема: либо объявить Советы высшей властью и создать социалистическое правительство, либо предложить новую коалицию. Они остановились на последнем варианте. На объединенном заседании ВЦИК 4 июля 1917 г. Мартов говорил: “История требует, чтобы мы взяли власть в свои руки”. Он утверждал, что “революционная демократия нас поддержит”, несмотря на малосознательность масс и пассивность большинства. Особенность позиции Мартова состояла в том, что он был против как новой коалиции, так и перехода всей власти к Советам, так как они, по его мнению, не смогли бы в короткий срок завершить социалистические преобразования. Мартов был за демократическое правительство, созданное под руководством Совета (в него могли войти и демократы несоциалисты). Это правительство должно было бы осуществить ряд демократических преобразований (перемирие на фронте и демократизация армии; борьба с контрреволюцией, включая чистку правительственных учреждений; подготовка аграрной реформы вплоть до конфискации и раздела крупных земельных владений при условии одобрения этих мер будущим Учредительным собранием). Мартов предлагал и конкретные меры по стабилизации экономики страны: налоговую реформу, введение централизованного планирования и регулирования производства, конфискацию предприятий, закрываемых их владельцами.⁴¹

Мартов предлагал программу действий демократического правительства, как альтернативу коалиции. На заседании ВЦИК его поддержали К.С.Гриневич, Ю.М.Стеклов и Н.Н.Суханов. Против выступили Ф.И.Дан и И.Г.Церетели. Дан говорил о невозможности прекратить войну, а Церете-

ли подчеркивал: “Если бы мы, советское большинство, взяли всю власть в наши руки, то разве бы вы все, от Мартова до Ленина, не потребовали от нас действий, ведущих, по нашему мнению, к сепаратной войне, или разве не выдвинули бы вы нам вашего лозунга: “Не в наступление, а в перемирие”. Но ведь мы этой политики не примем”. Предложенный Мартовым проект резолюции меньшевиков-интернационалистов на заседании ВЦИК был отклонен. В нем были положения о том, что мелкобуржуазная демократия попала в плен к собственной патриотически-оборонческой идеологии, а пролетариат “растворился в революционной демократии” и потому непоследовательно проводит классовую политику, что привело к торжеству идеи “революционного оборончества”. Резолюция предлагала революционной демократии взять власть и решить программные задачи, предложенные Мартовым. Однако большинством голосов (Мартов набрал 40 из более чем 300 голосов) была принята резолюция, предложенная А.Р.Гюцем от имени эсеров и меньшевиков-оборонцев, согласно которой кабинет с оставшимися министрами объявлялся законной властью, а дискуссия о политическом курсе и новом составе правительства откладывалась на две недели до пленарного заседания ВЦИК.⁴²

8 июля 1917 г. Мартов писал Кристи “о безумных днях 3-4 июля” и о своих плохих предчувствиях, когда “ничто как-то не радует: ни удачно сказанная речь, ни вовремя помещенная статья, ни какая-нибудь победа на собрании. Пожалуй, за все 3 года никогда так не чувствовалось, как теперь и здесь, это свинцовое небо, нависшее над человеком.” Он сообщал, что ему пришлось взять на себя работу по защите “чести и доброго имени многих противников, которых одни забросали грязью, а другие выдавали на растерзание из-за политиканства трусливого, из доктринерства или из фракционной мести”. Мартов просил писать ему “особенно сейчас, когда чувствуешь какое-то ужасное одиночество в этой громадной, в хаосе бурлящей стране”.⁴³

Н.Н.Суханов в дневниковых записях отметил день 5 июля 1917 г., когда многие петроградские газеты вышли с

материалами о “предательстве Ленина”. Он писал в тот день о тревожной обстановке в столице в связи с вызовом с фронта войск, об арестах большевиков, о том, как меньшевики-интернационалисты слушали выступление Мартова, полагавшего, что революция пошла на убыль и началось наступление контрреволюции. Суханов вспоминал, как Мартов предостерегал против публичных нападок на большевиков и выражений солидарности с правительством. В те дни Мартов требовал не допускать войска в Петроград.⁴⁴ Характерно, что в происходящем уже 5 июля и Ленин, и Мартов увидели контрреволюционный поворот в развитии событий. Первый на себе ощутил аресты коллег, закрытие большевистских газет, уход в подполье. Мартову же это не грозило, наоборот, он спешно готовил к выпуску газету “Искра”. Но он увидел в арестах и нападках на большевиков произвол, нарушение демократических принципов и поднял свой голос в их защиту.

8 июля министром-председателем стал А.Ф.Керенский, за ним остался и пост военного и морского министра. Церетели возглавил министерство внутренних дел, одновременно продолжая быть министром почт и телеграфов. Скобелев остался министром труда. О кадровых перестановках в правительстве Церетели сообщил на объединенном заседании ВЦИК 9 июля. Суханов писал, что Мартов “ни разу с момента революции... не был так удручен, как сегодня”. В Петрограде шли аресты, разоружение рабочих. Меньшевики-интернационалисты протестовали против полицейских мер правительства. На заседании ВЦИК Мартов потребовал прекращения преследований вождей большевиков. Ответ Церетели в пересказе Суханова выглядел так: министр заявил, что он, “предпочитает иметь дело с Лениным, но не с Мартовым. С первым он знает, как надо обращаться, а второй связывает ему руки... Репрессии... вызваны государственной необходимостью... “Безответственным группам” надлежит помалкивать”. Мартов заявил на этом заседании, что меньшевики-интернационалисты воздерживаются от голосования, так как не имеют гарантий, что власть будет ис-

пользована прежде всего для борьбы с контрреволюцией. В оглашенной им тогда же декларации подчеркивалась необходимость усилий для противостояния контрреволюции.⁴⁵

Мартов был за единство сторонников Советов, к которым он относил и большевиков. Однако для сторонников коалиционного правительства большевики с их попытками захватить власть представляли главную опасность. Потому Дан 9 июля предложил признать Временное правительство “Комитетом общественного спасения”, иначе власть возьмут те, кто подавит революцию. Церетели ратовал за сильную революционную власть. Для Мартова главными контрреволюционерами были не большевики, а черносотенцы, сторонники войны и диктатуры. Он видел в большевиках серьезную политическую силу, а в Ленине – руководителя партии, а не заурядного “платного германского агента”. Разность позиций проявилась и в выступлениях на объединенном заседании ВЦИК 13 июля. Дан потребовал гласного суда над большевиками, обвиненными в организации мятежа 3-4 июля и в получении денег из немецких источников. Мартов заявил, что преследование большевиков вызвано “давлением контрреволюционной улицы и прессы”, и усмотрел в исключении большевиков из рядов демократии отказ от рабочих, которые идут за большевиками. Тогда же Мартов решительно протестовал против смертной казни, введенной постановлением Временного правительства 12 июля для восстановления порядка и дисциплины в армии.⁴⁶

Дискуссии между интернационалистами и “оборонцами” на Петроградской конференции меньшевиков 15-16 июля 1917 г. показали всю глубину расхождений в оценке характера июльского кризиса. Основными докладчиками были Мартов и Дан. Оба говорили о кризисе власти. По Мартову, налицо был кризис революции и правительства, вызванный тем, что “политика мира и коренной демократизации страны, отстаиваемые революционной демократией, столкнулись с интересами различных слоев имущих классов и союзнического империализма”. Отсутствие радикальных экономических и финансовых реформ, компромисс социалистов

с антидемократическими силами (коалиционное правительство) и привели, по мнению Мартова, к стихийному бунту 3-5 июля.

Мартов по-прежнему осуждал идею и практику коалиции и считал, что “образование правительства на основе “гражданского мира” между классами... является по существу контрреволюционным”. Дан винил в кризисе не правительство коалиции, а “стихийные вспышки бунтарства... на почве финансово-экономической разрухи и затянувшейся войны”, тот “низкий уровень политического сознания широких кругов рабочей и солдатской массы, который проявился в событиях последнего времени внутри страны и на фронте”. Поэтому “социал-демократия должна все силы напрячь для развития организации и сознания как рабочего класса, так и солдатской и крестьянской масс”.⁴⁷

Таким образом, единства среди меньшевиков не было. В воздухе витал раскол, который страшил всех. Собрание меньшевиков-интернационалистов тогда же заявило, что раскол в меньшевистских рядах может создать лишь “ничтожные секты”, а потому “всякая агитация за раскол является преступной и безответственной”. Чуть позже они согласились, что вопрос о расколе будет решаться на ближайшем партийном съезде.⁴⁸

16-24 июля 1917 г. состоялся объединенный пленум ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, где главным продолжал оставаться вопрос о кризисе власти. Меньшевики-интернационалисты заявили, что не хотят раскола, но их расхождения с меньшевиками-оборонцами продолжали углубляться. Мартов был бескомпромиссен в защите демократических принципов, всякое их нарушение для него было равносильно контрреволюции. 17 июля, выступая на пленуме ВЦИК, он протестовал против незаконного (без суда) закрытия большевистских газет и предлагал революционной демократии взять власть, если она не хочет потерять “свой голос в решении дальнейшей судьбы” революции. Он обосновывал такое решение стремлением правительства по-

ставить Советы “на запятки власти”. Церетели в ответ защищал действия правительства и говорил, что события “3-5 июля послужили... суровым уроком и положили грань между двумя периодами революции”: “розовой мечтательной юностью и необходимостью жесткой борьбы с контрреволюцией и анархией.”⁴⁹

Газетные публикации той поры и воспоминания, прежде всего, А.Ф.Керенского, Н.Н.Суханова и И.Г.Церетели, свидетельствуют об ожесточенной борьбе за власть после июльского кризиса, слабости разобщенных демократических сил и организационной сплоченности тех, кто рвался к диктатуре. Советские историки акцентировали внимание на июльских репрессиях против большевиков и “предательстве соглашателей”. В постсоветское время они больше стали писать о кризисе стратегии меньшевиков-оборонцев и о формировании программы новой коалиции. З.Галили и А.П.Ненароков подробно рассказали, как Керенский создавал новое коалиционное правительство, начав сложные партийные “игры” за министерские посты. Условия, предъявленные представителями кадетов и буржуазных организаций Керенскому, заключались в ограничении влияния Советов на деятельность правительства и на министров-социалистов. Более того, они настояли на отставке В.М.Чернова. Керенский пытался сопротивляться, отмечая, что правительство ответственно за все представляемые им программы. В результате возник новый правительственный кризис. 21 июля Церетели и Дан на заседании ВЦИК заявили о необходимости начать переговоры со всеми крупными партиями, за исключением большевиков и октябристов. Мартов выступал против отставки Чернова и против игнорирования большевиков. Он считал, что вопрос о взаимоотношениях между правительством и демократией нельзя затушевывать, и полагал, что правительство может существовать только опираясь на революционные силы - армию и пролетариат. Мартов был единственным, кто публично протестовал против предоставления Керенскому права единоличного определения состава кабинета. Он был несогласен с мнением

представителей несоциалистических партий о том, что Советы не являются больше хранителями демократических традиций революции.⁵⁰

Новое коалиционное правительство под председательством Керенского было окончательно сформировано к 25 июля.⁵¹ Ситуацию с властью в стране и перспективы революции лидеры разных партий и течений оценивали по-разному. Троцкий вспоминал, что 5 июля виделся с Лениным. “Наступление масс было уже отбито. “Теперь они нас перестреляют, – говорил Ленин. – Самый для них подходящий момент”. Но Ленин переоценил противника – не его злобу, а его решимость и способность к действию”.⁵² Обыск на квартире Ленина был произведен 7-го, а Троцкий арестован 23 июля. На основе различных показаний следственная комиссия Петроградской прокуратуры, рассмотрев дело “о вооруженном выступлении 3-5 июля 1917 г. против государственной власти”, пришла к выводу о том, что это восстание было спровоцировано большевистским руководством, действовавшим в целях подрыва военных усилий России и в интересах Германии и ее союзников.⁵³

Известно, что после июльских событий Ленин резко изменил политический курс большевистской партии: от парламентской борьбы с меньшевиками и эсерами за влияние на Советы к подготовке вооруженного восстания. Ленин считал, что “данные Советы провалились, потерпели полный крах”, что “Советы теперь бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контрреволюцией”. По Ленину, двоевластие в стране кончилось, а власть Временного правительства есть “начало бонапартизма”, “ширма для прикрытия контрреволюционных кадетов и военной клики”. Поэтому Ленин предлагал: “...Никаких конституционных и республиканских иллюзий, никаких иллюзий мирного пути больше... только ясное осознание положения, выдержка, стойкость рабочего авангарда, подготовка сил к вооруженному восстанию... Цель вооруженного восстания может быть лишь переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, для осуществления

программы нашей партии”. Теперь он утвердился в оценке ситуации в России: “Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих”.⁵⁴

Ленин как лидер партии, потерпевшей поражение в начале июля, как политик, обвиненный в “государственной измене”, вынужден был резко изменить курс и избрать наиболее радикальную тактику в борьбе за власть – вооруженное восстание. Советы, где по-прежнему большинство принадлежало меньшевикам и эсерам, были ему не нужны. Он назвал их предательскими и прежний лозунг большевиков о передаче власти Советам был снят.⁵⁵

Июльские дни стали победоносными для меньшевистского руководства. Их основной противник и конкурент по руководству рабочим движением – большевики вынуждены были отойти на какое-то время в тень. В правительстве было большинство министров-социалистов, и у ВЦИК, казалось бы, не должно было быть беспокойства. Во главе правительства был демократически настроенный Керенский, обладавший большими полномочиями, но ничего не сделавший для ареста Ленина или делегатов VI большевистского съезда. Меньшевики во ВЦИК и Петроградском Совете не требовали передачи власти Советам. Они видели в кадетях либеральную, а не буржуазную партию, союзника, вместе с которым свергли царизм, а теперь ведут “оборонительную” войну и при помощи которого пролетариат и РСДРП не будут в изоляции. Стремление кадетов к победоносному окончанию войны, а меньшевиков-оборонцев к миру “без аннексий и контрибуций” не вызывали у Чхеидзе, Церетели и Дана больших сомнений в правильности проводимого ими политического курса на коалицию с либеральными и буржуазными партиями, на отстаивание своих взглядов в рамках парламентской политической борьбы. С апреля по август 1917 г. численность меньшевиков увеличилась вдвое (до 200 тыс. членов). Правда, Ю.П.Денике предупреждал, что количественным ростом партии меньшевиков нельзя обманываться, так как “большинство новых членов примыкало к

меньшевикам не потому, что они разделяли меньшевистскую идеологию, о которой очень многие не имели никакого понятия, а потому что считали правильной политику меньшевиков в данный момент. Наблюдалось и просто тяготение к правительственной партии... с надеждой лучше “устроиться”. Численный рост партии не дал значительного увеличения числа активных работников”. Свои коррективы по этому вопросу внес и Н.Н.Суханов, когда писал, что в провинциальной России “отличить меньшевиков от меньшевик-интернационалистов местным деятелям не под силу. Дана легко отличали от Ленина, но не от Мартова. Мне это казалось довольно странным: я полагал, что, если не теоретически, то исторически, практически им было легче смешать Мартова с Лениным, чем с Даном... Но нет, видно, слово “меньшевик” в отличие от “большевика” здесь имело решающее значение. Слово знали довольно хорошо, а к углублению понятий были не подготовлены и не имели к этому интереса”.⁵⁶

На самом деле случилось так, что после июльских событий Мартов и возглавляемые им меньшевики-интернационалисты остались единственной политической фракцией, продолжавшей требовать перехода всей власти в руки демократии, осудившей правительство за преследования большевиков, за аресты Троцкого и Луначарского.⁵⁷ 23 июля на митинге в петроградском цирке “Модерн” Мартов призывал к поддержке Советов, потому что “не будет на Руси порядка, пока власть не будет в руках тех, кому доверяет демократия”.⁵⁸

Мартов видел в новом коалиционном правительстве “блок революции с элементами, связанными с контрреволюцией”. Он считал его создание “изменой собственному делу”, “недостойным водевильным эпилогом исторической драмы”. Мартов полагал, что если правительство дистанцируется от Советов, то и последние станут независимыми и самостоятельными в своих действиях. “Революционная власть сильна только тогда, если опирается на не расколотую массу. А у нас массу именно раскалывает коалиция”, – говорил Мартов.

Мартов был за единство партии, хотя часто своим особым мнением делал все для ее раскола. В приветствии VI съезду РСДРП(б) он выражал надежду на сотрудничество “отдельных интернационалистских течений”, но предупреждал, что никакими обстоятельствами нельзя допустить “подмены задачи завоевания власти большинством революционной демократии задачей завоевания власти в борьбе с этим большинством и против него”.⁵⁹ Ленин видел в Советах будущую власть, Мартов – по крайней мере ядро этой власти. Но первый был готов к вооруженному восстанию, а второй выступал только за мирное развитие революции и переход власти в руки демократии Советов парламентским путем. В этом было основное различие в методе действий обоих лидеров.⁶⁰

Антикоалиционная политика Мартова исходила из своеобразия российской революции и роли в ней Советов как органов демократической власти. По данным А.Рабиновича, изучавшего деятельность Советов в Петрограде в апреле-августе 1917 г., наблюдалось расхождение в политических взглядах членов районных Советов и их центральных органов. В то время, как ВЦИК склонялся к поддержке коалиционного правительства Керенского, большинство районных Советов поддерживало идею создания революционной советской власти. Рабинович заметил увеличение в тот период влияния в районных Советах и межрайонном совещании Советов меньшевиков-интернационалистов, антибольшевистские настроения, а также враждебное отношение к репрессивным мерам Временного правительства. На заседании межрайонного совещания 21 июля была принята декларация, предложенная Мартовым и призывавшая к объединению всех революционных элементов для участия в работе советского правительства. Перед таким правительством ставились задачи: бороться с контрреволюцией, осуществлять реформы в экономике и добиваться заключения мира.⁶¹ Мартов в своей политике апеллировал к столичным районным и провинциальным Советам. Он опирался на их мнение, когда говорил на заседании ВЦИК 4 августа, что в на-

стоящий момент переход власти в руки Советов невозможен без гражданской войны, но это не значит, что “дальше известной черты мы правительству идти” позволим. И Смольный институт не будет “знаменоваться собой того, что Советы из института государственной власти обращаются в институт благородных девиц”.⁶²

И. Гетцлер в последних главах своей книги назвал Мартова “Гамлетом демократического социализма”, подчеркивая его нерешительность как доминирующую черту характера. Основную ошибку Мартова Гетцлер видел в его отказе от создания собственной левой социалистической партии, которая помогла бы ему оказать большее влияние на ход революции в стране. Д. Шуб в рецензии на книгу Гетцлера соглашался с тем, что Мартов не мог быть лидером, но ставил вопрос: а мог ли тогда вообще кто-нибудь изменить результат революционного развития в России?⁶³ С этими утверждениями трудно согласиться. В истории, в том числе и российской, всегда были альтернативные варианты. Мартов был не Гамлетом, а лидером наиболее высоконравственной части социал-демократии, которая была полна искренней веры в социальную справедливость и ее достижение посредством классовой борьбы пролетариата. Потому Мартов яростно сопротивлялся предложениям своих коллег или большевиков, если они противоречили его представлениям о демократии. Д. Ю. Далин вспоминал, как он с группой меньшевиков предлагали Мартову занять хотя бы в своей партии крайне левые места. Мартов отказался, а затем объяснил, что “нечего пытаться переплюнуть большевиков по этой части. Конечно, они бланкисты, авантюристы, вспышкопускатели, демагоги; конечно, они не революционеры, в том смысле, как марксизм понимает это слово. Тем не менее, надо уступить им крайние левые места. Мы не пойдём с ними на такие акты, как братание на фронте, мы не будем вместе с ними свергать Временное правительство, хотя мы с последним и не согласны; мы не будем призывать армию расправиться с ее офицерами”.⁶⁴ Мартов вплоть до прихода большевиков к власти и не помышлял о создании собственной партии, ра-

туя за единство социал-демократического движения в России.

Эта принципиальная особенность Мартова проявилась в сложной обстановке августа 1917 г. Он выступил на заседании бюро ВЦИК 4 августа 1917 г. и предложил всем демократическим организациям воздержаться от участия в московском государственном совещании, созываемом Керенским для "объединения граждан России" в критический момент. Предложение Мартова не было поддержано, ВЦИК решил участвовать в совещании, дабы способствовать "сплочению всех живых сил России вокруг сильного революционного правительства".⁶⁵ Мартов обосновывал свою позицию тем, что в Москве затевается контрреволюционное дело. Он предлагал быть на этом совещании осторожными, так как там будет "сплошная стена контрреволюции военной и буржуазной". Его мрачные прогнозы оправдались, хотя, как он писал Кристи 25 августа, на совещании в Большом театре "сидел с закрытым ртом, ибо наше большинство (Совета) заранее постановило, что "оппозиция" не имеет права выступать самостоятельно (чтобы не испортить торжественности)".⁶⁶

Мартов не выступал на совещании, но принял активное участие в работе собраний меньшевиков, во встречах с москвичами. Он требовал от ВЦИК принять участие в международной рабочей конференции в Стокгольме и поддержал стремление П.Б.Аксельрода туда поехать. Он заявил, что Совет обязан, независимо от мнения правительства, бороться за мир и участвовать в конференциях, направленных к его достижению. Выступая на заседании ВЦИК 6 августа, Мартов подчеркивал, что, невзирая на заявления Временного правительства о верности союзникам в войне, главной остается борьба за мир. 13 августа, уже во-время работы московского совещания, он вновь предложил от имени меньшевиков-интернационалистов принять декларацию в поддержку Стокгольмской мирной конференции. Однако меньшевистское собрание отклонило это предложение Мартова, как и его требование об отмене смертной казни (35 голосами про-

тив 28). На собрании в Коммерческом институте в тот же день он показал, что правительство Керенского, с одной стороны, “старается сохранить связь с породившей его революцией”; с другой стороны - “оказывается менее демократическим по своей политике, чем предыдущее правительство”. Произошло же это потому, что демократические силы, на которые опиралось правительство, “часто намереваясь идти революционным путем, приходят, против своей воли, к контрреволюции”.

Главной силой контрреволюции в то время Мартов считал генералитет. “В штабах – материальная и политическая сила контрреволюции”, – утверждал он. По Мартову, боязнь демократии этой силы побуждает ее к ненужным уступкам: неудачным наступлениям на фронте, введению смертной казни, ослаблению самой демократии в результате ее соглашения с контрреволюцией. Потому, полагал Мартов, социал-демократия на московском совещании должна была “выпрямить линию вождей пролетариата”, бороться с оппортунизмом и анархизмом в рабочем движении; сплачивать расстроенные ряды демократии и “мобилизовать ее на решительный бой с цензовыми и милитаристскими элементами”.⁶⁷

Предвидение Мартова о том, что московское совещание не будет способствовать укреплению гражданского мира в России подтвердилось. На нем выявилось несколько позиций различных общественных сил. Генерал Л.Г.Корнилов (с 18 июля Верховный главнокомандующий российской армией) требовал создания “твердой власти”, “оздоровления армии и тыла”. Чхеидзе и Церетели хотели усилить роль демократических организаций, действующих в согласии с Временным правительством. Наверное, для этого Церетели на сцене Большого театра демонстративно пожал руку представителю промышленников и банкиров Бубликову. Керенский хотел быть “отцом России”, “главноуговаривающим” к всеобщему согласию. Результаты Государственного совещания по-разному оцениваются историками. По мнению Г.М.Каткова, оно завершилось провалом, т.к. оказалось неспособ-

ным создать какой-либо орган, представляющий всю страну, могущий стать опорой правительства. “Отныне, – писал Катков, – даже самая безобидная резолюция не могла быть поставлена на голосование без того, чтобы немедленно не выявлялась глубокая трещина, расколовшая русское общество”. В.Д.Поликарпов полагает, что Государственное совещание “принесло успех реакционным силам, руководимым кадетами: на нем политическая программа контрреволюции не только буржуазией, но и представителями “революционной демократии” была признана единственно приемлемой”.⁶⁸ Заметим, что такие представители революционной демократии, как Ленин и Мартов, были против программы Государственного совещания.

Биографы Мартова и историки, изучающие 1917 г. в России, неодинаково относятся к его деятельности со второй половины августа и до победы большевиков. И.Гетцлер полагал, что в то время авторитет Мартова рос и его точка зрения о создании “однородной социалистической власти” победила на Демократическом совещании, созванном ВЦИК 14 сентября 1917 г. П.Ю.Савельев и С.В.Тютюкин не склонны преувеличивать роли Мартова в тот период и его влияния на меньшевиков. Г.З.Иоффе в книге о России 1917 г. ограничился характеристикой трех, по его мнению, главных политических лидеров той поры: Ленина, Керенского и Корнилова, олицетворявших основные противоборствующие силы – левый радикализм, демократический центр и правых.⁶⁹ Все эти утверждения нуждаются в известной корректировке.

Угроза установления в стране военной диктатуры генерала Корнилова в конце августа 1917 г. объединила все демократические силы и позволила предотвратить эту авантюру бескровно.⁷⁰ Известно, что результатом “дела Корнилова” стал очередной кризис Временного правительства: 27 августа министры подали в отставку, власть перешла к группе из 5 министров под председательством Керенского. Казалось бы идея коалиционного правительства изжила себя, а концепция демократической власти вновь встала на повестку

дня. Быстрое и решительное избавление от опасности военной диктатуры, разумеется, создало иллюзию силы демократии.⁷¹

28 августа на заседании ВЦИК Мартов возражал против передачи власти директории Керенского и ратовал за проведение правительством демократической программы действий. Он поддержал предложение о созыве Демократического совещания. Большинство членов ВЦИК согласилось с утверждением Мартова, что “всякая директория родит контрреволюцию”, и приняло резолюцию с поручением Керенскому заполнить вакансии в правительстве только “демократическими элементами”. В тот же день Мартов вошел в состав созданного ВЦИК Комитета народной борьбы с контрреволюцией. По предложению Мартова собрание петроградских меньшевиков-интернационалистов приняло постановление, в котором отмечалось, что принцип коалиции изжил себя, что демократия должна получить власть и осуществить ближайшую программу: провозгласить демократическую республику, ускорить выборы в Учредительное собрание, передать землю крестьянам, активизировать борьбу за мир.

31 августа Мартов на заседании ВЦИК говорил, что новая коалиция была бы “политическим самоубийством” демократии, и призывал к диктатуре демократии. Он развивал эту тему в статье “Проблемы дня”, опубликованной в двух номерах газеты “Вперед” (1917. 10,17 сент.). По его мнению, Временное правительство представляло собой власть, основанную на “перманентном компромиссе между демократией и имущими классами, между демократией и военно-бюрократической кастой, между русской революцией и союзным империализмом”. Мартов предостерегал против “большевистско-максималистских иллюзий” установления диктатуры пролетариата, так как необходимо выяснить “пределы” классовой борьбы рабочих на данном этапе исторического развития. Только “диктатура всей демократии”, демократическое правительство, полагал он, сможет решить задачи, “с которыми бессильна справиться совокупность имущих классов”.⁷²

В обстановке демократического подъема, когда меньшевики и эсеры контролировали деятельность Советов, когда большевики начали вновь выходить на авансцену (Керенский амнистировал Троцкого и др.), когда Ленин проявлял готовность идти на компромисс с социалистическими партиями, премьер вынужден был лавировать, чтобы удержаться.⁷³ 1 сентября 1917 г. Керенский провозгласил Россию Республикой, а 2 сентября объявил состав Директории и принял предложение ВЦИК о созыве Демократического совещания. Мартов видел в этом победу революционной демократии, которой достаточно было, “чтобы те, кто до сих пор к нам обращался с ультиматумами, услышали наш ультиматум, как тотчас же получился осязаемый результат.”⁷⁴

На Демократическом совещании (14-20 сентября) присутствовали 1492 делегата, из них 532 эсера, 305 меньшевиков, 134 большевика, 55 народных социалистов, 17 “беспартийных” социалистов, 4 кадет. Керенский в воспоминаниях отмечал, что к этому времени усилилось влияние большевиков, левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов в Петроградском и Московском Советах. Мартов и его сторонники получили большинство в ЦК РСДРП. По Керенскому, “цель совещания была предельно проста... Совещание должно продемонстрировать, что монолитное единство и однородность, которые присущи лишь “революционно-демократическому” движению (т.е. социалистам) позволяют ему создать такое правительство, в котором нуждается революция”.⁷⁵

Но единства в рядах революционно-демократического движения как раз и не было. Одни (Н.Авксентьев, И.Церетели, Н.Чхеидзе и др.) по-прежнему были за коалиционное правительство, чтобы сохранить “буржуазно-демократический организм”. (Их поддержали представители органов местного самоуправления и кооперативов). Другие, в частности Б.О.Богданов, полагали, что коалиция возможна лишь с теми представителями цензовых элементов, которые открыто выступили против “корниловщины”. Третьи (Ю.Мартов, М.Спиридонова, В.Чернов и др.) были за создание вла-

сти на основе соглашения всех демократических сил. Мартов считал, что правительственная коалиция обрекала власть на бездействие и отрыв от масс, а потому от соглашения с буржуазией нужно отказаться и “приложить свои силы к делу создания истинно революционной власти, способной разрешить неотложные задачи революции и ответственной до Учредительного собрания перед полномочным представительством трудящихся народных масс”. Мартов подчеркивал, что таким представительством являются Советы, которые могут выполнить свою роль в контакте с другими демократическими организациями: кооперативами, профсоюзами, органами местного самоуправления и др. Он предупредил, что лозунг “Вся власть демократии!” не должен пониматься как “Вся власть Советам!”, а “диктатура всей демократии, возглавляемой политическими Советами”, не может подменяться “диктатурой самих Советов над остальной, вне Советов стоящей или вокруг других учреждений организованной демократии”, “иначе нам грозит переход революционного движения из болота оппортунизма в трясину анархизма”.

Большевики (Л.Каменев, Л.Троцкий) также призывали к созданию однородного демократического правительства. Голосование 19 сентября показало, что большинство (766 против 688) за коалицию с “цензовыми элементами”. Тогда стали голосоваться поправки: первая – из коалиции исключаются кадеты, причастные к “корниловщине”, вторая (ее предложил Мартов) – в коалиции не должно быть кадетов. Обе поправки были отвергнуты. 20 сентября руководство совещания и социалистических партий приняли предложение Мартова о создании “однородной социалистической власти”. И тут же принимается решение о выделении из состава Демократического совещания Предпарламента – Временного Совета Российской Республики (Мартов вошел в его состав). Вскоре выяснилось, что Предпарламент лишь содействует формированию правительства, т.е. является совещательным органом и его следует пополнить представителями буржуазии и кадетов. Так, 25 сентября было создано

третье коалиционное Временное правительство, в которое, наряду с 10 министрами-социалистами, вошли и 6 министров-капиталистов, в том числе и кадеты.⁷⁶ Демократическое совещание не стало “звездным часом” ни демократов, ни Мартова, совещание свидетельствовало об их бессилии что-либо изменить.

Г.З.Иоффе обозначил 1917 год в России именами Ленина, Керенского и Корнилова, хотя политический спектр лидеров и функционировавших тогда более сотни политических партий, был значительно шире. Альтернативное развитие российского общества в то время предусматривало два основных пути: демократический и тоталитарный (диктаторский). В этом смысле Ленин и Корнилов были за различные разновидности тоталитарного, а Керенский и Мартов – за варианты демократического пути развития страны. После быстрого и бескровного пресечения попытки Корнилова установить военную диктатуру демократические силы вновь разобщились и не смогли в октябре столь же дружно, как в августе Корнилову, противостоять установлению леворадикальной диктатуры большевиков в стране.

В сентябре 1917 г. Ленин признавал, что союз большевиков с эсерами и меньшевиками, переход власти в руки Советов сделал бы гражданскую войну в России невозможной.⁷⁷ Стремление к установлению власти только единомышленников заставило Ленина отказаться от этого союза и предпочесть ему гражданскую войну. Позже Ленин не раз подчеркивал, что колчаковщине помогли родиться на свет и ее поддержали меньшевики и эсеры. Нужно, наверное, признать и другое: раскол в социалистическом движении России вызвал появление не одной, а двух военных диктатур – генеральско-буржуазной и пролетарской (или действующего от имени последней большевистского руководства). Главной опорой диктатур становились насилие, террор и репрессии.

Мартов был одним из признанных лидеров демократического лагеря и стоял в оппозиции и к коалиционному Временному правительству, и к диктаторским устремлениям большевиков. В Учредительное собрание было избрано 715

депутатов, из них 370 эсеров, 175 большевиков, 40 левых эсеров, 16 меньшевиков, 86 представителей национальных партий и организаций, 17 кадетов, 2 энеса и др. Столь небольшое число избранных в основном в Закавказье меньшевиков свидетельствовало о падении авторитета этой партии в целом осенью 1917 г.⁷⁸ Сам Мартов членом Учредительного собрания избран не был.

Мартов оставался самим собой – и когда он последовательно выступал против введения смертной казни, и когда защищал необходимость единства социал-демократии на объединительном съезде РСДРП в августе 1917 г. В докладе на заседании Петроградского Совета 18 августа Мартов требовал отмены смертной казни, которая противоречит социалистической и христианской морали и “как мера устрашения масс, не достигает своей цели”. Он подчеркивал, что из всех завоеваний русской революции можно было гордиться отменой смертной казни в ходе войны. Мартов призывал голосовать так, чтобы “никто не упрекнул русских социалистов в принадлежности к ордену намыленной веревки”. Совет проголосовал за эсеровскую резолюцию, также призывавшую к отмене смертной казни. Мартов был последовательным борцом с насилием, а позже с красным террором, но полагал, что “революционер не может ставить все убийства на одну плоскость и иногда убийство может стать целесообразным”.⁷⁹

Объединительный съезд РСДРП(о) открылся 19 августа 1917 г.⁸⁰ По свидетельству Суханова, “объединение не получилось”. На съезде были представлены 272 организации, объединявшие более 250 тыс. меньшевиков различных фракций и направлений.⁸¹ Съезд смог лишь формально объединить делегатов, так как среди них были члены и сторонники правительства, ответственные за его действия, и оппозиция. Поэтому уже в самом начале работы съезда возникли непреодолимые разногласия. Часть делегатов, в том числе и Мартов, предложили поддержать резолюцию Петросовета об отмене смертной казни. Церетели выступил против, усмотрев в этом критику политики правительства, “в соста-

ве которого имеются социалисты, члены той партии, съезд которой здесь заседал”. Мартов сразу же возразил, заметив, что “есть вопросы, в которых не может быть фракционных делений, вопросы, к которым по самому существу этой партии – партии пролетариата, может быть только одно отношение”. Он предложил съезду без прений поддержать предложение Петроградского Совета об отмене смертной казни. Но большинством голосов (81- против, 65 – за, 12 – воздержались) съезд отклонил предложение Мартова. Позже, когда съезд приступил к выработке резолюции об отношении к смертной казни, Церетели заявил, что “он расходится с Мартовым настолько, что они не смогут согласовать мнения по этому вопросу”. В резолюции, принятой большинством делегатов, съезд настаивал, тем не менее, на “немедленной отмене смертной казни”. На изменении позиции делегатов, несомненно, повлияло выступление помощника комиссара Северного фронта о мужественном поведении войск в боях под Ригой, когда случаев бегства и предательства не было, а, следовательно, не было нужды и в применении смертной казни.⁸²

По главному вопросу повестки дня съезда “Политическое положение и задачи партии” выступили руководители всех фракций. Начал Церетели, признавший, что “вокруг нашей платформы не удалось организовать всех трудящихся”. Он защищал идею коалиционного правительства и считал задачей социал-демократии добиваться лучших условий для существования рабочих. Все его заявления носили достаточно выраженный декларативный характер.

Мартов был принципиален и конкретен: “Я буду говорить от имени той части меньшевиков, для которой слово “пролетариат” не есть только частность революционной демократии, для которой оценки политических явлений с точки зрения общедемократической и с точки зрения классово-пролетарской далеко не совпадают”. Мартов выдвинул в докладе важное теоретическое положение, согласно которому анализ движущих сил революции выглядел следующим образом. Буржуазия, вопреки большевистским утверждениям,

сыграла ведущую роль в свержении самодержавия. Это подтвердило правильность меньшевистской программы. Но после того, как буржуазия в ходе революции решила свои задачи, дальнейшие социальные преобразования утратили для нее интерес. Более того, проблемы создания демократической республики, аграрной, национальной и военной реформ угрожали затронуть классовые интересы буржуазии и вынудили ее занять консервативные позиции. Он подчеркивал, что “в задачах радикального переустройства, в рамках буржуазного строя, слои имущих классов одни за другими будут отпадать от революции, будут объективно становиться под знамя в лагерь контрреволюции”. На новой стадии революции, по Мартову, буржуазию сменила революционная демократия в ее непролетарской части, т.е. “мелкобуржуазная демократия, сплывающая в класс, идущая к классовому самосознанию”. Мартов отрицательно отнесся к участию социалистов в коалиционном правительстве, так как Советы тем самым лишались своей власти, а курс правительства вел к победе контрреволюции. Для него “та политика, которую вело большинство меньшевистской партии до сих пор... представлялась от начала и до конца политикой полного забвения и отрицания пролетарского марксизма, революционной стороны марксизма”.⁸³

Потресов, выступивший вслед за Мартовым, напомнил, что в результате коалиции меньшевики стали государственной партией и в заботе о государстве находится их “первейший классовый интерес”. Б.В.Авилов критиковал тактику большевиков и меньшевиков, полагая, что задачей съезда является сплочение под знаменем партии большинства революционной демократии, “иначе никакого создания революционной партии не получится”.⁸⁴

Мартов, учитывая разногласия в мнениях и небольшой временной регламент докладов, предложил более полно обсудить на съезде вопросы отношения к правительству, участия или неучастия во власти, о смертной казни. В результате докладчики получили еще по 15 минут для ведения полемики и уточнения своих точек зрения. Мартов возму-

тился: “Я не знаю примера из жизни европейских социал-демократий, где открылась бы дискуссия без того, чтобы доклады по главным принципиальным вопросам съезда не были дослушаны до конца”.

В повторных выступлениях Церетели и Потресов сошлись на признании важности укрепления государства. Мартов не согласился с ними и назвал представления о возможности объединения пролетариата и буржуазии во имя укрепления государства иллюзией, мелкобуржуазной фикцией. Мартов заметил, что когда Церетели пытается схватиться за блок власти, когда политику делает мелкая буржуазия и примыкающий к ней пролетариат, “объективно неревolutionный, и когда грозят ее сделать объективно сочувствующей контрреволюции”, – это опасно. Он отрицательно отнесся к идее Церетели сделать из социал-демократии костыль для такого “гигантского нуля”, каким являлась “крестьянская демократия”. Мартов сказал, обращаясь к съезду то, что стыдливо замалчивали другие ораторы: “Ни для кого не тайна, что и политически, и физически у нас не было самостоятельной политики меньшевистской партии. Решения ее игнорировались той частью социал-демократии, которая работала в центральных органах Советов рабочих и солдатских депутатов и фатально вынуждена была приспособляться к этой равнодействующей, в которой социал-демократия очень много делала как сила организующая и вносила мало своего марксистского социал-демократизма”. Мартов заявлял, что не представляет себе, как можно завершить съезд без решения задач социал-демократии. Он был убежден в том, что самостоятельной классовой политики у меньшевиков не может быть, пока будет существовать иллюзорная надежда на то, что страну и революцию можно спасти, “упрочив порядок”.

В розданных делегатам съезда тезисах доклада Мартова отмечалось, что на очереди стоит проблема завоевания власти революционными демократами, что для этого следует способствовать организации пролетариата в самостоятельную политическую силу, что всякое участие в составе Вре-

менного правительства социал-демократия считает несовместимым с принадлежностью к партии.

Прения по докладам руководителей фракций продолжались 20 и 21 августа, из 67 желающих выступили 20. Во многих выступлениях выражалось несогласие с отдельными тезисами Мартова, особенно об отношениях партии и власти. Большинство поддержали Церетели, оправдывая участие меньшевиков в работе правительства. Многие были эмоциональны. Не сдержал своих чувств и Мартов, остановившись в заключительном слове на позиции Церетели и Потресова. Он припомнил Потресову, что в 1914 г. "...он и его друзья были со стихией, которая шла с царскими портретами, с пением гимна", что ныне "пропасть между Потресовым и Церетели засыпана". Мартов предложил свой проект резолюции, но при голосовании проиграл Церетели (79 против 115). Не прошла резолюция Мартова и по вопросам "О войне и мире" (95 против 44). 25 августа Мартов был избран в состав ЦК РСДРП от "меньшинства съезда".⁸⁵

На съезде обсуждались аграрный и национальный вопросы, экономическое положение страны, избирательная платформа на выборах в Учредительное собрание. Особо стояли проблемы организации партии, формирования ее центральных органов, устава, согласно которому партия впредь должна была именоваться – Объединенной российской социал-демократической рабочей партией – РСДРП(о). Церетели был озабочен доверием съезда, Мартов – демократическими решениями. Когда Церетели предложил не допускать в ЦК представителей одной из фракций, Мартов тотчас назвал это "тактикой русских держиморд". Он был непреклонен: "Там, где дело идет о принципах, там кончается дисциплина, делайте ваше дело, исключайте нас из партии дурацким образом, мы остаемся на своих позициях". На съезде объединения Мартова с Церетели и Потресовым не произошло. В передовой статье "Партийных известий" отмечалось: "Съезд не привел к объединению, не прекратил дальнейшего дробления и распада соци-

ал-демократии... Объединительный съезд оставил после себя объединенную партию, но по существу не создал реального объединения партии”.

Мартов писал Кристи 25 августа о завершении съезда следующее: “Раскола не произошло, ибо мы оказались в очень сильном меньшинстве (приблизительно 70 против 110), но большая часть этого меньшинства и слышать не хочет о расколе, очевидно, нуждаясь еще в ряде уроков предметного обучения... Пришлось снова ограничиваться заявлением, что не будем связывать себя дисциплиной и будем открыто выступать, когда нужно, против большинства. Не прочь были нас за это исключить, но ряды большинства под конец дрогнули”.⁸⁶

Время показало, что более других победой демократов над Корниловым воспользовались большевики. Керенский и меньшевистско-эсеровское руководство ВЦИК не заметили, как быстро и эффективно на политическую авансцену вышли сторонники диктатуры пролетариата – большевики. Они стали захватывать большинство в Советах, отказались от участия в Демократическом совещании, а затем вышли из Предпарламента, причем Ленин назвал последний “учреждением для обмана масс”. Призывы Ленина и Троцкого к вооруженному захвату власти на фоне всеобщего кризиса, экономической нищеты и явного бессилия Временного правительства пользовались поддержкой улицы. Ленин шел к власти очень целеустремленно. В пересказе Церетели Мартов так говорил об этой черте ленинского характера: “Для Ленина такие явления, как война или мир, сами по себе никакого интереса не представляют. Единственная вещь, которая его интересует, это революция, и настоящей революцией он считает только ту, где власть будет захвачена большевиками. Я задаю себе вопрос, продолжал Мартов, что будет делать Ленин, если демократии удастся добиться заключения мира? Очень возможно, что в этом случае Ленин перестроит всю свою агитацию в массах и станет проповедовать им, что все беды послевоенной поры происходят от преступлений демократии, состоящих в том, что она преждевременно за-

кончила войну и не имела мужества довести ее до полного разгрома германского империализма”⁸⁷

Ленин не колебался. Его поддерживал в самых радикальных решениях Троцкий. Каменев же сомневался в исходе готовящегося вооруженного восстания. Луначарский писал жене в Швейцарию 25 октября 1917 г., что в Петрограде началась борьба за власть, что он с большевиками. Луначарский признавал: “Правда, есть еще один выход – чисто демократическая коалиция, т.е. фронт: Ленин – Мартов – Чернов – Дан – Верховский. Но для этого нужно со всех сторон столько доброй воли и политической мудрости, что это, по видимому, утопия”. Луначарский считал, что лучшим выходом явилась бы “демократическая власть без цензовых элементов”.⁸⁸ Но большевики ни с кем властью делиться не хотели. “Я не знаю, – говорил в те дни Мартов, – других способов творения власти, кроме двух: или жест гражданина, бросающего бюллетень в избирательную урну, или жест гражданина, заряжающего ружье...”

26 сентября вышел первый номер газеты “Искра”, второй появился 3 октября. Мартов получил свою трибуну, с которой пророчески высказался о “решающем значении для ближайших судеб всей революции” созываемого II съезда Советов.

Заседание “Временного совета Российской республики” (Предпарламента) открылось 7 октября в Мариинском дворце. 9 октября Мартов писал Кристи, что в Предпарламенте “интернационалистов 25 человек (треть всего числа меньшевиков) и они развили активную оппозиционную деятельность, тем более, что большевики из него вышли”. Мартов признавал, что “солидной силы” они не представляют, хотя “оборонцы” и большевики относятся к ним с уважением, что сам он достаточно популярен и его кандидатуру выставили в Учредительное собрание в Питере, Москве, Туле и одной из армий. “Но массы не склонны нас поддерживать и предпочитают от оборонцев переходить прямо к антиподу – большевикам, которые и “проще” и больше “дерзают”, словом по своей демагогичности более приемлемы для широ-

ких некультурных масс". Он писал о тяжелых условиях жизни (дороговизна, отсутствие необходимых продуктов питания, болезни горла), о том, что редко видит иностранные газеты, а потому живет "совершенно оторвано от Европы, это тоже ощущается, как некоторое лишение".⁸⁹

Наиболее полно отношение Мартова ко всему, что происходило тогда в стране, было выражено в его многих выступлениях в Петроградском Совете, ВЦИК и Предпарламенте. Учитывая начавшуюся большевизацию Советов, Мартов предлагал переход власти в руки широкой демократической коалиции (Советы, профсоюзы, армейские и земельные комитеты, кооперативы и др.). "Дело в том, – разъяснял он, – чтобы ... диктатура Советов не превращалась в диктатуру части пролетариата, армии и крестьянства, готовой осуществлять не демократическую, а социалистическую или полусоциалистическую революцию". Мартов опасался и того, что лозунг передачи власти Советам может быть воспринят как передача власти местным сепаратистам, что ослабит государственное единство. Мартов был против выхода большевиков из Предпарламента, надеясь на мирное разрешение кризиса. Всякое силовое выступление он называл авантюрой. От центристской позиции Мартова отмахивались как рвавшиеся к власти большевики, так и меньшевики, и эсеры – сторонники коалиционного правительства. Неудачной оказалась и его попытка создать левый блок в Предпарламенте.

24 октября, когда выступление большевиков уже началось, в первом часу дня открылось заседание Предпарламента. Керенский требовал от кадетов и демократов доверия и полномочий на расправу с восставшими. На заседании фракций меньшевиков и эсеров Мартов предложил резолюцию, в которой констатировалось, что "движение большевиков вызвано политикой правительства", а потому следует создать Комитет общественного спасения и поручить ему улаживание конфликта политическими мерами. На вечернем заседании Предпарламента страсти накалились, Керенский от левых так и не получил полномочий.

Левый эсер Б.Д.Камков, выступая в Предпарламенте, говорил о недоверии правительству и о необходимости “создания едиnorodной, революционной, демократической власти, в которой не будет элементов, устраивающих демонстрации в честь Корнилова”. Дан призвал поддержать правительство при условии, что оно начнет осуществлять демократические преобразования. Выход к трибуне Мартова вызвал реплику: “Вот министр будущего большевистского кабинета!” Мартов тут же отпарировал: “Я близорук, и не вижу, не говорит ли это бывший министр кабинета Корнилова”. Мартов заявил, что ни при каких обстоятельствах в одних рядах с корниловцами он стоять не будет. “Слова министра-председателя, позволившего себе говорить о движении черни, когда речь идет о движении значительной части пролетариата и армии, хотя бы и направленном к ошибочным целям, являются словами вызова гражданской войны. Но я не потерял надежды, что... (мы) не допустим того, чего хотят люди, стремящиеся воспользоваться положением, чтобы остановить развитие революции. Демократия должна заявить, что никакой поддержки они от нее не получают, если правительство не даст немедленных гарантий реализации насущных нужд народа. репрессии не могут заменить удовлетворения нужд революции. Должно быть сделано заявление, что Россия ведет политику немедленного мира, что земельные комитеты получают в свое распоряжение подлежащие отчуждению земли и что демократизация армии не будет приостановлена. Если такие заявления невозможны для правительства в его нынешнем составе, то оно должно быть реорганизовано”⁹⁰.

В конце заседания Предпарламента проголосовали за три резолюции: кадеты и кооператоры обещали правительству поддержку в принятии решительных мер для подавления мятежа; казаки осуждали правительство за слабость и требовали от него гарантий, что “на этот раз никаких послаблений большевикам не будет”; Дан заявлял о готовности поддержки правительства при обещании проведения реформ. Заметим, что за их проведение ратовали и большевики.

В 8.30 вечера большинством голосов (123 – за, 102 – против, при 28 воздержавшихся) была принята резолюция левых фракций, фактически означавшая недоверие правительству Керенского. В 10 часов вечера председатель Предпарламента Н. Авксентьев, Ф. Дан и А. Гоц прибыли в Зимний и вручили Керенскому принятую резолюцию. Дан позже вспоминал, что они “упорно и горячо убеждали Керенского в том, что даже с точки зрения чисто военной борьбы с большевиками она только тогда может иметь шансы на успех, когда солдаты-крестьяне будут твердо знать, что они защищают против большевиков мир и землю”. Керенский, который производил впечатление “до последней степени измотанного и измученного” человека, заявил, что правительство в посторонних советах не нуждается и само справится с восстанием.⁹¹

Позже Суханов вспоминал, что когда в Предпарламенте голосовалась формула Мартова, в Смольном открылось заседание Совета. Затем там же, поздно вечером собрался ВЦИК. Выступавшие были в тревоге: большевики решительно захватывали власть. Мартов защищал свои принципы: пролетариат имеет право на восстание, меньшевики-интернационалисты не противятся переходу власти в руки демократии, но они против тех методов, которыми большевики добиваются этой власти.⁹²

25 октября 1917 г. Дан от имени ВЦИК первого созыва объявил в Смольном об открытии II Всероссийского съезда Советов. Среди зарегистрированных в первый день 649 делегатов было 390 большевиков, 160 эсеров, 72 меньшевика, 27 – представителей других партий и групп, беспартийные. После ухода со съезда части меньшевиков и эсеров осталось 625 делегатов, в том числе большевики, левые эсеры и 35 меньшевиков-интернационалистов. Согласно анкете съезда, 505 делегатов прибыли голосовать за передачу всей власти Советам; 86 – демократии; 79 – за коалиционное правительство (из них 21 – за демократическую коалицию без кадетов). Места в президиуме были распределены пропорционально численности фракций: 14 большевиков, 7 эсеров, 3

меньшевика, меньшевик-интернационалист. Однако меньшевики, эсеры и интернационалисты отказались от мест в президиуме. Там оказались большевики, левые эсеры и представитель украинской социалистической партии.

При утверждении повестки дня со срочным заявлением выступил Мартов. По свидетельству Д.Рида он прохрипел требование остановить вооруженную борьбу во избежание развязывания гражданской войны и предложил большевикам провести переговоры со всеми социалистическими партиями на предмет мирного разрешения кризиса и создания власти, которая "была бы признана всей демократией". Выступление Мартова встретили овацией. Не возразили против мирного исхода и по сути создания однородного социалистического правительства ни левый эсер С.Д.Мстиславский, ни большевик А.В.Луначарский. Но выступившие затем в порядке обсуждения меньшевики Я.Хараш, Г.Кучин, Л.Хинчук, правый эсер М.Гендельман, бундовцы Р.Абрамович и Г.Эрлих оскорбительными замечаниями в адрес большевиков быстро нарушили кажущееся единство социалистов. Уход со съезда правых меньшевиков и эсеров еще больше накалил обстановку. Можно утверждать, что эмоциональный накал взорвал наметившееся согласие, и сожалеть об этом. Но этот срыв был неслучайным, его истоки крылись в принципиальных противоречиях стратегии и тактики различных фракций и социалистических партий страны. Еще накануне меньшевики и эсеры предлагали Керенскому создать коалиционное демократическое советское правительство, рекомендовали проведение радикальных реформ в стране. Но все планы миролюбцев быстро рухнули, победили экстремисты и радикалы, а также агрессивность и нетерпимость. Штурм Зимнего и формирование большевистского правительства завершили процесс размежевания в российском социал-демократическом движении.

События на съезде после ухода части меньшевиков, эсеров и бундовцев развивались достаточно драматично. Мартов понимал, что этот демарш ослабил склонных к компромиссу умеренных большевиков, но он не был бы Мартовым,

если бы не отстаивал свои принципы до конца, как делал он это в июле, защищая право большевиков на легальное существование. Мартов вновь вышел на трибуну. Он потребовал немедленного принятия решения о мирном разрешении конфликта. В записях о работе II съезда далее сообщалось: “Мартов выставляет целый ряд обвинений по адресу большевиков и требует авторитетного вмешательства съезда в целях мирного разрешения власти. Средством к этому он считает образование однородно-демократического министерства в результате переговоров всех органов революционной демократии”. Мартов предлагал избрать делегатов для переговоров и зачитал декларацию меньшевиков-интернационалистов и еврейской социалистической рабочей партии “Поалей-Цион”. В ней говорилось, что большевистский переворот грозит кровопролитием и поэтому необходимо соглашение между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства, которому бы Временное правительство безболезненно передало власть. Декларация предлагала создать примирительную делегацию, а до ее заключения приостановить работу съезда.

На сей раз выступление Мартова было встречено враждебно, резкими, оскорбительными репликами. Большевики явились “победить или умереть вместе с Всероссийским съездом”, – заявил председательствующий на съезде большевик Л.Б.Каменев, тем самым отвергая всякую возможность приостановки его работы. Затем на трибуну поднялся Троцкий. В записи Суханова его речь полна пафоса и гнева. “Восстание народных масс не нуждается в оправдании. То, что произошло, это восстание, а не заговор... И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю: с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда или которые делают эти предложения?.. Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто отсюда ушел и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы – жалкие единицы, вы – банкроты, ваша роль сыграна, и отправляй-

тесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории...” – “Тогда мы уходим!” – крикнул Мартов среди рукоплесканий в адрес Троцкого”.⁹³

Б.Николаевский позже писал о том, как у выхода из зала Мартова остановил рабочий-большевик из Выборга И.А.Акулов. “А мы считали, – с горечью произнес он, – что по крайней мере Мартов останется с нами”. Мартов какое-то мгновение помолчал, потом сказал: “Когда-нибудь вы поймете, в каком преступлении вы участвовали”. И покинул зал.⁹⁴

Троцкий огласил декларацию фракции большевиков, в которой поддерживалось восстание против Временного правительства и осуждались “соглашатели”. Вышедший на трибуну вслед за Троцким Б.Камков заявил, что левые эсеры остаются на съезде, но не согласился с резкой резолюцией Троцкого, полагая, что левые силы не должны “изолировать себя от умеренных демократических сил, а необходимо искать соглашения с ними”. Ему ответил Луначарский: “Тяжесть задачи, выпавшей на нас, – вне всякого сомнения. Для успешного разрешения этой задачи необходимо объединение различных элементов, действительно революционных элементов демократии. Упреки тов. Камкова по нашему адресу неосновательны. Если бы мы, начав заседание, сделали какие-либо шаги, отмечающие или устраняющие другие элементы, тогда тов. Камков был бы прав. Но мы все единогласно приняли предложение Мартова о том, чтобы обсудить вопрос о мирных способах разрешения кризиса. Но ведь нас засыпали градом заявлений. Против нас вели форменную атаку... Не выслушав нас, не обсудив ими же внесенное предложение, они сразу же постарались отгородиться от нас... В своей резолюции мы хотели определенно, честно, открыто сказать, что, несмотря на их предательство, будем продолжать наше дело, мы будем вести пролетариат и армию к борьбе и победе”.⁹⁵

Дебаты на съезде были продолжены, когда после перерыва Каменев объявил о том, что восставшие вошли в Зимний и министры арестованы. Вероятно, в это время часть

меньшевиков-интернационалистов вернулась в зал заседания съезда. После заявления Каменева на трибуну поднялся Н.Ю.Капелинский и от имени меньшевиков-интернационалистов и “Поалей- Цион” предложил во избежание гражданской войны вернуться к предложению Мартова и обсудить вопрос о создании демократического правительства со всеми социалистическими партиями. Каменев отверг это предложение, мотивируя это тем, что умеренные социалисты должны винить себя за то, что предложение Мартова о поисках мирного урегулирования кризиса не было реализовано. Он предложил воздержаться и от обсуждения предложения Троцкого, осуждавшего меньшевиков и эсеров, а перейти к рассмотрению воззвания к рабочим и крестьянам по случаю победы над Временным правительством.⁹⁶

Суханов считал уход меньшевиков, а затем и Мартова со съезда “преступным” и “несерьезным” поступком. Решение Мартова об уходе во время заседания фракции меньшевиков-интернационалистов было одобрено 14 голосами против 12. “Итак, дело было сделано, – писал Суханов. – Мы ушли, неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унижив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции”.⁹⁷

27 октября 1917 г. “Рабочая газета” опубликовала воззвание меньшевиков-интернационалистов, в котором они оправдывали свой уход со съезда нежеланием брать ответственность за развязывание гражданской войны, дальнейшей борьбой за сплочение демократии. З.Галили полагает, что меньшевики понесли на съезде “жестокое поражение”.⁹⁸ С этим трудно не согласиться. Это было конкретное поражение в конкретных условиях, но не более того. Ведь в то же время Мартов и Плеханов, Милюков и Керенский увидели очертания неизбежного исторического поражения большевизма. И оказались правы.

Мартов не написал крупных, больших работ в 1917 г. Слишком активной была его политическая жизнь, много времени занимали публицистические газетно-журнальные статьи, бесчисленные выступления и доклады. В 1917 г. были переизданы многие его работы. Все они, как правило, были переработаны. Брошюра “Простота хуже воровства” (Пг., 1917) имела авторскую справку о том, что ее текст был написан в октябре 1916 г., но из-за цензурных препон не увидел света. Теперь же появилась возможность предать его огласке. Брошюра Мартова “Класс против класса” была издана в 1917 г. в Одессе местными меньшевиками без всяких изменений. 1917 год стал годом двух революций. Мартову они дали основания для многих размышлений, нашедших свое выражение в его будущих трудах.

¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.30. С.328.

² РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.108,112,116,118-119,120. Февральская революция в России началась стихийно, точно предсказать ее начало не мог никто. Ныне историки едины во мнении о перманентности властного кризиса в стране из-за неспособности правителей реформировать экономику и общество. См.: Реформы или революция? Россия 1861-1917. Материалы международного коллоквиума историков. СПб.,1992. С.16,132,269,288-289. Ф.А.Гайда считает Февральскую революцию “колоссальнейшей трагедией России”. Он пришел к выводу, что Февральская революция не была ни буржуазно-демократической, ни социалистической по своей сути. В ней доминировали демократические и социалистические по форме, но в сущности анархические и охлократические силы. (Гайда Ф.А. Февраль 1917 года: революция, власть, буржуазия. //Вопр. истории.1996. № 3. С.42, 44). Думается, что столь радикальная трактовка истории Февральской революции нуждается в корректировке.

³ РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.20. Л.54,59; Мартов Л. Кризис демократии во Франции. М.,1917.

⁴ Балабанова А. Из личных воспоминаний циммервальдца. Л.;М.,1925. С.99-100. В первые же дни начала революции в России в Цюрихе был создан Центральный комитет по возвращению на родину проживающих в Швейцарии русских эмигрантов, который объединил 560 революционеров разных взглядов. В ЦК вошли представители 23 групп сторонников решений Циммервальдской конференции. Председателем ЦК был избран сторонник Мартова меньшевик С.Ю.Семковский. См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.31.С.119; Хальвет В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М.,1990. С.33; Платтен Ф.Ленин из эмиграции в Россию.М.,1990.С.35,36. Петроградские меньшевики 6 марта направили на имя П.Б.Аксельрода телеграмму: “Торжествуя великую победу русского революционного пролетариата над старым режимом, собравшиеся меньшевики шлют Вам, Мартову и всем друзьям горячий привет и ждут Вашего немедленного приезда”. (Рабочая газета.1917. 11 марта; Вперед. 1917, 15 марта). Мартов в ответ сообщил о “страстном желании немедленно вернуться” и сокрушался: “До сих пор все наши усилия были тщетны”.//Меньшевики в 1917 году. М.,1994.Т.1.С.234.

⁵ РЦХИДНИ, Ф.362.Оп.1. Д.51. Лл.122-123; Свободная мысль.1991. № 16. С.32-33; Меньшевики в 1917 г. Т.1. С.242-243.

⁶ РЦХИДНИ. Ф.362.Оп.1. Д.51. Л.124, 127-130; Меньшевики в 1917 г. Т.1. С.243-246. Опубликованные документы рассказывают об организации переезда российских политэмигрантов через территорию Германии следующее. 10 марта немецкий посланник в Берне ба-

рон фон Г.Ромберг сообщал в Министерство иностранных дел, что “выдающиеся русские революционеры выражают желание вернуться в Россию через Германию”. Статс-секретарь Министерства иностранных дел А.Циммерман тотчас (10 марта) реагировал на это донесение, предлагая представителю МИД при Главной ставке: “Так как мы заинтересованы в том, чтобы влияние радикального крыла революционеров в России одержало верх, мне кажется допустимым возможное разрешение проезда через Германию. Поэтому я хотел бы поддержать разрешение на этот проезд”. (Хальвег В. Указ.соч.С.31,76). Верховное германское командование не возражало против проезда русских революционеров. См.: Хальвег В. Указ.соч. С.77. Ленин и его сторонники уехали. Мартов и большинство политэмигрантов ждали решения Временного правительства и Петроградского Совета. 23 марта ЦК эмигрантов отправил Петроградскому Совету, министру юстиции и комитету Веры Фигнер телеграмму: “...возвращение политических эмигрантов через Англию и Францию встречает непреодолимые препятствия. Проходят месяцы – и политическая амнистия превращается для нас в фикцию. При таких условиях единственный, по нашему убеждению, реальный путь – это заключение соглашения между Россией и Германией по образцу практиковавшегося уже во время войны обмена интернированными гражданами... Мы настоятельно просим вас немедленно предпринять шаги в этом направлении. Не давайте делу затянуться из-за формальных обещаний. Если вам не удастся провести это предложение, то политическая эмиграция и в дальнейшем будет фактически лишена возможности действовать в России в самый важный период революции”.(Платтен Ф. Указ.соч.С.37-38). Ответа не последовало.

6 апреля заграничный секретариат ОК РСДРП получил известие, что можно непосредственно сноситься с Петроградским Советом. Воспользовавшись этим, Мартов от имени заграничного секретариата РСДРП телеграфировал: “Положение наше стало невыносимым. В то время как Плеханову, Кашину и другим лицам, служащим делу империализма и поддерживающим либералов против социалистов, представляется возможность поездки в Россию, – нам в ней отказывают. Протестуем против этого. Мы твердо решили не терпеть дальше такого неравенства и добиться применения амнистии ко всем. Две недели тому назад мы сделали вашему товарищу председателю – Керенскому определенное предложение. Если он не хочет провести в жизнь наш проект обмена эмигрантов на немецких интернированных граждан, – что представляется единственно возможным разрешением нашего вопроса, – то мы считаем себя вправе искать других путей для того, чтобы пробраться в Россию, занять место в ва-

ших рядах и принять участие в борьбе за дело международного социализма. Мы говорим от имени сотен эмигрантов, старых борцов, и требуем от вас опубликования в печати этой телеграммы. Прошу телеграфного ответа”. (Платтен Ф. Указ.соч.С.39).

Через день, 8 апреля ЦК эмигрантов получил телеграмму министра иностранных дел П.Н.Милюкова о том, что он считает “проезд через Германию в обмен на немецких интернированных граждан невозможным” и предлагал ехать через Париж и Лондон. В то же время ЦК получил телеграмму из русского эмигрантского комитета в Стокгольме, из которой узнали, что в Англии задержаны Троцкий, Чудновский и другие. Учитывая эту ситуацию, ЦК отправил Петроградскому Совету телеграмму, в которой назвал предложение Милюкова о переезде через территории союзников по войне, издевательским. См.: Платтен Ф. Указ.соч. С.39. 2 апреля 1917 г. лидер петроградских меньшевиков и член исполкома Совета К.С.Гриневиц-Шехтер писал Мартову и Аксельроду о важности и нужности их возвращения в Россию, отмечая возмутительное отношение Милюкова. См.: РЦХИДНИ. Ф.362.Оп.1. Д. 63. Л.2. Ленин, сам проехавший через Германию, счел нужным возмутиться отношением властей к политэмигрантам. 10 апреля Ленин в статье “Задачи пролетариата в нашей революции” писал: “А арест Троцкого английским правительством? А невыпуск Мартова из Швейцарии, а надежды заманить Мартова в Англию, где его ждет судьба Троцкого?” Через несколько дней он возвратился к теме: “Сегодняшние (16 апреля – И.У.) газеты печатают телеграмму за подписью Аксельрода, Мартова, Рязанова, Луначарского, Натансона, в которой говорится: “Констатируем абсолютную невозможность вернуться в Россию через Англию”.(Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.31. С.178,274.

11 апреля германский посланник в Берне сообщал в Министерство иностранных дел о нетерпеливом желании политэмигрантов покинуть Швейцарию, указывая, что их большинство – сторонники мира и их следовало бы пропустить через территорию Германии. Через несколько дней, 14 апреля, он доносил в Берлин, что секретариат организационного комитета русских революционных эмигрантов обратился к нему с просьбой о содействии Мартову, Мартынову, Аксельроду, Семковскому и Астрову с семьями в проезде “на тех же условиях”, что получить от Временного правительства гарантии на проезд через страны Антанты не удалось, потому они решили “отбросить все соображения и сомнения, связанные с компрометацией”(Хальвег В. Указ.соч.С.120,124). 17 апреля на заседании представителей швейцарских социал-демократов С.Ю.Семковский заявил, что перед эмигрантами встала альтернатива: оставаться или ехать в

Россию и действовать в духе решений Циммервальдской конференции. Когда поехал Ленин, интернационалисты были против, – говорил Семковский, – поскольку общественное мнение еще не было готово понять, что иного пути, как через Германию, без каких-либо политических обязательств, – нет. См.: Платтен Ф. Указ.соч. С.41-42. Однако руководители Петроградского Совета Н.С.Чхеидзе, И.Г.Церетели, М.И.Скобелев в телеграмме 20 апреля Заграничному секретариату ОК РСДРП по-прежнему возражали против плана проезда в Россию через Германию. См.: РЦХИДНИ. Ф.451. Оп.1. Д.13. Л.1.

В конце апреля Аксельрод, Мартов и Семковский отправили на имя Петроградского Совета еще одну телеграмму: “Отстраняя проект обмена, мы нас обрекаете оставаться здесь до конца войны. Все надежды на проезд через Англию – бессмысленны, потому что это невозможно для массы эмигрантов, а мы отклоняем привилегии для нескольких, не говоря о том, что до сих пор не были в состоянии гарантировать нас против произвола Англии. После случая с Троцким невозможно доверять правительству. Ни правительство, ни вы не даете мотивов, почему наш проект неприемлем. Мы констатируем, что несмотря на все наши усилия, после двух месяцев, мы не получили амнистии. Ответственность за это падает на правительство. Наша же обязанность при таких обстоятельствах – попробовать через посредство социалистов нейтральной Швейцарии получить разрешение проезда через Германию. Все здешние политические партии русских интернационалистов разделяют наши взгляды. Соображения дипломатического характера, опасения ложного истолкования отступают для нас на задний план перед могучим долгом участвовать в великой революции. Ваша политическая обязанность защищать это решение, вынужденное положением, не позволяя смущать себя заинтересованной демагогией шовинистов”. (Рабочая газета.1917.4 мая). Н.Н.Суханов позже замечал, что “союзные правительства с соизволения, при одобрении или по просьбе Милокова... не пускали в Россию эмигрантов “пораженческого” образа мыслей. Мартов и его ближайшие товарищи уже в мае, уже при коалиции, потеряв все надежды выбраться лояльным и естественным путем, принуждены были ехать через Германию в “запломбированном вагоне”. (Суханов Н.Н. Записки о революции. М.,1991.Т.1.С.306). Мартов с группой эмигрантов в 253 человека выехал из Цюриха 29 апреля 1917 г. и прибыл в Петроград 9 мая.

Газеты той поры широко освещали возвращение политэмигрантов. “Известия” (1917. 1 апреля.) приветствовали Плеханова (он прибыл в Петроград 31 марта) как основоположника российской социал-демократии, на трудах которого воспиталось несколько поколений социал-демократов. Его встречали Вера Засулич, Н.Чхеидзе, И.Цере-

тели, М.Скобелев. В ответ на приветствия Плеханов заявил: “Я счастлив, что красное знамя, поднятое 40 лет назад на Казанской площади в Петербурге, развевается ныне над всей русской землей”. (Новая и новейшая история. 1994. № 1. С.156). Чхеидзе приветствовал Ленина 3 апреля, выразив пожелание “идти сомкнутыми рядами для закрепления сделанных революционным народом завоеваний”. Ленин звал к мировой революции. См.: Известия. 1917. 5 апр. Троцкий вернулся в Петроград 5 мая. На Финляндском вокзале его встречал М.С.Урицкий. Тогда, выступая в Петроградском Совете, Троцкий увидел в Февральской революции переход к борьбе угнетенных классов против их правителей. См.об этом: Волкогонов Д.А. Троцкий. Кн.1. С.122-123.

Приезд Мартова и большой группы меньшевиков-интернационалистов приветствовали многие газеты. Московские меньшевики назвали Мартова, Аксельрода и Мартынова “испытанными борцами рабочего класса России и международной социал-демократии”. (Вперед. 1917. 6 мая). Д.Ю.Далин заявил о них, как о “героях революционной борьбы” (Новая жизнь. 1917. 9 мая). Всероссийская конференция меньшевиков приняла 7 мая, в день открытия, резолюцию, предлагавшую делегацию для встречи приезжавших. См.: Рабочая газета. 1917. 10 мая. Мартова встречали не столь торжественно, как приехавших ранее Плеханова и Ленина. Ведь подобное стало уже обычным явлением. К тому же, Мартов был против участия однопартийцев в работе коалиционного правительства, а Скобелев и Церетели в то время стали министрами. Он “опоздал” с приездом, потому по свидетельству А.Балабановой, прием на вокзале “был торжественный”, но ей показался “холодным, несколько натянутым”. (Балабанова А. Указ. соч. С.106).

Но была еще одна большая разница в оценке приезда Ленина и Мартова в Россию. Они оба проехали через территорию Германии: с первым оказался связан “немецкий фактор” в революции, ко-второму никакие “подозрения” не пристали. Причем, слухи о связи Ленина с “немецкими деньгами” на поездку, финансирование работы партии, издание газет, листовок и др. на германские деньги возникли сразу же после приезда Ленина и, как оказалось, не без оснований. Ленин подобные разговоры называл клеветническими. Как полагал один из его биографов, “Ленину дело представлялось простым: он стремился в Россию, а все остальные пути были закрыты. Что об этом скажут враги в России и на Западе, его нимало не беспокоило. Меньшевики, он знал, не станут на него нападать: их вождь Юлий Мартов приехал в Россию той же дорогой”. (Фишер Л. Ленин. Лондон, 1970. С.168). Вывод, проведенных в разное время на эту тему исследований можно

формулировать, минуя нюансы, так: Ленин деньги у германского правительства брал, “шпионом” не был. См. об этом: Волкогонов Д.А. Ленин. Кн.1.С.197-232.. В архиве историка-эмигранта Б.И.Николаевского хранились документы, свидетельствующие об издании ряда работ Ленина в 1915-1916 годах, а затем газеты “Правда” на германские деньги. См.: Николаевский Б.И. Тайные страницы истории. М..1995.С.238-411.

К Мартову, Аксельроду, Натансону и другим, сделавшим все возможное для того, чтобы избежать “германского маршрута” при возвращении в Россию, никаких претензий не было: ни в каких финансовых махинациях с германскими властями, с Парвусом они замешаны не были.

И последняя ремарка о встречах в Петрограде. Сталина и Каменева, приехавших в город из ссылки 12 марта 1917 г., не встретил никто. Таково было их истинное положение в партии в то время.

⁷ РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.131-133; Меншевики в 1917 году. Т.1. С.246-247.

⁸ РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.134; Меншевики в 1917 г. Т.1. С.247-248. В письмах 27 и 29 апреля Мартов сообщал Наташе, дочери Кристи, о скорой поездке в Россию, а также писал о горьких новостях из России, где “русские интернационалисты объединились с патриотами (на платформе мира)” и не ваят милюковское правительство. См.: РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.135, 136.

⁹ РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.54. Л.137-138, 141-142, 143, 144, 146, 148-150; Меншевики в 1917 г. Т.1. С.248-250.

¹⁰ В конце апреля 1917 г. в России было более 440 большевистских организаций (80 тыс. членов), свыше 150 объединенных, в которых насчитывалось примерно 14 тыс. большевиков. См.: Спирин Л.М. Россия. 1917 г. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С.157-158. По уточненным данным В.И.Миллера, в апреле 1917 г. численность большевиков не превышала 50 тыс. человек, а число меньшевиков в апреле-мае 1917 г. достигало 100 тыс. человек. См.: Миллер В.И. Революция в России. 1917-1918 гг. Проблемы изучения. М., 1995. С.35-36. По подсчетам Х.М.Астрахана, в марте-апреле 1917 г. политическая ориентация рабочих на 94 крупных предприятиях Петрограда, насчитывавших 356 тыс. человек, выглядела так: 14,6% поддерживали большевиков, 10,2% – меньшевиков и эсеров, 69,5% – не определили своего отношения к партиям, рассматривая их в целом, как социалистические. См.: Астрахан Х.М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973. С.76. В марте 1917 г. на Всероссийском совещании партийных работников, проводимом большевиками, было представлено 70 организаций, из

них 30 были объединенными. // Вопр. истории КПСС. 1962., № 5. С.123.

¹¹ См.: Первая общероссийская конференция партийных работников. // Искра. 1905. 5 мая. В резолюции ОК "О коалиционном правительстве" говорилось, что Совет, поддержав правительство, потеряет свое значение, "свое обаяние", станет частью правительственного аппарата и массы станут к нему в оппозицию. "Участие социалистических представителей или представителей Совета Р. и С. депутатов в правительстве при указанных условиях создает крайне неустойчивое положение, способное развязать анархию слева и справа, и может привести к неминуемому распаду власти, результатом которого будет либо победа контрреволюции, либо диктатура пролетариата, заранее обреченная сейчас на неудачу". (Рабочая газета.1917. 29 апр.; Большевики в 1917 г. Т.1. С.208, 260, 357-359, 371-375).

¹² РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.54. Л.149-150. В письме в Стокгольм Ольбергу 22 мая 1917 г. Мартов столь же пессимистичен: "Приехав сюда, мы застали положение худшее, чем ждали. Большинство влиятельных меньшевиков, бывших до революции антиоборонцами, стали "революционными оборонцами"... Они хотят мира, но думают его достичь сложным, медленным путем, не вступая в конфликт с Англией и Америкой, которые шантажируют Россию, а пока что зовут быть готовым не только к обороне, но и к возможному наступлению, если надо будет спасать союзников". Он писал, что на меньшевистской конференции остался в меньшинстве, но его поддержали меньшевики-интернационалисты Петрограда, Харькова и Донбасса. См.: Мартов Ю.О. Письма 1916-1922. Бенсон. 1990. С.12-13. Приехавшая вместе с Мартовым А.И.Балабанова позже вспоминала, что отношение к циммервальдцам со стороны "правых социалистов, соглашателей и патриотов" было недружелюбное. По требованию Чхеидзе был выслан из России один из лидеров II Интернационала Р.Гримм. См.: Балабанова А. Из личных воспоминаний циммервальдца. Л.;М., 1925. С.109, 117.

¹³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.32. С.310.

¹⁴ Большевики в 1917 г. Т.1. С.358-359.

¹⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.32. С.112-113. См. также: Николаевский Б.И. П.А.Гарви в России. // П.А.Гарви. Статьи о жизни и деятельности П.А.Гарви. Нью-Йорк, 1946. С.25.

¹⁶ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т.2. С.184. Суханов отмечал, что Мартова встречали в Петрограде, как человека "резко враждебного советскому правящему блоку. И было несомненно, что партийный лидер станет в резкую оппозицию к участникам коалиции, к противникам "полного доверия и поддержки..." Поисти-

не, этот гость был не ко времени". (Там же. С.180). Суханов в конце мая 1917 г. стал меньшевиком-интернационалистом. В партию его рекомендовал Мартов. См.: Там же. С.186.

¹⁷ Минц И.И. История Великого Октября. М., 1978. Т.2. С.65, 293-294.

¹⁸ Галили З. Большевики и проблема коалиционного правительства: позиция революционных оборонцев и ее политические последствия. //Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С.98, 105-107. Галили указала на сомнения многих меньшевистских лидеров перед принятием решения о работе в составе коалиционного правительства. Н.С.Чхеидзе наиболее полно выразил эти сомнения: "Когда мы защищаем от нападков не наше, а буржуазное правительство, говоря, что ни одно правительство не способно восстановить мир и осуществить коренные реформы, то массы слушают нас с доверием и делают вывод, что в этих условиях социалистам идти в правительство не следует. Но если мы войдем в правительство, мы пробудим в массах надежды на нечто существенно новое, чего на самом деле мы сделать не сможем". (Галили З. Указ. соч.// Анатомия революции. С.104). Церетели, выступая 7 мая 1917 г. на меньшевистской конференции, говорил о создании сильной власти в стране для вывода ее из кризиса. И когда встала альтернатива: взять власть целиком, или идти к "связанной власти", выбор был сделан в пользу последней, потому что в противном случае грозила гражданская война. См.: Большевики в 1917 г. Т.1. С.275. Он связывал "спасение" России с демократическим правлением: "В том положении, в каком застала революция страну, революция дала многое: она дала надежду на спасение страны, валившейся в бездну; она поставила демократию у руля правления этой страной,.. она спасла Россию от развала и крушения. И она спасет Россию, если демократия ей не изменит". (Речи И.Г.Церетели. Пг., 1917. С.237; Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. М., 1993. С.212, 420).

¹⁹ Церетели предлагал три условия вступления в коалицию: 1. Социалисты составляют только меньшинство в кабинете; 2. Условия, касающиеся их программы, ограничиваются только вопросами войны и мира; 3. Совет полностью доверяет коалиционному правительству. См.: Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Paris – La Hague, 1963. Кн.1. С.138-143; Галили З. От группы кружков до зенита политического влияния. Документы меньшевистской партии первых шести месяцев революционного 1917 г. //Большевики в 1917 г. Т.1. С.84-87. И.Г.Церетели стал министром почт и телеграфов, М.И.Скобелев – министром труда.

²⁰ Миллер В.И. Большевистская партия в 1917 году. Фрагменты

истории в оценках российского исследователя. //Меньшевики в 1917 г. Т.1. С.62; Новая и новейшая история. 1995. № 5. С.140.

²¹ Меньшевики в 1917 г. Т.1. С.51-53.

²² Токарев Ю.С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л.,1976. С.39. Несмотря на активную деятельность меньшевиков в 1917 г. в советской и англоязычной историографии преобладало мнение об отсутствии их сколько-нибудь значительного влияния на ход революционных событий. См.: Астрахан Х.М. История буржуазных и мелкобуржуазных партий России в 1917 г. в новейшей советской литературе. // Вопр. истории. 1975. № 2. С.30-44; Журавлева Е.В. Деятельность меньшевиков и эсеров в 1917 г. в освещении современной англоязычной историографии. // Политические и экономические проблемы Великого Октября и гражданской войны. М., 1988. С.22-32. В первый состав исполкома Петроградского Совета вошли Н.С.Чхеидзе, А.Ф.Керенский, М.И.Скобелев, Ю.М.Стеклов, Н.Н.Суханов, Н.Ю.Копелинский, Э.К.Соколовский, П.А.Красиков (Павлович), П.А.Александрович, К.А.Гвоздев, Н.Д.Соколов, К.С.Гриневиц, Г.Г.Панков, П.А.Залуцкий, А.Г.Шляпников. См.: Спирин Л.М. Россия. 1917 год. С.70.

²³ Тютюкин С.В. “Мягкие” марксисты: меньшевики //История политических партий России. М.,1994. С.255-256; Меньшевики в 1917 г. Т.1. С.62.

²⁴ В резолюции “О Временном правительстве и коалиционном министерстве”, принятой 8 мая 1917 г. меньшевистской конференцией (51 – за, против – 11, воздержались – 13) отмечалось: “Отказ революционной социал-демократии от активного участия во Временном правительстве на основе решительной демократической платформы в области внешней и внутренней политики грозил бы распадом и шел бы в разрез с интересами рабочего класса и всей революционной демократии”. (Меньшевики в 1917 г. Т.1. С.318). О разноречивости мнений на эту тему свидетельствуют газетные выступления разных лидеров той поры. 3 мая Церетели заявлял о том, что только “сильная демократическая власть может спасти революцию от крушения”. От имени большевиков Г.Е. Зиновьев, ссылаясь на опыт истории, утверждал, что “вступление социалистов в правительство никогда не служило на пользу рабочему классу”. (Новая жизнь. 1917. 3 мая). Незадолго до этого большевик Л.Б.Каменев высказался иначе: “Захват власти Советами Р. и С. д. является безумием, так как не соответствует требованию социального равновесия... Мощную власть может создать только коалиционное министерство. В состав коалиционного министерства, по моему мнению, должны войти представители всех социалистических партий, претендую-

щих на роль вождей революционной демократии”. (Новая жизнь. 1917. 26 апр.).

²⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.40. С.179.

²⁶ Меньшевики в 1917 г. Т.1. С.347-349, 508-513. На позиции обончства весной 1917 г. стоял большевик Л.Б.Каменев, когда писал, что революционный народ должен “стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд – снарядом. Это непреложно”. Сталин тогда же видел выход из войны в “давлении на Временное правительство с требованием изъявления им своего согласия немедленно открыть мирные переговоры”. (Волкогионов Д.А. Триумф и трагедия. М., 1989. Кн. 1. Ч.1. С.61).

²⁷ Меньшевики в 1917 г. Т. 1. С. 435.

²⁸ РЦХИДНИ. Ф.362.Оп.1. Д.51. Л.151-154; Меньшевики в 1917 г. Т.1. С.588-591.

²⁹ Мартов оставался самим собой и в личностных поступках. 3 июня 1917 г. в день открытия I Всероссийского съезда Советов он выступил в защиту Р.Гримма, председателя Интернациональной социалистической комиссии, высланного без решения суда Временным правительством из России за связь с германским правительством. Даже когда выяснилось, что таковая действительно имела место, Мартов расценил высылку без суда как опасный прецедент. Летом 1917 г. Мартов вступился за Х.Раковского, обвиняемого в сотрудничестве с румынско-германской разведкой. Мартов разоблачал его обвинителей как клеветников. В ответ журналист Г.Бахер вызвал Мартова на дуэль, от которой тот отказался, предложив передать дело в суд (на этот раз уклонился Бахер). См.: Новая и новейшая история. 1995. № 5. С.142-143, 145.

³⁰ На выборах в районные и городские думы часть социал-демократов объединенцев во главе с Троцким, меньшевиков-интернационалистов во главе с Мартовым блокировались с большевиками. См.: Меньшевики в 1917 г. Т.1. С.503. По итогам выборов в восьми районах Петрограда социалистические партии получили 53% голосов, кадеты – 24%, большевики – 17%. См.: Известия Петроградского Совета. 1917. 3 июня.

³¹ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.;Л., 1930. Т.2. С.10. 20 человек заявили о своем сочувствии эсерам, 8 – меньшевикам. См.: Там же. З.Галили полагает, что на съезде меньшевики и их сторонники составляли около 30% делегатов, а вместе с эсерами – около 80%. Потому эти две партии образовали 40,5 и 38,9% ВЦИК, избранного на съезде. См.: Меньшевики в 1917 г. Т.1. С.100. Редакционная статья газеты “Партийные известия” (1917. 15 июля) утверждала, что фракция “меньшевиков и примыка-

ющих к ним” была самой крупной на съезде: в ее состав записалось 396 членов, из которых 333 имели на съезде решающий голос. См.: *Меньшевики в 1917 г.* Т.1, С.543.

³² *Меньшевики в 1917 г.* Т.1. С.600-601.

³³ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.:Л., 1930. Т.1. С. 283-287; *Известия Петроградского Совета.* 1917. 3 июня; *Меньшевики в 1917 г.* Т.1. С.527, 602-605; *Летучий листок меньшевиков-интернационалистов.* 1917. № 2.

³⁴ *Меньшевики в 1917 г.* Т.1. С.101-103; *Новая и новейшая история.* 1995. № 5. С.143. В дебатах на съезде 11 июня Мартов и Ф.Булкин предупреждали, что любые меры, предпринятые против большевиков, способны оттолкнуть “наиболее активную часть” пролетариата, так как позиции большевиков разделили “огромные массы” трудящихся. См.: Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. С.332-333.

³⁵ *День.* 1917. 3 июня; *Дело народа.* 1917. 6 июня; *Вперед.* 1917. 5 июня; *Известия Петроградского Совета.* 1917. 7, 21 июня.

³⁶ Суханов Н.Н. *Записки о революции.* М., 1991. Т.2. С.253-254.

³⁷ *Меньшевики в 1917 году.* Т.1. С.537-540. М.И.Либбер, выступивший от имени коалиции, жаловался на съезде на то, что “длящаяся революция в обстановке войны создает огромные затруднения”. (Первый Всероссийский съезд Советов. Т.1. С.470).

³⁸ И.Г.Церетели писал: “Сам по себе уход кадетских министров в знак протеста против заключенного с украинцами соглашения нас не тревожит... Мы, министры-социалисты, оказались в правительстве в большинстве – шесть против пяти. Если бы мы воспользовались этим положением, чтобы ввести на место ушедших к-д. министров представителей социалистических партий, это привело бы, конечно, к уходу в отставку оставшихся несоциалистических министров и к разрушению в стране общедемократического фронта”. Потому “мы считали, что наилучший выход из кризиса состоит не в отказе от коалиции, а в переустройстве этой последней...” (Церетели И.Г. *Кризис власти.* М., 1992. С.117; Галили З. *Лидеры меньшевиков в русской революции.* С.343). Петроградские газеты начала июля были полны хлестких фраз, пафоса и призывов. В.Г.Короленко призывал правителей уважить человека и “его непосредственное искание правды”, отказаться от демагогии и политиканства. “Побольше политической честности, побольше правдивого отношения к народу, побольше признания истинной свободы по отношению к политическим противникам и пусть малая нравственность не поглощает большую”, - заключал он. См.: *Русские ведомости.* 1917, 5 июля. *Меньшевицкий публицист С.И.Иванович* писал о невозможности объединения мень-

шевистских фракций в единое целое. Он сожалел об этом, так как объединение необходимо для борьбы против большевиков. См.: День. 1917. 2 июля.

³⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.244. Минц И.И. История Великого Октября. М., 1978. Т.2. С.516-517. По данным О.Н.Знаменского, 4 июля в демонстрации приняло участие более 400 тыс. рабочих, солдат и матросов. В результате обстрела более 400 из них были убиты и ранены. Знаменский О.Н. Июльский кризис 1917 г. М.;Л., 1964. С.106, 121. Rabinowitch A. Prelude to Revolution. The Petrograd bolsheviks and the July 1917 Uprising. Bloomington. 1968. P.144-153; Он же. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С.43. Возбужденная толпа 4 июля окружила Таврический дворец, где заседал ЦИК Советов и лишь вмешательство Троцкого спасло министра земледелия В.М.Чернова от растерзания. См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.2. С.333-334. Ленин был объявлен властями “немецким шпионом” и вместе с Г.Е.Зиновьевым скрылся. Позже выяснилось, что о возможном аресте его предупредил товарищ министра юстиции Н.С.Каринский. См.: Бонч-Бруевич В.Д. На боевых постах февральской и октябрьской революций. М., 1931. С.15.

⁴⁰ Н.Н.Суханов писал: “Коалиционный комитет рухнул в силу внутренней несостоятельности. “Живые силы страны”, в лице всей организованной буржуазии, воплощенной в кадетской партии, уходили от революции уже формально, официально и открыто в стан ее врагов. Но ведь революция у нас была “буржуазная”. Это, наверное, знала “звездная палата”, и, кроме этого, она не знала ничего на свете. Ее особая логика толкала ее глубокомысленных членов к выводу, что буржуазия должна быть у власти. И план “звездной палаты” мог быть только один: если коалиции нет, так выдумать ее”. (Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.2. С.315-316).

⁴¹ Меньшевики в 1917 году. М., 1995. Т.2. С.99-100; Известия Петроградского Совета. 1917, 6 июля; Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. С.351-352; “Умно, по обыкновению, и убедительно, но “неревOLUTIONонно” говорил Мартов, убеждая советское большинство “принять” власть. – С уходом кадетов вся организованная буржуазия отходит от революции, – говорил он. – Раз это так, то вся ответственность падает на наши плечи... Я верю, что демократия нас поддержит. Будущий пленум не сумеет цепляться за обломки коалиции. Раз это сознается, незачем откладывать...”(Суханов Н.Н. Указ.соч. Т.2. С.337).

⁴² Меньшевики в 1917 году. Т.2. С.100-106. Суханов вспоминал, что в момент заседания ВЦИК у здания появились солдаты. В это вре-

мя “на трибуне, как из-под земли, вырастает Дан. Он так переполнен торжеством, что хочет скрыть часть его и придает себе несколько более спокойный, объективный, уравновешенный вид, но это ему не удается. – Товарищи, – провозглашает он, – успокойтесь! Никакой опасности нет! Это пришли полки, верные революции, для защиты ее полномочного органа ЦИК... В этот момент в Екатерининской зале грянула могучая “Марсельеза”. В зале энтузиазм, лица мамелюков просветлели... – Классическая сцена начала контрреволюции! – гневно бросает Мартов”. (Суханов Н.Н. Указ.соч. Т.2. С.340).

⁴³ РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.155-158; Свободная мысль. 1991. № 6. С.36-37 (не полная публикация).

⁴⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.2. С.342-345. О репрессиях против большевиков в июльские дни 1917 г. см.: Минц И.И. История Великого Октября. Т.2. С.555-560; Рабинович А. Большевики приходят к власти. С.55-61.

⁴⁵ Цит. по: Суханов Н.Н. Указ.соч. Т.2. С.361, 364-365; Меньшевики в 1917 году. Т.2. С.117, 118. 120-121.

⁴⁶ Меньшевики в 1917 году. Т.2. С.115-116, 129, 132; Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1992. Т.3. С.23.

⁴⁷ Меньшевики в 1917 году. Т.2. С.142-145. Мартов в статье “Революционная диктатура” (Новая жизнь. 1917. 18 июля) сводил кризис власти или к “контрреволюционной ликвидации революции, или ее продолжению и развитию путем диктатуры”. По его мнению, “правительство “гражданского мира” и “национального единения” было бы на деле правительством гражданской войны и национального разложения”. И.Н.Дементьев (И.Кубиков) писал в “Рабочей газете” (1917.18 июля.), что Мартов предлагает завоевывать влияние в Советах, чтобы “преодолеть половинчатость и нерешительность демократии”. Потому Ленин отличается от Мартова “только своей стремительностью рубить узлы истории. Мартов же склонен их терпеливо распутывать. В остальном между ними разницы почти никакой”.

⁴⁸ Рабочая газета. 1917. 19 июля; Новая жизнь. 1917. 21 июля.

⁴⁹ Меньшевики в 1917 году. Т.2. С.158-162.

⁵⁰ Минц И.И. История Великого Октября. Т.2. С.532-538; Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. С.365-368; Галили З., Ненароков А. Кризис коалиционной политики и усиление центробежных тенденций в меньшевистской партии. Июль-август. //Меньшевики в 1917 году. Т.2. С.33-37, 181, 188, 192-194.

⁵¹ О числе министров-социалистов в правительстве существуют разночтения. Минц считал, что из 15 членов кабинета – 4 представляли кадетов, 2 – радикально-демократическую партию, 7 – эсеров и

меньшевиков, 2 – беспартийные. См.: Минц И.И. История Великого Октября. Т.2. С.536. З.Галили полагала, что социалисты в новом кабинете Керенского составляли меньшинство (5 из 15 министров). См.: Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. С.368. Иоффе утверждает, что во втором коалиционном правительстве было не 15, а 17 министров и большинство в нем были социалисты: 5 эсеров, 3 меньшевика, 2 народных социалиста, 5 кадетов и 2 радикальных демократа, т.е. 10 социалистов из 17 министров. См.: Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин. Керенский. Корнилов. М.,1995. С.91. Более точные подсчеты у Иоффе.

⁵² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Берлин. 1930. Ч.2. С.34. М.Горький писал о тех днях: “На всю жизнь останутся в памяти картины безумия, охватившего Петроград 4 июля... Я не сыщик, я не знаю, кто из людей наиболее повинен в мерзостной драме. Я не намерен оправдывать авантюристов, мне ненавистны и противны люди, возбуждающие темные инстинкты масс... Однако главнейшим возбудителем драмы я считаю не “ленинцев”, не немцев, не провокаторов и темных контрреволюционеров, а более злого, более сильного врага – тяжкую российскую глупость”. //Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С.69.

⁵³ Министр юстиции П.Переверзев на основе показаний прапорщика Д.С.Ермоленко о том, что он, будучи в немецком плену и согласившись стать агентом германских спецслужб, узнал компрометирующие Леница сведения, дал возможность прессе начать обвинение большевиков в государственной измене. См.: Соловьев О.Ф. Триумф Ленина и банкротство его критиков. М., 1978. С.32-34. Ф.И.Дан и Б.О.Богданов в показаниях следственной комиссии заявили о том, что большевики были идеологами движения 3-5 июля, которое ставило целью передать власть Советам и низвергнуть Временное правительство. См.: Меньшевики в 1917 году. Т.2. С.792-795. Н.В.Валентинов позже вспоминал, как он в августе 1917 г. спросил у Плеханова о его отношении к обвинению Ленина в получении денег от немцев. Плеханов сожалел, что Временному правительству не удалось арестовать Ленина. “Получал ли Ленин деньги от немцев? – говорил он. – На этот счет ничего определенного не могу сказать... Могу только сказать, что Ленин менее чистоплотен, чем, например, Бланки или Бакунин, замесившие в его голове Маркса”. (Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М., 1991. С.190). Г.З.Иоффе цитирует более объективный ответ Плеханова из его показаний следственной комиссии в 1917 г. “Неразборчивость Ленина позволяет мне допустить, что он для интересов своей партии мог воспользоваться средствами, заведомо для него идущими из Германии. При этом я исключаю всякую

мысль о каких-либо личных корыстных намерениях Ленина. Я убежден, что даже самые предосудительные и преступные с точки зрения закона действия совершались им ради торжества его политики". (Иоффе Г.З. Семнадцатый год... С.89). Мартов большевиков и Ленина от подобных обвинений защищал. Более того, когда Э.Бернштейн опубликовал, добытые им неофициальным путем данные о миллионах марок, полученных большевиками в 1917 г., Мартов в письме С.Д.Щупаку 5 февраля 1921 г. возмущался: "Вероятно, у него ничего веского нет и, вероятно, и вообще-то большевики, как партия в этом деле чисты (что пара-другая прохвостов в их среде брала деньги из темных источников – возможно), так что от этой кампании они только выиграют". Его беспокоило то, что антисоветские эмигранты получают возможность "подмешивать немецкие деньги ко всей, а не только большевистской революции". //Мартов Ю.О. Письма 1916-1922. Benson. 1990. С.107. Мартов защищал от клеветы не только Ленина, но и других.

⁵⁴ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.2, 5, 15, 17, 51.

⁵⁵ Ленин признавал: "... 3-4 июля восстание было бы ошибкой, мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого "озверения", такой кипучей ненависти и к Керенским, и к Церетели-Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков. Политически мы не удержали бы власть 3-4 июля, ибо армия и провинция, до корниловщины, могли пойти и пошли бы на Питер". (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С. 16-17, 244).

⁵⁶ Миллер В.И. Революция в России. 1917-1918 гг. Проблемы изучения. С.36; Денике Ю. Меньшевики в 1917 году // Меньшевики. Benson, 1988. С.47-48; Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.3. С.48-49.

⁵⁷ Большевики после июльских событий провели большую организационную работу по укреплению своих рядов и привлечению сочувствующих. VI съезд большевистской партии (26 июля – 3 августа 1917 г.) принял в РСДРП(б) около 4 тыс. межрайонцев, среди которых были Троцкий, В.Володарский, М.Урицкий, К.Юренев и др. Лидеры большевиков не раз пытались привлечь на свою сторону меньшевиков-интернационалистов. 1 июля 1917 г. в день открытия II Петроградской конференции РСДРП(б) Я.М.Свердлов говорил: "С меньшевиками-интернационалистами в провинции у нас нет резких разногласий, но ввиду их нерешительности в вопросе разрыва с оброчниками работать совместно с ними становится все труднее и труд-

нее, и поэтому решено пригласить их представителей также с совещательным голосом” на предстоящий партийный съезд. //Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 года: протоколы и материалы. М.:Л., 1927. С.24. События 3-5 июля прервали работу конференции. 16 июля конференция возобновилась. В докладе “О текущем моменте”, который от имени ЦК РСДРП(б) прочел И.В.Сталин, отмечалось: “Есть среди меньшевиков и эсеров элементы, которые готовы бороться с контрреволюцией (у эсеров – камковцы, у меньшевиков – мартовцы) и с ними мы всегда готовы объединиться... Тем меньшевикам и эсерам, которые хотят бороться с контрреволюцией, мы должны помогать оторваться от оборонцев, изменников революции. Я предлагаю вам схему объединения левого фланга революции”. (Там же. С.68).

В принятой 3 августа VI съездом РСДРП(б) резолюции “Об объединении партий” отмечалось: “Противопоставляя опасному лозунгу единства всех, социал-демократия выдвигает классово-революционный лозунг единства всех интернационалистов, порвавших на деле с меньшевиками-империалистами. Полагая такое единство необходимым и неизбежным, съезд призывает все революционные элементы социал-демократии немедленно порвать организационную связь с оборонцами и объединиться вокруг РСДРП”. (Протоколы VI съезда РСДРП(б). 26 июля – 3 августа 1917 года. М.;Пг., 1919. С.206). Эти данные показывают, что Д.А.Волгогонов был неправ, утверждая, что в “последний раз о союзе с Мартовым Ленин думал в июле 1917-го”. (Волгогонов Д.А. Триумф и трагедия. М., 1989. Кн.1. Ч.1. С.146). А.Ильин-Женевский вспоминал, как ликующие делегаты VI съезда встретили выступление Ю.Ларина от имени меньшевиков-интернационалистов приветствовавшего съезд: “Трудно описать то, что происходило на съезде, когда он закончил свою речь. Чтобы понять это, нужно представить ту обстановку клеветы и травли, в которой находилась тогда наша партия. В этот момент всякое выражение сочувствия и поддержки было особенно ценно. Казалось, что т.Мартов и вместе с ним и все то, что было живого и талантливого в рядах меньшевистской фракции, возвращается обратно в наши единые социал-демократические ряды”. (Ильин-Женевский А. От февраля к захвату власти. Воспоминания о 1917 г. Л., 1927. С.96).

Меньшевикам-интернационалистам предлагали объединиться и действовать совместно межрайонцы. В мае-июне состоялось несколько встреч, не давших результатов. Потому Троцкий в предисловии к брошюре А.А.Иоффе, изданной вскоре после майской (1917 г.) Всероссийской конференции меньшевиков, упрекал Мартова: “...расходясь с официальным меньшевизмом во всех основных вопро-

сах, эта группа (Мартова. – И.У.) остается в рамках меньшевистской организации. Но этим самым она лишает себя притягательной силы. Политика, которая не мешает оставаться в одной партии с Даном, Церетели и пр., не может быть политикой революции”. (Иоффе А. (В.Крымский). Крах меньшевизма. Пг., 1917. С.7). На VI съезде РСДРП(б) К.Юренев, выступая от имени межрайонцев, ставших большевиками, говорил, что он и его коллеги не сделали этого раньше потому, что хотели вначале объединить всех интернационалистов. //Протоколы VI съезда РСДРП(б). С.47. Но этого же хотели Мартов и его единомышленники. В первом номере журнала “Интернационал” (1917. 18 апр.) Ю.Ларин (тогда сторонник Мартова) писал: “Пред рабочими всех стран открываются два пути: или со своей буржуазией против рабочих других стран – это дорога Шейдемана, Плеханова, Дана; или с рабочими всех стран против своей и чужой буржуазии, – это дорога Либкнехта, Мартова, Гримма. Третьего пути нет”. (По приезде в Россию Мартов отказался сотрудничать с редакцией этого журнала, как несогласный с изменчивой позицией Ларина). Почему же Мартов отказался от объединения с Церетели, Лениным или Троцким? И.Петцлер ставит вопрос еще острее: как и почему Мартов не стал лидером в критические месяцы 1917 года? И дал на него пространный ответ, сводящийся к тому, что Мартов был неспособен к компромиссам. См.: Getzler I. Martov. P.159-161. Думается, это не так. Мартов был признанным лидером, который ради компромисса с кем бы то ни было, не мог поступиться своими принципами. Суханов вспоминал, как ВЦИК принял резолюцию Мартова... с протестом против арестов большевиков и против неприличных приемов ведения судебного следствия. Но через два-три дня Чхеидзе разъяснил в печати, что эта резолюция не имеет значения, так как была принята при ничтожном числе депутатов. См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.3. С.53. Мартов не был сторонником большевиков. Он защищал принципы демократии.

⁵⁸ Рабочая газета. 1917. 25 июля; Меньшевики в 1917 году. Т.2. С.197.

⁵⁹ Новая жизнь. 1917. 22 июля; Меньшевики в 1917 году. Т.2. С.210-212, 223, 226.

⁶⁰ Г.В.Плеханов был неправ, когда называл циммервальдцев, а значит и Мартова, “полуленинцами” за их неприятие коалиционного правительства. См.: Единство. 1917. 12 сент. Но он был прав, когда называл ленинцев “алхимиками революции” за стремление “искусственно ускорить исторический процесс, сделать в России социалистическую революцию в такое время, когда еще нет необходимых для нее условий”. По его убеждению, “русская история еще не смолола

той муки, из которой будет со временем испечен пирог социализма, и что пока она такой муки не смолола, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся". (Единство. 1917. 11 июля).

⁶¹ Рабинович А. Большевики приходят к власти. М., 1989. С.99-105.

⁶² Большевики в 1917 году. Т.2. С.236.

⁶³ Новый журнал. 1969. Кн.94. С.267-268.

⁶⁴ Мартов и его близкие. С.109.

⁶⁵ Большевики в 1917 году. Т.2. С.226, 277; Московское государственное совещание состоялось 12-15 августа 1917 г. На нем присутствовали около 2,5 тыс. делегатов, представлявших различные общественные течения и политические партии. Подробнее об этом см.: Государственное совещание. Стеногр. отчет. М.;Л., 1930. В советской историографии совещание рассматривалось как "важное звено в консолидации сил контрреволюции". См.: Иванов Н. Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977. С.96. Керенский видел в этом совещании возможность объединить общество. См.: Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С.228. По Ленину это было "московское контрреволюционное империалистическое совещание". См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.74. Также см.: Николаев А.Б. Историография Государственного совещания. // История России первой трети XX в.: историография, источниковедение. Екатеринбург, 1996. С.80-82.

⁶⁶ Известия Петроградского Совета. 1917. 11 авг.; Большевики в 1917 году. Т.2. С.276; РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.160.

⁶⁷ Новая жизнь. 1917. 2 авг.; Большевики в 1917 году. Т.2. С.248, 281-284. Суханов так описал выступление Мартова в коммерческом институте, где "огромная аудитория была набита битком и с энтузиазмом приветствовала Мартова". Мартову местные большевики преподнесли "адрес", в котором отмечались его выдающиеся заслуги и пожелание к объединению. См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.3. С.66.

⁶⁸ Иоффе Г.З. Семнадцатый год. С.117-119; Катков Г.М. Дело Корнилова. Париж, 1987. С.81; Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905-1917. М., 1990. С.248. Корреспондент "Русского слова" рукопожатие Церетели и Бубликова расценил как апофеоз Государственного совещания. Он писал: "Это была минута, по трогательности необыкновенная, потрясающая. Это был неожиданный духовный сдвиг и весь долгожданный смысл Государственного совещания. А Церетели, от имени революционной демократии протянувший руку направо, был истинный главнейший герой совещания, - ге-

рой в том смысле, что герои, как гении, первые находят нужнейший жест и нужнейшее слово, по которым томятся в горячем ожидании массы”. (Цит. из кн.: Поликарпов В.Д. Указ соч. С.247).

⁶⁹ Getzler I. Martov. P.158-159; Новая и новейшая история, 1995. № 5. С.146-147; Иоффе Г.З. Семнадцатый год..

⁷⁰ Ленин в статье “Русская революция и гражданская война” признавал, что условием победы над Корниловым явился “союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии”, испытанный “только по одному фронту, только в течение пяти дней, 26-31 августа, во время корниловщины”. (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.221). Тогда же Ленин отмечал, что “мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость... Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя”.(Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.119-120). Для Ленина – корниловщина – это “заговор генералов”. (Там же. С.217). Советские историки придерживались этой же точки зрения. См.: Поликарпов В.Д. Указ соч. С.254-289. Для Г.М.Каткова это скорее “трагическое недоразумение”, виновником которого был Керенский. Корнилов в своих показаниях, данных Чрезвычайной следственной комиссии 5 сентября 1917 г., писал, что вначале он ничего не имел против Керенского, “признанного вождя демократических партий”, возглавлявшего Временное правительство. Более того, полагал, что “несогласия между Керенским и мной могли бы иметь пагубные последствия”, но не скрывал, что как премьер, Керенский “не знал того дела, во главе которого он стоял”. Корнилов сообщал, что в беседе с посланцем Керенского В.И.Львовым, он заявил, что единственным выходом страны из тяжелого положения является установление военной диктатуры, и что если Временное правительство предложит ему стать диктатором – он согласится. См.: Катков Г.М. Дело Корнилова. С.170, 197, 206, 212-213, 216-217. По мнению Д.Штурман, Корнилов пытался “всего-навсего остановить развал армии и крах воюющего государства” и был преступно предан Керенским. Она полагает, что никакого мятежа не было и Корнилов готов был осуществлять демократическую программу и предотвратить большевистское выступление. Штурман считает, что действия Корнилова были направлены на созидание, а большевиков – на разрушение общества. См.: Штурман Д. У края бездны. Корниловский мятеж глазами историка и современников. // Новый мир. 1993. № 7. С.215, 216, 222, 223,231. Сугубо политологический характер аргументации выводов Д.Штурман не очень убедителен и не позволяет с ними согласится.

⁷¹ И.Г.Церетели, выступая 29 августа 1917 г. на заседании ВЦИК,

говорил: “В этот час тяжелых испытаний сомкнулись ряды революционных демократов, образовался единый фронт. И только этому единению мы обязаны быстрой, бескровной победой”. (Известия Петроградского Совета. 1917. 30 авг.).

⁷² См. об этом: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.3. С.109, 113; Новая жизнь. 1917. 29 авг.; Рабочая газета. 1917. 2 сентября; Вперед. 1917. 5 сент. Рабинович А. Большевики приходят к власти. С.155. Московский комитет РСДРП 2 сентября поддержал петроградских меньшевиков-интернационалистов, предлагая в резолюции создать революционно-демократическое правительство. См.: Вперед. 1917. 5 сент. Собрание представителей районных меньшевистских комитетов Петрограда 7 сентября требовало от предстоящего Демократического совещания создания правительства, ответственного перед ним в своих действиях. См.: Рабочая газета. 1917. 8 сент.

⁷³ Ленин в статье “О компромиссах” писал, что компромисс заключается в том, что большевики отказываются от своего требования немедленного “перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам”, а меньшевики и эсеры соглашаются “составить правительство целиком и исключительно ответственное перед Советами”. (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.135).

⁷⁴ В официальном заявлении, подписанном Керенским и министром юстиции Зарудным, говорилось: “Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя,.. Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую Республику”. (Известия. 1917. 3(16) сент.) В состав Директории вошли А.Керенский, “беспартийный” М.Терещенко, меньшевик А.Никитин, генерал А.Верховский и адмирал Д.Вердеревский. См. так же: Большевики в 1917 г. М., 1996. Т.3. Ч.1. С.140.

⁷⁵ Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М.,1993. С.291-292. С.Кливанский в газете “День” (1917. 26 сент.) так откомментировал избрание Троцкого председателем Петроградского Совета: “Петроградский Совет спустил знамя революционной демократии и взвилось новое – знамя социальной революции в фантазии масс... Историческая стихия нашла в нем (Троцком. – И.У.) своего идеального выразителя”. С 1 сентября 1917 г. Мартов регулярно присутствовал на заседаниях ЦК РСДРП. См.: РЦХИДНИ. Ф.275. Оп.1. Д.18. Л.5-12.

⁷⁶ Ф.И.Дан вспоминал: “Мысль, руководившая нами при созыве Демократического совещания, состояла в том, чтобы попытаться создать демократическую власть, опирающуюся не только на те элемен-

ты революционной демократии,.. которые сосредоточились в Советах, но и на те, которые имели прочную базу в кооперативах и органах местного самоуправления (городских думах и земствах)... Главная причина неудачи заключалась в позиции, занятой группами “несоветской” демократии... Мне очень врезалось в память одно из последних утренних собраний “звездной палаты” в кабинете М.И.Скобелева с участием представителей “несоветской” демократии перед самым Демократическим совещанием. Запомнились мне среди присутствующих Руднев (московский городской голова), педагог Душечкин, кооператор Беркенгейм и др. Здесь буквально в десять минут была похоронена идея образования чисто демократической власти, после того, как оглашенному мною списку проектируемого правительства был противопоставлен категорический и единодушный отказ всех “несоветских” демократов без исключения! Все они заявили, что в состав чисто демократического правительства не войдут... При таких условиях Демократическое совещание оказалось в сущности беспредметным”. (Дан Ф.И. Последняя попытка лидеров ЦИКа. // Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С.373-376; Иоффе Г.З. Семнадцатый год... С.148-151; Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.3. С.179-193). Суханов вспоминал, как “великолепно говорил Мартов, разоблачая и незаконность, и нелепость действий делегатов”. (Суханов Н.Н. Указ. соч. С.209). См. Меньшевики в 1917 году. Т.3. Ч.1. С.382.

⁷⁷ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.222. Вряд ли можно согласиться с категорическим утверждением В.П.Булдакова о том, что демократической альтернативы в 1917 г. у российского общества не было и быть не могло. См.: Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С.165. История последних лет подтверждает, что демократический путь для России вполне возможен. Нельзя же делать выводы на основании временной победы тоталитаризма и отказывать на этом основании стране в цивилизованном, демократическом развитии.

⁷⁸ Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. Л., 1976. С.338-339. Меньшевики были избраны в Кишиневе (1), в Екатеринославе (1), Закавказье (9), Петрозаводске (1), Пензе (1), Киеве, Петрограде и Юго-Западном фронте. См.: Спирин Л.М. Россия. 1917 год. М., 1987. С.273-328. По списку членов Учредительного собрания меньшевиками зарегистрированы: Н.Н.Жордания, А.Г.Зурабов, И.И. и Н.В.Рамишвили, М.И.Скобелев, И.Г.Церетели, Н.С.Чхеидзе, А.И.Чхенкели, Д.Г.Ахундов, И.А.Бекзаян, Г.Т.Георгадзе, В.Г.Джибладзе, А.С.Ломтатидзе, Г.Ш.Лурье, М.Н.Смирнов. См.: Всероссийское Учредительное собрание. М.;Л., 1930. С.116-138. Мартов был

первым в списках РСДРП (о) по Петрограду (список № 1) и в списке № 16 меньшевиков-интернационалистов. Вместе с ним в списках были О.А.Ерманский, Ф.Я.Кон, Н.Н.Суханов и др. Они также не были избраны депутатами Учредительного собрания.

⁷⁹ День. 1917. 19, 23 авг.; Меньшевики в 1917 году. Т.2. С.298-302, 461.

⁸⁰ Съезд (по определению Суханова – конференция) не смог стать объединительным. До его открытия, 3 августа 1917 г. VI съезд РСДРП(б) в резолюции “Об объединении партии” предлагал всем революционным элементам объединиться с большевиками. В существующем расколе обвинялись, прежде всего, меньшевики-оборонцы. См.: Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С.269-270. Суханов вспоминает, что “конференция... не вышла объединительной”. В ней не участвовали большевики и плехановское “Единство”. Среди присутствующих меньшевиков выделялись группы Потресова (оборонцы), Церетели (центр), меньшевики-интернационалисты Мартова и др. См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.3. С.71. В день открытия съезда, 19 августа, в газете “Пролетарий” появилась статья Ленина “За деревьями не видят леса”. В ней Ленин писал о Мартове, что в вопросе о переходе власти Советам он “запутался самым невероятным, забавным, самым беспомощным образом”. В отличие от “кокетки” Чернова и “тупицы” Церетели, Ленин назвал Мартова наиболее революционным публицистом, “наиболее сознательным и искусным”. А затем упрекал его в том, что до 4 июля 1917 г. Мартов был против лозунга вся власть Советам, позже – за, а в начале августа – опять против. Критерием смены тактики для Мартова была угроза гражданской войны, Ленина же это отнюдь не пугало. Потому что, по его мнению, революции неизбежно “превращали классовую борьбу в гражданскую войну”. (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.79-85). У Ленина и Мартова были разные критерии оценок ситуации. После 4 июля Ленин также отказался от лозунга передачи власти Советам, из-за их меньшевистско-эсеровского состава и выступления против попытки большевистского путча. Мартов после разгрома корниловщины, увидев силу единения демократии, пришел к выводу о переходе власти не к быстро большевизирующимся Советам, а в руки революционной демократии. Потому статья Ленина была весьма конъюнктура. Из нее было ясно, что каждый лидер видел “в лесу свое дерево”. Противоречия в поступках Мартова заметил тогда и Лев Дейч из плехановского “Единства”, хотя в доказательство привел не относящиеся к этому впечатления Ленина о Мартове: “Знаете, – признавался мне Ленин в те времена, – Ю.Цедербаум доводит меня своими разговорами иногда чуть не до бешенства: я не в силах выносить таких

непрерывных потоков. Но надо отдать ему также справедливость: хотя писал он свои статьи урывками, поздно по ночам, после возвращения из ресторанов и кафе-шантанов, – они бывали довольно содержательны и выдержаны в марксистском смысле”. (Известия Петроградского Совета. 1917. 21 авг.).

⁸¹ Партийные известия. 1917. 20 сент. Сохранилось 256 анкет делегатов съезда. См.: РЦХИДНИ. Ф.275. Оп.1. Д.7, 8, 9, 10. Согласно анкетам 93 отнесли себя к меньшевикам, 49 – к интернационалистам, 47 – к оборонцам, 18 – к “объединенцам”, 11 – к Бунду, 14 – к большевикам из объединенных организаций, 45% делегатов отнесли себя к интеллигентам, 27% – к рабочим. См.: Минц И.И. История Великого Октября. Т.2. С.781-782.

⁸² Меньшевики в 1917 году. Т.2. С.324-325, 434-435, 461.

⁸³ Цит. по: Там же. С.355, 359-369; Рабочая газета. 1917, 22 авг..

⁸⁴ Там же. С.355-358, 358-369.

⁸⁵ Там же. С.369-376, 381, 388, 402, 403, 410-412, 426-429, 499. На съезде доходило до личных оскорблений. 22 августа Мартов говорил о “разжиревших писателях из “Дня”, именующих интернационалистов в своих статьях “политическим младенцами”. На следующий день Д.Заславский, решив, что это он имелся ввиду, вызвал Мартова на суд чести. Когда Мартов отказался, мотивировав тем, что уже имел за это замечание председательствовавшего, выступивший от имени Заславского М.Либер бросил Мартову: “Трус!” 24 августа Мартов, узнав об обращении Заславского в Президиум съезда, заявил, что не отказывается от третьей инстанции. См.: Там же. С.455, 479, 483, 517.

⁸⁶ Меньшевики в 1917 году. Т.2. С.504, 568-570; РЦХИДНИ.Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.160.

⁸⁷ См. об этом: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.260-261. В статье “Большевики должны взять власть” Ленин писал: “Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять власть в свои руки... Вопрос о том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить вооруженное восстание... завоевание власти, свержение правительства”. (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.34. С.239, 240.; Церетели И.Г. Воспоминания о Февральской революции. Париж, 1964. Кн.1. С.242).

⁸⁸ Цит. по кн.: Иоффе Г.З. Семнадцатый год... С.164-165.

⁸⁹ См. об этом: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.3. С.231-232; Искра. 1917. 3 окт.; РЦХИДНИ. Ф.362. Оп.1. Д.51. Л.161-164.

⁹⁰ Искра. 1917. 3 окт.; Рабочая газета. 1917. 10 окт.; Новая жизнь. 1917, 15, 25 окт. В Предпарламенте Мартов был главным оратором и автором резолюций меньшевиков-интернационалистов, он был

представителем фракции в “сеньорен-конвенте”. (Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.3. С.241, 311, 313; Известия. 1917. 25 окт.)

⁹¹ Славин Н.Ф. Октябрьское вооруженное восстание и Предпарламент. // Ленин и Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1964. С.227; Дан Ф.И. Последняя попытка лидеров ЦИКа. // Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С.394-395.

⁹² Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.3. С.315, 317; Рабочая газета. 1917. 26 окт.

⁹³ См. об этом: Минц И.И. История Великого Октября. Т.2. С.957; Новая жизнь. 1917. 26 окт.; Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.;Л., 1928. С. 4, 41, 107-109; Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1959. С.91; Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.3. С.337.

⁹⁴ Цит. по: Getzler I. Martov. P. 163.

⁹⁵ Второй Всероссийский съезд Советов... С.42-44, 45-46.

⁹⁶ Там же. С.51-52.

⁹⁷ Суханов Н.Н. Записки о революции. Т.3. С.342. 343.

⁹⁸ Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. С.415.

ГЛАВА IV

Мартов в Советской России. Последняя эмиграция

1. Политическая деятельность и размышления о судьбах российской революции

Мартов был активным участником революционных событий в России в 1917 и вплоть до лета 1920 г. Его труды – свидетельство человека, политически причастного ко всему, что тогда происходило в стране, а затем постепенно осмысливающего значение случившегося в статьях и брошюрах, написанных по “горячим следам” событий, и в книгах, созданных позже.

По мнению Б.И.Николаевского, обе меньшевистские фракции (оборонцы и интернационалисты) отнеслись к “восстанию большевиков... резко отрицательно”. Но публикуемые им же тексты деклараций обеих меньшевистских фракций не дают оснований для столь категорического вывода. Обе фракции не были последовательны в своих действиях. Сначала они допускали возможность компромисса с большевиками: так, оборонцы вели переговоры с Временным правительством “об образовании власти, опирающейся на все слои демократии”, а интернационалисты настаивали на соглашении “между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства, которое было бы признано всей революционной демократией и которому могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно”.¹ Эти декларации были приняты 25 октября 1917 г. Но уже через несколько дней, 28 октября, ЦК РСДРП(о) принял решение о недопустимости каких-либо соглашений с большевиками. Но уже 31 октября ЦК изменил это решение, постановив принять участие “в попытке организовать одно-

родную власть, включающую в себя все социалистические партии от энесов до большевиков”.²

Эти колебания обуславливались тогда быстро меняющимися обстоятельствами. Нетрудно заметить, что меньшевики выступали за соглашение, когда им казалось, что позиции большевиков прочны. И наоборот, большевики соглашались вести переговоры с “согласителями”, когда чувствовали угрозу своей власти. Сначала Ленин был непоколебим: “Пусть согласители принимают нашу программу и входят в правительство! Мы не уступим ни пяди. Если здесь есть товарищи, которым не хватает смелости и воли дерзать на то, на что дерзаем мы, то пусть они идут ко всем прочим трусам и согласителям! Рабочие и солдаты с нами, и мы обязаны продолжать дело”.³ Но стоило казачьим сотням генерала П.Н.Краснова двинуться на Петроград, а противникам большевиков объединиться 27 октября 1917 г. в “Комитет спасения родины и революции” и заручиться поддержкой Викжеля, как Ленин стал более уступчив, заявив от имени ЦК РСДРП(б), что он не против возвращения ушедших со II съезда Советов и готов “признать коалицию этих ушедших в пределах Советов, что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти”.⁴ Прошло немного времени, власть Совнаркома окрепла, и Ленин, говоря об этих событиях, уже предпочитал не вспоминать свою “минутную слабость”, утверждая: “... Мы поступили вполне правильно, когда не пошли на компромисс с мелкобуржуазной демократией”.⁵ Между этими высказываниями Ленина прошло немного времени, но власть большевиков упрочилась, и возможный компромисс с социалистическими партиями потерял для него актуальность.

Мартов воспрянул духом в период нестабильности власти большевиков. Он был основным агитатором за переход власти в России в руки демократического правительства. Центром межпартийных переговоров стал тогда Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников (Викжель).⁶ 29 октября Викжель в ультимативной телеграмме, разосланной во все концы страны, потребовал сформирова-

ния однородного социалистического правительства из представителей всех “советских партий” от большевиков до народных социалистов, а также создания “правомочного органа всей демократии” – Народного Совета, перед которым правительство было бы ответственно впредь до созыва Учредительного собрания. В противном случае Викжель угрожал забастовкой железнодорожников. В выполнении своего требования Викжель видел условие предотвращения гражданской войны в стране. От имени ВЦИК переговоры вел его председатель большевик Л.Б.Каменев.⁷

Переговоры носили вначале конструктивный характер. Каменев заявил о возможности создания нового правительства с включением в его состав представителей различных социалистических партий, меньшевики согласились на участие в нем большевиков, предложили переименовать Совнарком в кабинет министров, а премьером назначить В.М.Чернова. Однако 1 ноября ситуация резко изменилась: большевики одержали военную победу над казаками Краснова, и в этих условиях Ленин и Троцкий не хотели уже идти на коалицию с меньшевиками и эсерами. На заседании ВЦИК большевистская делегация на переговорах с Викжелем подверглась резкой критике. Ленин буквально обрушился на сторонников соглашения – “мягких большевиков”: “А соглашение?.. Я не могу даже говорить об этом серьезно. Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял и с тех пор не было лучшего большевика”.⁸

Мартов не раз выступал на совместных заседаниях Викжеля с делегацией большевиков и левых эсеров. Он призывал создать правительство, признанное всей демократией, и опирающееся “на все учреждения, вышедшие из всеобщего избирательного права”. Мартов протестовал против расстрела юнкеров 29 октября, закрытия “буржуазных” газет и требовал прекращения войны с Керенским. Это мнение Мартова выразил Ю.Ларин 4 ноября на заседании ВЦИК, потребовавший прекращения террора и отмены имевших место санкций. По данным А.И.Разгона, на пяти заседаниях

ВЦИК обсуждались условия соглашения социалистических партий. Было принято несколько резолюций (1, 2, 6 ноября 1917 г.), в которых такое объявлялось желательным, но на большевистских условиях.⁹

В последние годы точка зрения Мартова и его единомышленников на соглашение с большевиками была подвергнута критике. С одной стороны, их упрекали в излишней доверчивости к большевикам, соглашение с которыми в принципе было невозможно.¹⁰ С другой – продолжались пролетинские обвинения в адрес Мартова, поверившего меньшевикам и эсерам, которые, оказывается, и не собирались создавать правительство, стоящее на платформе Советской власти. Переговоры же с большевиками они вели, чтобы “физически и морально разоружить рабочий класс” и “дать контрреволюции собраться с силами”.¹¹ Обе точки зрения нуждаются в корректировке.

Последние утверждения принадлежат В.Х.Тумаринсону, который и в 1994 г. (время издания его монографии) оставался на ленинской точке зрения, согласно которой только большевики и есть синоним Советской власти, хотя ныне широко известно, что меньшевики и эсеры были также за Советскую власть, но, в отличие от большевиков, выступали за многопартийные и беспартийные Советы, а не за Советы, выражающие только волю большевистского руководства.

Мартова трудно укорять за стремление к компромиссу. В письме П.Б.Аксельроду от 19 ноября 1917 г. он подробно объяснял возникшую в то время ситуацию и писал, что свершилось “самое страшное, чего можно было ожидать”: власть захватили Ленин и Троцкий “в такой момент, когда и менее их безумные люди, став у власти, могли бы наделать непоправимые ошибки”. Мартов сообщал, что “после мучительных колебаний и сомнений” решил на время “умыть руки” и отойти в сторону, т.е. не быть, как положено марксисту, с пролетариатом даже тогда, когда он ошибается. Он писал о быстрой победе большевиков 25 октября, и о слабости Временного правительства, “за которое не поднялся ни один город и ни один полк на фронте”. Мартов был за соглашение с

большевиками, так как за ними шли рабочие и солдаты, и поэтому, когда такая возможность по инициативе Викжеля возникла, принял участие в переговорах. Однако, писал он Аксельроду, “когда мы поставили вопрос о том, что как залог морального успеха переговоров надо прекратить царство террора, открыть все газеты, освободить из крепости буржуазных министров и установить перемирие на внутреннем фронте (на что Керенский прислал согласие), большевики ответили сначала оттяжкой, а потом отказом, и переговоры были сорваны, причем все посредники признали, что вина падает на большевиков”. Мартов писал о поражении меньшевиков на выборах в Учредительное собрание: “Мы, вообще, почти повсюду не существуем, как партия масс”, которые идут за большевиками, кадетами и эсерами. В этом же письме Мартов предсказал разгон большевиками Учредительного собрания, что должно было означать начало гражданской войны “между пролетариатом и мелкобуржуазной демократией”. Он заявлял об отказе сотрудничать с большевиками, так как не хотел прикрывать их антидемократические действия.

Письмо Мартова довольно грустное и полно пессимистических выводов. Он считал, что оказался в трагической ситуации. И объяснял это Аксельроду: “Поймите, что все-таки перед нами победившее восстание пролетариата, то есть, почти весь пролетариат стоит за Лениным и ждет от переворота социального освобождения и притом понимает, что он вызвал на бой все антипролетарские силы. При этих условиях не быть, хотя бы в роли оппозиции, в рядах пролетариата – почти нестерпимо”. Мартов не верил, что ленинская диктатура “обречена на гибель в скором уже времени”, отмечал плохое самочувствие, особенно когда “присутствуешь при разгроме революции и чувствуешь себя беспомощным что-нибудь сделать”. Он был растерян, так как не хотел и “специально порочить перед Европой большевистскую диктатуру”, поскольку это “могло бы объективно помочь врагам революции и социализма вообще”. Вместе с тем его угнетала мысль, что за рубежом не поймут причин нашего “абсентиз-

ма” в “новой революции” и просил Аксельрода заняться этими разъяснениями.¹²

В следующем письме Аксельроду 1 декабря 1917 г. Мартов акцентировал внимание на том, что нужно объяснить западным товарищам: 1. “Что, хотя масса рабочих за Лениным, его режим все более становится режимом террора не пролетариев, а “санкюлотов”; 2. Что попытка коммунистического эксперимента, предложенная Лениным, “ни к чему, кроме краха, привести не может”; 3. “Что режим террора, попираания гражданских свобод” готовит почву для бонапартизма; 4. Что гражданская война и распад страны “делают позицию ленинцев при переговорах с немецким правительством совершенно беспомощной”; 5. Что “наш лозунг” – объединение социалистического большинства Учредительного собрания “путем соглашения между ленинцами и всеми остальными на почве разрешения задач мира, регулирования промышленности и аграрной реформы с отказом от террора и социально-утопических экспериментов”.¹³

В этом же письме Мартов сообщал о манипуляциях большевиков с открытием Учредительного собрания: они декретировали кворум в 400 депутатов и начали арестовывать кадетов, чтобы оттянуть начало его работы.¹⁴ Он был недалек от истины. 18 декабря 1917 г. Ф.Э.Дзержинский подписал ордер на арест И.Г.Церетели, В.М.Чернова, Ф.И.Дана, М.И.Скобелева и других лидеров эсеров и меньшевиков.¹⁵ Ленин тогда был вынужден дать согласие на открытие Учредительного собрания, хотя отчетливо понимал, что страна проголосовала не за радикалов и экстремистов, а демократов-центристов. На выборах большевики и меньшевики, т.е. в целом все социал-демократическое движение, потерпели поражение. Крестьянская Россия проголосовала за эсеров, так как крестьяне рассчитывали, что они защитят их интересы. Итоги выборов известны: большевики получили 23,2% голосов, кадеты и другие правые партии – 17%, демократические партии – 59%, причем более 40% из них эсеры, меньшевики имели в двух российских столицах по 3% голосов, по всей стране – 2,5%, и только в Закавказье – 37% голо-

сов избирателей. Парадокс ситуации состоял в том, что население страны получило не ту власть, за которую голосовало, а покорно смирилось с другой, захватившей власть вооруженным путем и разогнавшей легитимное, свободно избранное демократическое Учредительное собрание. Большевики говорили о свершении социалистической революции в России и тут же избавились от Учредительного собрания, большинство депутатов которого составляли представители социалистических партий страны. Более того, выступавшие на единственном заседании Учредительного собрания (5 января 1918 г.) В.М.Чернов и И.Г.Церетели заняли явно просоветские позиции и ратовали за социализм; принятые депутатами закон о земле и постановление о государственном устройстве России мало чем отличались в своей декларативной части от декретов, утвержденных на II Всероссийском съезде Советов.¹⁶

Сохранились письма Мартова Аксельроду и Кристи, газетные статьи и его выступления на чрезвычайном съезде меньшевистской партии (30 ноября-7декабря 1917 г.), в которых он высказал свое отношение к захвату власти большевиками. Биографы Мартова для характеристики его взглядов на происшедшее в стране 25 октября 1917 г. используют его высказывания разных лет. Их выводы не вызывают сомнения, хотя и не отражают эволюцию взглядов Мартова. Сводятся они к следующему: 1. В отличие от многих своих современников, Мартов не верил в скорое падение ленинской диктатуры; 2. Мартов не призывал к реставрации керенщины и был согласен поддержать большевиков на условиях создания коалиционного демократического правительства, отказа от утопических социалистических экспериментов и террора. 3. Мартов предлагал меньшевикам не участвовать в гражданской войне, критиковать антидемократические деяния большевиков, бороться за сплочение пролетариата на основе социал-демократизма; 4. Мартов считал возможным демократизировать установленную большевиками советскую систему, рассчитывая на разочарование населения в большевизме, раскол внутри РСДРП(б), мировую ре-

волюцию.¹⁷ Об этом же писал Д.Далин: “В своем отношении к ленинской власти Мартов колебался между крайностями понимания и сочувствия, с одной стороны, и протеста и возмущения с другой... Идея “соглашения” с большевизмом сохранила для Мартова силу на многие годы как представление о здоровом, демократическом выходе из тупика; ее называли нормативной идеей”. Далин писал, что постепенно эту идею приняли многие меньшевики, считаясь с необходимостью предупредить “братоубийственную войну” или “гражданскую войну внутри пролетариата”.¹⁸

По данным Д.Далина, меньшевики, после прихода большевиков к власти, не были едины: на крайне правом и крайне левом флангах меньшевизма стояли люди и группы, которые “твердо и гордо держались ранее воспринятой доктрины и не отступали”. Для А.Н.Потресова большевизм у власти был “контрреволюцией”, в борьбе с которой допустимы союзы с самыми различными силами. Особую позицию занимала группа Г.В.Плеханова “Единство”, колебались Ф.И.Дан и другие бывшие “оборонцы”.¹⁹

Для обсуждения тактики в новых условиях ЦК РСДРП решил созвать экстренный, чрезвычайный съезд партии. Незадолго до его открытия, 19 ноября 1917 г. в газете “Луч” появилось обращение 11 меньшевиков-интернационалистов, в том числе и Мартова к партии. В нем весьма резко утверждалось, что съезд РСДРП собирается в “трагический момент”, когда стоит вопрос о ее дальнейшем существовании как “партии вообще, как партии рабочего класса в особенности”. В обращении подчеркивалось “великое политическое поражение партии” 25 октября, в том числе и как организации, которая через три месяца после объединительного съезда “находится в состоянии внутренней анархии”. Мартов и другие подписавшие обращение предъявляли претензии руководству партии за бесконечные колебания в политической линии; отставание теоретической мысли и партийных директив от практики местных организаций; за склонность к “каучуковым” резолюциям; за попытки поддерживать единство партии методом “механического соедине-

ния противоречивых тенденций”. Они видели две перспективы: или большевистский захват власти будет безболезненно ликвидирован образованием социалистического правительства, или же вмешательство “марксистского авангарда пролетариата окажется уже пришедшим слишком поздно”. Подтвердилась вторая с одной существенной поправкой: большевики никому не позволили разделить с ними власть или отнять ее у Ленина.

Мартов, готовясь к съезду, выступил с рядом статей в газетах. 20 ноября 1917 г. он писал в “Искре” о причинах и характере Октябрьского переворота, а также отвечал Ф.И. Дану почему политические неудачи преследуют меньшевиков-интернационалистов. Мартов говорил о недовольстве населения политикой Временного правительства, вместе с падением авторитета которого падал и престиж связанных с ним меньшевиков. В результате банкротство политики меньшевиков – “оборонцев” и сторонников коалиции привело к поражению всего меньшевизма, в том числе и интернационалистов. В то время Мартов ратовал за переход власти к Учредительному собранию и считал, что в результате его разгона возникнет гражданская война внутри демократии, которая станет “самоубийством русского социалистического пролетариата”.²⁰

Чрезвычайный съезд РСДРП открылся в 12 часов дня 30 ноября 1917 г. На нем присутствовало более 100 делегатов, представлявших, по подсчетам В.И. Миллера, 143 тыс. членов партии.²¹ Съезд открыл К.М. Ермолаев, заместитель председателя ЦК РСДРП П.Б. Аксельрода. Он был краток и резок: “... в партии царит полное разложение, делающее партию неспособной почти ни к какой политической деятельности”.²² На съезде столкнулись различные мнения об отношении к новой власти и перспективах дальнейшей работы партии. Правых, непримиримых к большевикам, представляли А.Н. Потресов и М.И. Либера²³; колеблющийся центр – Ф.И. Дан; левых, согласных при ряде условий на сотрудничество с большевиками – Ю.О. Мартов. Прения развернулись по докладам Либера, Мартова и Потресова. Убедить им друг

друга не удалось, но в своем большинстве делегаты по всем вопросам поддержали Мартова.

Каковы же были аргументы докладчиков? Мартов в речи о текущем моменте исходил из того, что “переворот 25 октября” не был случайностью, что он был предопределен “всеми ходом русской революции”. Перед революцией, по его мнению, стояли три основные задачи: прекращение войны, создание условий для нормального развития экономической жизни, радикальное решение аграрного вопроса. Коалиционное Временное правительство их решить не смогло. Более того, “коалиция с буржуазией, стремление государственную власть в революции сделать во что бы то ни стало общенациональной, сделала мелкую буржуазию непригодной для роли общенационального вождя революции”, несмотря на возможность поддержки ее пролетариатом. Мартов возлагал за это “известную долю ответственности” на РСДРП. “Своим отношением к идее коалиции, господствующим в партии так долго, – говорил он, – мы тормозили самоопределение буржуазной демократии... Топтание революции на одном месте” привело партию к гниению. Большевистское восстание 3-5 июля продлило дни коалиционного правительства. Корниловский мятеж вызвал подъем демократии, что создало условия “для мирного распространения идеи однородной революционной власти”. Но Демократическое совещание отвергло ее, и это способствовало обострению противоречий между настроением народа и властей. И тогда вопрос встал так; произойдет ли взрыв до Учредительного собрания, или последнее предупредит его?

В отличие, пожалуй, от всех других меньшевистских лидеров, Мартов отмечал, что “мы, как партия политического реализма должны отдать отчет в том, что независимо от наших симпатий и антипатий, пролетариат и те, кто идет за ним путем этого переворота, пытается осуществлять агрессивно-прогрессивные задачи, перед которыми запнулась буржуазная демократия”. И утверждал: “Не верно, что этот переворот контрреволюционен. Он, конечно, может быть прологом к контрреволюции... Можно предвидеть, что по-

пытка скачка социалистической революции, иначе, как крахом и не может кончиться. Но в существе своем переворот вызван неудовлетворенными потребностями рабочего класса". Мартов подчеркивал, что партия, которая пришла к власти при помощи заговора "не может управлять иначе, как путем террора, доведенного до конца, и в этом ее историческое осуждение. Крушение ее неизбежно". Он считал тогда, что выбор существует между коалицией с большевиками или центристами, но "при условиях, в которых последнее возможно только на трупах пролетарского движения". От большевиков Мартов требовал отказа от "анархистских приемов диктатуры против демократии". Он ставил задачу собирания пролетарских сил и сохранения "классовой самостоятельности" меньшевиков. Не исключая возможность соглашения, Мартов считал недопустимым "растворения" меньшевизма в демократической стихии.

По докладу Мартова о текущем моменте была принята предложенная им резолюция (50 – за, 31 – против, 8 – воздержалось). В ней предлагалось способствовать единению пролетариата и мелкобуржуазной демократии для проведения демократических реформ в стране; бороться с "режимом анархии и террора" за признание всей полноты государственной власти за Учредительным собранием.²⁴ В 1919 г. Мартов, объясняя почему он предпочел большевиков генералам и интервентам, вспомнил о Чрезвычайном меньшевистском съезде, когда он и его единомышленники признали "из программы октябрьского переворота то, что в ней было не утопическим и лежащим на линии революционного развития: немедленный мир, передача земли крестьянам, государственное регулирование всего производства".²⁵

Доклад Мартова на съезде вызвал яростные нападки оппонентов. М.И.Либера считал нужным "признать за народом права восстания против большевиков". Он грозил непонимающим жестокостью новой власти: "Наше левое крыло еще недостаточно освоилось с мыслью, что большевики не являются партией, которая подлежит расстрелу, а, наоборот, властью, которая имеет силу расстреливать". Либера

был против любых компромиссов “с контрреволюционным большевизмом”. Он считал, что “политика левого крыла” знаменует разрыв со взглядами меньшевиков на прогрессивность буржуазии. Либер предлагал поддержать кадетов в “их борьбе за элементарные свободы против большевиков”, с тем, чтобы во главе этой борьбы встали “общенародные органы, а не вырождающиеся Советы”. А.Н.Потресов в выступлении требовал свержения власти большевиков любыми средствами. “Большевизм тем характерен, – говорил Потресов, – что он никогда не позволял себя причислять. Он непоколебим. Его можно сломить, но нельзя согнуть”. По его мнению, большевики шли за массами и левые меньшевики народу были не нужны: “К чему, в самом деле, большевики второго сорта, когда есть первосортные”.²⁶ Голосование резолюций по докладам принесло победу Мартову: за его резолюцию проголосовало 50 делегатов, за резолюцию Либера – 13, Потресова – 10, Дана – 26.²⁷

Мартов выступил на съезде и с докладом о партийном единстве. Он оценил существовавшую в то время внутрипартийную обстановку как “положение, подобное гражданской войне”, хотя тут же признал, что принципа единства во что бы то ни стало для партии быть не может. Мартов утверждал, что единство возможно только тогда, когда существует сильное большинство, выражающее отчетливую политическую линию и проводящее ее в жизнь достаточно энергично. Причем должно быть так, чтобы права меньшинства партии на собственное мнение не нарушались. Мартов полагал, что одна из фракций должна взять на себя роль объединителя, иначе “партии предстоит пережить период дальнейшего разложения”. Дану доклад Мартова показался скорее докладом о расколе, нежели об единстве. Он был за дисциплинированную партию. С ним не согласились О.А.Ерманский и А.С.Мартынов. Они констатировали, что “партия давно больна” и ее объединяет в данный момент только антибольшевизм, а единство требуется идейное и организационное. Мартынов признал невозможность объединения с Потресовым: “Лед и пламень, вода и камень не могут быть так раз-

лично, как мы с Вами”. Мартов в заключении заявил, что не хочет раскола, в партии должна быть дисциплина, но при условии “организационного единства разных направлений в самом основном, а не механического господства одной фракции над другой”. Резолюция Мартова о единстве партии была принята: 58 – за, 5 – против, 20 – воздержались. Права меньшинства в партии в ней были отражены так: “Всякому меньшинству должна быть предоставлена полная возможность отстаивать свои взгляды внутри партии и в социал-демократической печати. Вне партии абсолютно недопустимы самостоятельные политические выступления против решений соответствующих правомочных партийных организаций”.²⁸

Бывшие оборонцы не поддержали резолюцию Мартова о единстве партии. Они отмежевались от нее и заявили о праве на существование отдельной партийной организации, избрали Временное бюро и отказались войти в ЦК РСДРП, созданное съездом. Однако ЦК сочло нужным 15 декабря 1917 г. в обращении к партийным организациям отметить, что “при наличии в партии далеко расходящихся крыльев, она все же представляет собой сплоченное целое, дорожащее своим единством и способное к единому действию”.²⁹

На съезде была принята и резолюция об условиях работы в советских организациях. Членам РСДРП предлагалось сотрудничать только в тех Советах, которые еще не стали органами большевистской власти, с тем, чтобы противодействовать террору и разжиганию гражданской войны.³⁰ На съезде победили левоцентристы во главе с Мартовым. Он был против большевистского режима, но не призывал к насильственным методам его свержения. Мартов следовал принципам предложенной им резолюции. П.Н.Колокольников заявил на съезде, что меньшевики не должны входить ни в какие советские организации. О.А.Ерманский возразил ему и предложил меньшевикам-интернационалистам вернуться во ВЦИК, чтобы вместе с левыми эсерами создать противовес большевикам. Мартов не согласился ни с тем, ни с другим. Он был против работы во ВЦИКе, считая его

“ширмой, прикрывающей самодержавие народных комиссаров”.³¹

Заметим, что часть меньшевиков на протяжении всего 1917 г. тянулась к власти. Они ратовали за участие в коалиционном Временном правительстве, теперь левые интернационалисты были готовы работать в Советах. Мартов был все время в оппозиции властям. “Концом одной двусмысленности” назовет он позже переход бывших меньшевиков, группировавшихся в 1917 г. вокруг газеты “Новая жизнь”, в РКП(б). Мартов увидел в этом сокращение числа политических групп, стоящих в оппозиции большевикам, возрастание роли РСДРП для отстаивания принципов “революционного марксизма”. Он приветствовал самороспуск социал-демократов интернационалистов как акт, вносящий ясность в политическую обстановку.³² Выступления Мартова в 1918-1920 гг. на заседаниях ВЦИК и съездов Советов свидетельствовали о его критике действий властей. Это подтверждают и воспоминания современников.³³

По данным К.В.Гусева, осенью 1917 г. меньшевиков-интернационалистов было чуть больше 37 тыс. человек. Он полагает, что в то время Мартов хотел подтолкнуть к власти мелкую буржуазию, что объективно было поддержкой эсеровских радикалов типа М.А.Спиридоновой.³⁴ Лидеры двух левых объединений ставили перед собой разные задачи. Левые эсеры блокировались с большевиками и 9 декабря 1917 г. вошли в состав Совнаркома, чуть позже стали членами коллегии ВЧК и до начала июля 1918 г. несли полную ответственность за все происшедшее в России, как одна из правительственных партий. Меньшевики-интернационалисты все время были в оппозиции властям и потому сравнение их с одной из властных партий некорректно. Мартов был за политику сдерживания большевизма, за единство демократических сил. Отход большевиков и левых эсеров от демократических принципов строительства государства означал резкое размежевание между социалистическими партиями страны, которое после разгона Учредительного собрания быстро превратилось в вооруженную конфронтацию. Мартов в ней участия

не принял. В этом была его особая позиция. По словам Д. Далина, Мартов идею “соглашения” воспринимал, “но непреодолимым препятствием была, однако, волна арестов, убийств, закрытия газет, запрещения партий – терроризм, лишь отчасти стихийный, а отчасти поощряемый и понукаемый Лениным. Тут моральное в Мартове побеждало все интеллектуальное, все соображения за и против.”³⁵

В декабре 1917 г. в газетах появились ряд статей Мартова в защиту Учредительного собрания, против большевистского террора и тюремного произвола.³⁶ Наиболее полно о происходящем Мартов написал в двух предновогодних письмах (30 декабря 1917 г.) своим близким: Н.С.Кристи и П.Б.Аксельроду. Кристи он объяснял, почему не мог не остаться в оппозиции большевистскому режиму, сообщал о трудностях быта, плохом самочувствии и заключал: “Какое-то чудо, что мы вообще еще живем после 2 месяцев этой анархии”.³⁷ Мартов информировал Аксельрода об итогах чрезвычайного съезда, где имея относительное большинство (50 из 120), “мы добились удовлетворительных результатов без существенных компромиссов”. Это выразилось в том, что “фактически весь партийный аппарат перешел в наши руки”. Но крайне правые (Потресов, Голиков и др.) и “просто правые” (Либер, Богданов, Батурский, Зарецкая) бойкотировали “центр ввиду-де “большевистского” уклона наших решений”. Мартов разъяснял сущность этих решений, состоящих в том, что “мы не считаем возможным от большевистской анархии апеллировать к реставрации бездарного коалиционного режима, а лишь к демократическому блоку; что мы за крестьянско-люмпенской стороной большевизма не игнорируем его корни в русском пролетариате, а потому отказываемся организовывать гражданскую войну против него и что мы отвергаем большевистскую “политику мира” во имя интернациональной акции пролетариата за мир, а не во имя “восстановления согласия с союзниками”, т.е. продолжения войны до весны или далее”.

Мартов писал, что Церетели не пошел с правыми, но и в ЦК отказался войти. По мнению Мартова, меньшевиков

сближало тогда “скверное положение всей партии”, “политическое положение” которой ужасно. Он видел это в том, что народные массы или с большевиками, или индифферентны, что “в революционное время без масс трудно сохранить жизненную партийную организацию”, что на собрания народ не ходит, деньги в партийную кассу не поступают, газеты мало распространяются. Он опять предсказывал разгон Учредительного собрания (ибо против него большевики), выражал надежду на то, что среди рабочих наступит отрезвление и что Новый год “быть может, заложит у нас основание марксистской рабочей партии”.³⁸

1918 год подтвердил самые мрачные прогнозы Мартова. Учредительное собрание было разогнано, демонстрация в его защиту расстреляна.³⁹ ЦК партии меньшевиков призвал к широкой кампании протеста против расстрела демонстрантов. ЦК заявлял, что меньшевики против мщения, хотя две партии (большевики и левые эсеры), “именующие себя социалистическими”, “обагрили свои руки в пролетарской крови”. ЦК партии меньшевиков решительно осудил убийство членов кадетского ЦК и бывших министров Временного правительства врача А.И.Шингарева и юриста Ф.Ф.Кокошкина, происшедшее в ночь с 6 на 7 января 1918 г.⁴⁰ 12 января 1918 г. Мартов от имени ЦК партии меньшевиков выступил с критикой доклада Ленина на III съезде Советов. Он говорил, что параллель, которую проводил Ленин между деятельностью Парижской Коммуны и Совнаркомом не выдерживает критики: Коммуна не занималась насилием и эксцессами, Совнарком это делает. Он обвинил советское правительство в проведении политики террора, в разгоне Учредительного собрания, которое зеркально отражало чаяния народа. Совнарком этого зеркала испугался и поспешил его разбить в первые же дни.⁴¹ Но тем не менее именно тогда Мартов вместе с Даном, Сухановым, Абрамовичем и Череваниным вошли в состав ВЦИК, получив там трибуну для обличения большевистской власти.

Мартов остался в составе ВЦИК и после IV чрезвычайного Всероссийского съезда Советов, где он выступил про-

тив ратификации Брестского договора с Германией. А когда договор все же был ратифицирован, Мартов “поздравил тов. Ленина, живущего отныне не только милостью Красной гвардии, но и милостью Вильгельма...” Он потребовал, “чтобы Совет Народных Комиссаров, подписавший этот мир, сложил с себя полномочия, чтобы была организована новая власть, которая могла бы найти за собой достаточно сил и возможностей, чтобы сорвать этот мир”.⁴²

В сборнике “Мартов и его близкие” опубликована подборка выступлений Мартова во ВЦИКе. Это выступление Мартова 29 апреля 1918 г. на заседании ВЦИК с критикой доклада Ленина “Очередные задачи Советской власти”; 27 мая 1918 г. против предложенной чекистом М.И.Лацисом инструкции “о звании комиссара”. Мартов говорил о “комиссарской эпидемии” в России, о том, что “скоро количество субъектов комиссародержавия будет неизмеримо больше, чем количество объектов”. Он считал, что “полчища комиссаров” не улучшат положение населения. 14 июня 1918 г. заседание ВЦИК обсуждало вопрос “о выступлениях против советской власти партий, входящих в Советы”. На нем внеочередное заявление сделал Мартов, предложивший сначала обсудить вопрос об арестах в Москве уполномоченных фабрик и заводов, собравшихся на рабочую конференцию для выражения протеста против голода и безработицы. Он настаивал на необходимости разбирательства “той практики открытой борьбы против неугодных проявлений рабочего движения, которые в Сормове и других местах довели до открытого военного столкновения и массовых расстрелов, подобно ленским, – я полагаю, что эти попытки неотвественных людей будут здесь осуждены, и ВЦИК будет иметь мужество сказать, одобряет ли он эти шаги”. Предложение Мартова было отклонено. Мартов на этом заседании категорически отрицал домыслы Л.С.Сосновского о сотрудничестве меньшевиков с антибольшевистским вооруженным движением. Его во всем поддерживал Дан. И все-таки ВЦИК, руководимый Свердловым, принял тогда резолюцию об исключении из своего состава эсеров (правых и центра) и

меньшевиков, а также предложил всем Советам “удалить представителей этих фракций из своей среды”.⁴³ Эти выступления Мартова свидетельствовали о нем, как об одном из основных лидеров оппозиции властям во ВЦИКе.

К роспуску Учредительного собрания Мартов отнесся как к антидемократическому акту, но считал, что “история перешагнула” через этот орган. Он писал в 1919 г.: “Разгон Учредительного собрания, показавший, что активная часть народных масс еще всецело увлечена идеей диктатуры меньшинства в ее обманчивой форме “всей власти Советам”, поставила перед партией задачу длительной борьбы за влияние на трудящиеся массы в Советах и пролетарских организациях”.⁴⁴ Теперь он был за свободные, демократические выборы в Советы. Однако, выборы в местные Советы, происходившие в апреле-июле 1918 г., успеха меньшевикам не принесли. По расчетам Л.М.Спирина, в 100 уездных Советах в марте 1918 г. было 3,3% меньшевиков, к августу осталось 1,3%. Среди делегатов губернских съездов Советов в январе-июне 1918 г. число меньшевиков не превышало 1,1%.⁴⁵

Мартов отрицательно относился к деятельности большевистских Советов. “После всего пережитого рабочими за 6 месяцев всякому должно быть ясно, – писал Мартов, – что “власть Советов” – это сказка и притом сказка не прекрасная... На деле, в жизни, “власть Советов” превратилась в безответственную, бесконтрольную, несправедливую, тираническую и дорогостоящую власть комиссаров, комитетов, штабов и вооруженных банд”.⁴⁶ Весной 1918 г. еще не был установлен тотальный большевистский контроль за деятельностью Советов.⁴⁷ Борьба за Советы еще была возможна. Мартов учитывал “очарование”, которым “в глазах крестьянских и отсталой части рабочих масс пользовался лозунг “Вся власть Советам”. Он видел, что в этот лозунг они вкладывали “примитивную идею господства местных рабочих или крестьян над данной территорией”, так же, как “в лозунг рабочего контроля вкладывали идею захвата данной фабрики, а в лозунг аграрной революции – захват данной деревней данного поместья”.⁴⁸

В то время Мартов критиковал экономическую программу Ленина, прогнозируя, что попытки выработать “дисциплинарные меры путем диктатуры” ничего не дадут. Социализм возможен тогда, считал он, когда политическое воспитание массы позволяет ей “путем самоуправления взять в свои руки руководство общим аппаратом”. А поскольку пролетариат “еще не созрел”, он либо не удержит власти, либо передаст ее диктатору. Тогда в дело вступит мелкобуржуазная стихия, рассуждал Мартов, которая “развивается психологически не к социализму, а к мелкому капитализму”. А если так, – продолжал он, то всякая диктатура, в этих условиях созданная, неизбежно превратится в диктатуру контрреволюции, ликвидирующую все завоевания демократической революции. В этой ситуации сам диктатор может стать “проводником классовых интересов не того класса, который выдвинул его, а другого, противоположного класса”. Единственный способ заблокировать этот процесс, считал Мартов, – это использовать приостановку наступления на капитал не как временную передышку, а как маневр для перехода на “рельсы демократической революции”. В противном случае, полагал Мартов, подобно тому, как “выдвинутый крестьянами Керенский превратился бы в орудие в руках Корнилова”, так и большевики откроют двери контрреволюционным силам.⁴⁹

По данным Г.Аронсона, правые меньшевики весной 1918 г. пытались использовать в борьбе с большевистскими властями такие формы движения экономически обездоленных рабочих, как “беспартийные конференции”, собрания уполномоченных фабрик и заводов и др. Мартов выступал против расправы над представителями рабочих.⁵⁰ Весной 1918 г. в стране ускоренным темпом шел процесс установления однопартийной террористической диктатуры, характерной по определению Ленина тем, что создавалась “власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами”.⁵¹ Мартов понимал происходящее, его страшила надвигающаяся большая гражданская война, и он, как мог, противостоял тоталитарным устремлениям лидеров большевизма.

22 марта 1918 г. в газете “Вперед” была опубликована статья Мартова “Накануне русского термидора”. Мартов увидел проявление термидора в разгоне Учредительного собрания и в заключении сепаратного Брестского мира, означавшего превращение русской революции из части мировой в только российскую. Он считал, что Ленин вел “протермидорианскую политику”. В 1918 г., как и в 1794 г., Мартов видел на политической сцене трех основных актеров: диктатора, окруженного группой фанатиков, подлинных революционеров или демократов, и термидорианцев. Он относил большевиков к первой группе, а их диктатуру, в отличие от якобинской, называл “трагическим фарсом”. Подлинными революционерами в его глазах были меньшевики, термидорианцами – “двусмысленные авантюристы”, порожденные диктатурой и террором. В России – это “вся... прожорливая саранча, примазавшиеся к вчерашним победителям и перешедшая на сторону победителей сегодняшних, образовала авангард термидорианцев”. По Мартову, “русский термидор” – это упадок революции, проявляющийся в гибели демократически настроенных подлинных революционеров. Мартов ставил вопрос о судьбе демократии при диктатуре большевиков. Он предлагал теоретически отличный от французского путь перехода от диктатуры к буржуазно-демократическому режиму. Его успех зависел от того, насколько большевикам удастся организовать пролетариат для защиты демократии. Он хотел, “чтобы исторически неизбежное восстановление классового господства буржуазии не совершалось путем подавления и лишения прав пролетариата, но осуществлялось в рамках самой широкой демократической свободы”. Мартов считал, что нужно Учредительное собрание, “как естественный наследник не промотанной большевиками части революционного наследства”.⁵²

Статья Мартова обосновывала враждебность меньшевизма большевизму. Большевики ответили в “Правде” стихотворным фельетоном Д.Бедного, оскорбительными статьями Л.Сосновского, историков-большевиков М.Покровского и Н.Лукина⁵³. Последний свою статью в “Правде” 27 марта

назвал “Историческая экскурсия Мартова”. Лукин утверждал неправомерность сравнения Французской и Октябрьской революций (заметим, что когда это делал Ленин, вопрос так не стоял). По мнению Лукина, нельзя сравнивать якобинцев с большевиками, поскольку последние опираются “на огромное большинство пролетариата и беднейшего крестьянства” и поэтому им падение не грозит. Лукин подчеркивал правомерность большевистских репрессий по отношению “к контрреволюционным силам – буржуазии и помещикам, – а порою и к их подголоскам – правым эсерам и меньшевикам”. Это были не аргументы против статьи Мартова, а скорее популистское подтверждение большевистского понимания ситуации.

Мартов был первым, во всяком случае из меньшевиков, кто еще в марте 1918 г. поднял проблему российского термидора. Он продолжал развивать ее и позже, в начале 20-х, когда эта проблема стала широко обсуждаться многими историками, философами и политиками.

В марте 1918 г. после заключения Брестского мира и выхода России из войны, возникла так называемая “передышка”, когда вопрос о дальнейшем развитии государственности в стране встал с новой силой. ЦК партии меньшевиков в то время выступал против заключения сепаратного мира, требовал возобновления работы Учредительного собрания, объединения революционно-демократических сил, прекращения гражданской войны, защиты основных завоеваний революции⁵⁴. Руководство меньшевистской партии считало важным для России восстановление демократической государственности. Именно это имел в виду Мартов, выступая тогда за свободу печати и равенство граждан страны перед законом, невзирая на занимаемую должность, и перед судом, даже если суд называется революционным трибуналом. В марте резко усилились нападки Ленина на меньшевиков, в которых большевистский вождь видел основного соперника в борьбе за влияние на рабочих.⁵⁵

В марте в Москве прошел слух об убийстве Мартова. Газета “Мысль”, опубликовавшая это сообщение, была тут же

закрыта. 22 марта на страницах газеты “Новый Луч” Мартов возмущался фактом закрытия газеты за ложный слух. Он писал: “Закрывать газету за опубликование слуха об убийстве оппозиционного политического деятеля несомненно много легче и проще, чем позаботиться об устранении условий, при которых слухи об убийстве оппозиционных деятелей не только почти каждодневно возникают, но и представляются достаточно правдоподобными”. 4 апреля в “Новом Луче” появилась заметка о том, что 5 апреля Мартов вызывается в суд “по обвинению в напечатании в № 51 “Вперед” от 31 марта статьи, содержащей ложные сведения о деятельности Сталина”.

Речь шла о газетной статье Мартова “Еще раз об артиллерийской подготовке”, где была фраза о причастности Сталина к экспроприациям и исключении его за это из РСДРП. Сталин в исковом заявлении отвергал это обвинение и просил рассматривать выступление Мартова “как грязную клевету”, требуя наказания виновного. На заседании революционного трибунала обвинителями выступили Сталин и Соновский. Судя по публикациям в газете “Новый Луч” (1918. 7, 17, 18, 21, 23, 27 апр.) слушание дела вызвало большой общественный резонанс. Зал заседаний суда был переполнен.

Мартов в ответ на обвинение выразил удивление тем, что, получив вызов в следственную комиссию, он оказался в ревтрибунале, призванном рассматривать преступления против народа, а не заниматься личными делами отдельных граждан, хотя бы и наркомов. Он не преминул съязвить: “До сих пор я не слышал, чтобы Сталин олицетворял собой народ”. Мартов предложил вызвать в качестве свидетелей грузинских меньшевиков И.И.Рамишвили, Н.Н.Жордания, большевика С.Г.Шаумяна и других членов Закавказского областного комитета 1906-1907 гг., а также группу свидетелей во главе с комиссаром финансов И.Э.Гуковским, под председательством которого рассматривалось дело об убийстве рабочего Чаринова, изобличавшего перед партийными организациями Бакинский комитет и Сталина в участии в экспроприации.

Сталин требовал осудить “клеветника”. Мартов напомнил трибуналу случай с Малиновским, которого он одним из первых обвинил в провокаторстве. Ему не поверили, обвинили в клевете, а позже он оказался прав. Мартов требовал показаний свидетелей: “Если нельзя будет допросить свидетелей, - это мое несчастье, но если они не будут допрошены потому, что этого не хочет Сталин, - то это его несчастье”. Трибунал вынужден был отложить слушание дела. Оно возобновилось 15 апреля. Вскоре Мартов потребовал передать дело в Московский народный суд. После трехчасового совещания трибунал признал, что дело Мартова ему неподсудно и потому подлежит “оставлению без последствий”. Но в то же время Мартов был обвинен в том, что в своей статье он сравнил правительство Ленина-Троцкого с правительством Вильгельма II – Гинденбурга, а также указал на подготовку большевиками свержения грузинского меньшевистского правительства. В этом члены трибунала увидели оскорбление советского правительства и постановили: “... выразить на первый раз гражданину Мартову за легкомысленное для общественного деятеля и недобросовестное в отношении к народу преступное пользование печатью – общественное порицание”.⁵⁶ Сталин был неудовлетворен этим решением и потребовал его обсуждения на заседании ВЦИК.

Мартов откликнулся на это фельетоном “Из записок легкомысленного писателя”: “Я приговорен к легкомыслию... Тяжелое наказание! Но чтобы показать обывателю пример законопослушного поведения, я подчиняюсь приговору и обрекаю себя на этот род общественных работ – высоко нести знамя легкомыслия в коммунистической России”.⁵⁷ Во ВЦИК тем временем разразился скандал. Н.В.Крыленко был вынужден огласить резолюцию о кассации приговора в связи с нарушением процессуальных норм. Дело передавалось в революционный трибунал “для вторичного и окончательного приговора”.⁵⁸ Нового рассмотрения не состоялось. 26 апреля 1918 г. Мартов опубликовал в газете “Вперед” статью “Я удовлетворен”, в которой назвал большевистский режим “республикой кумовьев”, где руководите-

ли покрывают друг друга, когда “нужно нанести лак на грязное пятно” в чем-то прошлом и настоящем.

Многие исследователи, вспоминая этот процесс, акцентировали внимание на личности Сталина, проявившего себя уже тогда не с лучшей стороны.⁵⁹ Наверное, Мартов избрал в своей статье Сталина в качестве примера члена правительства, недостойного им быть из-за недавнего экспроприаторского прошлого. В то время Сталин еще не был широко известным наркомом. Сам же судебный процесс был настолько антидемократичен, что Мартов воспользовался этим обстоятельством дабы разоблачить устанавливающийся тоталитарный режим.⁶⁰

21-27 мая 1918 г. в Москве состоялось общепартийное совещание меньшевиков. В нем участвовало 60 делегатов из 50 местных организаций, представлявших около 60 тыс. членов РСДРП.⁶¹ 20 мая, за день до открытия совещания, журнал ЦК РСДРП “Партийные известия” (№ 6-7) сообщал, что партия переименовывается в РСДРП без дополнений: меньшевиков или объединенная. Это обуславливалось тем, по мнению ЦК, что “в настоящее время единственной всероссийской массовой социал-демократической рабочей партией является РСДРП”. В передовице этого номера журнала Ф.И.Дан предлагал обсудить на совещании ряд вопросов. Среди них он выдвигал на первое место проблему “ликвидации брестской кабалы и государственного распада России”, “борьбу с экономической разрухой”, отношение к Советам и профсоюзам, выработка новой тактики. В результате предлагалось заслушать доклады: “Война и мир (положение, созданное Брестским миром)” – Ф.И.Дан; “Государственный распад России” – Ю.О.Мартов; “Советы и тактика социал-демократии” – Р.А.Абрамович; “Борьба с экономической разрухой и задачи рабочего класса” – Ф.А.Череванин; и др.

Советские историки, анализируя итоги меньшевистского форума, отмечали его предложение о том, что в противовес Советам, где большинство у РКП(б), следует создавать другие органы, нужна “замена советской власти властью, сплывающей силы всей демократии”.⁶² На необходи-

мости установления демократического строя в стране настаивали практически все резолюции совещания. Мартов в докладе призвал к восстановлению экономического и территориального единства государства, он был против германской оккупации и сепаратизма. Мартов говорил: “Борьба за возможно скорое и возможно полное уничтожение искусственного распада единого государственно-хозяйственного организма России, за восстановление ее единства и политической и экономической независимости, за ее освобождение от кабалы германского империализма и за создание положения, при котором она не сможет стать добычей других империалистов, является основной задачей российской революции и российского пролетариата в данный момент и остается такой же задачей для следующих поколений пролетариата и демократии, если мировая война и нынешняя революция закончатся, не изменив международного положения России, созданного Брестским миром”.⁶³

Совещание меньшевиков выступило против интервенции и, против вооруженного свержения Советской власти. В одной из его резолюций подчеркивалось, что “РСДРП решительно протестует против всякого вторжения, под какими бы то ни было предлогами, иностранных войск в пределы Российской Республики”. Более того, когда стало известно, что отдельные меньшевистские организации в Поволжье и Сибири, на севере страны заявили о свободе действий и поддержке победителей Советской власти, ЦК РСДРП 2 августа 1918 г. назвал такое положение недопустимым, так как по смыслу партийных решений не только организации как таковые, но и отдельные члены партии “не могут принимать участия в подготовке и проведении подобных авантур”.⁶⁴ 1 июля 1918 г. ЦК РСДРП принял решение об отказе участвовать во всяких “заговорах” и бунтах, ставя задачей “разъяснить массам их кровную заинтересованность в осуществлении демократических требований нашей партии”.⁶⁵ Мартов позже разъяснял свою позицию Аксельроду (письмо от 5 апреля 1921 г.): “Мы отрицаем восстание против большевиков... только по соображениям целесообразности, и да-

же наша первая резолюция, в которой мы после Ярославского восстания выступили летом 1918 года против агитации за восстание, заключала в себе оговорку: “признавая по-прежнему право на восстание за пролетариатом (или, кажется, народом) против угнетающего его строя”. Мартов в отказе от участия в антибольшевистских выступлениях исходил из того, что они в той ситуации были бы на руку дворянской и буржуазной контрреволюции, а также потому, что “при революционном свержении большевиков мы имели бы против себя не только более или менее коррумпированное и деклассированное меньшинство “настоящих” коммунистов, но и очень значительную часть подлинного городского и сельского пролетариата”.⁶⁶

Мартов и его сторонники были едины в неприятии гражданской войны в любых ее проявлениях. Они были за демократическую Россию и потому выступали против диктатуры меньшинства над большинством страны. Их устраивал в этой борьбе эволюционный, ненасильственный путь завоевания большинства в Советах, профсоюзах и иных общественных организациях. Но тогда же они были обвинены в развязывании гражданской войны в стране. Наиболее авторитетно это сделал Ленин. Он утверждал в 1919 г., говоря об эсерах и меньшевиках, что “не надо давать себя в обман словам и идеологии их вожаков, их личной честности или лицемерии. Это важно для биографии каждого из них. Это не важно с точки зрения политики, т.е. отношения между миллионами людей. Мартов и Ко “от имени ЦК” торжественно осуждают своих “активистов” и грозят (вечно грозят!) исключить их из партии. От этого нисколько не исчезает тот факт, что “активисты” сильнее всех среди меньшевиков, прячутся за них и ведут свою колчаковско-деникинскую работу”. Позже Ленин пришел к выводу, что гражданская война вообще “начиналась сплошь и рядом при участии в союзе против нас и белогвардейцев, и эсеров, и меньшевиков”.⁶⁷

Летом 1918 г. негативное отношение Ленина к меньшевикам выразилось в репрессиях по отношению к ним. 14 июня 1918 г. ВЦИК исключил их из состава Советов. В теле-

граммах на места Ленин призывал к расправе с ними. Так, 9 августа 1918 г. в письме председателю Нижегородского губисполкома Г.Ф.Федорову В.И.Ленин предлагал ввести чрезвычайные меры для предотвращения готовящегося восстания: "... навести массовый террор, расстрелять и вывести сотни проституток,.. массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных".⁶⁸

Мартов и тогда, и позже протестовал против немислимых, конъюнктурно-политических обвинений в адрес меньшевиков, пытающихся быть в законной оппозиции властям. Он не только возражал, но и пытался понять происходящее. 16 июня 1918 г. Мартов в письме германскому социал-демократу А.Н.Штейну писал о "заведомо ложном обвинении" в контрреволюционности, на основании чего демократическая оппозиция была выведена из Советов. Он сообщал об усилении террора в стране, проявлениях рабочего недовольства, отходе пролетариата от большевизма. "Сейчас мы, по-видимому, у поворотного пункта,- продолжал Мартов. – Восстание чехословаков, очевидно, с благословения союзников, имеет все шансы не быть быстро раздавленным большевиками. Вокруг него начали уже на Волге, Урале и Сибири спланиваться самые разнородные социальные элементы: буржуазия, мелкобуржуазная интеллигенция, активная часть среднего крестьянства. Пока знаменем остается Учредительное собрание, надолго ли, трудно судить. Но опасность создания на русской территории нового правительства, опирающегося на союзников и, быть может, в скорости поддержанного японским или другим десантом, заставит немцев либо развить дальше оккупацию, либо предложить Ленину "честный союз" для сохранения ему власти и разгрома сибирско-волжских врагов. На этой почве возможно и повторение в Москве и Петербурге истории Скоропадского и окончательная "бонапартизация" ленинской диктатуры, если Ленин решится разом порвать с идеологией "коммунизма" и образовать правительство германской ориентации в противовес демократическому или кадетско-октябристскому правительству на Востоке с союзной ориентацией".⁶⁹ По-

следующие события внесли коррективы в прогнозы Мартова: убийство германского посла в советской России В.Мирбаха 6 июля, отказ Ленина впустить в Москву батальон немецких солдат для охраны посольства, происшедшая в ноябре германская революция и окончание первой мировой войны резко изменили обстановку. Теперь о каком-либо прогерманском правительстве в России не могло быть и речи. Ленин не отказался от коммунистической идеологии, напротив, стал ее решительно утверждать с помощью политики военного коммунизма и большевистского красного террора.

Достаточно сложным было отношение Мартова и других членов ЦК РСДРП к участию меньшевиков в рабочих восстаниях и других демократических выступлениях, к деятельности защитников Учредительного собрания. В таких случаях Мартов был за единство партии, не возражая против исключения из нее отдельных “активистов”, не выполняющих решений ЦК. Известны случаи, когда он разъяснял свою позицию. 6 июля 1918 г. началось антибольшевистское восстание в Ярославле. Наряду с “Союзом защиты родины и свободы” Б.В.Савинкова в нем приняли участие местные меньшевики, часть из которых погибла. Ярославский комитет РСДРП в самом начале восстания исключил их из партии, а ЦК утвердил это решение. Собравшаяся в 20-х числах июля конференция меньшевиков Московской области приняла резолюцию, признающую “при данной политической обстановке всякую вооруженную борьбу с большевистской властью авантюризмом, выгодным одной контрреволюции”. Мартов, вспоминая позже об этих событиях, писал, что настало время не искать вину меньшевиков, вставших рядом с восставшими рабочими, а выяснить “ответственность той большевистской партии, которая своим неслышанным в истории деспотизмом, бесстыдством в подавлении всякой оппозиции, своей кровожадностью по отношению к политическим противникам, бессмыслием своей, доведшей рабочих до голода, крестьян до разорения, экономической политики загнала сотни ярославских (как на Урале – ижевских) рабочих на путь вооруженного восстания, на ро-

ковой путь союза с теми, кто это восстание способен был тогда организовать, т.е. с контрреволюционными офицерами".⁷⁰

8 июня 1918 г. Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) объявил о низложении большевистской власти в Самаре. Вскоре его влияние распространилось на большей части территории Среднего Поволжья. Меншевистские организации Самары, Симбирска и Казани поддержали его действия. Член ЦК РСДРП И.М. Майский прибыл в Самару и возглавил ведомство труда в правительстве Комуча. Кандидат в члены ЦК РСДРП Б.С. Кибрик 4 июля 1918 г. успешно агитировал на рабочей конференции в Самаре за мобилизацию в Народную армию Комуча. С 1 по 6 августа в Самаре состоялась областная конференция меньшевиков. В ее резолюции меньшевики заявляли о том, что они "принципиально против участия во власти", но, "считаясь с реальной угрозой реакционных сил Учредительному собранию и всей демократии", конференция решила "отдать в распоряжение Комуча все свои силы". Областному комитету было дано право "в решающий момент принять участие во власти при условии гарантии осуществления демократических февральских лозунгов и решительной борьбы с реакцией".⁷¹ 16 августа областной комитет одобрил занимаемую Майским должность в Комуче, однако в середине октября отказал ему в праве работать в Директории, созданной Уфимским совещанием (сентябрь 1918 г.). ЦК РСДРП, узнав о работе Майского в Комуче, вывел его из своего состава. В декабре 1918 г. общепартийное совещание исключило Майского из РСДРП и назначило комиссию по расследованию деятельности самарского областного комитета.⁷²

Позиция Мартова была своеобразной. Он полагал, что нельзя выступать ни против Комуча, ни за большевистскую власть. Это была тактика "третьей силы", которую в условиях гражданской войны Мартов считал защитницей интересов демократии. Мартов писал тогда о том, что время соглашений меньшевиков с правыми эсерами завершилось после разгона Учредительного собрания, когда эсеры встали на

путь вооруженной борьбы с большевиками, а меньшевики занялись мирным завоеванием Советов.⁷³ Он отмечал, что партия отрицательно отнеслась к восстанию правых эсеров. “Ни один из членов Учредительного собрания – социал-демократов – не явился поэтому на “слет”, который имел место в Поволжье. Когда же выступления чехословаков, морально поддержанные широкими слоями рабочих и крестьянства Поволжья и Зауралья, поставили партию перед совершившимся фактом, ее позиция определилась... партия категорически отвергает всякое вмешательство союзных держав во внутренние дела России”. Мартов осуждал поддержку Комуча на местах, полагая, что эсеры способствовали приходу к власти Колчака.⁷⁴ Он отмечал, что меньшевики не выступали открыто против Комуча, потому что комучевцы принципиально отвергали программу и методы РКП(б), потому что вокруг Комуча “мобилизовались под знаменем народовластия и аграрного переворота революционно-демократические элементы, опиравшиеся на крестьянство или хотя бы на часть рабочих”, а также потому, что рассматривали борьбу против Комуча как содействие углублению и обострению гражданской войны внутри демократии. Они не поддержали правых эсеров боясь, что их политика может усилить реакцию.⁷⁵

Мартов отрицательно отнесся к деятельности Майского в Комуче, а позже к его сотрудничеству с советскими властями. Он называл его ренегатом и политическим флюгером.⁷⁶ Мартов не был за нейтралитет партии в гражданской войне, в чем его обвинял Майский. Он был за ее прекращение и действовал в этом направлении так, как считал возможным и нужным.

Особое неприятие у Мартова вызывали произвол, жестокость и террор, проводимые властями от имени советского государства по отношению к россиянам. 21 февраля 1918 г. Совнарком утвердил декрет-воззвание “Социалистическое отечество в опасности!”, написанный Троцким по поручению Ленина. На его основании советские карательные органы получили право внесудебной расправы над сограждана-

ми. Тогда же начались массовые расстрелы без суда и следствия. 8 марта ЦК РСДРП принял постановление, осуждающее начавшийся террор в стране. В нем говорилось, что за осуществление столь жестоких репрессивных мер “ответственны вожди обеих правящих партий, и большевиков, и левых эсеров”. ЦК решил довести эти сведения до социалистического Интернационала и предложил на всех собраниях “предъявлять требование к нынешней власти о немедленной отмене смертной казни и узаконенных убийств”.⁷⁷

Мартов откликнулся на происходящий произвол властей гневной, протестующей брошюрой “Долой смертную казнь!” В ней он разоблачал действия большевистских вождей, летом 1917 г. выступавших против введения смертной казни даже на фронте, запретивших ее решением II съезда Советов, но ставших на путь террора после захвата власти. Как пример издевательства над правосудием, Мартов избрал дело командующего Балтийским флотом капитана А.М.Щастного, приговоренного 21 июня 1918 г. ревтрибуналом к расстрелу. Мартова возмутило, что на суд не были вызваны свидетели, что обвинителем выступал Троцкий, по приказу которого был арестован капитан, что судили моряка, спасшего Балтийский флот от немцев, социалисты. “Первый пример подан, – писал Мартов, – и теперь Верховный революционный трибунал будет отправлять на тот свет всех, кого большевистская партия пожелает лишить жизни... Но кровь родит кровь... Там, где власть большевиков свергают народные массы или вооруженные силы, к большевикам начинают применять тот же террор, какой они применяют к своим врагам”. Мартов напоминал, что меньшевики всегда выступали против политических убийств. И теперь социал-демократы “против всякого террора – террора снизу и террора сверху”. Он писал о том, что нельзя молчать, когда льется кровь, что нужно запретить смертную казнь и призвать палачей к ответственности.⁷⁸

В августе Мартов сам стал жертвой репрессий, когда был ненадолго арестован и никак не мог вместе с единомышленниками претворить в жизнь тактику “третьей силы”.⁷⁹

25 октября 1918 г. Мартов писал А.Н.Штейну о том, что положение партии невыносимо: разгромлены пресса и организации, в отличие от царских времен нельзя даже стать нелегалом, ибо в доносе обыватели видят “доброе дело”. Главное, что его тогда угнетало, – это исчезновение надежды на то, что “силами самого отрезвившегося от утопии рабочего класса будет преодолен большевизм”. Мартова волновал наметившийся раскол в партии с “активистами”, который не превращался в юридический только потому, что “террор придавил нас всех”. Мартов, несмотря на стремление части меньшевиков найти какой-нибудь “мост” к соглашению с большевиками, был против такой тактики. По его мнению, это означало бы капитуляцию, “ибо большевизм не допускает и мысли, чтобы могла существовать партия оппозиции, хотя бы ультраоляльной и ставшей на почву признания советского принципа”. Он писал Штейну об ужасах красного террора, расстрелах заложников и социалистов, арестах меньшевиков. Он отмечал также тяжелое экономическое и финансовое положение страны.⁸⁰

Под влиянием всех этих событий тактика ЦК РСДРП осенью 1918 г. претерпела ряд трансформаций. На заседании ЦК 17-21 октября 1918 г. были приняты тезисы, в которых признавалось, что “совершенный в октябре 1917 года большевистский переворот являлся исторически необходимым”.⁸¹ Позже (5 апреля 1921 г.) Мартов уточнил это положение, подчеркнув, что из признания неизбежности в России “якобинской” революции меньшевики не делали вывода о примирении с большевиками. Напротив, они боролись с ними, с их утопизмом и рабским подражанием французским якобинцам, с их методами терроризма, которые привели к уничтожению “того прогрессивного, что революция 1917 года принесла”. Мартов заключал: “Признав большевиков, по существу, крайними выразителями исторического процесса ломки старой крепостнически-барской России, мы боремся с ними как потому, что эту свою “якобинскую” миссию они выполняют плохо благодаря субъективному стремлению водворить коммунизм, так и потому, что так выполняя

эту миссию, они неизбежно развращают сознание пролетариата и его обессиливают”.⁸²

“Тезисы и резолюции ЦК РСДРП”, принятые в октябре 1918 г. – это официальный документ; письмо Мартова Аксельроду – его личное, более позднее разъяснение происшедшего. “Тезисы” носили, прежде всего, ситуационный, тактический характер. В “Тезисах” содержались и неприятные для большевистского руководства требования отмены всех “чрезвычайных органов”, “прекращения экономического и политического террора” и др.

26 ноября 1918 г. ЦК РСДРП опубликовал в “Правде” и “Известиях ВЦИК” “Воззвание к социалистам всех стран”, в котором осуждалось единение внутренней и внешней контрреволюции, реалии, связанные с ее победой в отдельных районах страны. Реакция Ленина на эти лояльные заявления меньшевиков была моментальной. На следующий день, 27 ноября, в докладе на собрании партийных работников Москвы, Ленин отмечал: “Мы вас, господа меньшевики, после вашего выступления о “союзниках” охотно легализуем. Это будет сделано Центральным Комитетом нашей партии. Но мы не забудем того, что в вашей партии остались меньшевики – “активисты”, и по отношению к ним наши методы борьбы остаются старыми”.⁸³ 30 ноября ВЦИК принял постановление об отмене части решения от 14 июня 1918 г. в отношении лояльных властям меньшевиков, исходя из того, что “эта партия, по крайней мере в лице ее руководящего центра, ныне отказалась от союза (коалиции) с буржуазными партиями и группами, как российскими, так и иностранными”.⁸⁴

Тогда же, в ноябре 1918 г. ЦК РСДРП решил созвать партийное совещание для разъяснения новой тактики. В письме, отправленном в этой связи в местные организации, говорилось, что “тактическая линия, намечаемая Центральным Комитетом, означает не разрыв со старой тактикой, а ее логическое развитие применительно к изменившейся ситуации”. В нем подчеркивалась невозможность какого-либо соглашения с большевистским правительством до “коренно-

го изменения” его политики.⁸⁵ Эта новая тактика ЦК РСДРП стала предметом обсуждения на партийном совещании 27 декабря 1918 г. – 1 января 1919 г., собравшем представителей 34 меньшевистских и бундовских организаций. Совещание пришло к выводу, что лозунг Учредительного собрания нужно снять, так как “исторически сложившееся соотношение общественных сил лишило его для данного момента всякого революционного содержания”. В то же время делалась оговорка, что партия меньшевиков будет отстаивать идею “всеобщего избирательного права и Учредительного собрания, но беря за исходный пункт своей борьбы советский строй как факт действительности, а не как принцип”. Составители резолюции замечали, что, снимая лозунг борьбы за Учредительное собрание, они поступают согласно французской поговорке: “Нужно отступить, чтобы лучше прыгнуть”. Они продолжали считать себя оппозиционной партией, отказываясь от планов “насильственного низвержения советской власти”, а также союза с теми, кто не порвал “всякую связь с силами контрреволюции и империализма”. Совещание определило задачи партии в экономической области, провозгласив реорганизацию системы хлебной монополии, закрепление за крестьянством частных наделов, сохранение индивидуальных хозяйств. В резолюции “О единстве партии” осуждались действия местных меньшевистских организаций, поддержавших вооруженные антибольшевистские выступления.⁸⁶

Легализация деятельности меньшевистских организаций в советской России, разрешение выпускать газету “Всегда вперед” вызвали попытку Мартова объяснить сложившуюся ситуацию тем, что некоторые большевики стали “мечтать” о создании единого демократического фронта против контрреволюции⁸⁷ и о работе меньшевиков в советском правительстве.⁸⁸ Несколько работ Мартова помечены январем 1919 г. В письмах из Москвы о новом курсе в Советской России Мартов назвал причины изменения отношения большевиков к мелкой буржуазии. Его выводы противоположны ленинским. По Ленину, осенью 1918 г. мелкая буржуазия и

часть мелкобуржуазной демократии в силу ряда обстоятельств (конец мировой войны, поражение Комуца, и др.) повернули в сторону Советской власти, что вызвало ответный поворот большевиков к соглашению с ними.⁸⁹ По Мартову, большевики вынуждены были изменить тактику в связи с банкротством левокоммунистической политики, которая основывалась на комитетах бедноты и “крестовом походе” против деревни. Большевики были поставлены перед необходимостью изменить курс в связи с резким осуждением красного террора за рубежом, массовыми крестьянскими восстаниями, ростом дезертирства в армии. Мартов назвал “великим” акт отказа от комбедов, “ибо кто же может сомневаться, что примирение с крестьянством возможно лишь при признании неприкосновенным его индивидуального хозяйства”. Он назвал насаждавшиеся тогда сельские коммуны “беспомощными ассоциациями бесхозяйственных крестьян”. Мартов отмечал, что социализм в деревне быстро “насадить” невозможно.⁹⁰

20 января 1919 г. Мартов выступил с речью на 2-м Всероссийском съезде профессиональных союзов. Он был содокладчиком Ленина, который призвал участников съезда способствовать превращению профсоюзов в органы, поддерживающие государство диктатуры пролетариата. Мартов, напротив, предупреждал о недопустимости огосударствления профсоюзов, поскольку Советская власть не является выразителем интересов трудящихся. Мартов поддержал Ленина в его романтическом отношении к Парижской Коммуне. Но, подчеркивал Мартов, Маркс видел в Парижской Коммуне власть пролетариата, которая осуществлялась в форме демократической свободы для всех граждан, а не только для рабочих. Такой диктатуры в Советской России не существует. Мартов говорил: “Тут все спорят о том, должны ли быть профессиональные союзы независимы от власти, и я совершенно согласен с тем, что профессиональные союзы не должны быть подчинены государству, управляемому двумя классами. Но основная проблема – не проблема независимости профсоюзов, а гораздо более коренная и важная про-

блема, проблема независимости власти от народа, от рабочих. Вопрос о том, существует ли в Советской России подотчетность, ответственность и независимость всех и всяких органов власти от самого пролетариата, самих граждан? Все знают, что об этом нет и речи. И в этом вся суть”.⁹¹

После декабрьского (1918 г.) совещания РСДРП, когда короткий период соглашения части меньшевиков с властями стал историей, Мартов писал Аксельроду 23 января 1920 г. о том, как “выкристаллизовались” решения совещания “в нашем сознании после проверки их опытом”. Его выводы были следующими: 1. Мир вступил в фазу крупных социальных потрясений. Переход власти в руки пролетариата в одних странах осуществляется путем катастроф и гражданской войны, в других – постепенно, но все это один исторический процесс; 2. Русская демократическая революция 1917 г. “была погублена империализмом”. Потому стала неизбежной большевистская революция, которая, “несмотря на все противоречия и реакционные тенденции большевизма, должна считаться шагом вперед в общественном развитии”. Борьба с большевизмом не должна вестись средствами, “которые объективно вели бы к ликвидации, вместе с плевелами большевизма, и тех его завоеваний в области эмансипации России от империалистической опеки, свержения политического господства имущих классов и радикального устранения пережитков крепостничества, которые составляют исторический архив октябрьского переворота”; 3. Большевистское правительство держится, главным образом, “страхом крестьян и рабочих перед помещичьей контрреволюцией”. Это вызвало лозунги: “Не свергать большевизм во имя народовластия, а бороться за объединение революционных партий,.. демократизацию данного (советского) режима, освобождение его от террористических черт и бюрократического абсолютизма”; 4. Тактика меньшевизма – борьба с большевизмом, “поскольку он есть извращение социализма, террористическая система”. Но “мы соединяем эту борьбу с безоговорочной поддержкой большевизма в его сопротивлении международному империализму и его внутрен-

ним контрреволюционным союзником”. Большевики были нейтральны, пока большевизм имел против себя вооруженные демократические силы (Комуч, Петлюра). Но ЦК РСДРП призвал членов партии и рабочих поддержать дело обороны против Колчака и Деникина, истребивших всех демократических противников большевизма.⁹²

Мартов четко изложил свою позицию, исходя из анализа событий, происшедших в 1919 г. Его выводы не бесспорны. Социальные катаклизмы не стали, да и не могли стать главными в историческом процессе на перспективу. Но они происходили в 1919 г. Демократических противников большевизма уничтожали не только Колчак и Деникин, но, прежде всего, сами большевики. Мартов был лидером демократической мирной оппозиции властям, но в упомянутом письме почему-то не счел нужным рассказать о репрессиях против него и его единомышленников. Они же не заставили себя ждать. 26 февраля 1919 г. решением ВЦИК была закрыта московская меньшевистская газета “Всегда вперед”, которой руководил Мартов и где он напечатал серию своих статей. Среди них статья с протестом против расправы с великими князьями Николаем Михайловичем, Георгием Михайловичем, Дмитрием Константиновичем и Павлом Александровичем Романовыми. Их расстреляли петроградские чекисты 29 января 1919 г. в Петропавловской крепости как заложников “в порядке красного террора” и в ответ на “злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта”. Мартов назвал свою статью “Стыдно!” Ему было стыдно за ненужно-жестокую гнусность, бессовестное компрометирование революции “новым потоком бессмысленно пролитой крови”. Он возмущался и убийством царской семьи, всеми расправами. “Стыдно! – завершал Мартов статью. – И если есть коммунисты, есть революционеры, которые сознают гнусность расстрела, но боятся заявить протест, чтобы их не заподозрили в симпатиях к великим князьям, то вдвойне стыдно за эту трусость, – позорный спутник всякого террора!”.⁹³ Газета “Всегда вперед” была закрыта за пропаганду лозунга “Долой гражданскую войну!”,

который, по заключению Ленина, означал в то время “поддержку Колчаку” и был помехой для тех, кто хотел его победить⁹⁴. Мартов характеризовал, начавшиеся тогда репрессии в письме А.Н.Штейну (3 июня 1919 г.) так: “Большевизм переживает здесь новый пароксизм бешенства – специально по отношению к нам – “русским каутскианцам”, т.е. левым меньшевикам. Большинство наших (Дан, Горев и др.) сидят в тюрьме уже третий месяц, меня освободили после 5-дневного ареста, но дышать нам совершенно не дают”⁹⁵.

Меньшевиков обвиняли в организации рабочих забастовок, ведении антибольшевистской агитации. Они протестовали и оправдывались.⁹⁶ Мартов в специальной листовке (начало апреля 1919 г.) обвинил большевиков в вероломстве, так как никто не отменял постановления ВЦИК о легализации РСДРП. Но в ночь на 31 марта, писал Мартов, ВЧК открыла “охоту на социалистов”, и “старые сидельцы царских казематов, борцы, всей своей жизнью доказавшие преданность рабочему делу”, вновь заполнили тюрьмы. Он писал, что ничего в политике меньшевиков по сравнению с ноябрем 1918 г. (временем легализации РСДРП) не изменилось: меньшевики по-прежнему против насильственного свержения властей и за мирное завоевание Советов, добываясь средствами идейной борьбы влияния на трудящиеся массы. По Мартову, “полгода системы террора до такой степени развратили правящую партию, что она не способна терпеть возле себя никакой независимой от нее силы”. Начавшиеся репрессии Мартов объяснял боязнью большевиков любой открытой оппозиции. “Признавая свое полное бессилие в идейной борьбе с “ничтожной”, по ее словам, “группой меньшевиков”, правящая партия решила покончить с “легальностью” социалистических партий и вернуться к системе террора”, – заключал Мартов. Он полностью отвергал, за отсутствием фактов, участие меньшевиков в организации экономических забастовок рабочих. В противоречивости действий властей: арестовывают – освобождают, закрывают газеты – открывают – Мартов увидел “нравственное бессилие партии, стоящей у власти. Еще никогда правительство,

называющее себя революционным и рабочим, не подражало в такой мере худшим приемам правительств черносотенных". Он призывал однопартийцев к выдержке, потому что "сменяющиеся у власти демагоги и тюремщики белого и красного террора приходят и уходят. Революционная социал-демократия... остается. За нею, и только за нею будущее".⁹⁷

ЦК РСДРП, решительно протестуя против утопических и террористических действий властей, был противником интервентов и белых генералов. 1 марта и 27 июня 1919 г. в "Известиях" были опубликованы обращения меньшевиков "К социалистам и рабочим всего мира" и "К социалистическим партиям стран согласия". В них они разъясняли свою позицию, увидев во "всемирной контрреволюционной мобилизации против русского большевизма... начало такой же мобилизации против международного социалистического движения пролетариата". ЦК РСДРП обращался к международному пролетариату с призывом вмешаться и "охранить русскую революцию от занесенного над ней ножа". Меньшевики считали, что нельзя поддерживать Колчака и всякое "вооруженное вмешательство в русские дела вообще".

Характерно, что подобные заявления меньшевистского руководства, которые осенью 1918 г. привели к легализации деятельности РСДРП, на сей раз не сыграли существенной роли в ослаблении репрессий против них. 15 июля 1919 г. Дзержинский в телеграмме губернским ЧК предлагал учредить "самый строгий надзор" за партиями меньшевиков и левых эсеров, "забирать заложников из ихней среды", заявлять, что они отвечают головой за антибольшевистские выступления.⁹⁸

Репрессии против меньшевиков, ответная критика ими большевизма и, вместе с тем, призыв к борьбе с интервентами и белыми генералами имели место на протяжении всего 1919 г. Б.И.Николаевский писал о разногласиях между меньшевистскими лидерами: некоторые из них выступали против посылки красноармейцев на борьбу с украинским прави-

тельством Петлюры, которое представлялось им демократическим, или против Н.И.Махно, в котором они видели руководителя крестьянских повстанцев. 18-30 мая в Москве состоялось совещание меньшевиков, признавшее необходимым "участвовать в организации вооруженного отпора контрреволюции", в то же время не отказываясь от критики правительственной политики.⁹⁹

12 июля 1919 г. при активном участии Мартова была разработана социально-экономическая и политическая программа РСДРП, определявшая тактику меньшевиков в условиях острого противостояния красных и белых и наметившая пути выхода их хозяйственного и политического кризиса в стране. Программа была распечатана в виде листовки и носила название, присущее этапным работам Н.Г.Чернышевского и Ленина – "Что делать?" Этот план меньшевистских лидеров следует рассматривать как альтернативное большевистскому видение настоящего и ближайшего будущего России, как своеобразный противовес программе РКП(б), принятой в марте 1919 г. на VIII съезде большевистской партии.

В преамбуле программы ЦК РСДРП ставил вопрос: "Что делать, чтобы спасти российскую революцию от одолевших ее внешних врагов – Колчака, Деникина, Юденича, союзных империалистов и от подстерегающих ее внутренних опасностей: голода, бестоварья, отсутствия топлива, ужасного подорожания всех продуктов, отчаяния и апатии рабочих масс, озлобления городской бедноты и крестьянства?" Меньшевики предлагали свою экономическую и политическую программу действий. В области экономической: 1. Закрепление за крестьянами земли. Упразднение комбедов повсеместно. Отказ от принудительного насаждения коммун; 2. Отмена продразверстки. Закупка государством хлеба по договорным ценам, с широким применением непосредственного товарообмена, причем беднейшему населению городов и деревень хлеб продается по сниженным ценам, а государство доплачивает эту разницу. Закупка хлеба кооперативами и рабочими организациями с передачей части заго-

товленного ими хлеба государству. Всякие заградительные отряды ликвидируются; 3. "При сохранении в руках государства крупных промышленных предприятий, которые имеют основное значение для всей хозяйственной жизни (копи, рудники, металлургические заводы, важные отрасли металлообрабатывающей промышленности и т.п.), допускается также, где это обещает улучшение, расширение или удешевление производства, применение частного капитала в организации этих предприятий на началах комбинирования государственного и частного капитала, принудительного трестирования под контролем государства, а в исключительных случаях и на основе концессионного порядка. Все остальные крупнопромышленные заведения, за исключением тех, сохранение которых по фискальным или другим соображениям в руках государства не влечет за собой ущерба для государства, постепенно передаются, по общему правилу, в частные руки, или для сдачи в аренду кооперативам, либо новым предпринимателям, или возвращаются старым владельцам при условии взятия на себя последними обязательства восстановить и организовать производство. Распределение сырья между отраслями производства, предприятиями и районами регулируется государством"; 4. Отказ от национализации мелкой промышленности; 5. Государственное регулирование производства и распределения предметов массового потребления. К этому привлекаются кооперация и частный торговый аппарат; 6. Предоставление свободы кооперации и частным лицам, кроме тех случаев, когда регламентация и даже монополия вызывается редкостью продукта (например, медикаменты и т.п.); 7. Реорганизация системы кредита, чтобы обеспечить возможность частной инициативы в торговле, промышленности и земледелии; 8. Борьба со спекуляцией и торговыми злоупотреблениями как прерогатива судебных органов на основе точных законоположений; 9. Профессиональные рабочие союзы, являясь органами, принимающими непосредственное участие в регулирующих учреждениях, в то же время являются органами представительства интересов пролетариата перед государством и ча-

стными предпринимателями. Они пользуются полной независимостью от государственных органов; 10. Тарифы и минимум зарплаты устанавливаются в соответствии с ценами на товары широкого потребления; 11. Декрет о потребительских коммунах отменяется.

В отличие от программы РКП(б), категорически отрицавшей частную собственность, меньшевики ее признавали и допускали участие частных в работе промышленности и сельского хозяйства. Они не считали рыночные отношения антиподом социализма и не видели необходимости, как предлагали большевики, в “планомерном, организованном в общегосударственном масштабе распределении продуктов”.

Еще более разительными были отличия программ меньшевиков и большевиков в разделах, касающихся политического устройства страны. Большевики признавали несомненный приоритет “пролетарской демократии” перед формальным провозглашением прав и свобод буржуазной демократии, они отвергали принципы разделения законодательной, судебной и исполнительной властей. Меньшевики предлагали: 1. Расширение избирательных прав граждан страны. Свободные выборы в Советы. Лишение Советов права исключать по политическим мотивам из своей среды как отдельных депутатов, так и целые группы. Подчинение всех должностных лиц и учреждений местным Советам и ВЦИК; 2. Восстановление деятельности ВЦИК Советов как высшего законодательного и управляющего органа, гласно работающего под контролем всех граждан; 3. Восстановление свободы печати, собраний и союзов с предоставлением каждой партии, образованной трудящимися, права и возможности пользоваться помещениями для собраний, типографиями и т.п. Вызванные необходимостью борьбы с контрреволюцией ограничения политических свобод должны быть установлены в законодательном порядке, но они не должны уничтожать самой свободы и могут контролироваться лишь судебными учреждениями и органами, действующими под их руководством; 4. Судьи свободно избираются населением. Все должностные лица подсудны. Отказ от тер-

рора как системы управления. Отмена смертной казни. Упразднение всех независимых от суда органов следствия и расправы; 5. Лишение всех партийных учреждений каких-либо прав государственной власти, а членов партии – каких-либо материальных привилегий; 6. Упрощение бюрократической машины путем развития местного самоуправления; 7. Политика соглашения с нациями, ставшими на путь создания самостоятельных государств. Предоставление казачьим областям широкого самоуправления. Признание независимости Финляндии и Польши.¹⁰⁰

Это была демократическая программа в отличие от большевистской, направленной на создание однопартийного тоталитарного государства. Программа РСДРП предлагала одновременные преобразования в сфере экономики и политически, резко отрицательно оценивала претензии РКП(б) на монопольное обладание властью, пропагандировала многоукладность экономики. Меньшевики полагали, что их программа расширит социальную базу революции, привлечет тех, кто готов был принять власть генералов не из-за сочувствия им, а потому, что “в Советской России для них создались невыносимые условия жизни”. Разумеется, эта программа не была аналогом ленинских решений о переходе к нэпу в 1921 г. И не только потому, что в 1919 г. вера в мировую революцию была сильнее, чем в 1921 г., как считают О.В.Волобуев и Г.И.Ильяшук¹⁰¹. Вопрос об изменении экономической политики военного коммунизма тогда “висел в воздухе”. Известно, что в феврале 1920 г. Троцкий призывал к отмене продразверстки. Но никто из большевиков не требовал изменения политической системы государства. Этого по сути не произошло и при переходе к нэпу, в чем, вероятно, состояло главное отличие программы меньшевиков 1919 г. и ленинской программы 1921 г. Для меньшевиков демократические принципы реорганизации экономики были немыслимы без политических свобод. 17 июня 1919 г. Мартов в письме Л.Б.Каменеву писал об условиях возможного участия меньшевиков в работе советских хозяйственных органов. “По-прежнему, – писал он, – мы непоколебимо убежде-

ны в том, что успешное участие РСДРП в общем деле спасения революции... возможно лишь путем такого соглашения на основе политической платформы, которое охватило бы всех социалистов, готовых бороться в одних рядах против контрреволюции и... которое позволило бы социал-демократии разделить ответственность за общее направление политики. При таком соглашении и вопрос о полном использовании для практической работы всех сил, которыми может располагать социал-демократия, решил бы сам собой".¹⁰²

Идеи "Что делать?" нашли отражение в статье Мартова "Диктатура и демократия". В ней среди причин победы большевистского режима он называл экономическую отсталость России, следствием которой было то, что "класс, на котором держится все народное хозяйство – крестьяне-собственники – оказался бессилем помешать проводимым с фанатической энергией экспериментам социалистического характера". По его мнению, Советская власть сначала опиралась на солдат, затем на все крестьянство, а после подписания Брестского мирного договора "влияние интересов крестьянской мелкой буржуазии на советскую политику решительно преобладает над влиянием интересов пролетариата".¹⁰³

Мартов, как и Ленин, был убежден в том, что возглавляет партию рабочего класса. Но Мартов был в принципе против всякой диктатуры и аргументированно упрекал Ленина в том, что ухудшение положения рабочих, подмена декларируемой власти пролетариата властью большевистского руководства ни к чему конструктивному привести не может. Вместе с тем на августовском совещании при ЦК РСДРП было принято решение об участии меньшевиков в свержении колчаковско-деникинского режима. Биограф Мартова И.Гетцлер писал, что 2 августа 1919 г. вождю меньшевизма представилась деликатная роль выступить с утверждением, что перед угрозой контрреволюции сохранить нейтралитет невозможно. 1 сентября ЦК принял постановление о проведении партийной мобилизации, отмечая, что "дело военной обороны" может быть успешным, "если будет сопровождаться политикой, способной вызвать новое революционное во-

одушевление в рабочих массах, разбить недоверие крестьян к революции и тем самым подсесть самые корни успехов контрреволюции”¹⁰⁴.

В октябре 1919 г. Мартов написал статью “Линия социал-демократии”. В ней он рассказал о своем видении тактики РСДРП, начиная с переворота 25 октября 1917 г., к которому меньшевики, “как марксистская рабочая партия”, отнеслись отрицательно. Мартов рассуждал, пристально взгляды-ваясь в недалекое прошлое, о том, как коммунисты захватили власть, опираясь на стихийное возмущение рабочих, солдат и крестьян, благодаря нерешительности в проведении реформ коалиционным Временным правительством. Это обстоятельство делало послеоктябрьскую борьбу с большевиками попыткой расколоть трудящихся. Поэтому, чтобы отвлечь массы от большевизма в начале был выдвинут лозунг создания “общесоциалистической власти”. Ноябрьский (1917 г.) съезд РСДРП отверг возвращение к коалиционной политике и признал реалии, предложенные большевиками: немедленный мир, передачу земли крестьянам, государственное регулирование производства, заявив о своем стремлении бороться за идеалы демократического социализма, реалистическую классовую политику и восстановление революционного единства пролетариата.

РСДРП решительно осудила участие социалистов в вооруженной борьбе с большевиками и выступила против всякого иностранного вмешательства во внутренние дела страны. Осенью 1918 г. ЦК РСДРП сформулировал свою позицию, признав большевизм “носителем общих интересов революции в его войне с колчако-деникинской контрреволюцией и ее вдохновителями – союзниками”. В борьбе с возможной военной диктатурой “весь пролетариат, без различия партий”, был призван к борьбе с ней. Однако РСДРП оставалась в оппозиции правящему режиму в России. Сотрудничество с большевиками в противостоянии с контрреволюцией, писал Мартов, “нисколько не затрагивает основной линии поведения” РСДРП. Мартов делал вывод: “Борьба за действительные и постоянные интересы пролетари-

ата против утопического и антидемократического коммунизма, мы, не сходя с общей для нас с ним почвы революции, и в борьбе с грозящими революции в целом классовыми врагами пролетариата, мы готовы защищать самое большевистскую революцию там и тогда, где и когда история вручила ей миссию сдерживать напор мировой контрреволюции”.¹⁰⁵

В 1919 г., под влиянием мощного взрыва революционного движения в Европе, возникновения советских республик в Венгрии, Баварии, Латвии и Литве, да и в самой России, Мартов пришел к заключению о возможности прихода рабочих к власти в отдельных странах, где отсутствуют многие предпосылки для успешных социалистических преобразований. Он сетовал на то, что до 1917 г. большевики и меньшевики понимали этот процесс как сравнительно быстрый и прямолинейный. Теперь Мартов критиковал большевиков не за “преждевременную революцию”, а за невнимание к выработке системы революционной политики для переходного периода.¹⁰⁶

Свои взгляды и тактику ЦК РСДРП Мартов защищал в декларации, прочитанной им на VII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1919 г.). Он, а также выступивший с речью Дан говорили о важности единого фронта не только в обороне революции, но и в “деле социалистического строительства”. Для этого они требовали строгого выполнения советской Конституции. Мартов подчеркивал, что успех мирового революционного процесса будет во многом зависеть от того, насколько удастся в Советской России соблюдать “неизменные принципы социализма”, которые “не допускают ни возведения терроризма в систему управления, ни постройки власти трудящихся на подавлении элементарнейшей личной и общественной свободы”. Предложенные им съезду требования были следующими: “1. Возобновления действия советской Конституции и дальнейшая ее демократизация. Организация действительной ответственности всех органов власти перед рабочими и крестьянскими массами и подотчетности их представителям. Правильное функциониро-

вание и регулярные пере выборы Советов. 2. Равенство всех трудящихся города и деревни. 3. Свобода печати, союзов и собраний. 4. Неприкосновенность личности, гарантированная подсудность всех граждан одним и тем же народным судам, действующим на основе точных законов. 5. Отмена бессудных расправ, административных арестов и правительственного террора". В ответ Ленин сказал, что в этих предложениях "ровно ничего социалистического... нет", что "нам опять проповедуют старые буржуазные взгляды".¹⁰⁷

В советской историографии длительное время господствовало ленинское утверждение о том, что одной из причин гражданской войны в стране была "демократическая контрреволюция". Мартов в свое время уточнял: начало гражданской войны связано с социально-классовым и партийным расколом демократических сил, заинтересованных "в коренном разрушении старого самодержавно-чиновничьего и дворянского строя". В итоге политические элементы демократии "поделились между двумя враждебными лагерями – большевистским и революционно-народническим". Мартов считал, что террор гражданской войны и ошибки народнических партий "отбросили часть масс далеко направо, ... увлекли других на сторону решительно-революционной в борьбе со старым порядком партии большевиков".¹⁰⁸ Мартов, в отличие от Ленина, среди причин гражданской войны называл не антибольшевистские выступления представителей социалистических партий, а раскол демократического движения в целом. Он винил в этом, прежде всего, большевиков, создавших "систему террористического режима".¹⁰⁹

Советские историки, напротив, упрекали меньшевиков и эсеров в предательстве, заявляя, что большевики делали все для общих действий, тогда как их оппоненты становились на сторону контрреволюции. Показательны в этом плане высказывания Ленина, которыми руководствовалась советская историография. В ноябре 1918 г. Ленин говорил, что меньшевики и эсеры "ни на какую самостоятельную позицию в коренных битвах неспособны". А потому и "социалистами они были только, пожалуй, по фразеологии и по

воспоминаниям. На деле это есть мелкая буржуазия”.¹¹⁰ Через полгода, в марте 1919 г., Ленин, квалифицируя эсеров и меньшевиков как мелкобуржуазных демократов, т.е. отказывая этим партиям в праве называть себя социалистическими (только РКП(б) имеет это право), а меньшевикам – и рабочей, марксистской партией, – называет их “не серьезным врагом”. И тут же предупреждает: “Наш враг – буржуазия. Но если вы выступаете вместе с ней, тогда мы принуждены применять и к вам меры пролетарской диктатуры”.¹¹¹ Через год, в апреле-мае 1920 г., Ленин, работая над книгой “Детская болезнь “левизны” в коммунизме”, подытоживал опыт борьбы большевизма с различными, враждебными ему политическими течениями и партиями. Тогда он определил меньшевизм в качестве “главного врага большевизма внутри рабочего движения” Более того, назвал меньшевиков “соучастниками империалистического бандитизма”. И признался, что по отношению к меньшевикам проводил тактику лавирования, соглашательства и компромиссов, которые “усиливали большевиков на счет меньшевиков”.¹¹²

Мартов считал, что после военного и экономического краха российской контрреволюции, руки социал-демократии “будут развязаны, и свою борьбу за выпрямление линии революции она сможет вести, не скованная той атмосферой отчаяния, которую создало обостренное блокадой всероссийское разорение, и не парализуемая естественной и законной боязнью лучшей частью трудящихся масс поднять свой голос в защиту своих прав и своей власти в таких условиях, когда революционное правительство отбивается на всех фронтах от злейших врагов народа”.¹¹³

Позже Мартов конкретизировал свои планы. В “Ответе критикам” он сообщил о своем убеждении в том, что “Советы не есть “высшая форма демократии”, в которой должна осуществиться диктатура пролетариата”. Мартов был за переустройство государственной системы, созданной большевиками. Он был против монополии РКП(б) на руководство политической жизнью страны, за свободные выборы во все органы власти, за политические свободы, за демократичес-

кую республику. Мартов разъяснял тактику партии: в разгаре гражданской войны, когда буржуазные партии находились “по другую сторону баррикады”, было естественно, что “в наших воззваниях мы говорили: дайте равные права всем социалистическим партиям, не упоминая о других”. Но в декларации меньшевиков, прочитанной на VII съезде Советов в декабре 1919 г., Мартов требовал свободы собраний, союзов, печати, неприкосновенности личности для всех граждан, что так возмутило Ленина. Мартов полагал, что в российской демократической республике буржуазным партиям разрешено будет быть в оппозиции. Он был убежден в праве меньшевиков отвергать те методы борьбы за демократию, которые способствуют контрреволюции, и стремиться к тому, “чтобы при установлении демократии пролетариат приобрел максимально возможные государственные позиции”. Меньшевики отвергают, отмечал Мартов, коалиции с буржуазными партиями и тяготеют к союзу с крестьянством. Он был убежден, что “в революционную эпоху выхода на узенькие тропиночки не дано. Надо ходить по тем большим дорогам, которые проложены историей”¹¹⁴.

О.В.Волобуев и Г.И.Ильяшук, наверное, были первыми, кто вину за отсутствие единства действий социалистов в ту пору возложили на обе бывшие фракции РСДРП. Они писали о взаимном подозрении, неприязни большевиков и меньшевиков, их недоверии друг к другу, плохих отношениях, сыгравших немалую роль в том, что нормализация взаимоотношений между РКП(б) и РСДРП не произошла¹¹⁵. Разумеется, субъективные обстоятельства имели в данном случае негативное значение, тем более что партия власти – большевики требовали подчинения своим указаниям. Но главным, что исключало совместные действия марксистских партий было другое – цели и методы настоящего и будущего обустройства российского общества и государства. Демократические устремления меньшевиков были несовместимы с диктаторскими, тоталитарными действиями большевиков. Мартов рассказал обо всем этом подробно в своих очерках 1919 г., позже объединенных в книгу “Мировой большевизм”¹¹⁶.

Ф.И.Дан в предисловии к книге писал, что Мартов не смог завершить свой труд. “Но и те двенадцать глав, которые Мартов успел написать в 1919 г., – продолжал Дан, – представляют совершенно исключительный интерес. Ибо это – самое глубокое и проникновенное из всего, что было сказано о социальных и идейно-психологических корнях большевизма, как мирового явления, об его идеологии и отношении этой идеологии к марксизму”¹¹⁷. В книге Мартова три раздела: “Корни мирового большевизма”, “Идеология “советизма”, “Разложение государства или его завоевание?” В каждом разделе – свои главы.

Статьи Мартова о мировом большевизме были вызваны созданием в ряде европейских стран коммунистических партий и Коммунистического Интернационала (март 1919 г.). Большевизм грозил стать “образцом тактики для всех”. Мартов был против такого восприятия большевизма и распространения методов его действий. Статьи Мартова были одноплановы с издававшимися тогда работами А.Штейна и К.Каутского, направлены против большевистского режима в России. Каутский еще в начале января 1918 г. в статье “Демократия и диктатура” предупреждал, что в экономически отсталой стране, где “еще нет условий для диктатуры большинства народа,.. идея пролетарской диктатуры должна отступить перед идеей демократии”¹¹⁸. Более подробно Каутский выразил свое отрицательное отношение к большевизму в книгах той поры, чем вызвал резко критические отповеди со стороны Ленина и Троцкого.¹¹⁹ В своих работах Каутский пришел к выводам о том, что победа большевизма в России означала поражение социализма, превращение страны в казарму, что террор и режим ужаса стали большевистским методом управления, а “большевизм останется темной страницей в истории социализма”. Р.Абрамович назвал спор Каутского с большевиками “тяжкой марксизма с его идеалистическим искажением”¹²⁰.

Каутский видел большевистское правление в России издалека. Для Мартова же большевизм не был идеалистическим искажением марксизма, а жестокой реальностью, кото-

рую он повседневно ощущал как человек, политик, лидер партии демократической оппозиции. Мартов с горечью писал о недалекости западноевропейских социалистов, питающих иллюзии, что большевизм – это чисто русское явление, непригодное для экспорта “на мировой политический рынок”. Он критиковал тех социалистов, кто создавал рекламу большевизму, не думая, что в известный момент большевизм объявится “аки тать в нощи” в их собственных странах. Мартов призывал их отказаться от принципа “моя хата с краю” и быть готовыми к борьбе с мировым большевизмом. Исследование Мартова было призвано ответить практически на один вопрос: чем опасен большевизм и его влияние? Работа Мартова носила политологический и исторический характер. Она была основана на изучении трудов К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина, К.Каутского, П.Л.Лаврова, Г.В.Плеханова, материалов советских съездов и различных партийных форумов, работах немецких и французских историков социализма М.Беера, П.Луи, Ч.Найна, Ш.Сеньбоса и др.

Мартов пытался выяснить в своем исследовании интернациональный характер большевизма, то, что могло сделать его мировым явлением. Поэтому Мартов акцентировал внимание на тех чертах большевизма, которые делали его пригодным и для других стран. Так, по его мнению, “большевизм не есть просто “солдатская революция”, но влияние большевизма на течение революции в каждой стране пропорционально участию в этой революции вооруженных солдатских масс”. В стремлении солдат вооруженной силой “навести порядок” Мартов видел “непримиримое противоречие с идеями демократии и с парламентскими формами управления государством”. Однако Мартов был склонен искать корни большевизма и в положении рабочих. Он выделял такие черты мирового большевизма, как максимализм требований без учета условий их выполнения, преобладание в связи с этим “точки зрения потребителя над точкой зрения производителя”, склонность к решению “всех вопросов политической борьбы, борьбы за власть методами непо-

средственного применения вооруженной силы, – даже в отношениях между отдельными частями пролетариата. Эта склонность предполагает скептическое отношение к возможностям демократического решения социально-политических проблем”. Мартов указывал на изменение в годы мировой войны профессионального и классового самосознания рабочих, их обнищание, ухудшение условий жизни, что было “той предпосылкой, которая всюду в странах, прямо или косвенно задетых всемирной войной, облегчает развитие большевистской стихии”. Среди факторов, способствующих успехам большевизма, Мартов назвал недоверие рабочих к тем организациям, которые претендовали на руководство пролетарским движением перед войной, а также кризисное состояние II Интернационала, “разодранного на непримиримо враждующие части и поколебленного в тех своих верованиях, которые считались незыблемыми в течение десятилетий”. Вместе с крахом II Интернационала, считал Мартов, исчезла объединяющая идеология и это стало одной из причин гражданской войны среди пролетариев.

Мартов разделял марксистское положение о передовой роли пролетариата в преобразовании общества. Он не допускал сомнения в правильности действий рабочего класса и убеждал будущих историков видеть в торжестве большевизма не “излишнюю революционность сознания пролетариата”, а его недостаточную “духовную эмансипацию от психологической атмосферы буржуазного общества”. Мартов не верил, что от большевизма общество может спасти буржуазия или союз с ней. Опыт России показал, писал он, что на Украине и в Сибири, где большевизм был свергнут силой, буржуазия оказалась не в состоянии предотвратить экономическую разруху. Выход Мартов видел в победе разума над стихией в пролетарской революции.

Мартов отмечал, что война поставила новые проблемы теории руководства пролетарским движением, что на сей раз “стихия исторического развития оказалась сильнее теории”. Он был неправ в идеализации действий рабочих в целом, хотя и писал с неодобрением о небрежении к старой

культуре и духовности современных ему санкюлотов коммунистического толка. Вместе с тем в мировом большевизме он видел “первый дар мести торжествующему империализму Запада со стороны разоренного и задержанного им в экономическом развитии Востока”.

Мартов назвал мистикой советскую систему, претендующую на мировую универсальность без учета уровня развития различных народов и стран. На опыте российской революции он показал, что идея передачи власти Советам превращалась из средства утверждения власти большинства в выражение интересов меньшинства, а затем и власти только одной большевистской партии. Таким образом, советская система неминуемо становилась “диктатурой меньшинства, притом меньшинства внутри самого пролетариата”. Это, по Мартову, происходит тогда, когда в силу экономической деградации пролетариата и раздробленности его организаций теряется вера в способность “непосредственно вести за собой большинство народа”. Большевизм же предложил иллюзию “воскрешения формы якобинской диктатуры меньшинства”. Потому и тяга к советской системе заключалась “в стремлении обеспечить, путем подавления воли всех других, в том числе и пролетарских групп населения, торжество воли определенного революционного меньшинства”. Мартов иллюстрировал это положение публикациями “Правды”, доказывающими, что только те Советы хороши, которые выполняют указания большевиков. Он назвал утопией желание подобных Советов сосредоточить под своей властью производство и распределение, а также просвещение масс с тем, чтобы вытравить из них духовное наследие прошлого и заполнить их мировоззрение коммунистическим содержанием. Мартов цитировал слова Маркса о том, что “воспитатель сам должен быть воспитан”, и прорицал, что практика такой диктатуры “воспитывает” из “диктаторов все что угодно, но только не людей, способных направить ход общественного развития по пути строительства нового общества”. Он был убежден, что новое общество может создать класс пролетариев в целом, в условиях “абсолютно

исключающих режим диктатуры стоящего над “обществом” меньшинства со всеми его необходимыми спутниками – терроризмом и бюрократизмом”.

По мнению Мартова, Ленин был неправ, когда со ссылкой на Маркса говорил о необходимости разрушения не только военно-бюрократического аппарата, но всей старой государственной организации, а, опираясь на высказывания Энгельса, видел в демократической республике лишь средство обострения классовой борьбы с тем, чтобы установить диктатуру пролетариата. Мартов писал о противоположной, по сравнению с ленинской, трактовке положений Маркса и Энгельса. Он проводил параллели между опытом якобинцев и опытом большевиков, находя, что их роднит “диктатура меньшинства”, “сущность механизма государственного управления”¹²¹. По Мартову, диктаторские методы в принципе несовместимы с демократией и социализмом.

В приложении к книге Мартова “Мировой большевизм” была опубликована, написанная им же в начале 1918 г. статья “Маркс и проблема диктатуры пролетариата”. В ней Мартов подчеркивал важность высказывания Энгельса 1895 г. о том, что в XIX в. “время революций, осуществляемых путем неожиданного захвата власти маленькими сознательными меньшинствами, стоящими во главе бессознательных масс, миновало”. Мартов не писал о том, что это утверждение Энгельса не подтвердилось в XX в. По его мнению, был возможен временный захват власти меньшинством. Особо его занимало положение Маркса о невозможности противопоставления пролетарской диктатуры демократии. Мартов был согласен только с такой трактовкой “диктатуры пролетариата”¹²².

Мартов не успел завершить свою книгу, впрочем, как и Ленин статью “В лакейской” (июль 1919 г.). Но Мартов в уже опубликованных главах книги смог обосновать опасные для мирового сообщества претензии большевиков на власть, вскрыть методы их работы. Ленин, к сожалению, ограничился лишь эмоциональными, политическими обвинениями в адрес Мартова и других, посмеявшихся усомниться в благе

большевизма. Из плана статьи Ленина “В лакейской” видно, что он хотел ее завершить критикой “претензий” Мартова быть вне диктатур, а также понимания им гражданской войны, как тупиковой и безысходной¹²³. Но из текста статей Мартова трудно сделать приписываемые ему Лениным выводы. Мартов был за власть рабочего класса, за победу пролетариата в борьбе за эту власть, но демократическим путем. В подтверждение, что в стране властвуют не Советы, а большевики, Мартов мог сослаться на решение VIII съезда РКП(б) по организационному вопросу (март 1919 г.), в котором говорилось о большевистской партии как власти, державшей в своих руках весь советский аппарат. Ленин был уверен в том, что решения съездов РКП(б) обязательны для всей республики¹²⁴.

Книга Мартова “Мировой большевизм” недостаточно востребована историографией, хотя нельзя не согласиться с выводом П.Ю.Савельева и С.В.Тютюкина, что этот труд “стал одним из самых глубоких аналитических произведений Мартова о большевизме и советской системе, отношении марксизма к государству и демократии, о международном потенциале Октябрьской революции в России”¹²⁵. Р.А.Абрамович писал о Ленине – вожде мирового большевизма и Мартове – идеологе мирового меньшевизма. Он был убежден в том, что только Мартову удалось убедительно доказать гибельность для пролетариата большевизма и это свое мнение “передать и привить всему социал-демократическому движению”¹²⁶.

В статьях о мировом большевизме Мартов теоретически обобщил многое из того, о чем писал прежде. Анализ практической деятельности российского большевизма позволил ему показать бесперспективность максимализма и непригодность для созидательной работы разрушительной энергии масс, опасность экспорта большевизма и стремления его вождей любыми средствами удержать в своих руках власть. Эта книга – предостережение против “социалистической казармы”, радикализма и черносотенства. В ней – защита самого дорогого для Мартова – прав человека и демо-

кратического устройства общества под эгидой рабочего класса.

Вопросы, поставленные в размышлениях Мартова о сущности большевизма, наверное, тогда для марксистской теории были главными. Большевизм защищали его вожди и идеологи: В. Ленин, Л. Троцкий, Н. Бухарин, К. Радек и др.; его критиками выступали К. Каутский, Ю. Мартов, О. Бауэр, Р. Макдональд, М. Адлер и др. Но это была не только научная дискуссия. Обсуждался, прежде всего, выбор альтернативного пути общественного развития, который должна была поддержать социал-демократия: диктаторский или парламентарно-демократический.

С 4 по 10 апреля 1920 г. в Москве состоялось совещание меньшевиков (56 делегатов с решающим голосом и 30 с совещательным). Они представляли 26 меньшевистских организаций страны. Вместе с приглашенными в совещании приняло участие не менее 120 человек.¹²⁷ Мартов выступил на нем с двумя докладами: “Мировая социальная революция и задачи социал-демократии” и “Положение дел в партии”. Первый позже назвали “апрельскими тезисами” Мартова и он стал основанием для выработки новой программы РСДРП (новую программу большевики приняли на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г.). Меньшевики собрались сразу же по окончании IX съезда РКП(б), на котором говорилось о “чрезвычайщине”, “производительности” принудительного труда, системе его милитаризации. Это было время апогея политики военного коммунизма, и Бухарин написал его апологию – “Экономику переходного периода” (книга вышла в мае 1920 г.).

В отличие от большевистских вождей, нетерпеливо призывавших к быстрому коммунистическому переустройству общества, Мартов утверждал, что социальная революция представляет собой “сложный и длительный исторический процесс”, зависящий от степени развития общества. Он не исключал, что в отдельных странах социальная революция может принять характер гражданской войны. Так произошло, например, в России. Для Мартова социальная революция была, прежде всего, политической революцией, в ре-

зультате которой к власти придут трудящиеся “во главе с пролетариатом современной крупной промышленности”. Там, где рабочие составляют большинство населения, их диктатура не будет противоречить демократическим принципам. В таком случае, считал Мартов, возможно ограничение прав “для социальных групп, стоящих вне этой демократии, то есть вне общественного производительного труда”, но он был за сведение этих ограничений до минимума. Мартов полагал, что “демократия трудящихся, по своему социальному содержанию и по своим историческим задачам противоположная демократии буржуазной, естественно не может просто копировать государственные формы и учреждения последней”.

На первый взгляд доклад Мартова и тезисы, принятые совещанием на его основе, свидетельствовали об уступках меньшевиков властям. Но среди них не было, пожалуй, ни одной, которая бы не оговаривалась: советская система возможна в определенных условиях, но ее нельзя считать “единоспасающей панацеей”; насилие (ограничения) возможны, но минимальные и только по отношению к неработающему эксплуататорскому меньшинству. Последних следует перевоспитывать, заставлять трудиться, но ни в коем случае не ликвидировать физически. Ни при каких условиях, утверждал Мартов, диктатура пролетариата не должна быть направлена “против других слоев трудящихся масс, активное и добровольное соучастие которых в процессе социального преобразования является необходимым и одно только может обеспечить решение пролетариатом проблемы преобразования хозяйственных форм – на почве дальнейшего развития производительных сил”. К этим слоям относятся как мелкие хозяева в городе и деревне, так и пролетариат умственного труда и в своей массе технический персонал современной индустрии. Особо Мартов протестовал против “политики терроризма как метода революционной диктатуры, органически связанного со стремлением удержать и утвердить в своих руках власть, которую еще не признает за ним трудящееся большинство”.

Мартов так раскрыл понятие “диктатуры пролетариата”, следуя взглядам, изложенным им в статьях о мировом большевизме. “В наше время, – говорил он на совещании, – с первых дней русской революции понятие диктатуры пролетариата выдвинулось на арену политической борьбы, дополненное целым рядом других признаков. Это, с одной стороны, представление о диктатуре пролетариата как о диктатуре пролетарской партии, с другой – диктатура понимается как политика террора по отношению к имущим классам. И, наконец, понятие диктатуры распространяется и на массу народа, даже на те его элементы, которые раньше рассматривались как естественные помощники и сотрудники пролетариата”. Поэтому – диктатура пролетариата “есть не что иное, как скрытая формула диктатуры меньшинства”, попытка “революционной части пролетариата завоевать государственную власть и обосновать ее как власть меньшинства, как диктатуру не только над поверженной буржуазией, но и над большинством народа. Реализация этой политики должна привести политически к углублению раскола пролетариата, к его изоляции от других производительных классов и к вырождению самой диктатуры в господство партии над пролетариатом...” О таком развитии революции Мартов сожалел. В заключительном слове на совещании он обращался к рабочим с призывом отказаться от такого “социализма, хотя ты и имеешь мнимую возможность идти к нему, преодолевая сопротивление части трудящихся путем насилия”¹²⁸.

Подобное понимание диктатуры пролетариата никак не соответствовало ленинским представлениям. Ведь Ленин видел в ней “самую беззаветную и самую беспощадную войну нового класса против более могущественного врага, против буржуазии”, против “всего мира”, если мир поддерживает Колчака и Деникина. Для Ленина выступление Мартова – это иллюзия мелкобуржуазного демократа, который не видит, что в России может быть только одна из двух диктатур – пролетарская либо буржуазная. Ленин досадовал, что Мартов “видимо, умрет с этой иллюзией”, предлагая “третье” решение¹²⁹.

Мартов в докладе по-прежнему связывал успешность строительства социализма в России с победой пролетарской революции в развитых странах Европы. Он был за установление народовластия, всеобщую выборность, сведение к минимуму привилегий должностных лиц, свободу идейной борьбы, демократизацию органов власти. На совещании, особенно в докладе Ф.И. Дана, подчеркивалась важность решения крестьянского вопроса. Его актуальность возрастала тогда в России, угрожая новым витком “крестьянской контрреволюции”. Поддержка крестьянством рабочего класса была возможна, по мнению участников совещания, лишь при условии: “а) что гегемония пролетариата в этом союзе может быть обеспечена никоим образом не средствами насилия и игнорирования мелкособственнических интересов крестьянства, а идейно-политическим и культурным превосходством рабочего класса, его функциями организатора и объединителя всей хозяйственной жизни страны;.. б) что возможность перевода мелкобуржуазного крестьянского хозяйства на социалистические рельсы и привлечение симпатий подавляющей массы крестьянства к социализму определяется исключительно мерою интенсивности процесса мировой социальной революции... в) что такой переход даже в наиболее передовых странах должен требовать для своего завершения длинного ряда лет”. Участники совещания требовали проведения такой земельной и продовольственной политики, которая учитывала бы интересы крестьян, гарантировала свободу крестьянским организациям¹³⁰.

В 1919 г. в связи с созданием Коминтерна и распадом II Интернационала Мартова занимали вопросы создания координирующего международного социалистического центра. Он считал возможным восстановление Интернационала только на близких ему интернационалистских принципах Циммервальдской и Кинтальской конференций. Вспоминая об этом, он писал о том, как война разложила социалистический Интернационал, а созданный Лениным Коминтерн ограничил свой состав только партиями, принявшими идеологию российского большевизма. В результате раскол “между-

народного пролетариата” оказался фактом. Потому, отмечал Мартов, встала задача хотя бы временного объединения революционных рабочих партий¹³¹.

ЦК РСДРП 26 мая 1919 г. в принятой резолюции заявил, что восстановление Интернационала – сложный и длительный процесс, что ЦК выступает за единение марксистских, революционных партий, “способных объединить весь международный пролетариат”. В письме Аксельроду 23 января 1920 г. Мартов писал, что говорить “о восстановлении Интернационала в данное время не приходится”, так как у партий разные интересы, часть из них стали правительственными. В марте 1920 г. ЦК РСДРП заявил о формальном разрыве “организационных связей с остатками Второго Интернационала”. В письме А.Н.Штейну (26 марта 1920 г.) Мартов говорил о фиаско II Интернационала и указывал, что новое объединение могло бы состояться на условиях: а) признания различных форм ведения борьбы за диктатуру пролетариата; б) отклонения диктатуры меньшинства; в) отклонение терроризма как метода диктатуры.¹³² В письмах К.Каутскому, Ж.Лонге, Ф.Адлеру и другим он предлагал созвать международную объединительную конференцию партий, которые отошли от II Интернационала и не примкнули к Коминтерну.

Решение ЦК РСДРП о выходе из II Интернационала вызвало немедленную реакцию П.Б.Аксельрода, представившего в нем российских меньшевиков. Аксельрод сразу же огласил заявление о сложении своих полномочий. В связи с этим ЦК РСДРП принял решение организовать временное представительство партии за границей и направил официальное заявление в Совнарком с просьбой о выдаче Мартову и Абрамовичу загранпаспортов для выезда в качестве его представителей. Мартов в письме Аксельроду 27 июля 1920 г. писал об этом так: “Сейчас я хочу Вам сообщить главную, хотя и не “окончательную” новость: большевики объявили нам официально, что пустят меня и Абрамовича за границу. Дело в том, что мы подали в Совет Народных Комиссаров мотивированное заявление, требуя, чтобы нас пустили “для

организации” заграничного представительства “нашей партии” ввиду опубликованного Вашего заявления о сложении Вами полномочий. Мы прибавили, что надеемся, что “советская власть считает себя достаточно прочной, чтобы не бояться нашего “тлетворного” влияния на наших западноевропейских единомышленников. Копию заявления мы в французском и немецком переводе разослали всем делегациям конгресса III Интернационала. Вероятно, это и послужило причиной того, что власти решили согласиться”. В следующем письме Аксельроду (4 августа 1920 г.) Мартов писал, что поездку ему разрешили. И опять повторял, что “несколько жутко уезжать в теперешней обстановке: повсюду наших товарищей преследуют, и все друзья и даже посторонние уверены, что мое присутствие одно только несколько сдерживает большевиков; мой отъезд, а особенно известия о моей деятельности за границей, могут их разнуздать окончательно”¹³³.

В конце апреля 1920 г. началась советско-польская война. ЦК РСДРП вначале воспринял ее как оборонительную для Советской России и призвал добровольцев в Красную Армию. Мартову было поручено выступить по этому поводу на объединенном заседании ВЦИК, ВЦСПС и Моссовета. Д.Далин вспоминал об исключительной интуиции Мартова, заявившего на заседании ЦК РСДРП, во время обсуждения его доклада, о возможном экспорте в ходе войны большевизма при помощи армии в европейские страны. “Поэтому необходимо, находил Мартов, с самого начала ограничить “оборончество” партии в этой войне чисто защитительными целями, и как это ни трудно в этот момент, заявить протест планам военной агрессии против запада”. Выступление Мартова на объединенном заседании было выдержано в духе поддержки усилий властей в отражении нападения польской армии, предостережения против авантюры превращения войны оборонительной в наступательную и призыва к скорейшему заключению мира. Критику Мартова собравшиеся большевики слушать не захотели, в зале стало шумно. “Правда” комментировала: Мартов обещал поддержку, но

“никак не мог удержаться от соблазна вспомнить все “смертные грехи” Советской власти, но возмущенное собрание “лишило его этого удовольствия”. Вскоре Красная Армия оказалась под Варшавой, с взятием которой Ленин связывал надежды на взрыв революционного движения в Европе¹³⁴.

В то время Мартов и ЦК РСДРП превратились в ярых критиков “экспорта мировой революции на штыках”, изменив свою первоначальную политику. 26 июня 1920 г. Мартов писал А.Штейну, что война “питает не только большевистский террор и мировой ореол большевизма, но и самый большевизм, как противоестественную систему хозяйства и столь же противоестественную систему азиатского управления. Потому большевизм кровно заинтересован в том, чтобы война была перманентной”. Он сомневался тогда в скором мире с Польшей, сообщал об изменении политики РСДРП. По его мнению, нужно было требовать отказа от авантюры во внешней политике (“отказ от принесения полякам и немцам (!) на штыках советской системы, отказ от авантюры на Востоке, согласие на компромисс с английским капитализмом”). И подчеркивал, “что и европейским товарищам скоро невозможно будет проходить мимо этой весьма влиятельной “милитаристской” тенденции в русском большевизме”. 15 октября 1920 г. Мартов, выступая на съезде Независимой социалистической партии Германии в Галле, возмущался бездействием делегатов II конгресса Коминтерна, когда “русская Красная Армия приближалась к воротам Варшавы”, а “советская дипломатия явно для всех затягивала начало переговоров”. Мартов продолжал: “Казалось бы, первым делом конгресса Интернационала было решить, что именно лежит в интересах мировой революции – прекращение ли войны советской России с Польшей и Антантой, или попытка, искусственно вызвав революцию в Польше, зажечь международный пожар...” Но делегаты занялись обсуждением сугубо партийных вопросов. Мартов назвал политику советского правительства “авантюристической и безответственной”. Заявление же Г.Е.Зиновьева на съезде о том, что большевики не пытались втянуть Германию в новую

войну с Антантой, – ложью. Далин писал, что уже после отъезда Мартова за границу, Ф.И. Дан направил 6 ноября 1920 г. письмо в редакцию “Правды”, в котором ЦК РСДРП солидаризировалось с мнением Мартова.¹³⁵

Летом 1920 г. Мартов и его единомышленники вызывали все большее раздражение советских властей. Они представляли собой демократическую, невооруженную оппозицию, в чем-то поддерживающую большевиков, но вместе с тем активно, публично, в том числе за рубежом, критикующую теневые стороны большевистского режима. Власти не желали с ними дискутировать, их арестовывали и обличали в печати без права на ответ. В июньских (1920) письмах друзьям Мартов писал об “удушливой атмосфере” в стране, тяжелых условиях жизни, неравномерности доходов, кичливости и упитанности власть имущих, о том, что “господствующая в партии диктатура и культ Ленина мешают оформляться оппозициям и убивают в корне гражданское мужество”. Он сообщал об успехах меньшевиков на выборах в местные Советы и об их арестах, о встречах с зарубежными делегациями: английских тред-юнионов и представителями Независимой социалистической партии Германии В.Дитманом и А.Крипиным, которые пригласили его и Р.Абрамовича выступить на осеннем съезде этой партии в Галле.¹³⁶

Разумеется, власти ответили репрессиями и газетными нападками на меньшевиков. В письме к английской делегации 4 июня 1920 г., подписанном Мартовым и другими членами ЦК РСДРП, говорилось, что встреча с ними “вызвала со стороны правящей партии против нас неслыханную травлю”, “грозят суровыми репрессиями”, а Бухарин шельмует саму английскую делегацию, которая пыталась узнать правду о большевиках, а потому якобы не может представлять интересы английских рабочих. 15 июня 1920 г. Мартов, как председатель ЦК РСДРП, обратился в ряд московских газет с протестом против публикации в “Известиях” компрометирующего меньшевиков материала о том, что их будто бы, наряду с эсерами и кадетами обменивали на захваченные чехословацкими легионерами семьи известных большевиков.

Мартов с фактами в руках уверял, что ничего подобного не было, но ни одна газета его опровержения не опубликовала¹³⁷.

Параллельно и вслед за газетными антимиеньшевистскими статьями происходили аресты. Мартов хотел выехать в Германию после проведения в августе общероссийской конференции РСДРП. Но 23 августа 1920 г. ВЧК арестовала в Москве более 200 меньшевиков и эсеров. Было опечатано помещение ЦК РСДРП, многие из приехавших на конференцию делегатов попали в засаду и были арестованы. У Мартова и Абрамовича произвели обыски. Мартов в специальном заявлении по этому поводу писал, что никаких обвинений арестованным не предъявлялось и судебного дела против них не возбуждалось. “По-видимому, большевики просто хотели арестами расстроить общерусскую конференцию социал-демократов, что им и удалось и что внесло в жизнь социал-демократической партии серьезную дезорганизацию, так как на конференции должны были обсуждаться важные вопросы программы и тактики”, – заключал Мартов. Большая часть арестованных вскоре была освобождена, а попытки социал-демократов обжаловать произвол властей в Моссовете успехом не увенчались¹³⁸.

Мартов задержал отъезд на месяц, потому что полагал “неудобным” для себя бросить арестованных коллег. Он считал, что его тоже нужно будет привлечь к судебному процессу над меньшевиками, если таковой состоится. Но тогда процесса не было. Они еще были впереди. 5 сентября 1920 г. освобожденные из-под ареста члены ЦК РСДРП обсудили тезисы докладов Мартова, подготовленные им для несостоявшейся конференции. Они касались в основном внешней политике российской революции. По мнению Мартова, “задаче заключения скорейшего и возможно более прочного мира и экономического соглашения с капиталистическим Западом должны быть подчинены в настоящее время все остальные задачи внешней политики”. В советском руководстве Мартов выделял два течения. Одно опиралось на “трезвый учет затяжного процесса мировой революции” и готово бы-

ло к компромиссам для заключения мира со странами Антанты. Другое, “частью питаемое романтическими представлениями о революционной войне”, было готово к “увековечению состояния войны”. Мартов выступал в поддержку первых и требовал гласности в вопросах выработки принципов внешней политики. Он настаивал также на проведении принципа национального самоопределения по отношению к закавказским и прибалтийским республикам. Мартов заявлял, что “РСДРП по-прежнему поддерживает внешнюю политику советской власти, поскольку она будет искренне направлена на достижение скорейшего прочного мира с Европой и Америкой”.¹³⁹

Мартов выехал из Москвы 21 сентября 1920 г. и через несколько дней прибыл поездом в Ревель. В столице Эстонии он задержался, оформляя визу в Германию и выбирая паромный маршрут поездки через Стокгольм. Из Ревеля он отправил несколько писем. С.Д.Щупаку (27 сентября) Мартов сообщал о разгроме чекистами организаций РСДРП в Москве, где было арестовано более 40 меньшевиков, и в Харькове, где арестовали 60 человек. Но многих выпустили, отмечал Мартов. В этом же письме он разъяснял Щупаку приемлемые для него принципы ведения антибольшевистской пропаганды. Дело в том, что одно из его предыдущих писем, в котором Мартов сообщал “интимные” подробности из жизни знакомых ему большевиков, Щупак опубликовал без его разрешения в Париже. Мартов возмущался, требовал извинений и заметки в газете о том, что это было сделано без его ведома. “Вы поставили меня в самое фальшивое положение, – писал Мартов. – Еще никогда никто не мог меня обвинить в том, что я веду политическую борьбу, “разоблачая”, кто как живет и кто что ест. А у нас, несмотря на весь упадок политических нравов при большевизме, все же на такой метод борьбы смотрят как на грязноватый. И предположение, что я в Европе печатаю такого рода “разоблачения”, очень унизило меня в глазах многих”. Мартов заявлял о том, что принципиально отвергает метод борьбы с большевиками, “закрывающийся в том, чтобы идти к европейской и рус-

ской буржуазной, бешено ненавидящей большевиков публике, и давать ей “сенсационный” материал о роскоши и разврате, в котором живут большевики”. Мартов писал Щупаку, что ему неприятно не только то, что его “подвели”, но и то, что его адресат проявил “совершенно мне чуждую” готовность “петь в хоре тех международных ненавистников большевизма, которые изображают их просто грабителями, развратниками и т.п.”¹⁴⁰

Аксельроду Мартов сообщал (29 сентября) о задержке с переездом в Германию, нормальной работоспособности и полной потере голоса, когда “самая короткая речь меня бесконечно утомляет”.¹⁴¹ В Берлин Мартов приехал в начале октября 1920 г. Он рассчитывал пробыть за границей 2-3 месяца, но вскоре понял, что вернуться в Москву не сможет. А.Криспин вспоминал горькое признание Мартова: “Меня охватывает стыд за свою родину, когда после 20 лет героической борьбы русского пролетариата, немецкие товарищи спрашивают меня, смогу ли я вернуться в Россию, раз я осмелился критиковать свое, большевистское правительство. Но мне еще более стыдно от того, что я на этот вопрос вынужден ответить признанием, что мне и моим товарищам не миновать мести большевиков”. Позже стало известно, что в постановлении ЦК РКП(б) о разрешении Мартову и Абрамовичу выехать за границу (16 июля 1920 г.) было одновременное указание ВЧК, чтобы их “не впускать обратно в Россию”.¹⁴² Выезд за границу превратился, таким образом, для Мартова в новую вынужденную эмиграцию.

2. В последней эмиграции

Сразу же по приезде в Берлин Мартов встретился с А.Штейном, Р.Гильфердингом, В.Дитманом и другими немецкими социал-демократами. Он увидел их растерянность в связи с проведением съезда Независимой социалистической партии Германии в Галле, где местная партийная организация была “фанатично-большевистской”¹⁴³. И понял, что снова попал в эпицентр борьбы за выбор пути мировым социалистическим движением: идти ли ему вслед за большевиками, или отстаивать принцип несилового интернационального движения к социализму. В Галле первый путь защищал председатель Коминтерна Зиновьев, второй – Мартов.

Независимая социалистическая партия Германии к тому времени, как и многие другие социалистические партии Европы, не представляла собой единого целого. Позже Р.Абрамович подчеркивал “прокоммунистическую окраску” съезда. Зал был украшен советскими флагами. Зиновьев в 4-часовой речи на хорошем немецком языке предложил независимцам вступить в Коминтерн. Против выступили Гильфердинг и Мартов. Последний говорить не мог из-за болезни горла. Он лишь хрипло поприветствовал делегатов. Его доклад по-немецки прочитал А.Штейн. Мартов в письме Аксельроду (17 октября 1920 г.) сообщал: “Зиновьев, речь которого признается в своем роде перлом демагогического искусства, могущего смутить не одну путанную голову, очень помог мне не только наглостью и развязностью своего тона по отношению к Европе, но и исключительно корректным и нарочито мягким тоном по отношению к нам... Хотя свою речь я не сам говорил, а пришлось поручить читать Штейну, и хоть написал ее я перед самым выступлением, так что не удалось переписать, и Штейн, благодаря моему проклятому почерку и плохому освещению, даже местами запинаясь – тем не менее, все сходятся на том, что речь произвела огромное действие. На верхи партии произвела, по-видимому, впечатление моя постановка вопроса, противопоставляющая деспотическому контролю международного движения

московским правительством, то есть правительством восточной, пропитанной реакционными тенденциями мужицкой революции (как сущность III Интернационала), международному контролю европейского пролетариата над самой русской революцией... На рядовых же делегатов больше всего произвели впечатления факты о терроре и самовластии правительства”¹⁴⁴.

Разумеется, речь, а затем изданная на ее основе брошюра Мартова, были оценены по-разному. Для Гильфердинга “в Галле была выиграна великая битва между большевизмом и европейским социализмом”, а речь Мартова стала политической и моральной вехой, вставшей преградой на пути русского большевизма в Европу. Ленин же увидел в галльской речи Мартова лишь “кусочек политики Антанты”¹⁴⁵.

В своей речи Мартов сразу заявил, что ставит целью не “разоблачение ошибок и преступлений большевистской партии в России”, а восстановление Интернационала. Но он не мог не коснуться положения в России в связи с претензиями Коминтерна на распространение своего влияния на международное рабочее движение и попытками большевиков утвердить в нем свои принципы и методы действия. Мартов считал, что силой обстоятельств в рабочем движении борются два мировоззрения: 1. Коммунистическое, стремящееся к захвату власти и спекулирующее на религиозной психологии масс и их вере в чудеса; 2. Социалистический реформизм, исходящий из возможности социального освобождения пролетариата путем улучшения его экономического положения и приобщения к государственной власти. Потому, заявлял Мартов, “в России большевики считают гораздо менее опасными правых социалистов,.. чем меня, который в течение 25 лет оставался и остается на... позиции революционного марксизма, всегда решительно отвергал всякое классовое сотрудничество... и объявил, что 1 августа 1914 года цивилизованный мир вступил в эпоху социальной революции. Понятно, что именно я и мои единомышленники, которые с конца 1917 года овладели большинством в РСДРП, являемся в агитации... большевиков образцами са-

мых опасных, самых злостных “предателей пролетариата”, ибо мы, верные заветам нашего учителя Карла Маркса, холодной водой критики окачиваем слепую веру в социальные чудеса”.

Мартов выступал против превращения большевиками России в “социалистическое общежитие”, стремления РКП(б) “стоять вне контроля международного социализма в своей политике” и против превращения терроризма в основу “всей системы революционного правительства”. Мартов назвал Зиновьева “взбесившимся мещанином” за его защиту красного террора, запрещения свободы печати и т.д. Мартов от имени русских социал-демократов потребовал, чтобы интернациональный пролетариат признал террор развращающим и большевистский терроризм недопустимым, где бы он ни применялся,.. ибо “в отсталой России терроризм мог утвердиться только в борьбе... с самыми лучшими, наиболее классово-сознательными элементами русского пролетариата”.

Мартов был откровенен, раскрывая двойственность своей позиции: защиту революции в России от всяких посягательств извне и изнутри и в то же время резкую критику большевизма как партии власти. Он верил в то, что “истинное политическое мужество” в России не исчезнет, несмотря ни на какой террор, и что “русская революция выберется из тупика, в который загнали ее социальная отсталость страны и умственная отсталость большевизма”. Речь Мартова усилила раскол среди независимцев: за вступление в Коминтерн проголосовало 236 делегатов, против – 150.¹⁴⁶

Р.Абрамович позже вспоминал, как нелегко было объяснить европейским социалистам, почему российские социалисты находятся в столь резкой оппозиции к большевистскому правительству, “социалистичность и революционность которого нельзя было отрицать, а недемократичность которого скрашивалась все время ссылкой на французских якобинцев и неизбежность временного террора в больших революциях”. Свою позицию Мартов и его коллеги отстаивали в долгих дискуссиях. Так, в письме лондонской группе

социал-демократов (13 ноября 1920 г.) Мартов объяснял, что ни он, ни его товарищи не считают большевиков “палачами русского пролетариата”, как не видят в Робеспьере и Сен-Жюсте “палачей французского народа”, хотя “они отправили на тот свет не меньше “беднейших крестьян” и рабочих, чем это делают Ленин и Троцкий. Он предлагал воспринимать большевистскую политику дифференцированно¹⁴⁷.

Смысл своей позиции Мартов разъяснял и Аксельроду, не воспринимавшего никаких примиренческих шагов по отношению к большевикам. 25 ноября 1920 г. Мартов писал ему, что готовится при встрече дать откровенный ответ на вопросы о политике РСДРП, поскольку в последние годы, будучи за границей, Аксельрод в ее выработке участия не принимал. “Мое личное впечатление, – отмечал Мартов, – что различие в оценке фазисов русской революции у нас с Вами очень велико, так же как и в некоторых других вопросах. В вопросе об Интернационале, напротив, наши точки зрения, вероятно, гораздо ближе друг к другу, чем это может казаться на первый взгляд”. 5 декабря они встретились в Берне, где состоялось совещание представителей социалистических (центристских) партий Европы. Там же были восстановлены дружеские отношения двух лидеров российской социал-демократии, но выяснение взглядов продолжалось¹⁴⁸. 20 декабря в письме Аксельроду Мартов протестовал против отождествления его позиции и позиции Майского. Он писал: “Вы неправы, что его позиция – совсем наша. Мы видим “историческое оправдание” большевизма в том, что он “довел до конца” “буржуазно-мужицкую революцию”... Майский же старается оправдать не только политическое низвержение буржуазии (что оправдываем и мы...), но и “диктатуру пролетариата” в России и всеобщую социализацию, которая, по моему глубокому убеждению,.. была для большевиков лишь экономическим средством, чтобы удержать власть в руках меньшинства...”¹⁴⁹ Результаты полемики между Мартовым и Аксельродом о политике РСДРП в русской революции позже нашли отражение на страницах “Социалистического вестника”.

В конце 1920 г. Мартову, Абрамовичу и их единомышленникам, жившим в Берлине, стало ясно, что без печатного органа им не обойтись. О желании начать выпуск журнала Мартов сообщал С.Д.Щупаку 14 декабря 1920 г.: “Мы приступаем к выпуску первого номера нашего органа (хотим назвать “Социалистический вестник”). К сожалению, из-за праздников нельзя будет выступить раньше начала января”. Об этом же он писал и Аксельроду 20 декабря 1920 г.¹⁵⁰

До выхода журнала Мартов широко использовал письма, газетно-журнальные публикации для разъяснения позиции РСДРП и своей лично по отношению к происшедшему в России. В письме Щупаку (20 декабря 1920 г.) Мартов писал, что в России у власти “антибуржуазное правительство”, что “из признания большевизма революцией вовсе не следует апологии большевизма, ни отказ от борьбы с их политикой, с их методами в революции... И когда мы, признав большевизм революцией, заставляем центристов сделать решительный шаг по пути борьбы с III Интернационалом и некоторый шаг в деле отмежевания от большевистской идеологии диктатуры и т.п., то мы достигли уже некоторого значительного результата”. В своей критике большевизма Мартов особенно яростно выступал против его карательной политики, так как “ленинская тайная полиция состоит из таких же изолгавшихся и грязных отбросов, как и любая тайная политическая полиция какого-либо буржуазного государства” и так же занимается “подделкой и провокацией”, выискивая мифические “заговоры”. Он писал в “Воле России” (29 декабря 1920 г.) о недопустимости расстрелов заложников, о преследованиях и расправах над эсерами и меньшевиками за их убеждения, обращался за помощью к видным деятелям европейского социалистического движения. Мартов сообщал Аксельроду (29 декабря) о публикации статьи в “Freiheit” о большевистском терроре, по поводу которой коммунисты “сильно выругались”, а также о выступлении Ф.И.Дана на VIII Всероссийском съезде Советов, вызвавшем отрицательную реакцию Ленина. Абрамович вспоминал, как после съезда в Галле они с Мартовым высту-

пали на рабочем собрании в Берлине с докладами о настоящем и будущем России. Мартов призывал не следовать слепо за большевиками, но подчеркивал, что “русская революция при всех ошибках ее вождей является мощным фактором разложения империалистической тирании”. Абрамович указывал, что их позиция находила понимание немецких рабочих¹⁵¹.

В письмах Мартова – история современной России, его отношение ко всему, что он тогда полагал главным для осмысления. Так, он писал Щупаку (7 января 1921 г.), что поддерживает идею компромиссов и уступок со стороны большевистских вождей, приводящих к созданию совместных с капиталистами концессий. А их главной ошибкой – стремление насадить социализм в стране, где нет для этого предпосылок. Европейские социалисты этого не понимают, писал он, они упрекают большевиков в недостаточно последовательной социалистической политике. В письме ему же (20 января 1921 г.) Мартов приходил к грустному заключению о происходящем в меньшевистской Грузии. “Когда слышишь рассказы, – заключал Мартов, – из которых явствует, что демократическая власть проявляется там с таким же патриархальным самодурством и хамством, как и диктаторская в Москве, то приходишь к печальному выводу, что социальная и культурная азиатчина дает одни и те же политические явления независимо от внешних государственных форм”. В письмах Аксельроду и Щупаку (20 января) Мартов сообщал о готовящемся выходе “Социалистического вестника”. 30 января 1921 г. Мартов сообщал Аксельроду о своем возмущении политикой эсеров, которые вновь стали декларировать коалицию с кадетами, что Дан предлагает ему вернуться в Россию, что Н.Н.Суханов вышел из РСДРП, “внезапно открыв в себе симпатии к тактике “завоевания III Интернационала путем вхождения в него”¹⁵².

Февраль 1921 г. стал памятным в зарубежной жизни Мартова. 1 февраля увидел свет первый номер “Социалистического вестника”; 22 февраля в Вене открылась учредительная конференция социалистических партий Европы, тогда

же во главе с Мартовым оформилась Заграничная делегация РСДРП (Абрамович, Ева Бройдо, Далин, позже Дан и др.).

Только в первом номере “Социалистического вестника” было опубликовано 6 статей и заметок Мартова, всего же за два года, при его жизни – 83.¹⁵³ Десятки русских эмигрантских журналов, издававшихся за рубежом в 20-е годы, пытались ответить на основные, особо интересующие вынужденных эмигрантов, вопросы: Как удалось большевикам захватить и удержать власть? Кто в этом виноват? Есть ли будущее у большевистской России? При ответе на эти вопросы “Социалистический вестник” придерживался мартовской “двойной тактики”: одобряются большевистские антифеодальные меры, критикуются большевистский максимализм, террор и диктатура, нарушение политических свобод и прав человека. Большинство эмигрантских журналов публиковали антисоветские материалы. “Социалистический вестник” более объективно освещал происходящее в России, его авторы были достаточно информированы для написания аналитических статей. Журнал сразу же стал одним из центров социалистической мысли за рубежом¹⁵⁴.

В передовице первого номера журнала Мартов дал понять, что “Социалистический вестник” выходит в то время, когда “советская Россия переживает кризис. Задача нашей партии – оружием критики и давлением организованных ею масс помочь скорейшему и наиболее безболезненному преодолению и изживанию кризиса”. Заметим, что наличие внутреннего политического кризиса в стране признавал тогда и Ленин, видевший его в “недовольстве не только значительной части крестьянства, но и рабочих”.¹⁵⁵

Весенние (1921 г.) письма и статьи Мартова говорят о его понимании причин кризиса в России. Для Мартова как политика, находящегося в оппозиции российским властям, кризис был явлением, которое следовало использовать в интересах РСДРП. Он советовал своим постоянным корреспондентам (П.Б.Аксельроду и С.Д.Щупаку) не спешить с выводами о том, что в России наблюдается “начало конца” (5 марта), хотя даже скудно поступающие сведения говорят об

арестах и высылках меньшевиков, разрастающихся крестьянских антибольшевистских выступлениях, особенно в Тамбовской губернии, восстании матросов Кронштадта. Мартов был пессимистичен, полагая, что Ленин со всем этим справится (7 марта). Кронштадское восстание Мартов назвал “поворотным событием”, так как во главе его стояли люди, “прошедшие большевистскую выучку и лишь недавно отпавшие от коммунизма” (24 марта). Мартов увидел сходство лозунгов кронштадцев, требовавших свободные выборы в Советы, устранения диктата РКП(б) и террора ВЧК, свободы торговли для крестьян, с тем, что требовали в своих программах меньшевики в 1919-1920 гг. “Тем самым доказана, – писал Мартов в статье о кронштадских событиях, – возможность единого пролетарского фронта в борьбе за дальнейшее развитие революции, в борьбе за ее освобождение от полицейско-партийной диктатуры, а стало быть, возможность ведения этой борьбы без того, чтобы она пошла на пользу контрреволюции”. Тем более что, по Мартову, на сей раз “инициатива решительной борьбы с установившимся режимом, исходит от тех самых масс, которые до сих пор были оплотом большевизма”. Мартов отмечал и такую новацию в истории гражданской войны, как обещание кронштадцев, восставших против режима террора, самим к нему не прибегать. В требованиях матросов Мартов увидел правильность предложений РСДРП, а в результатах их выступления – отход Ленина от канонов военного коммунизма. Для Мартова кронштадское восстание было “бунтом большевистских масс против большевистской партии”¹⁵⁶.

В 1921 г. Мартов находил подтверждение верности программы РСДРП не только в лозунгах восставших против большевистского режима, но и в предложениях самого Ленина, заявившего на X съезде РКП(б) о переходе к новой экономической политике. Мартов увидел в нэпе путь к компромиссу с буржуазией, к ликвидации утопических планов, к чему он давно призывал. Под влиянием первых известий о нэпе он замечал в письме Аксельроду (24 марта 1921 г.), что в нем содержится “меньшевистская экономическая програм-

ма, которую Ленин украл и теперь выдает за свою. Действительно, Ленин целиком взял нашу продовольственную программу: государство кормит тысячи... и рабочих и для этого взимает с крестьян в виде налога часть урожая; остальной же хлеб идет в свободную торговлю. Мы уже год твердили, что примирить крестьян с революцией и приостановить дальнейший упадок земледелия нельзя без этой меры." Но Мартов опасался, что эта экономическая реформа будет лишь временной уступкой большевиков крестьянству, т.к. в России остается политическая диктатура одной партии. В письме Щупаку (30 марта 1921 г.) он сформулировал свое видение проблемы так: "Ленин ведет, конечно, чисто зубатовскую политику: экономические уступки при сохранении политической диктатуры. Так пишут нам из Москвы, указывая, что "диктатура сердца" по отношению к мужикам, наверное, будет сопровождаться еще большей травлей меньшевиков и эсеров"¹⁵⁷.

Более подробно об отношении к нэпу Мартов высказался в статье "На пути к ликвидации", опубликованной в двух номерах "Социалистического вестника"¹⁵⁸. В статье Мартова содержится детализация сделанных ранее в письмах выводов, поиски аналогов российскому нэпу, постановка новых задач социал-демократии. "То, чего не смогли сделать Робеспьер и Сен-Жюст, когда их утопическая диктатура завела их в тупик, – поворот к экономическому реализму, – это удалось большевистской партии без того, чтобы сразу же подорвать основы своего существования... В отличие от того, что было во Франции, у нас... начало ликвидации утопического режима взяла на себя сама диктатура, установившая этот режим". Мартов полагал, что большевистская диктатура будет мешать нормальному экономическому развитию, что в конечном результате приведет либо к ликвидации режима, либо к его приспособлению к экономике. Потому задачу социал-демократии он видел в борьбе за единство трудящихся и предотвращение термидора в России¹⁵⁹. Прогноз Мартова не подтвердился: в СССР экономика была подчинена политике правящей партии, что завела ее в неминуемый тупик.

Мартов защищал тактику РСДРП и в спорах с Аксельродом. Он опирался при этом на практический опыт демократической оппозиции в России, охваченной гражданской войной и террором. Аксельрод предлагал теоретические изыски, свое неприятие большевизма, как разновидности яacobинства. Еще осенью 1920 г. Аксельрод начал работать над письмом в Россию, считая нужным изложить свое понимание “апрельских тезисов” (1920) Мартова. Сначала он писал частное письмо, но вскоре оно выросло в политическое произведение, в котором формулировались “тактические задачи социал-демократии в послевоенный, большевистский период”. Заметим сразу, что дискуссия никак не повлияла на дружеские отношения Аксельрода и Мартова. Более того, В.С.Войтинский, помогавший Аксельроду в последние годы его жизни писать мемуары, рассказал, как тепло всегда вспоминал Аксельрод Мартова. Когда же встал вопрос о написании к мемуарам теоретической главы, Аксельрод сказал, что такую мог бы помочь ему осилить только Мартов¹⁶⁰.

Письма Аксельрода и ответное письмо Мартова были опубликованы (не полностью) в “Социалистическом вестнике”¹⁶¹. Но еще до публикации Мартов подробно ответил Аксельроду 5 апреля 1921 г., сообщив ему, что разногласия между ними касаются оценки большевистской революции и отношения к восстанию против Советской власти в России а также к лозунгу борьбы с большевиками в рамках движения за демократизацию Конституции РСФСР. Спор об отношении к антибольшевистским восстаниям Мартов счел недоразумением, так как это вопрос целесообразности. “Сентиментальное соображение, что вообще недопустимо восстание против правительства, которое состоит из социалистов, или революционеров, нам, конечно, чуждо”, – заверял он. И тут же уточнял, что главной причиной, препятствующей организации такого восстания, является поддержка большевиков “значительной частью подлинного городского и сельского пролетариата”. Потому восстание могло привести к “взаимоистребительной борьбе между частями пролетариата”. А это в принципе недопустимо, подчеркивал Мартов.

Мартов не видел больших расхождений с Аксельродом и по вопросу об отношении к Советам, так как “для нас решающую роль играют соображения тактические”. Он сожалел о компрометации лозунга борьбы за передачу власти Учредительному собранию контрреволюционными силами, взявшими его на вооружение. Мартов уверял Аксельрода в том, что советская система не является для него “высшей формой демократии”. Он высказывал предположение, что будущий верховный орган в демократической России будет называться “Конвент, Народная палата или Дума”. И подчеркивал, что никогда не отказывался от принципов народовластия, даже выдвигая требование соблюдения советской Конституции и ее демократизации. Мартов прогнозировал путь России к демократической республике через расширение избирательной базы Советов, постепенное отделение муниципальных функций от общегосударственных, создание демократической Конституции, избрание высшего органа государства через плебисцит. Отдельные положения прогноза Мартова были реализованы в современной постсоветской России.

В основе спора между Аксельродом и Мартовым лежала различная оценка ими большевистской революции. Мартов был против ее однозначного сравнения с 1793 г. или Парижской Коммуной. В ответе Аксельроду он детализировал методику сравнений, данную им до этого в статьях о мировом большевизме. Мартов исходил из того, что большевистская революция по своим “крестьянско-мещанским качествам” была гораздо более похожа на французскую революцию конца XVIII в., нежели на Парижскую Коммуну. Но этим нельзя решить вопрос о “законности” якобинизма в XX веке, замечал Мартов. Он полагал, что разность исторических условий не позволяет утверждать о пригодности якобинских методов в России. Мартов ссылаясь на замечание Аксельрода о том, что якобинизм в XX в. “развращал бы классовое движение пролетариата и вступил бы в противоречие с его классовыми интересами”. Он разъяснял тактику РСДРП, направленную на поддержку большевиков при условии их отказа от

утопических экспериментов и союза с другими социалистическими партиями. По мнению Мартова, меньшевики заявили о необходимости борьбы с большевиками, пока их утопизм и рабское подражание французским якобинцам в использовании государственного терроризма не привели к уничтожению того прогрессивного, что Октябрьская революция принесла народу. Ведь революция “вынесла на поверхность подлинный плебс и развила в нем, под покровом коммунистических иллюзий тот, по существу, индивидуальнейший радикализм, который является основной психологической предпосылкой не только буржуазного строя, но и – в известной мере – современного рабочего движения”. В России, по Мартову, большевиков поддержали “большей частью культурно отсталые слои пролетариата”, которых “внезапно “раскачала” анархия первого периода большевистской революции”. Он делил эту массу, в основном неквалифицированных рабочих, на “антисемитско-черносотенную и большевистствующую”. Мартов рассчитывал на их перевоспитание в ходе революции и, естественно, считал их частью рабочего класса, с которой воевать нельзя.

Мартов писал о своем убеждении в том, что “вандализм большевистский (имею в виду большевизм европейский, лишь развращаемый и усиливаемый Москвой, но имеющий свои корни в Европе) есть прежде всего неизбежная реакция на вандализм “военного социализма” и что поэтому преодоление в европейском движении этой новой бакунинской заразы немислимо, пока не изжит военный социализм”. Он говорил о важности “христианского” отношения и к тем, кто замалчивал русский большевизм и к тем, кто пресмыкался перед ним. Мартов был за терпеливую работу с правыми и левыми социалистами¹⁶².

В то время не было ни одного письма, ни одной работы Мартова, в которых не содержались бы оценки происходящего в России. Следуя марксистским дефинициям, в письме Дану (декабрь 1920 г.) Мартов писал, что в октябре 1917 г. произошла буржуазная революция. Он поражался силе стихии пролетарского движения в ней и делал вывод: не может

быть революции, которую “марксизму удалось разыграть... “как по нотам”. В этом письме Мартов говорил о работе “для своего собственного будущего, чтобы в сознании масс, когда оно заново начнет формироваться, мы были “чисты” от ответственности за данный исход кризиса революции”¹⁶³.

Дискуссии российских и европейских социалистов о характере и значении большевистской революции в России должны были бы приобрести, но не приобрели в современной историографии должного осмысления. Иногда поведение умеренных политических лидеров той поры расцениваются в настоящее время как особенно беспомощные и “жалкие попытки навязать массам “рациональный” образ действий в условиях, когда на первый план выступила стихия “традиционалистского подсознания народа”. Высказывается мнение, что империю в 1917 г. разрушили не труженики, а партийные доктринеры, “вольно или невольно стимулирующие российскую вольницу”¹⁶⁴. Думается, что эти заявления В.П.Булдакова излишне категоричны. Мартов с полным основанием относится исследователями к “умеренным политическим деятелям” революционной поры. Он нашел в себе мужество противостоять разрушительности и жестокости, экстремизму толпы, отстаивать демократические принципы и нравственные основы социал-демократии. Мартов не был вожаком, он не мог быть в общей толпе, но это не значит, что его действия были “беспомощными” и “жалкими”. Он был “партийным доктринером”, но никого не толкал на путь разрушения. Более того, в своих работах он показал, на какие именно слои населения опирались большевики, организуя “вольницу”. Наверное, следует понять не только Ленина и Троцкого, готовых взять на себя “грех” революционной эпохи, но и Мартова, который по своим убеждениям и человеческим качествам этого сделать не мог.

С осени 1920 г. и до своей кончины Мартов жил в Германии. Он сохранил российское гражданство, хотя по рекомендации Э.Бернштейна ему было предоставлено политическое убежище и выдан германский паспорт. Его письма 1921-1922 гг. полны информации личного характера: болезнь гор-

ла, благодарность за деньги, присылаемые Аксельродом, переживания по поводу ареста меньшевиков в России и др. 20 апреля 1921 г. он писал Аксельроду о том, что сидят в тюрьмах Дан, братья Сергей и Владимир Цедербаумы, жена Сергея – Конкордия Захарова, племянник Андрей Кранихфельд. “Оставшимся членам семьи приходится заботиться о пяти заключенных, чего еще ни разу при большевиках у нас не было”. В его письмах возмущение преследованием меньшевиков, призыв к сбору пожертвований для оказания им помощи (8 июня 1921 г.). Его мучили предчувствия о “черной полосе” в истории России, сомнения в возможности там демократических преобразований (31 июля 1921 г.). Мартова радовал возросший до тысячи экземпляров тираж “Социалистического вестника”.

30 июня 1922 г. в письме Б.И.Николаевскому Мартов предлагал организовать общественное мнение в защиту эсеров, над лидерами которых тогда в Москве шел судебный процесс. Он писал М.Горькому, просил его заручиться поддержкой А.Франса и протестовать против расправы над социалистами в России. Мартов писал 25 августа 1922 г. Щупаку, что подобный процесс готовится и над меньшевиками и “чуть ли не Майский возьмется у нас играть роль Семенова”¹⁶⁵. В “Социалистическом вестнике”(1922) Мартов наряду с другими российскими социалистами, проживающими за границей, выступил с воззванием “К социалистическим партиям и организациям”, в котором содержалось требование защитить эсеров от вынесения им смертного приговора. В этом же номере журнала Мартов в статье “Кровавый фарс” писал об инсценировке судебного процесса против эсеров. Он с возмущением писал о “сценариях гнева пролетариев” против прибывших в Москву защитников эсеров, пропаганде в советских газетах тезиса о виновности эсеров еще до вынесения судебного приговора. По его мнению, тогда в Москве происходила “самая подлая,.. прикрытая трусливо-иезуитской казуистикой, расправа над политическими противниками”. Чуть позже Мартов выступил и против расправы над петербургским митрополитом Вениамином. “Крем-

левские диктаторы”, писал он, не должны обманываться: “истребление священников вызовет такое же презрение к ним и такую же ненависть, как и истребление борцов революции”. Он был убежден в том, что “непоправимый вред принесут эти преследования всему делу русской революции, и невольно думается, что адская воля самых реакционных ее врагов водит за кулисами рукою идиотов, подписывающих и предписывающих эти безумные кровавые приговоры”¹⁶⁶.

В последние годы жизни Мартова более всего беспокоило будущее России и место в нем РСДРП, создание и выработка программы нового, создаваемого им Интернационала.

По неполным данным, в России начала 20-х годов функционировали 17 губернских и 11 городских меньшевистских организаций¹⁶⁷. В августе 1921 г. их представители (не все) провели в Москве совещание с обсуждением политических тезисов ЦК РСДРП. Собравшихся волновал вопрос о перспективах демократизации России, хотя единства мнения не было: левые полагали возможным с этой целью реформировать советский режим, правые отрицали такую возможность¹⁶⁸. Мартов решения совещания одобрил, но его прогнозы были весьма пессимистичны. Выраженные им в письмах надежды на раскол РКП(б) и смену курса не очень оправдывались, как и предположение о том, что нэп как переход “от коммунизма к насаждению капитализма” даст толчок к объединению рабочего класса и освободит социалистическую мысль от утопии. Он ждал прихода в России диктатора и связывал его с именем Ленина. В письме Аксельроду 8 июня 1921 г. Мартов писал, что можно категорически предсказать, что никакой “новой политики” на практике не получится, “если только Ленин не решится... произвести бонапартистский переворот, т.е. вместо партийной диктатуры установит личную...” В следующем письме (24 июня 1921 г.) Мартов продолжал: “Посмотрим, сумеет ли Ленин... стать во главе термидорианской ликвидации революционного периода, вместо того, чтобы быть ее жертвой”¹⁶⁹.

Мартов критически отнесся к возникшим в то время

спорам о том, приведет ли нэп в России к восстановлению там капитализма, а также к тому, насколько стабилен европейский капитализм, чтобы противостоять возможным социальным революциям. В статье “Иллюзии и действительность” Мартов, полемизируя с Д.Далиным, утверждал, что капитализм не в силах создать социальную устойчивость, что апатию пролетариата не следует преувеличивать. Что касается будущего России, где, по Мартову, “никогда не было диктатуры пролетариата”, а “была и есть диктатура партии над пролетариатом”, то задачей экономической перестройки после ликвидации большевистской утопии “немедленного коммунизма” является создание многоукладной, регулируемой государством рыночной экономики. Но, считал Мартов, “изолированно от Европы не может быть решена задача социализма в России не только в ее большевистской и народнической формах, которые были сами по себе утопичны, но и в той реалистической форме, в которой она ныне более или менее одинаково ставится социал-демократами и социалистами-революционерами”¹⁷⁰. В то же время Мартов защищал марксизм от нападок тех, кто считал большевизм его “законным детищем”. Он утверждал, что экономическая теория Маркса в новых исторических условиях нуждается в корректировке, но метод исследования современного капитализма должен быть марксистским, что таковым остается и критика большевиков меньшевиками¹⁷¹.

Наиболее полно взгляды Мартова той поры на задачи РСДРП выражены в статье “Наша платформа” (1922). Он писал о том, что партия сохранила определенное единство, несмотря на крайне неблагоприятные условия времени гражданской войны в России. Нэп и спад революционного движения в Европе поставили, по Мартову, новые задачи и перед партией меньшевиков. Он исходил также из того, что пересмотр партийной позиции назрел “как насущная потребность”. Экономическая программа, продолжал Мартов, должна была быть пересмотрена, так как выяснилось, что восстановление разрушенного войнами народного хозяйства страны “будет совершаться преимущественно на капита-

листических началах и что при данных исторических условиях – это наиболее рациональный путь”. В стране развивался государственный капитализм, утверждал Мартов, поэтому рабочая партия должна вести борьбу “за предпосылки социализации, т.е. общественной организации производства” и за свободу рабочих организаций, которые должны отстаивать социальные права пролетариата. Мартов предлагал оставить за крестьянами их участки и не форсировать создание коллективных форм земледелия. Он связывал реализацию такой экономической программы “с изменениями политического строя, установленного большевистской диктатурой”.

Мартов предлагал при принятии политической программы РСДРП учитывать необходимость поддержки большевиков в их борьбе “против подлинной контрреволюции”. Это было в 1918-1920 гг. Позже обстановка изменилась, отмечал он. “Со времени похода на Варшаву и аннексирования Грузии” советская внешняя политика и Красная Армия “нередко становятся из орудия защиты революции – орудием угнетения чужих народов”. Эти и другие обстоятельства, отмечал Мартов, стали основанием для его отказа от поддержки Советской власти. Но Мартов был противником ее революционного свержения, и считал, что нужно мирное давление на “диктаторов”. Главной задачей, полагал он, является “возможно безболезненный переход от режима диктатуры большевистской клики к режиму демократической республики”. Мартов не возражал против сотрудничества всех социалистических сил на основе перехода “к правовому режиму демократии”¹⁷².

В своей программе РСДРП Мартов поддерживал преемственность ее тактики и оговаривал отдельные новации призывами к их постепенному исполнению, давая шанс на компромиссное решение различным сторонам. Не все члены РСДРП разделяли тогда точку зрения Мартова, особенно правые, не допуская никаких соглашений с большевиками.

В своей предсмертной статье “Ответ критикам” Мартов

откликнулся на замечания Г.Аронсона и Г.Кучина указанием, что разногласия ЦК РСДРП (которое представлял он как председатель ЦК) с правыми меньшевиками после октября 1917 г. были достаточно глубокими, так как они коренились в разном отношении к большевистской власти. Отношение ЦК было относительно лояльным, а со стороны правых – нетерпимым. Мартов, оправдывая в статье свою позицию, еще раз повторил, что меньшевизм и большевизм стоят “на одном классовом базисе”. Он высказал надежду, что вырабатывая новую программу, партия сохранит лозунг “Власть трудящимся!” и будет призывать крестьянство России объединиться в борьбе за демократическую республику с пролетариатом¹⁷³.

Более резко Мартов протестовал против выступлений внепартийной фракции правых, не веривших в демократическую эволюцию России, а потому выступивших против предлагаемой им программы РСДРП. Эта фракция издавала тогда журнал “Заря”. Заграничная делегация эту фракцию не признала, заявив, что ее члены ни организационно, ни идейно не являются частью РСДРП, а “пределы дискуссии по платформе” ограничились “рамками разногласий в области текущей политики и практики...” (7 октября 1922 г.). В статье “Либеральный социализм” Мартов весьма критично отнесся к заявлениям редактора журнала “Заря” С.И.Ивановича. Он считал, что отвечая ему, он отвечал и тем, кто прошел “через оборончество, коалиционную канитель и жестокий опыт борьбы с большевизмом и растерявшим на этом долгом пути всякую веру в принципы традиционного марксистского социализма”. В отличие от Ивановича, Мартов не противопоставлял социализм и демократию, так как такому утверждению противоречит вся история социализма. Мартов показал, как Маркс и Энгельс вели борьбу за демократию во имя социализма, а то, что имел в виду Иванович – есть борьба против демократических иллюзий. Мартов назвал Ивановича реформистом, а тот заявил, что слышит об этом от ортодоксального марксиста¹⁷⁴. Новые исторические условия требовали творческого развития теории, рожден-

ной в иное время. Каждый из спорящих высказывал свой взгляд на происходящее, апеллируя более к его эмоциональному восприятию, нежели к научному пониманию, хотя по основательности аргументации предпочтительнее выглядели доводы Мартова.

Мартов живо реагировал на наиболее важные события в жизни России. Его потрясли масштабы народного бедствия – голода 1921 г. Он был убежден, что с ним можно покончить, лишь рассеяв в стране “атмосферу гражданской войны”¹⁷⁵.

Ф.И. Дан писал, что в последние годы жизни мысль Мартова работала над проблемами мирового большевизма, демократии и социализма, диктатуры пролетариата, Интернационала¹⁷⁶. Последнему посвящен цикл работ Мартова, позже объединенных в книгу “В борьбе за Интернационал”. Идея создания нового Интернационала, предложенная Мартовым и другими лидерами социалистических партий, осуществилась в феврале 1921 г. Тогда в Вене собрались представители почти двух десятков европейских социалистических партий и основали Международное объединение социалистических партий. Мартов видел в нем основу для соединения существовавших тогда трех Интернационалов, всех партий, стоящих на точке зрения классовой борьбы и представлявших пролетариев разных стран. По инициативе Венского Интернационала 4-5 апреля 1922 г. в Берлине состоялось совещание представителей исполкомов всех Интернационалов. Мартов откликнулся тогда же на это событие статьей “На пути к победе”. В ней и особенно в статье “В борьбе за единство” он отмечал, что более всего объединению мешают репрессии против социалистов в Советской России. Более того, Мартов писал, что “русский террор является в данный момент главным препятствием к возрождению рабочего движения во всем мире”. Крах попытки объединения он обуславливал в начале июня 1922 г. “террористическим упорством РКП”, тем, что “большевики, как государственная антисоциалистическая организация, сами поставили себя вне единого социалистического фронта”. И все-таки,

Мартов продолжал надеяться на создание единого интернационального движения, “проникнутого принципами классовой борьбы”¹⁷⁷.

В статьях Р.Абрамовича и С.Волина довольно подробно характеризовалась деятельность Мартова по созданию Венского Интернационала, его полемика с Аксельродом, видевшим в нем единый центр борьбы против большевизма, тогда как Мартов, настаивал на осуществлении международного давления на большевиков с целью проведения в России демократических реформ. Рассказали они и о том, как была сделана попытка объединения трех, а затем двух Интернационалов.¹⁷⁸ Работы Мартова, написанные после октября 1917 г., – это не только свидетельство активного политика, лидера демократической невооруженной оппозиции большевистским властям, не только источник по изучению истории меньшевистской партии той поры, но и историографическое явление. По мнению Н.Н.Суханова, Мартов был “слишком умен, чтобы стать первоклассным революционером”, ему мешали высокая нравственность, “его тончайшая кружевная аналитическая работа”, его нерешительность и сомнения, когда требовались быстрые действия¹⁷⁹. Но эти качества Мартова делали его работы не столько публицистическими, сколько исследовательскими. Историю Советской России, представляемую многими трудами Мартова, по праву следует считать частью российской историографии.

¹ Николаевский Б.И. *Меньшевики в дни Октябрьского переворота.* // *Меньшевики.* Vermont, 1988. С.86, 98-99. В 10 часов утра 25 октября 1917 г. Ленин написал воззвание “К гражданам России!”, в котором объявлялось о низложении власти Временного правительства. Однако члены Временного правительства (не все) были арестованы в Зимнем дворце и отправлены в Петропавловскую крепость только в 2 час. 10 мин. в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. 26 октября в момент формирования большевистского правительства в Смольном появился Мартов с ходатайством об освобождении министров-социалистов. Суханов вспоминал: “Старого соратника, а для большинства учителя – Мартова выслушали холодно и сдержанно. Но министров-социалистов все же переместили под домашний арест”. (Суханов Н.Н. *Записки о революции.* М., 1992. Т.3. С.352). Оставшиеся на свободе министры Временного правительства, министерства продолжали функционировать и после 26 октября 1917 г. 17(30) ноября во многих столичных газетах было опубликовано обращение Временного правительства к гражданам России, в котором заявлялось, что только Временное правительство является “единственной в стране законной верховной властью” впредь до открытия Учредительного собрания, назначенного на 28 ноября 1917 г. В ответ большевики ответили арестами, закрытием газет, опубликовавших “Обращение”. См.: Флеер М. *Временное правительство после Октября.* // *Красный арх.* 1924. Т.VI; Мочалов И. “... Ко всем гражданам Российской республики”. // *Огонек.* 1991. № 21. С.10-13. Р.Абрамович так вспоминал об общем состоянии соратников по меньшевистской партии в то время: “Когда Федор Дан официально открыл съезд от имени Центрального Исполнительного Комитета все было уже решено. Меньшевики и социалисты-революционеры знали, что игра проиграна, что восставшие большевики застали правительство врасплох и что было слишком поздно пытаться организовать в столице серьезное сопротивление. Чувство обреченности было особенно сильно на заседании делегации меньшевиков и делегации социалистов-революционеров, проходившем в кабинете Чхеидзе. Чхеидзе мучил жестокий приступ мигрени, его голова была обмотана мокрыми полотенцами и создавалось впечатление, что собрание происходит дома у постели тяжело больного человека. Больным человеком была демократическая революция, раненная большевиками”. (См.: Abramovitch R. *The Soviet Revolution. 1917-1939.* New-York, 1962. P.101).

² *Меньшевики.* Benson. 1988. С.106-107.

³ Цит.по: Рид Д. *10 дней, которые потрясли мир.* М., 1959. С.115. А.Вильямс писал о Мартове, который на его глазах после поражения на съезде, превратился из старого бойца в “жалкую фигуру, пылаю-

щую бессильным гневом".(Вильямс А.Р. Путешествие в революцию. М., 1977. С.91).

⁴ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.35. С.45. Г.З.Иоффе полагает, что Ленин был вынужден согласиться на переговоры, учитывая наличие "мягких большевиков" в своем окружении, неполноту власти Совнаркома и неясность исхода боев с казаками Краснова. См.: Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С.183. В обращении к населению страны "Комитет спасения родины и революции" обвинял большевиков в захвате власти "путем военного заговора", провоцированию гражданской войны и уничтожении гражданских свобод. См.: Меньшевицкие и эсеровские листовки 1917-1918 гг. // Отечественн. история. 1993. № 1. С.170.

⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.37. С.211.

⁶ Викжель был избран на Всероссийском учредительном съезде железнодорожников 25 августа 1917 г. Среди членов Исполкома было 15 беспартийных, 12 эсеров, 6 меньшевиков, 2 большевика, 3 народных социалиста, 2 интернационалиста. Или: 15 беспартийных и 25 социалистов. В советской историографии деятельность Викжеля оценивалась негативно, как противостоящая большевикам. Подробнее об этом см.: Метельков П.Ф. Победа вооруженного восстания в Петрограде и "нейтралистская" позиция союза железнодорожников (Викжеля). // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980. С.282-290; Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. 1917-1918. М.,1987. С. 92-99; и др. В.Х.Тумаринсон винил Викжель в непризнании советского правительства, требовании изменить его состав и программу, утвержденную II Всероссийским съездом Советов. См.: Тумаринсон В.Х. Меньшевики и большевики: несостоявшийся консенсус. М.,1994. С.176. При этом как-то забывалось, что II съезд принимал решения в присутствии большевиков и левых эсеров (они в то время еще формально не были отдельной партией), а Викжель выступал от имени тоже советских партий и в принципе не был против власти Советов, и полагал необходимым присутствие в правительстве всех советских партий. Это утверждение, что только большевики и левые эсеры той поры выступали олицетворением Советов характерно для многих советских исследований. Н.Ракитников, эсер, позже писал, что он против существующей Советской власти потому, что "в Советах часть населения вовсе не представлена, потому что они классовые, а не всенародные организации". (Дело народа. 1918. 18 июня).

⁷ Подробнее о переговорах большевиков с Викжелем см.: Разгон А.И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977. С.114-145.

⁸ См. об этом: Разгон А.И. Указ. соч. С.128-129; Вперед. 1917. 3 ноября; Б.И.Николаевский заметил, что многие меньшевики заявили тогда же о невозможности для них каких-либо переговоров с большевиками. См.: Большевики. С.90. Троцкий вопрошал на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 1 ноября 1917 г. вслед за Лениным: “Что значит соглашение с Черновым?.. Это значит равняться по Чернову. А это было бы предательство. За это всех нас сейчас же расстрелять нужно бы... Всякая власть есть насилие, а не соглашение”. (Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. М., 1990. С.119, 126, 130).

⁹ См.: Фрайман А.Л. Форпост социалистической революции. Петроград в первые месяцы Советской власти. Л., 1969. С.82, 85, 94; Разгон А.И. Указ.соч. С.156, 166-167; Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1. С.33-35, 52. Санкции о закрытии “буржуазных” газет коснулись и газеты меньшевиков-интернационалистов “Искра”. О.А.Ерманский, выступая на заседании Викжеля, возмущался действиями большевиков: “Нам достоверно известно, что наша газета “Искра” конфисковывалась на улице досужими цензорами. Мы знаем, что наши плакаты прокалывались штыками... Дошло до того, что в Ваших “органах” вы называете старых и заслуженных революционеров, наших товарищей Мартова и Абрамовича, друзьями Каледина!” (Рабочая газета. 1917. 8 нояб.). Р.Абрамович позже писал, что “Ленин и Троцкий своим отказом пойти на викжельское соглашение сорвали всякую возможность “единого фронта” всех социалистических партий (от народных социалистов до большевиков) и тем предопределили характер своей власти, как однопартийно-меньшинственной”. (Абрамович Р. Диалектика диктатуры меньшинства. // Социалистич. вестн. 1951. № 3. С.58).

¹⁰ “Непонимание истинной сути большевизма Мартов... проявил уже после Октябрьского переворота, когда он верил в жизнеспособность “социалистического” правительства от “большевиков до народных социалистов”, но без участия Ленина и Троцкого... Мартов не понимал, что такое правительство, с участием или без участия тогдашних двух большевистских вождей, все равно было бы орудием Ленина и его аппарата. Правда, это непонимание было в разной мере свойственно почти всем деятелям Февраля...” (Анин Д. Революция 1917 года глазами ее руководителей. Рим, 1971. С.105). А.Н.Яковлев полагает, что соглашение с большевиками в принципе невозможно, так как это грозит тяжелыми последствиями для тех, кто на это идет. Он пишет: “Уместно напомнить и “компромиссы” большевиков с социалистами. Последние взяли на себя тяжкий грех, пойдя на союз с большевиками, – они вместе пошли на переворот 1917 года, но очень

сорок заплатились за легкомыслие, если не хуже. Сразу же после переворота начались безжалостные гонения на все социалистические партии. Уже в январе-феврале 1918 г. в Петрограде и Москве было закрыто около 70 оппозиционных газет, включая социалистические. ВЧК-ГПУ взяло на учет всех членов соцпартий, даже тех, кто уже заявил о выходе из них, и установило за ними самое тщательное наблюдение... После кронштадтских событий началась массовая ликвидация организаций социалистов по всей стране. К 1941 году в тюрьмах и лагерях было уничтожено до 98 процентов социалистов". (Яковлев А.Н. Банкиры и большевики. // Известия. 1996. 22 мая).

¹¹ Тумаринсон В.Х. Указ.соч. С.177.

¹² Ю.О.Мартов. Письма 1916-1922. Редактор-составитель Ю.Г.Фельштинский. Venon. 1990. С.14-22. Мартов и его единомышленники в ноябре-декабре 1917 г. категорически отказывались от всякого сотрудничества с большевиками. Когда выяснилось, что Н.Н.Суханов участвует в заседании ВЦИК от "группы интернационалистов Мартова", сразу же 14 декабря 1917 г. последовало опровержение. В нем говорилось, что Суханов представляет там профсоюз рабочих писчебумажного производства, а РСДРП признает "ненужным и нежелательным свое участие, как партии, в мнимом рабочем парламенте Смольного". (Меньшевики. С.139).

¹³ Ю.О.Мартов. Письма 1916-1922. С.23-24. По замечанию Д.Далина в начальный послеоктябрьский период три психологических фактора определяли политическую линию меньшевистской партии в дополнении к программам, принципам и идеологии. К таким факторам он относил "впечатление о потрясающей слабости сопротивления" большевикам во время октябрьского переворота; непонимание того, что произошло, ибо случившееся противоречило не только марксизму, но и старым схемам Ленина; неожиданное уяснение слабости меньшевизма, раньше крепче других связанных с заводскими профсоюзами; уверенность в краткосрочности большевизма; Брестский сепаратный договор, капитуляция Германии, задержка мировой революции на Западе. См.: Далин Д. Меньшевизм в период Советской власти. // Меньшевики. С.140-145.

¹⁴ Ю.О.Мартов. Письма 1916-1922. С.23. О.Н.Знаменский замечал, что меньшевики избирательную кампанию провели неудачно. На предвыборную кампанию в Учредительное собрание к концу октября 1917 г. они собрали всего 105 тыс. рублей, сумму почти в 10 раз меньше запланированной. Меньшевики-интернационалисты и "Единство" Плеханова выступали отдельными списками, в результате избиратели столкнулись с тремя конкурирующими списками одной партии. См.: Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное

собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976. С.210-212.

¹⁵ РЦХИДНИ.Ф.5. Оп.1. Д.2565. Л.1.

¹⁶ Троцкий вспоминал, что когда решение об открытии Учредительного собрания было принято, выяснилось, “что мы будем в меньшинстве, даже с левыми эсерами”. Ленин предложил Учредительное собрание разогнать. “Ошибка явная, – говорил Ленин, – власть уже завоевана нами, а мы между тем поставили себя в такое положение, что вынуждены принимать военные меры, чтобы завоевать ее снова”. Позже Ленин сообщил Троцкому, что “разгон Учредительного собрания советской властью есть полная и открытая ликвидация формальной демократии во имя революционной диктатуры”. Троцкий с ним согласился и тогда, когда Ленин подкрепил свое теоретическое положение силой латышского стрелкового полка, призванного к зданию Таврического дворца, как видно, для его реализации. См.: Троцкий Л.Д. О Ленине: Материалы для биографа. М., 1925. С.66-68. Разгон Учредительного собрания одобрила и лидер левых эсеров М.А.Спиридонова, заявившая, что “власть Советов – это при всей своей хаотичности большая и лучшая выборность, чем вся учредилка, думы и земства”. (Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С.85). По расчетам Л.Г.Протасова, эсеры получили на выборах в Учредительное собрание 40,4% голосов; большевики – 23,2; меньшевики – 2,9; энесы – 0,8; прочие социаллисты – 14,2; кадеты – 4,6; и т.д. В городах большевики получили 33,6% голосов; эсеры – 16; меньшевики – 6,4; прочие социалисты – 8; кадеты – 20,3; в сельской местности соответственно: 19,3; 45,6; 2,2; 17; 1,8. См.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание и демократическая альтернатива. // Отечествен. история. 1993. № 5. С.13,15.

Лидер партии эсеров В.М.Чернов, избранный 5 января 1918 г. председателем Учредительного собрания, говорил о “свободной демократической России, шествующей под красным знаменем социализма”; подчеркивал, что народ избранием депутатов показал “волю к социализму”; И.Г.Церетели подчеркивал преимущества социалистического строя перед буржуазным. См.: Всероссийское Учредительное собрание. М.;Л., 1930. С.11-12,38-39. Об этом подробнее см.: Журавлев В.В., Симонов Н.С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания. // Вопр. истории. 1992. № 1. С.6.

¹⁷ См.: Getzler I. Martov. P. 176-180; Савельев П.Ю., Тютюкин С.В. Юлий Осипович Мартов (1873-1923): человек и политик // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С.150-151. Иного взгляда, нежели Мартов на захват власти большевиками, тогда придерживались многие.

Для П.Б.Аксельрода “большевистский переворот был только колоссальным преступлением и ничем иным быть не мог”. (Аксельрод П.Б. Кто изменил социализму. Большевизм и социальная демократия в России. Нью-Йорк, 1919. С.30). К.Каутский считал, что “большевизм победил в России, но социализм потерпел там поражение”. (Каутский К. Терроризм и коммунизм. Берлин, 1919. С.196). Для Н.А.Бердяева тогда с “Россией произошла страшная катастрофа... в России произошел небывалый по радикализму переворот”. (Бердяев Н.А. Духи русской революции. // Из глубины. М., 1918. С.71. Меньшевик А.С.Мартынов увидел тогда приход к власти “якобинской диктатуры Ленина” и сетовал: “Нет более трагического и более рокового заблуждения, как заблуждения рабочих насчет смысла переворота 25 октября”. (Мартынов А. Две диктатуры. Пг., 1917. С.98). В.Г.Короленко записал в дневнике 13 ноября 1917 г.: “Ленин и Троцкий идут к насущному социалистическому строю посредством штыков и революционных чиновников... У Плеханова (большого) три раза произвели обыск... Большевизм изолируется и обнажается в чистую охлократию”. (В.Г.Короленко в годы революции и гражданской войны. 1917-1921. Биографическая хроника. Вenson, 1985. С.64). М.Горький в статье “К демократии” (Новая жизнь. 1917. 7 ноября) назвал Ленина и Троцкого “слепыми фанатиками и бессовестными авантюристами”. Он предупреждал рабочих не взваливать на себя “позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам же пролетариат”. Роза Люксембург, напротив, расценила Октябрьское восстание как спасение русской революции и “чести международного социализма”. (Роза Люксембург. Рукопись о русской революции. // Вопр. истории. 1990. № 2. С.17. Г.В.Плеханов Октябрьскую революцию не принял и осудил как авантюру большевистских заговорщиков. См.: Тютюкин С.В. Политическая драма Г.В.Плеханова. // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С.160.

¹⁸ Меньшевики. С.154-156.

¹⁹ Там же. С.147, 149, 151. 9 июня 1918 г. состоялись похороны Г.В.Плеханова в Петрограде. Большевики в траурной процессии не участвовали. Но вечером того же дня, на траурном собрании в зале бывшего Петербургского дворянского собрания Г.Е.Зиновьев объяснил свое неучастие в похоронах Плеханова тем, что тот был против власти большевиков и считал, что революция должна быть для рабочего класса, а не наоборот. По Зиновьеву, трагедия Плеханова – “это трагедия поколения мирных социалистов-просветителей, которые в течение целого периода вели борьбу за революцию с пером в руках, а когда пришлось вести борьбу с оружием в руках, они оказались не на своих местах и тем самым оказались против рабочего класса”. (Зи-

новьев Г. Г.В.Плеханов (вместо речи на могиле). Пг., 1918. С.21). З.Гиппиус смерть Плеханова восприняла по – иному: “Его убила Россия, его убили те, кому он, по мере всего разумения, служил сорок лет. Нельзя русскому революционеру быть 1) честным; 2) культурным; 3) держаться науки и любить ее. Нельзя ему быть – европейцем. Задушат. При царе еще туда-сюда, но теперь, при Ленине,- конец”. (Гиппиус Зинаида. Стихи. Воспоминания. Документальная проза. М., 1991. С.134). Подробнее о трагедии Плеханова см.: Тютюкин С.В. Указ соч.// Новая и новейшая история, 1994. № 1. С.124-163.

²⁰ Мартов Л. Заговор против Учредительного собрания. // Искра. 1917. 27 ноября. Ф.И.Дан в предисловии к немецкому изданию книги Мартова “История РСДРП” (Berlin, 1926) писал: “... социал-демократический ЦК заявил уже в первые дни большевистского господства и начавшейся гражданской войны, что задача социал-демократии в новой большевистской фазе революции заключается в первую очередь в том, чтобы отстранить взаимную истребительную войну внутри пролетариата; поэтому необходимо стремиться к установлению мира внутри демократии и рабочего класса на путях компромисса и образования объединенного правительства из представителей всех социалистических партий и под условием, чтобы большевики отказались от методов террора. Это решение ЦК определило всю дальнейшую политику социал-демократии под большевистской диктатурой”. (Цит. из статьи: Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков.// Меньшевики после Октябрьской революции. Сб. статей и воспоминаний. Venson, 1990. С.192.

²¹ Миллер В.И. К вопросу о состоянии партии меньшевиков осенью 1917 г. // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980. С.297-306. Миллер отмечал, что на съезде отсутствовали представители ряда крупных меньшевистских организаций: Закавказья, Сибири, Дальнего Востока, значительной части Поволжья, Севера Европейской России, Северного Кавказа. Поэтому, и численность организаций партии, представленных на съезде, отличалась от численности партии в целом. (С.299).

²² РЦХИДНИ.Ф.275. Оп.1. Д.15. Л.23.

²³ Г.Аронсон полагал, что группа правых меньшевиков считала себя частью РСДРП, хотя и отличалась от левых своей непримиримостью к большевизму. Они отказались принять резолюцию Чрезвычайного съезда о соглашении с большевиками. На съезде произошло объединение Либера с Потресовым, Мартова с Даном. В проекте резолюции, предложенной Либером, РСДРП ставилась задача призвать пролетариат “отказаться в признании и поддержке партии, захватившей власть... и мобилизовать силы рабочего класса вместе со всей

демократией для ... борьбы с захватчиками власти под лозунгом Учредительного собрания". (Аронсон Г. Указ.соч. // *Меньшевики после Октябрьской революции*. С.176-177, 180, 201).

²⁴ РЦХИДНИ. Ф.275. Оп.1. Д.15. Л.17-20. Новый луч. 1917. 1 дек.; Вперед. 1917. 6 дек. Текст доклада Мартова в рукописи и газетном изложении идентичен по смыслу, но не редакции.

²⁵ Мартов Л. *Линия социал-демократии*. // *Оборона революции и задачи социал-демократии*. Сб.статей. Пг.;М., 1920. Сб.ст. С.4. Мысль о том, что победа большевиков была в известной мере закономерна поддерживали современники Мартова. Н.А.Бердяев писал А.В.Тырковой 7 ноября 1922 г., что большевистская революция и есть настоящая русская революция. "Большевизм есть духовное явление и духовная болезнь... Большевизм есть внутренняя судьба русского народа, роковой этап его исторического пути". (Ист. арх. 1995. № 3. С. 179-180). Е.Юрьевский, очевидец событий, писал, что в 1917 г. "за столкновением мировоззрений, политических и экономических программ шла борьба двух человеческих видов, двух совершенно различных социально-политических типов, издавна слагавшихся в России. В октябре победили те, кто без угрызений совести, ставя к стенке, из живых покойников делали...". (Юрьевский Е. Год семнадцатый. // *Социалистич. вестн.* 1953. № 10-11. С.196). С ним как-то переключается историк Л.Г.Протасов, когда приходит к выводу, что большевики победили благодаря электорату близкому им по духу и по способу достижения своих целей. См.: *Отечествен. история*. 1993. № 5. С.17.

²⁶ РЦХИДНИ.Ф.275. Оп.1. Д.15. Л.28, 48, 54; Д.52. Л.19. О.В.Волобуев и Г.И.Ильяшук писали, что речь Мартова на съезде произвела на делегатов "неоднозначное впечатление. Некоторых не устраивало "копание в прошлом". Ее не восприняла и часть делегатов, не принадлежащих к оборонцам, из-за малодоступности по форме и "излишнего" теоретизирования". (Волобуев О.В., Ильяшук Г.И. *Послеоктябрьский меньшевизм*. // *История СССР*. 1991. № 2. С.37). С этим заключением можно было бы согласиться, если бы резолюция, предложенная Мартовым по этому докладу не получила одобрения большинства делегатов съезда, которых не смутили ни "малодоступность", ни "излишнее теоретизирование" докладчика.

²⁷ РЦХИДНИ.Ф.275.Оп.1. Д.15. Л.78.

²⁸ Там же. Л.79-80. Новый луч. 1917. 6, 7 дек.

²⁹ Новый луч. 1917. 16 дек. На съезде в ЦК были избраны 19 человек: П.Б.Аксельрод, Р.А.Абрамович (Р.Рейн), И.С.Астров (Повес), И.И.Ахматов, Б.Н.Бер (Гуревич), Е.Л.Бройдо, В.Л.Волков, Б.И.Горев, К.Г.Гогуа, Ф.И.Дан (Гурвич), С.О.Ежов (Цедербаум), Л.Мартов

(Ю.О.Цедербаум), А.С.Мартынов (Пиккер), И.М.Майский, А.П.Пинкевич, С.Ю.Семковский, Н.Череванин (Ф.А.Липкин), Г.М.Эрлих, Югов (А.А.Фрумсон). Кандидаты: В.С.Войгинский, Д.Ю.Далин, С.С.Девдариани, И.А.Исув, Б.С.Кибрик, В.М.Коробков, В.Е. Мандельберг, И.М.Олимпиаев, Н.А.Рожков, П.Р.Трифонов, А.А.Трояновский, Л.М.Хинчук, Н.С.Чхеидзе, А.И.Чхенкели. См.: Новый луч. 1917. 13 дек. ЦК сообщал 19 декабря 1917 г. в Тифлис о посылке закавказским меньшевикам всех материалов съезда, высказывалось сожаление об их отсутствии и замечалось: “Товарищи Чхеидзе и Чхенкели были выставлены в кандидаты, а не в члены ЦК лишь ввиду их отсутствия на съезде и неизвестности о согласии их баллотироваться в члены ЦК”. (РЦХИДНИ. Ф.275. Оп.1. Д.24. Л.18-19).

³⁰ Вперед. 1917. 9 дек. В связи с решением съезда работать в Советах, странным и неверным выглядит вывод Н.В.Рубана о том, что “меньшевицкий съезд поставил задачу свержения Советов”. (Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. (Март 1917- 1918 г.). М., 1968. С.357). Это утверждение опровергается резолюцией съезда и выступлением Мартова. Ф.И.Дан, за год до кончины, опубликовал книгу “Происхождение большевизма. К истории демократических и социалистических идей в России после освобождения крестьян” (Нью-Йорк, 1946). Под влиянием победоносного разгрома фашизма во второй II мировой войне Дан писал о закономерности победы большевиков в октябре 1917 г. Но замечал, что советская власть, руководимая большевиками, сразу же стала диктаторской и террористической. По его мнению, эта власть не смогла разрешить проблему сочетания демократии и социализма. Именно поэтому, писал Дан, “мартовское” течение русской социал-демократии, связанное с большевизмом не только единством “конечной цели”, но в основном и общностью понимания “социологии” как русской революции, так и мирового развития,... не смогло в течении свыше чем четверти века ни слиться с большевизмом, ни раствориться в нем... Но “мартовское” течение сыграло немалую практически-политическую роль в смысле мобилизации небошевистски настроенных кругов пролетариата и радикальной интеллигенции на защиту советской власти в гражданской войне и еще большую – в смысле мобилизации международного социалистического движения на борьбу против политики военной интервенции, экономической блокады и политического “непризнания” советского государства”.(Дан Ф. “Демократизация станет исторически возможной”. // Коммунист. 1990. № 7. С.71, 73. См также: Федор Ильич Дан. Письма (1899-1946). Амстердам, 1985).

³¹ Меньшевики после Октябрьской революции. С.204. 30 ноября

1917 г. собрание петроградских меньшевиков-интернационалистов признало бойкотистское отношение к работе во ВЦИК ошибочным и предложило вернуться в его состав, а если предложат, то и в Совнарком. // Там же. С.207. О.В.Волобуев и Г.И.Ильяшук писали, что большевистская партия оказалась не готовой к диалогу с теми социалистическими силами, “которые враждебно отнеслись к “Октябрьскому перевороту”, но могли стать активными участниками революционно-демократических преобразований и строительства нового общества”. (История СССР. 1991. № 2. С.36). Этот вывод вызывает возражения. Источники свидетельствуют, что Ленин и руководство РСДРП(б) не хотели ни с кем делиться властью, полагая, что лучше других ею распорядятся для строительства “нового общества”. Меньшевики в принципе были социалистической партией и не меньше большевиков мечтали о строительстве и победе социализма в России. Почему же им можно было участвовать только в “революционно-демократических преобразованиях”? Такое суждение авторов могло возникнуть из признания социалистичности только большевиков.

³² Мартов Л. Конец одной двусмысленности. // ГАРФ. Ф.1696. Оп.1. Д.8. Л.1-3. См. также: Социал-демократия и революция. Одесса, 1920. В августе 1917 г. “новожизненцы” на съезде РСДРП(о) проголосовали против резолюции в поддержку Временного правительства, т.е. их позиция была сходна с мнением Мартова. Но Мартов и меньшевики-интернационалисты остались в партии, а “новожизненцы” решили отмежеваться, что и сделали 18-21 октября 1917 г. в Петрограде на Всероссийской конференции объединенных социал-демократов интернационалистов. Учредительный съезд 14-20 января 1918 г. провозгласил создание Российской социал-демократической партии интернационалистов. В ЦК этой партии были В.А.Строев, В.А.Базаров, Г.Д.Линдов, позже С.А.Лозовский и О.Ю.Шмидт. Партия была немногочисленна (в апреле 1919 г. – 1078 членов), в ней были различные течения. В декабре 1919 г. эта партия вошла в РКП(б). Подробнее об этом см.: Совокин А.М. О партии социал-демократов интернационалистов // Вопр. истории КПСС. 1967. № 1. С.77-87; Шестак Ю.И. Банкротство социал-демократов интернационалистов // Ист. зап. 1979. Т.103. С.107-141; Антонова Н.С. Документы интернационалистских социал-демократических организаций. 1917-1920 гг. // Вопр. истории КПСС. 1989. № 11. С.88-101.

³³ Наиболее красноречивы воспоминания о выступлениях Мартова во ВЦИКе журналиста и писателя К.Паустовского и сотрудницы ВЦИК Е.Драбкиной. Паустовский в очерках “Начало неведомого века” описал одно из выступлений Мартова так: “Мартов сидел бли-

же всех к журналистам, и мы хорошо его изучили. Высокий, тощий и яростный, с жилистой шеей, замотанной рваным шарфом, он часто вскакивал, перебивал оратора и выкрикивал хриплым сорванным голосом негодующие слова. Он был зачинщиком всех бурь и не успокаивался, пока его не лишали слова или не исключали на несколько заседаний.

Но изредка он был настроен мирно. Тогда он подсаживался к нам, брал у кого-нибудь книгу и читал запоем, как бы забыв о времени и месте и совершенно не отзываясь на события, происходившие в зале...

Однажды он попросил у Розовского книгу “История ислама” и погрузился в чтение. Читая, Мартов ушел по голову в кресло и далеко вытянул тощие ноги. Шло обсуждение декрета о посылке в деревню рабочих продовольственных отрядов. Ждали бури. Но поведение Мартова и Дана не предвещало никаких неожиданностей, и все понемногу успокоились. Зашелестели газеты, заскрипели карандаши. Свердлов снял руку со звонка и, улыбаясь, слушал своего соседа...

Список ораторов подходил к концу. Тогда Мартов очнулся и вялым голосом попросил слова. Зал насторожился. По рядам прошел предостерегающий гул. Мартов медленно, сутулясь и покачиваясь, поднялся на трибуну, обвел пустыми глазами зал и начал тихо и неохотно говорить, что проект декрета о посылке продовольственных рабочих отрядов нуждается, мол, в более точной юридической и стилистической редакции. Например, пункт такой-то декрета следовало бы выразить более просто, отбросив многие лишние слова, вроде “в целях”, и заменив их словом “для”, а в пункте таком-то есть повторение того, что уже сказано в предыдущем пункте. Мартов долго рылся в своих записях, не находил того, что ему было нужно, и с досадой пожимал плечами. Зал убедился, что никакого взрыва не будет. Снова зашелестели газеты. Розовский, предрекавший бурю, недоумевал. “Он просто выдохся, как нашатырный спирт, – прошептал он мне. – Пойдем лучше в буфет”.

Вдруг весь зал вздрогнул. Я не сразу понял, что случилось. С трибуны гремел, сотрясая стены, голос Мартова. В нем клокотала ярость. Изорванные и вышвырнутые им листки со скучными записями опускались, кружась, как снег, на первые ряды кресел. Мартов потрясал перед собой сжатыми кулаками и кричал, задыхаясь: “Предательство! Вы придумали этот декрет, чтобы убрать из Москвы и Петрограда всех недовольных рабочих – лучший цвет пролетариата! И тем самым задушить здоровый протест рабочего класса!

После минутного молчания все вскочили с мест. Буря криков понеслась по залу. Его прорезали отдельные выкрики: “Долой с три-

буны!”, “Предатель!”, “Браво, Мартов!”, “Как он смеет!”, “Правда глаза колет!”. Свердлов неистово звонил, призывая Мартова к порядку. Но Мартов продолжал кричать еще яростнее, чем раньше. Он усыпил зал своим наигранным равнодушием и теперь отыгрывался. Свердлов лишил Мартова слова, но тот продолжал говорить. Свердлов исключил его на три заседания, но Мартов только отмахнулся и продолжал бросать обвинения, одно другого злее. Свердлов вызвал охрану. Только тогда Мартов сошел с трибуны и под свист, топот, аплодисменты и крики нарочито медленно вышел из зала”. (Паустовский К. Собр.соч. М.,1982. Т.4. С.563-564).

Е.Драбкина вспоминала о заседании ВЦИК 14 июня 1918 г., когда принималось решение об исключении из советских учреждений меньшевиков и эсеров, и как бледный Ленин смотрел на уходящего, проклинающего диктаторов Мартова. См.: Драбкина Е. Черные сухари. Рассказы. М., 1963. С.150-151.

³⁴ Гусев К.В. Небольшевистские демократические партии в революциях 1917 г. // Россия в XX в.: Историки мира спорят. М., 1994. С.180.

³⁵ Меньшевики. С.154.

³⁶ 4 декабря 1917 г. Мартов писал в статье “Придворный пиита Ларин” (Искра. № 12), что “когда первобытный большевизм... собирается разгонять Учредительное собрание, что отвратительно, но простительно, ибо идет из нутра”, но когда бывший меньшевик Ларин предлагает его открыть, но не пустить в зал избранных депутатов-кадетов, то это “ничего, кроме чувства брезгливости и презрения, не может вызвать”. В этом же номере газеты “Искра” Мартов в статье “Бойтесь гильотины” замечал, что Троцкий хочет походить на Сен-Жюста времен французской революции, когда, защищая ленинский террор, напоминал, что в те годы гильотина укорачивала человека на целую голову. Мартов счел необходимым привести полностью цитату из Сен-Жюста: “Да...– говорил пламенный якобинец, – гильотина обладала чудесной способностью укорачивать жертву на целую голову, она же обнаружила отвратительное свойство – удлинять на целую четверть уши тех, кто мнил при ее помощи разрешать социальные проблемы”. В статье “Вопрос чести”, опубликованной в том же номере “Искры”, Мартов поражался тому, как Троцкий, А.Коллонтай и М.Спиридонова, сами испытавшие варварство царских тюрем, теперь поощряют таковое по отношению к противникам нового режима. “Безоружный и плененный враг неприкосновенен – это азбука всякой цивилизации,” – утверждал Мартов.

Вопрос о том, как быть со слугами “старого режима”, волновал большевиков еще до их прихода к власти. В.В.Адоратский вспоми-

нал, как встретился с Лениным в Женеве в 1908 г. и говорил с ним о будущей революции. Он спросил Ленина, каким он будет в роли Робеспьера? “Владимир Ильич полусушня наметил такой план действий: “Будем спрашивать: ты за кого? За революцию или против? Если против – к стенке, если за – иди к нам и работай”. Надежда Константиновна, присутствовавшая при этом разговоре (мы сидели втроем в комнате), заметила скептически: “Ну вот и перестреляете как раз тех, которые лучше, которые будут иметь мужество открыто заявить о своих взглядах”. Замечание это было, может быть, отчасти и справедливо, но, тем не менее, Владимир Ильич все-таки был прав. Так, приблизительно, происходило и в действительной революции, и как же иначе было действовать?”. (Адоратский В.В. Воспоминания о Ленине. М., 1933. С.66-67).

Р.Абрамович вспоминал свой разговор с Ф.Э.Дзержинским в августе 1917 г. по сути о том же. Он рассказал, как в перерыве между заседаниями в Смольном, он встретился с Дзержинским и в разговоре житейского характера, “Дзержинский вдруг с чрезвычайно серьезным лицом повернулся ко мне и спросил, помню ли я еще знаменитую речь Лассаля о “сущности конституции” и его теорию о том, чем определяется “соотношение сил” в обществе? Я, конечно, помнил. И тогда Дзержинский задал мне такой вопрос: “Как по-вашему, входит ли в число факторов, определяющих соотношение сил классов, и их численное соотношение? Если да, то нельзя ли путем физического истребления значительной части членов враждебного класса изменить соотношение сил в свою пользу?” Абрамович ответил, что “истребление даже значительной части какого-либо класса не может изменить общего соотношения сил в стране”, что не удовлетворило Дзержинского. “Ведь его идея была другая: он имел ввиду устранить отсталость социального состава России не путем роста рабочего класса,.. а, наоборот, путем уничтожения буржуазии...” По мнению Абрамовича, мнение Дзержинского отражало ленинское с его целью уничтожения экономической системы “воспроизводящей” класс капитализма. См.: Абрамович Р. Диалектика диктатуры меньшинства. // Социалистич. вестн. 1951. № 3. С.58; Abramovich R. The Soviet Revolution. 1917-1939. London, 1962. P. 312. Для Мартова подобные высказывания были просто неприемлемы.

³⁷ Мартов и его близкие. С.48-49.

³⁸ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.25-26.

³⁹ В Петрограде было убито по разным данным от 8 до 30 человек, ранено более 200. См.: Иоффе Г.З. Семнадцатый год... С.213. М.Горький писал: “Правда” лжет, когда пишет, что манифестация 5 января была организована буржуями, банкирами и т.д. и что к Тав-

рическому дворцу шли именно “буржуи”, “калединцы”. “Правда” лжет – она прекрасно знает, что “буржуйам” нечего радоваться по поводу открытия Учредительного собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 большевиков. “Правда” знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красным знаменем Российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы не лгала “Правда”, она не скроет позорного факта”. (Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С.110-111).

⁴⁰ Вперед. 1918. 8, 13 янв.

⁴¹ Там же. 13 янв.

⁴² Стенографический отчет IV чрезвычайного Всероссийского съезда Советов. М., 1920. С.31, 32.

⁴³ Мартов и его близкие. С.155-166. Д.Ю.Далин вспоминал, сколь напряженно в то время Мартов относился к Ленину. Он писал, что вовремя одного из заседаний зимой 1918 г. Мартов выступал в присутствии Ленина, но называл его только официально по-должности: “председатель Совета Народных Комиссаров”. Позже Мартов сказал Далину, что мог называть его только так. “Я не мог назвать его товарищем, и не хотел назвать его ни господином, ни гражданином”. (Там же. С.105-106).

⁴⁴ Оборона революции и задачи социал-демократии. С.4.

⁴⁵ Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920 гг.). М., 1968. С.174; Сивохина Т.А. Крах мелкобуржуазной оппозиции. М., 1973. С.214.

⁴⁶ Новая Заря. 1918. 22 апр.

⁴⁷ Об этом подробнее см.: Rabinowith A. The Petrograd first city district soviet during the civil war. // Party, state and society in the Russian civil war. Indiana university press. Bloomington and Indianapolis, 1989. P. 133-157.

⁴⁸ Новый Луч. 1918. 18 янв.

⁴⁹ Протоколы заседаний ВЦИК 4-го созыва. Стеногр. отчет. М., 1920. С.222-226.

⁵⁰ Меньшевики после Октябрьской революции. С.208-210. См. также: Абрамович Р. Большевицкая власть и рабочие весной 1918-го года // Социалистич. вестн. 1960. № 8-9. С.170-176; и др.

⁵¹ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.37. С.245. Подробнее см.: Гимпельсон Е.Г. Влияние гражданской войны на формирование советской политической системы. // История СССР. 1989. № 5. С.3-8; Леонов С.В. Советская государственность: замыслы и действительность (1917-1920). // Вопр. истории. 1990. № 12. С.38-42; Симонов Н.С. Де-

мократическая альтернатива тоталитарному нэпу. // История СССР. 1992. № 1. С..44.

⁵² Точку зрения Мартова разделял его брат, В.О.Левицкий, когда 16 июня 1918 г. писал П.Б.Аксельроду о том, что в России “опыт, начатый во имя диктатуры пролетариата, привел к диктатуре над ним и против него”. Левицкий вместе с другими меньшевиками в декабрь-январе 1918 г. сидел в Петропавловской крепости, арестованный за участие в работе “Союза защиты Учредительного собрания”, и очень возмущался появившейся в “Правде” статьей Меринга, восхвалявшей большевизм. “А теперь Меринг поет осанну этому режиму форменного бонапартизма, внедряющего реакцию во все слои общества”, - писал он. См.: Мартов и его близкие. С.65.

⁵³ Правда. 1918. 21, 26, 27 марта, 2 апр.

⁵⁴ Николаевский Б. РСДРП (меньшевики) за время с декабря 1917 по июль 1918. // Меньшевики после Октябрьской революции. Benson, 1990. С.9.

⁵⁵ В марте 1918 г. Ленин писал: “... Меньшевики и правые эсеры ведут себя у нас, как наиболее подвижные, иногда даже как наиболее наглые, деятели контрреволюции, ведя против Советской власти борьбу гораздо более резко, чем они позволяли себе вести ее против реакционных и помещичьих правительств, и полагаясь на защиту ярлыком или названием своей партии”.(Полн.собр.соч. Т.36. С.129). Спустя месяц, 29 апреля 1918 г., Ленин вновь подчеркивал, что стремление свергнуть Советскую власть – вот что объединяло “единый демократический фронт” от Милюкова до Мартова”. (Там же. С.245). Ленин отчетливо понимал опасность стремления меньшевиков демократизировать государственное устройство страны, при котором большевики неминуемо потеряли бы власть. Потому его нападки на меньшевиков сводились к обвинению их в контрреволюции, к желанию свергнуть Советскую власть. Учитывая растущую тогда зависимость деятельности Советов от большевистских комитетов, Ленин отождествлял правление большевиков с советским.

⁵⁶ Новый Луч. 1918. 17 апр. А.В.Антонов-Овсенко писал, что, к сожалению, Мартов был слишком импульсивен и только потому позволил себе “оскорбительное” сравнение советского и германского правительств. См.: Антонов-Овсенко А.В. Сталин и его время. // Вопр. истории. 1989. № 1. С.86. Думается, что дело не в “импульсивности” Мартова. Его сравнение было обусловлено негативным восприятием Брестского мира и усилившейся зависимостью России от Германии.

⁵⁷ Новый Луч. 1918. 21 апр.

⁵⁸ Новый Луч. 1918. 27 апр. “Партийные известия” (1918. 20 мая.

№ 6-7. С.18) рассказали о расправе над Мартовым на заседании ВЦИК, где не было дано слова ни защитнику Мартова Суханову, ни Череванину. Протестовавший Мартов “был исключен из заседания распоряжением председателя Свердлова, причем распоряжение было подтверждено и вотумом большинства собрания”. Когда Суханов и другие продолжали протестовать, в зал вошли латышские стрелки, которые силой удалили возмущавшихся.

⁵⁹ Аронсон Г. Сталинский процесс против Мартова. // Социалистич. вестн. 1939. № 7-8. С.84-90; Brovkin V. The mensheviks after October. Socialist opposition and the rise of the bolshevik dictatorship. Ithaca – London, 1987. P.110-117; Иоффе Г.З. Республика кумовьев. // Родина. 1990. № 8. С.12-18; и др.

⁶⁰ О первом составе советского правительства создавалось мнение как об одном из самых образованных, хотя часть его членов представляла из себя недоучившихся студентов и семинаристов. По данным В.Л.Дьячкова, многие из них обладали наиболее полным набором психопатологических черт, связанных в основном с негативным детским опытом. См.: Отечественная история. 1995. № 4. С.212. О девальвации права и низком уровне следственной работы в то время см.: Яров С.В. На заре советского следствия: идеология и практика. 1918-1919 // Минувшее. М.; СПб., 1995. Т.18. С.315-337.

⁶¹ Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С.394. В.Бровкин уточнял: 60 тыс. – это только те организации, которые были представлены на совещании (конференции). Не все делегаты имели возможность приехать. Из-за отсутствия кворума готовящийся съезд был квалифицирован, как совещание (конференция). По официальным данным, опубликованным в газете “Новая жизнь” (1918. 8 июня) в партии меньшевиков числилось не менее 100 тыс. членов, платящих взносы. См.: Brovkin V. The mensheviks after October. P. 201.

⁶² Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. С.158-159.

⁶³ Парт. изв. 1918. 10 июня. № 8. С.7.

⁶⁴ Меньшевики после Октябрьской революции. С.21, 46.

⁶⁵ Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. С.159.

⁶⁶ Мартов и его близкие. С.52.

⁶⁷ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.39. С.60; Т.43. С.302. Точка зрения Ленина была полностью воспринята советскими историками. См.: Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968. С.390-391; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М.,

1970. С.30-31; Волобуев О.В., Ильяшук Г.И. Послеоктябрьский меньшевизм // История СССР. 1991. № 2. С.42-43; и др.

⁶⁸ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.50. С.142-143. По данным Г.Летгетта, ВЧК уже в мае 1918 г. получила право ареста не только членов кадетской партии, но и членов руководящих органов правых эсеров и меньшевиков. См.: Legett G. The Cheka: Lenins political police. Oxford University Press, 1981. P.59. Репрессии против меньшевиков усилились после их исключения из Советов. Тогда в инструкции ВЧК о применении расстрелов, меньшевики указывались как подлежащие таковому, наряду с эсерами, кадетами и бывшими жандармами за “активную деятельность”. // Альбац Е. Мина замедленного действия (политический портрет КГБ). М., 1992. С.82-83; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. Казань, 1995. С.55, 91. В мае-июне 1918 г. ЦК РСДРП составил большую сводку материалов о репрессиях против меньшевиков в разных городах страны и сообщил об этом за границу. // Большевики. С.174-175. По сведениям В.Бровкина, 14 августа 1918 г. было опечатано помещение ЦК РСДРП в Москве. Несколько членов ЦК было арестовано, Мартов и Дан перешли на нелегальное положение. См.: Brovkin V. The mensheviks after October. P.273. В газете “Заря России” 15 июня 1918 г. говорилось о “раскаленной атмосфере ненависти”, в которой происходило заседание ВЦИК, исключавшее меньшевиков и правых эсеров из Советов. Мартов назвал выступление Сосновского ложью и доносом. “Порядочный социалист не может с этой кафедры лгать так, как лгал Сосновский”, – говорил он. Корреспондент газеты передавал, как Мартов, надевая пальто, заявил: “Исключайте, мы уже одеты”. Дан призывал играть “Интернационал”. “Под крики большевиков и свист правые социалисты уходят из зала заседания”, – заключал журналист.

⁶⁹ Из неизданных писем Ю.О.Мартова. // Социалистич. вестн. 1926. № 7-8. С.16-18.

⁷⁰ Мартов Л. Собирают материалы. // Социалистич. вестн. 1922. № 16. С.7. 16 июля 1918 г. ЦК РСДРП принял резолюцию с осуждением ярославского восстания, заявляя, что задачей партии является “организация рабочих в самостоятельную третью силу” с тем, чтобы добиваться “восстановления демократических органов местного самоуправления”, вооружения рабочих и прекращения кровопролития и расправ. См.: Большевики после Октябрьской революции. С.36-37.

⁷¹ Попов Ф.Г. 1918 год в Самарской губернии. Хроника событий. Куйбышев, 1972. С.157, 181. О разгроме Комуца см.: Ненароков А.П. Восточный фронт. 1918. М., 1969.

⁷² Большевики после Октябрьской революции. С.40-43.

⁷³ Ю.О.Мартов о партии 1918-1919 гг. // Социалистич. вестн. 1927. № 7. 4 апр. С.4.

⁷⁴ Мартов Л. Линия социал-демократии. // Вопросы социал-демократической политики. Пг.; М., 1920. Вып.1. С.5.

⁷⁵ Оборона революции и задачи социал-демократии. С.5. Много лет спустя Ю.П.Денике скептически оценил эту тактику Мартова, отметив, что летом-осенью 1918 г. меньшевики сохраняли “иллюзорность представлений”, будто социал-демократия, “не поддерживая ни одну из борющихся сторон, сможет в конфликте с ними сыграть роль “третьей силы”. Но чтобы стать таковой, писал Денике, – “надо было являться силой, а силами партия уже не располагала”. (The Mensheviks. From the Revolution of 1917 to the Second World War. Ed. by L.Haimson. Chicago-London, 1974. P.153). В годы второй мировой войны возникла полемика между Ф.И.Даном и Б.И.Николаевским об отношении Мартова к правым эсерам. Николаевский решительно возражал против утверждения Дана о том, что Мартов летом 1918 г. предпочел большевиков Комучу. В 1944 г. Дан, вероятно, так хотел высказать свои симпатии стране, ведущей вместе с союзниками победоносную войну с фашизмом. Николаевский был историком и потому аргументированно защищал тактику “третьего пути”, проводимую в то время Мартовым. См.: Николаевский Б.И. Ю.О.Мартов и с.-р. (историческая справка). // Социалистич. вестн. 1944. № 9-10. С.113-117; Он же. Еще раз Мартов и с.-р. // Социалистич. вестн. 1944. № 11-12. С.137-138.

⁷⁶ Мартов Л. По поводу одного превращения // Социалистич. вестн. 1921. № 11. С.8-9. И.М.Майский (1884-1975) в 1903-1918 гг. – меньшевик, с 1921 г. – большевик, советский академик и дипломат. Время гражданской войны наиболее полно описано им в книге “Демократическая контрреволюция” (М., 1923), где он дал отрицательную характеристику Мартову(С.110). 7 ноября 1918 г., после разгрома Комуча Майский написал из Омска письмо в ЦК РСДРП, пытаясь оправдать свои действия и протестуя против исключения из ЦК. Он объяснял участие в работе Комуча тем, что демократия в России олицетворялась Учредительным собранием, за власть которого следует бороться. Майский считал, что Комуч представлял собой орган демократической государственности. Заметим, что эту точку зрения тогда же не разделял председатель Комуча правый эсер В.К.Вольский. В июне 1919 г. на 9-м Совете партии он говорил: “Комитет действовал диктаторски, власть его была твердой... Это диктовалось обстоятельствами гражданской войны. Взявши власть в таких условиях, мы должны были действовать, а не отступать перед кровью. И на нас много крови. Мы это глубоко сознаем. Мы не могли ее избежать в же-

стокой борьбе за демократию. Мы вынуждены были создать ведомство охраны, на котором лежала охранная служба, та же чрезвычайка и едва ли лучше". // Ист. арх. 1993. № 3. С.134.

20 февраля 1920 г. Майский написал письмо А.В.Луначарскому из Монголии, которое было передано Ленину. В нем Майский признавался в том, что "считал большевиков безумными мечтателями, советскую диктатуру – насилием, попытки насаждения социализма – роковыми экспериментами, несущими гибель стране". Он писал о том, что "самарская деятельность была лебединой песней" его "веры в "буржуазно-демократический" характер нашей революции. Затем начался медленный, но неудержимый поворот". Майский сообщал о том, что пересмотрел свои взгляды на большевистский эксперимент в положительную сторону. Его вывод был таков: "отдельные действия большевиков на протяжении революции часто были неправильны, однако, основная линия их политики была правильна и наоборот, хотя отдельные действия меньшевиков за время революции часто были правильны, однако основная линия их политики была неправильна." Майский просил Луначарского содействовать его приезду в Советскую Россию и получению там работы. См.: РЦХИДНИ. Ф.2. Д.12945. Л.1-3. Частично опублик. в кн.: Спиринов Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. С.254-255.

В.М.Чернов позже с грустью писал о втором разгоне Учредительного собрания. Так он назвал арест членов Комуча и правых эсеров в ноябре 1918 г. колчаковцами. См.: Чернов В. Второй разгон Учредительного собрания. // Социалистич. вестн. 1952. № 3. С.35-36.

⁷⁷ Парт. изв. 1918. 20 мая. № 6-7. С.11.

⁷⁸ Мартов Л. Долой смертную казнь! М., 1918. С.4-6, 7-8, 9, 13. Капитан А.М.Щастный в феврале 1918 г. привел из Гельсингфорса (Хельсинки) в Кронштадт базировавшиеся там 236 судов Балтийского флота в связи с угрозой их захвата германскими войсками. В июне он был обвинен в измене и расстрелян. Газета "Знамя России" информировала об этом процессе так. Слушание в революционном трибунале при ВЦИК началось 20 июня 1918 г. В вызове свидетелей-комиссаров Балтфлота защите было отказано, обвинителей представлял наркомвоенмор Троцкий. Защищал Щастного известный тогда адвокат В.А.Жданов, обвинение поддерживал Н.В.Крыленко. Троцкий произнес двухчасовую речь, в которой обвинял капитана в контрреволюционности и двурушничестве. Адвокат назвал эту речь лишенной аргументов и проникнутой "личным озлоблением". Щастный был участником обороны Порт-Артура, Первой мировой войны. Это был честный офицер и патриот. В заключительном слове капитан решительно отверг обвинения, заявив, что его жизнь в период револю-

ции была у всех на виду. Однако революционный трибунал, руководствуясь мнением Троцкого, вынес приговор, в котором Щастный, без каких-либо доказательств, обвинялся в “подготовке контрреволюционного государственного переворота”, а потому подлежал расстрелу. На заседании ВЦИК левые эсеры отказались голосовать за смертный приговор Щастному, но большинством голосов приговор был утвержден. Крыленко по этому поводу цинично заметил, что если бы левые эсеры ставили вопрос о смягчении участи Щастного, они могли бы этого добиться, но они в принципе требовали отмены права ревтрибунала на вынесение смертных приговоров и потому проиграли. См.: Заря России. 1918. 21, 22, 25 июня. Дело Щастного создавало опасный прецедент: мнение большевистских вождей становилось основанием для вынесения смертных приговоров.

П.Ю.Савельев и С.В.Тютюкин высоко оценивая брошюру Мартова “Долой смертную!” замечают, что, осуждая красный террор, автор “молчал о его “двойнике” – терроре белом” (Новая и новейшая история, 1995. № 5. С.155). Упрек вряд ли справедлив. Ведь Мартов писал о “двойнике” буквально следующее: “Дутовцы, семеновцы, алексеевцы, украинские гайдамаки, войска Скоропадского и Краснова, отряды Дроздовского вешают и расстреливают. Крестьяне и мещане, изгнавшие местные большевистские советы, совершают над их членами величайшие жестокости. Растет взаимное озверение...” (Мартов Л. Долой смертную казнь! С.8). Б.И.Николаевский в 1959 г. опубликовал рецензию на вышедший в Москве сборник документов “Из истории ВЧК. 1917-1921 гг.” (М., 1958). Он писал о сильном влиянии, которое оказала на настроение многих большевиков брошюра Мартова “Долой смертную казнь!” Но ее роль все же не следует преувеличивать. Брошюра была опубликована еще до разгула красного террора. Поэтому осенью 1918 г. против террора и беспредела ВЧК выступили отдельные коммунисты Д.Рязанов, М.Ольминский и др. См.: Николаевский Б. Из истории машины советского террора. // Социалистич. вестн. 1959. № 8-9. С.171.

⁷⁹ Getzler I. Martov. P.183.

⁸⁰ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.29-33.

⁸¹ Цит. по: Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. С.305-306.

⁸² Мартов и его близкие. С.58. “Тезисы и резолюции ЦК меньшевиков” подверг критике И.В.Сталин в статье “Логика вещей” (Правда. 1918. 29 окт.). Он обвинил меньшевиков в антисоциализме и контрреволюционности. Сталин не доверял меньшевикам. Он требовал от них решительного размежевания с антибольшевизмом, после чего возможно “взаимное соглашение”.(Сталин И.В. Соч. Т. 4. С.144-145).

⁸³ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.37. С.220.

⁸⁴ Декреты Советской власти. М., 1968. Т.4. С.96-97.

⁸⁵ См.: Подболотов П.А., Спириин Л.М. Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1988. С.123.

⁸⁶ Партийное совещание РСДРП. 27 декабря 1918 г. – 1 января 1919 г. Резолюции. М., 1919. С.5, 7, 14, 20, 25, 28.

⁸⁷ 8 декабря 1918 г. Б.З.Шумяцкий, большевик, председатель Всесибирского исполкома, направил Ленину письмо, в котором предлагал совместно с правыми эсерами и меньшевиками создать “демократический фронт на политической платформе народовластиа” для борьбы с Колчаком. Меньшевики назвали это письмо “Криком сознания, совести и чести”, большевик Е.М.Ярославский – “Криком неверия – криком измены”. Предложение Шумяцкого было отвергнуто. См.: Подболотов П.А., Спириин Л.М. Указ соч. С.128.

⁸⁸ Г.Аронсон, ссылаясь на воспоминания Р.Абрамовича, писал, что предложение меньшевикам работать в советском правительстве передал в начале 1919 г. К.Радек через П.Лапинского. Это предложение было меньшевиками отклонено. С подобным предложением большевики обращались к меньшевикам и в начале 1920 г. Мартов был против, считая подобное соглашение капитуляцией перед большевиками. См.: Меньшевики после Октябрьской революции. С.225-227; Тумаринсон В.Х. Меньшевики и большевики. Несостоявшийся консенсус. С.201-203. Мартов писал Аксельроду 23 января 1920 г. о том, что слухи о его и Дана вхождении в правительство “чистый вздор... Никогда не велось об этом не только переговоров, но даже намеков на переговоры”. (Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.43).

⁸⁹ Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.37. С.192-194.

⁹⁰ Мартов Л. Новый курс в Советской России (письма из Москвы). // Мысль. Еженед. научн. марксист. журн. Харьков. Январь 1919. № 1-2. С.9-14. В этом же номере журнала историк Н.Рожков пришел к такому же выводу: “Многомиллионное крестьянство России настроено против Советской власти” (С.32). Изменение отношения РКП(б) к среднему крестьянству и коммунаам было зафиксировано в марте 1919 г. резолюцией VIII съезда большевистской партии “Об отношении к среднему крестьянству”. (Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1959. С.430). В газете “Всегда вперед” (1919. 22 февр.) Мартов довольно ехидно комментировал сообщение “Известий ВЦИК” о насаждении социализма в Башкирии. Он писал о невозможности это сделать там, где большинство населения никогда не слышало это слово.

⁹¹ Мартов Л. О задачах профессиональных союзов // Резолю-

ции независимых на 2-м Всероссийском съезде профессиональных союзов. Харьков, 1919. С.3-9.

⁹² Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.38-41; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.37. С.435-453. Р.А.Абрамович, рассказавший об этом выступлении Мартова, отмечал, что Ленин на съезде заключительно-го слова не взял и Мартову не ответил. См.: Мартов и его близкие. С.79-80.

⁹³ Всегда вперед! 1919. 6 февр. № 2; Мартов и его близкие. С.153-154; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918-1922 гг. С.167.

⁹⁴ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.37. С.484.

⁹⁵ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.34. Д.Далин позже вспоминал об этих арестах. “В средних числах апреля – дня я точно не помню – назначено было заседание Центрального Комитета. Я пришел с небольшим опозданием, и когда поднялся по темной лестнице на 3-й этаж, меня встретил при входе красноармеец с винтовкой.” Далее он писал, что в зале сидели чекисты и протестующие меньшевики. “Все протестовали в самых резких выражениях, – писал Далин, – а решительнее всех, конечно, Юлий Осипович”. Позже приехал отряд чекистов и арестованных увезли на Лубянку. “Около 2-х часов ночи, – продолжал Далин, – нас стали вызывать на допрос. Первым вызвали Мартова, и очень долго он просидел в комнате у следователя... После Мартова вызывали поодиночке нас, остальных... Допрошенные встретились вновь в какой-то третьей комнате около 4 часов ночи. Около часу нас заставили еще прождать. Наконец, вышел к нам некий чин с двумя списками в руках. Он разделил нас... на две группы... Одна группа была освобождена немедленно, и к ней принадлежал Мартов. Он был освобожден первым, – такие еще были времена! – ему подали автомобиль, чтобы ему не ходить ночью по темным московским улицам...”

Второй арест Мартова имел место ровно одной неделей позже... Почти все активные работники нашей партии оказались арестованными и в числе их был также и Юлий Осипович. Но в то время, как все арестованные были отправлены в ЧК, а оттуда в Бутырскую тюрьму, Мартов содержался под домашним арестом. Это был совершенно исключительный случай. Я не знаю других случаев домашнего ареста по отношению к некоммунистам в это время.” Далин писал, как они беспокоились о состоянии здоровья Мартова и как он, представившись председателем московской ЧК, говорил с арестованным Мартовым по телефону. Позже один из общих друзей обратился к Луначарскому с просьбой ходатайствовать об освобождении Мартова. “Луначарский тут же, в его присутствии, позвонил по телефону Лени-

ну. “Нет, – заявил Ленин, – его освободить нельзя. Мартов слишком умный человек: пусть посидит!” Через несколько дней, однако, режим домашнего ареста у Мартова смягчился... А еще через несколько дней арест был снят”. (Далин Д. Два ареста (отрывки из воспоминаний). // Социалистич. вестн. 1924. № 9. С.15-16. Частично опубл.: Мартов и его близкие. С.111-112.

⁹⁶ П.А.Подболотов и Л.М.Спирин рассказали, как в начале апреля 1919 г. меньшевики организовали забастовку на тульских военных заводах. В Тулу была направлена правительственная комиссия. Было улучшено продовольственное снабжение рабочих, заодно арестовали местных меньшевиков, забастовка была прекращена. См.: Подболотов П.А., Спирин Л.М. Крах меньшевизма в советской России. С.129. Из изложенного неясно, какова была роль в забастовке меньшевиков? Ведь экономические требования рабочих были справедливы и после их частичного удовлетворения они начали работу. Вместе с тем Ленин призывал советские газеты “в телеграфном стиле” клеймить “подлое предательство меньшевиков”. (Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.37. С.89). 29 марта 1919 г. группа московских меньшевиков (А.Вышинский, С.Либерман, Н.Суханов, Н.Череванин и др.) направила Ленину письмо с протестом против “новых гонений на партию меньшевиков”. 1 апреля в следующем письме они сообщали об аресте ЦК и МК меньшевиков, утверждали, что не имели к организации забастовок никакого отношения. “Наша партия. – писали они, – стремится преодолеть контрреволюционные настроения в народных массах вовлечением последних в русло мирной борьбы за реформу политики советских учреждений, за восстановление нормального взаимодействия между этими учреждениями и массами и, прежде всего, за честное исполнение советской Конституции”.(РЦХИДНИ. Ф.2. Д.9102. Л.1-5; Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. С.309). Общее число арестованных тогда меньшевиков составляло около 3 тыс. человек. См.: Большевики после Октябрьской революции. С.101.

⁹⁷ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.280-284. После закрытия газеты “Всегда вперед” 11 марта 1919 г. вышел единственный номер газеты “Рабочий Интернационал”.

⁹⁸ Левые эсеры и ВЧК. Сб. документов. Казань, 1996. С.300. Ленин в то время относился к меньшевикам нетерпимо. В июле 1919 г., узнав от Н.Н.Крестинского о выступлениях меньшевиков на рабочих собраниях, он также отнесся к этому неодобрительно. Ленин с трудом согласился и на то, чтобы оппонентами меньшевиков на таких собраниях выступали большевики Н.И.Бухарин, А.В.Луначарский и др. Он обусловил такие выступления тем, что фамилии большевиков

не будут значиться на афишах, подобно Суханову. И заключил свою записку Крестинскому словами: “Меньшевики подличают, и им надо за это сугубо набить морду”. (Ленинский сборник. М., 1970. XXXVII. С.162-163). В письме М.Горькому 15 сентября 1919 г. Ленин обосновывал свой отказ помочь В.Г.Короленко так: “Короленко ведь почти меньшевик. Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками... Нет, таким “галантам” не грех посидеть недельки в тюрьме... Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно”. (Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.51. С.45). “Сильные” выражения никогда не были аргументами. Ленин, как многие политики, прибегал к ним за неимением доказательств и давая волю эмоциям в частном письме.

⁹⁹ Меньшевики после Октябрьской революции. С.74-76.

¹⁰⁰ РЦХИДНИ. Ф.275. Оп.1. Д.58. Л.19-24. Листовка с текстом программы была передана Ленину 26 июля 1919 г. См.: РЦХИДНИ. Ф.2. Д.10728. Л.1-6. Программа “Что делать?” опубл.: Сборник резолюций и тезисов ЦК РСДРП и партийных совещаний. Харьков, 1920. С.33-43. См. также: Программа РКП(б). //Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М.,1959. С.390-411.

¹⁰¹ Волобуев О.В., Ильяшук Г.И. Послеоктябрьский меньшевизм // История СССР. 1991. № 2. С.49.

¹⁰² Цит. по: Журавлев В.В., Симонов Н.С. Причины и последствия разгона Учредительного собрания //Вопр. истории. 1992. № 1. С.10.

¹⁰³ Мартов Л. Диктатура и демократия. // За год: Сб.статей. Пг., 1919. С.25, 31.

¹⁰⁴ Меньшевики после Октябрьской революции. С.77-79; Getzler I. Martov. P.193.

¹⁰⁵ Мартов Л. Линия социал-демократии. // Оборона революции и социал-демократия. Сб.статей. М., 1920. С.3-8. В этом же сборнике была опубликована статья Ф.И.Дана “Оборона революции”, в которой он, соглашаясь с выводами Мартова, писал: “Мы не боремся с большевиками за власть. Мы не боремся с ними за то, чтобы из их рук вырвать и в свои руки взять орудия государственного принуждения и насилия над народными массами. Мы боремся с большевизмом, прежде всего, за идейное господство над душой, разумом и волей рабочего класса” (С.11).

П.А.Подболотов и Л.М.Спирин писали, что, прочитав именно эти статьи Мартова и Дана, Ленин предложил их напечатать “как можно скорее”. (Подболотов П.А., Спирин Л.М. Крах меньшевизма в

советской России. С.134). В биографической хронике Ленина указывается, что Ленин дал об этом распоряжение Л.Б.Каменеву не ранее сентября 1919 г. См.: В.И.Ленин. Биограф. хроника. М., 1976. Т.7. С.534. Неясным остается какие статьи Каменев давал Ленину для ознакомления: в рукописи? опубликованные на иностранном языке? Насколько можно судить по документам, в декабре 1919 г. Ленин прочел несколько меньшевистских статей об Октябрьской революции, диктатуре пролетариата, III Интернационале, в частности, статьи Мартова и Дана на немецком языке, где нашел правильные, с его точки зрения, положения. По этому поводу он писал Каменеву: "Возвращаю статьи ме(ньшеви)ков. Прочел Март(ова) и Дана. Вполне согласен с Вами, что печатать надо и как можно скорее". (РЦХИДНИ. Ф.2. Д.12354. Л.1). О каких именно статьях Мартова и Дана шла речь – в документе не указано.

¹⁰⁶ Мартов Л. Предисловие к кн.: Нэн Ш. Диктатура или демократия; Адлер М. Проблемы социальной революции. Харьков, 1919. С.5-7; Ильяшук Г.И. Партия меньшевиков в революциях 1917 г. // Россия в XX в.: Историки мира спорят. М., 1994. С.187.

¹⁰⁷ VII Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. 5-9 дек. 1919 г.: Стенографич. отчет. М., 1920. С.56-63; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.37. С.417.

¹⁰⁸ Мартов Л. Проблема "единого фронта" в России // Социалистич. вестн. 1922. № 13-14. С.5.

¹⁰⁹ Там же. С.6.

¹¹⁰ Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.37. С.210, 211.

¹¹¹ Там же. Т.38. С.137.

¹¹² Там же. Т.41. С.89, 91, 94.

¹¹³ Оборона революции и социал-демократия. С.7.

¹¹⁴ Мартов Л. Ответ критикам // Социалистич. вестн. 1923. № 2. С.10-13.

¹¹⁵ История СССР. 1991. № 2. С.35-36.

¹¹⁶ Мартов Л. Мировой большевизм. // Мысль. Харьков, 1919, № 10. С.333-343; № 12. С.462-469; № 13. С.525-530; № 14. С.653-657; Он же. Мировой большевизм. Берлин, 1923.

¹¹⁷ Цит. по: Мартов Ю.О. Мировой большевизм. С.5.

¹¹⁸ Вперед. 1918. 25 янв..

¹¹⁹ Каутский К. Диктатура пролетариата. Wien, 1918; Он же. Терроризм и коммунизм. Берлин, 1919; Он же. Углубление революции (критика Спартака и большевиков). Баку, 1919; Он же. От демократии к государственному рабству (ответ Троцкому). Берлин, 1922; Он же. Пролетарская революция и ее программа. Берлин, 1922. Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. //

Полн.собр.соч. Т.37; Троцкий Л.Д. Терроризм и коммунизм. // Соч. М.:Л., 1925.Т.XII.

¹²⁰ Каутский К. Терроризм и коммунизм. С.196, 203, 204; Он же. От демократии к государственному рабству. С.5, 166.

¹²¹ Мартов Ю.О. Мировой большевизм. С.9-16, 16, 18-19, 25-26, 28, 32, 38-39, 41, 45-48, 57-59, 68-69.

¹²² Там же. С.98, 106, 108. Статья Мартова “Маркс и проблема диктатуры пролетариата” была впервые опубликована в журнале “Рабочий Интернационал”. (1918. № 1. С.66-76).

¹²³ Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.39. С.139-145, 444-446.

¹²⁴ Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. М., 1959. С.423; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.43. С.62.

¹²⁵ Новая и новейшая история. 1995. № 5. С.161.

¹²⁶ Мартов и его близкие. С.82.

¹²⁷ Сборник резолюций и тезисов ЦК РСДРП и партийных совещаний. Харьков, 1920. С.2; Меньшевики после Октябрьской революции. С.83.

¹²⁸ РЦХИДНИ. Ф.275.Оп.1. Д.62. Л.8, 40, 54; Сборник резолюций и тезисов ЦК РСДРП и партийных совещаний. С.15-16, 27-28, 31-32; Меньшевики после Октябрьской революции. С.83-88.

¹²⁹ См.: Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.39. С.60-61;Т.41. С.6; Т.44. С.163.

¹³⁰ Сборник резолюций и тезисов ЦК РСДРП и партийных совещаний. С.31-32.

¹³¹ Мартов Ю.О. В борьбе за Интернационал. Берлин, 1924. С.9, 11, 13.

¹³² Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.41-42, 43, 46; Меньшевики после Октябрьской революции. С.88-90.

¹³³ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.57-58, 59-60; Меньшевики после Октябрьской революции. С.91, 96.

¹³⁴ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.297; Мартов и его близкие. С.113-117; Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.51. С.250. Троцкий вспоминал, что в отличие от Ленина, он был против наступления на Варшаву. И оказался прав. См.: Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Берлин, 1930. Ч.2. С.190-195.

¹³⁵ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.49-50; Мартов Ю. Большевизм в России и Интернационале. Берлин, 1923. С.14-15; Далин Д. Политика Мартова в польско-советской войне // Социалистич. вестн. 1943. № 7-8. С.76-78.

¹³⁶ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.50-51, 52, 55-56, 60. Позже А.Криспин вспоминал, как вместе с Дитманом они приехали в Москву на II конгресс Коминтерна. Их поместили в шикарную гостиницу,

отменно кормили. Они встретились с Мартовым. “Когда мы впервые явились в помещение меньшевистского ЦК, нас, прежде всего, поразили тот гигантский контраст, который царил в чисто внешней обстановке между штаб-квартирой “легальной оппозиции” и резиденцией правящей партии. Пустые и убогие комнаты с простыми деревянными столами и колченогими стульями. Жидкий “чай” из какой-то травы и тощие “бутерброды” из какого-то несъедобного хлеба, - в качестве единственного “угощения”, которым сконфуженно, но с чисто русским радушием, делились с нами Мартов и его друзья, исхудалые от явного недоедания, в обтрепанных до нельзя скюртуках и тужурках... Когда начались серьезные разговоры, когда мы услышали речи Мартова и других, мы сразу почуяли, что мы не ошиблись, придя сюда за “ключом к познанию” русской революции. Ни звука жалобы на личные невзгоды, ни следа мелких обвинений и злорадных уколов. Куда девались “злобные клеветники”, “антибольшевистские фанатики” и “контрреволюционеры”, - о которых так старательно предупреждали нас большевики и немецкие коммунисты? Мы услышали глубокий, но в то же время ясный до прозрачности анализ классовых и общественных отношений в России, ее экономического состояния, политической структуры. Острым скальпелем истинно марксистского исследования Мартов и его друзья безжалостно совлекли с большевизма всю его блестящую мишуру и вскрыли перед нами его истинное содержание: гибельность политики военного коммунизма, которая тогда была в своем высшем расцвете, утопичность и призрачность так называемой диктатуры пролетариата и советской системы, которые на самом деле были лишь плохо замаскированной тиранией партии или партийного кружка... И тогда мы во всей ясности поняли то, о чем раньше смутно догадывались. И увидели перед собой лик другой “революционной России”, образ марксистской рабочей партии, руководимой Мартовым, - партии, которая сумела, оставаясь на революционно-пролетарской почве, найти истинно-социалистическую линию борьбы против мелкобуржуазного, утопически-якобинского искажения революции, воплощенного в большевистской партии”. (Социалистич. вестн. 1923. № 8-9. С.7).

¹³⁷ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.298-302.

¹³⁸ Там же. С.64-66.

¹³⁹ Подробнее об этом см.: Николаевский Б. К предистории “Социалистического вестника”. Война с Польшей и меньшевики в 1920 году // Социалистич. вестн. 1956. № 2-3. С.12-13.

¹⁴⁰ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.66-68. Вероятно, речь шла о письме Мартова Щупаку от 26 июня 1920 г., в котором лидер меньшевиков писал о санаториях для привилегированных в Советской

России, о жуирстве и достатке в домах Рязанова, Радека, Рыкова, Бонч-Бруевича, Д.Бедного, Карахана, Стеклова и др. О том, что “типичным представителем власти и правящей партии стал Каменев, сытый, с свинными глазками, подчас с манерами доброго папашин-лордмэра, пекущегося “населении вверенной ему губернии”, подчас раздражающийся грозными филиппиками против внутренних и внешних врагов, но и это без внутреннего огня и без убеждения...” (Там же. С.51-52).

¹⁴¹ Там же. С.71-72.

¹⁴² Социалистич. вестн. 1923. № 8-9. С.8; Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 160.

¹⁴³ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.73. В письме Аксельроду (10 октября 1920 г.) Мартов сообщал ему о своем желании остаться в Берлине и встретиться с ним.

¹⁴⁴ Цит. по: Абрамович Р. Меньшевики и Социалистический Интернационал // Меньшевики. С. 267; Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.75.

¹⁴⁵ Гильфердинг Р. Мартов и Интернационал // Социалистич. вестн 1923. № 8-9. С.9; Ленин В.И. Полн.собр. соч. Т.42. С.175.

¹⁴⁶ Мартов Ю. Большевизм в России и в Интернационале. Речь, произнесенная на съезде Независимой социалистической партии Германии в Галле 15 октября 1920 года. Берлин, 1923. С.3, 5, 9, 10-11, 16, 19, 21-23; Меньшевики. С.268. Р.Абрамович позже разъяснял позицию Мартова и свою так: к тому времени, как они появились в Берлине, большевистской власти было уже три года. Ей удалось одержать победу в гражданской войне, провести аграрную революцию и консолидировать военную мощь. Среди меньшевиков были правые, настаивающие на борьбе с большевиками даже силой оружия; левые, полагающие, что большевики после укрепления власти, эволюционируют в сторону демократии. Мартов и его единомышленники были в центре. Они склонялись к прогнозу Ф.Энгельса, данному в середине XIX в. в книге “Крестьянская война в Германии” о том, что партия, пришедшая к власти по стечению случайных обстоятельств в эпоху, когда данное общество еще не созрело для господства ее класса, неминуемо обречена на гибель. Мартов дополнил формулу Энгельса в “Мировом большевизме” анализом неминуемости распада того политического блока, который дал большевикам власть. Поэтому мартовцы отвергали как примитивную характеристику большевизма как “контрреволюции”, так и наивно-оптимистические иллюзии “левых”. Они исходили из двух возможностей общественного развития России: либо перехода властей к бонапартизму, или к отказу от социального максимализма, переходу к демократии. Мартовцы

ратовали за последнее, хотя история России предпочла тогда иное. См.: Абрамович Р. Идеологическая линия “Социалистического вестника”. // Социалистич. вестн. 1956. № 2-3. С.43-44.

¹⁴⁷ Социалистич. вестн. 1956. № 2-3. С.44; Ю.О.Мартов. Письма. 1918-1922. С.81.

¹⁴⁸ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.84. Мартов писал С.Д.Щупаку 14 декабря 1920 г. о встрече в Берне с Аксельродом, с которым они провели, из-за ограниченного срока визы Мартова, всего один день. “Беседками за этот день, мне кажется, удалось достигнуть некоторого выяснения и смягчения его отношения”, – сообщал он. См.: Там же. С.87.

¹⁴⁹ Там же. С.89.

¹⁵⁰ Там же. С. 88, 90.

¹⁵¹ Там же. С.91, 93, 302-303; Меньшевики. С.268-269. Ф.И.Дан на VIII Всероссийском съезде Советов огласил резолюцию РСДРП, в которой отмечалось, что “стремление навязать трудящимся... диктатуру одной партии привело к параличу всей советской системы”, превращению “гражданской и военной бюрократии в самодовлеющий аппарат... действующий зачастую прямо вразрез” с нуждами и революционными правами населения. См.: VIII Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. 22-29 декабря 1920 г. Стеног. отчет. М., 1921. С. 55.

¹⁵² Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.95, 97-99, 101-102.

¹⁵³ См.: Бургина А. Социал-демократическая меньшевистская литература. Stanford, 1968. С.269-303.

¹⁵⁴ В 1921-1963 гг. вышло 784 номера “Социалистического вестника”, который издавался в Берлине, Париже, Нью-Йорке. См.: Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919-1939. М., 1994. С.111. Тираж первых номеров журнала был невелик. Позже он увеличился, и “Социалистический вестник” читали во многих городах России. О степени связи редакции журнала с корреспондентами на местах свидетельствует точность его информации, например, о 117 местах заключения и ссылок российских меньшевиков. Большевистская пропаганда называла журнал “социалистическим сплетником”, но это не мешало различным советским учреждениям быть его подписчиком. См.: Елфимов Е.А. Меньшевистский журнал “Социалистический вестник” в первые годы эмигрантского существования. // Культура российского зарубежья. М., 1995. С.189-196. Большой интерес к журналу проявил Ленин. 21 июня 1921 г. он просил Л.А.Фотиеву дать ему “все последние №№ “Социалистического вестника” Мартова (особенно статьи Аксельрода)”. Когда ему сообщили о наличии лишь нескольких номеров, Ленин предписал сво-

ему секретарю: “Надо особую обложку для этого издания и секретный ящик”. (Ленинский сборник. М., 1975. XXXVIII. С.368). В 1925 г. сотый номер “Социалистического вестника” вышел с воспоминаниями тех, кто участвовал в его создании. Е.Л.Бройдо рассказала, как для печатания журнала была найдена небольшая типография с русским шрифтом, о Мартове, который “как заботливая нянька, надзирал за всем, интересовался всем, вникал во всякую мелочь. Во все он вносил страстность, безграничное самозабвение, волновался, горел, сердился несказанно...” (Бройдо Е.Л. На заре “Социалистического вестника”. // Социалистич. вестн. 1925. № 6 (100). С.21-22). Д.Ю.Далин отмечал, что первые номера журнала выпускали четыре человека. Абрамович и он занимались литературной работой и связями с немецкими социалистами, Бройдо была секретарем и казначеем, Мартов “шеф-редактором”. “Он очень много писал, и большинство неподписанных статей и заметок того времени принадлежали ему; но сверх того, он проделывал громадную работу над всем остальным редакционным материалом. Он работал над громадной хроникой и корреспонденциями, приходившими из России в сыром, неудобочитаемом виде. Многие часы, часто до поздней ночи, он просиживал над этой работой, и сам, не имея ни секретаря, ни машинистки, терпеливо переписывал русские письма. Почти ни одна строка не попадала в печать без его просмотра и одобрения. Про “Социалистический вестник” того времени можно без преувеличения сказать, что, несмотря на нашу коллегияльную работу, он был органом Мартова”(Далин Д. Из воспоминаний. // Там же. С.22. Б.Л.Двинов, наладивший транспортировку “Социалистического вестника” в советскую Россию, подтверждал необычайную популярность журнала: номера “зачитывались до дыр”, статьи Мартова “выучивались едва ли не наизусть”. (Двинов Б. На боевом посту. // Там же. С.24.

¹⁵⁵ Ленин В.И. Полн.собр.соч.Т.45. С.282.

¹⁵⁶ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.108, 110, 112, 115; Мартов Ю. Кронштадт // Социалистич. вестн. 1921. № 5. С.2-6. Мартов отнесся к восстанию в Кронштадте с явным сочувствием. ЦК РСДРП в Москве в конце 1920 г. высказало отрицательное отношение к крестьянским выступлениям в Сибири, поскольку “пролетариату, не ставящему себе целей свержения Советской власти, не по пути с крестьянскими восстаниями, объективно ведущими к этому свержению”. (РЦХИДНИ.Ф.275. Оп.1.Д.53. Л.11.

¹⁵⁷ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.111, 115

¹⁵⁸ Социалистич. вестн. 1921. № 18. С.2-4; № 19. С.7-10.

¹⁵⁹ Там же: № 18. С.4; № 19. С. 7,10. В отличие от Н.Устрялова, Мартов не отождествлял термидор с политикой экономического

компромисса типа нэпа. Для Мартова термидор – это антидемократическая политика, направленная против пролетариата. Потому для него сборник “Смена вех” – это “идеология нашего термидора, идеология русского бонапартизма. В этом его сила. Он глубоко национален и патриотичен. Но он верен советскому строю и даже – отчасти искренно, а отчасти из мотивов приспособляемости – коммунистической партии. Однако несмотря на свою большевистскую внешность, этот сборник поединно контрреволюционен”. (Социалистич. вестн. 1921. № 19. С.6). Сменовеховцы видели в российском термидоре благо для буржуазии, Мартов – беду для пролетариата. Но все приходило к выводу, что на политической сцене России феномен термидора уже заявил о себе. Подробнее см.: Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993. С. 82-86. В советской историографии термидор стал позже восприниматься как реакционное явление, аналогии с французской революцией были отвергнуты. Последователи Мартова в “Социалистическом вестнике” (Р.Абрамович, П.Гарви, Д.Далин и др.) оставались верны его призыву придать ликвидации большевистской диктатуры “как можно менее термидорианский характер”. Дан видел в терроре 30-х годов термидор, шаг к установлению единоличной диктатуры. В конце 30-х они пришли к выводу, что “режим термидора окончательно оформлен в России”. В 1943 г. Ю.Денике, а чуть позже и Б.Николаевский заключили, что русская революция, приведшая к созданию тоталитарного государства, в корне отличается от французской революции, потому аналоги ошибочны. См.: Кондратьева Т. Указ.соч. С. 167, 179, 181, 184, 186, 238. Наверное, следовало бы заметить, что аналогии Ленина, Мартова и многих других политиков были уместны, когда результат революции был еще неясен.

¹⁶⁰ Войтгинский В. Последние годы // Социалистич. вестн. 1928. № 8-9. С.6, 12.

¹⁶¹ Социалистич. вестн. 1921. № 6. С.3-6; № 7. С.3-5; № 8. С.3-6.

¹⁶² Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.115-122.

¹⁶³ Дан Ф. Памяти Ю.О.Мартова // Социалистич. вестн. 1924. № 7-8. С.8.

¹⁶⁴ Булдаков В.П. Историографические метаморфозы “Красного Октября” // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С.184, 186.

¹⁶⁵ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С.123, 129, 136, 137, 165-166, 170. Г.И.Семенов-Васильев (1891-1937)- в 1917-1918 гг. – руководитель боевой группы партии эсеров. В ноябре 1918 г. был арестован, затем стал сотрудником ВЧК. Семенов выступил с разоблачениями, в основном фальсифицированными, в адрес руководства партии правых

эсеров, написав брошюру “Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917-1918 гг.” (М., 1922). На процессе правых эсеров выступал в качестве свидетеля обвинения.

¹⁶⁶ Социалистич. вестн. 1922. № 12. С.3-7; № 15. С.4.

¹⁶⁷ См. об этом: Непролетарские партии России. Урок истории. М., 1984. С.493.

¹⁶⁸ Волин С. Меньшевизм в первые годы нэпа // Меньшевики после Октябрьской революции. С. 115-116.

¹⁶⁹ Ю.О.Мартов. Письма. 1916-1922. С. 131, 133; Мартов Л. Коммунистические шатания // Социалистич. вестн. 1921. № 21. С.8.

¹⁷⁰ Социалистич. вестн. 1921. № 16. С.9-14; № 19. С. 1, 9, 10. В.И.Ленин, выступая 31 июля 1919 г. на съезде работников просвещения, отмечал: “Когда нас упрекают в диктатуре одной партии... мы говорим: да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем”. (Полн.собр.соч. Т.39. С.134.

¹⁷¹ Мартов Л. Мнимое банкротство марксизма // Социалистич. вестн. 1922. № 10. С. 5-8.

¹⁷² Социалистич. вестн. 1922. № 19. С.3-8.

¹⁷³ Там же. 1923. № 2. С.10-13.

¹⁷⁴ Там же. 1923. № 1. С.7-11; Меньшевики после Октябрьской революции. С.256, 258.

¹⁷⁵ Ненапечатанная статья Мартова // Социалистич. вестн. 1924. № 9. С. 16-18.

¹⁷⁶ Социалистич. вестн. 1924. № 7-8. С.8.

¹⁷⁷ Мартов Ю.О. В борьбе за Интернационал. Берлин, 1924. С.54, 108, 120-122, 124. Мнение Мартова о том, что преследования социалистов в Советской России является главным препятствием к сотрудничеству с III Интернационалом, было подтверждено в российской историографии. См.: Ватлин А.Ю. Мировая революция и современное коминтерноведение // Исторические исследования в России. С.356.

¹⁷⁸ Абрамович Р. Меньшевики и Социалистический Интернационал (1918-1940)// Меньшевики. С.270-295; Волин С. Меньшевизм в первые годы нэпа // Меньшевики после Октябрьской революции. С. 131-142.

¹⁷⁹ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т.2. С. 184.

Заключение

В XX столетии марксизм стал господствующей идеологической доктриной многих государств. Но его кажущееся торжество в ряде стран, обеспеченное силой, обернулось затем крахом. Впервые это произошло в России. Длительное время советская историография, а также зарубежные историки – марксисты идеализировали цели и деятельность большевиков, В.И.Ленина и его сторонников, представляя победителей, оказавшихся в 1917 г. у власти в России, “подлинными марксистами”. Замалчивались и чернились те, кто в этом сомневался или предлагал иную интерпретацию марксизма, альтернативное видение дальнейшего развития общества.

В России роль оппонентов большевиков в понимании и развитии марксизма, в отстаивании права руководить пролетариатом и выражать его интересы взяли на себя меньшевики во главе с Ю.О.Мартовым. В противовес большевикам – радикалам они стали умеренным крылом российской социал-демократии.

Мартов принадлежал к тому поколению российских марксистов, которое в середине 90-х годов XIX в. начало создавать социал-демократическую партию, организовало революционное движение многонационального пролетариата страны под лозунгами интернационализма. В рядах этого поколения было немало выдающихся деятелей. Достаточно назвать имена – Н.Е. Федосеева, В.И. Ленина, А. Н. Потресова. Но, как отмечал в своих воспоминаниях Ф. И. Дан, “... и среди блестящей плеяды молодых революционеров того времени Мартов выделялся своей исключительной талантливостью, сверкающим литературным дарованием, тонкостью и остротой мысли, широкой политической образованностью и беззаветной, чуждой всякого эгоцентризма преданностью делу освобождения рабочего класса”¹. П.Б. Ак-

сельрод в статье “Памяти Мартова”, написанной сразу после его кончины, вспоминал, что члены группы “Освобождение труда” говорили: “Это наш, социал-демократический Добролюбов”. Аксельрод писал: “Я уже до личной встречи с Юлием Осиповичем составил себе о нем представление как о незаурядной личности. Когда же по приезде его за границу, я познакомился с ним, он сразу произвел на меня впечатление человека исключительной моральной и интеллектуальной силы. Обаятельно и, можно сказать, импонирующе действовали на меня неустанно работавшая в нем творческая мысль, духовность, если можно так выразиться, всей его натуры, отрешенность его от всяких будничных, житейских интересов и глубокий идеализм, как бы пронизывающий его существо”². Аксельрод подчеркивал, что Мартова не обуревали честолюбие и властолюбие, что он презирал все, что напоминало интригу, подсиживание и демагогию. Потресов сравнивал Мартова с Плехановым и Лениным. “Не только Плеханов, этот основоположник русского марксизма, – писал Потресов, – но и Мартов имел все основания оспаривать у Ленина его влияние на слагающуюся партию. И, пожалуй, Мартов еще больше, чем Плеханов. Ибо по направлению своих способностей, сосредоточенных на злободневных задачах политики, на нуждах движения, он был более доступен и близок людям, чем теоретик Плеханов. Бесподобный публицист и многоопытный практик, с 18-летнего возраста окунувшийся в самую гущу борьбы, он чрезвычайно ценился Лениным, и я помню Ленина, в особенности в 1901 году, когда этот не склонный к чувствительности человек говорил о Мартове с нескрываемым чувством восхищения. В партийной же организованной среде трудно было найти другого, более популярного деятеля... Мартов был положительно неумолим в своем общении с людьми, всегда готовый расточительной рукой сыпать блески своей вдумчивой и впечатлительной мысли. Он был точно рожден стать средоточием партии, ее воистину излюбленным представителем”³.

Современная отечественная историография весьма по-

литизирована, как впрочем, это было и в прошлом. В происходящем ныне процессе пересмотра концепций, оценок событий и деятелей российской истории, особенно XX столетия, к сожалению, вносится немало субъективизма и нового мифотворчества. Апология Октября и революционеров уступает место сугубо негативным оценкам революции, ее руководителей или стремлению перевести эти сюжеты в “зону умолчания”. Однако наличие полярных взглядов на марксизм и революции не снимает, а, наоборот, усиливает необходимость дальнейшего изучения происшедших революций, социал-демократического движения и его деятелей. Среди них были утописты, фанатики и экстремисты, но в этой же среде были люди высокого духа, преданные не только идеям социализма, но и борьбе за свободу и демократию, свои мученики и герои. К таким деятелям и относился Ю. О. Мартов. Прошлое никто и ничто не может изменить, его можно лишь изучать и искать объяснение минувшему.⁴

Среди российских историков, сумевших в весьма короткое время освободиться от догм, стереотипов и других ненаучных наслоений в историографии интересующей нас проблемы, можно назвать работы А. П. Ненарокова, С. В. Тютюкина, В. В. Шелохаева и других.⁵ Жаль, однако, что до сих пор не создана научная история большевистской и меньшевистской партий, не написаны научные биографии их вождей и руководителей.

В 80-90-х годах XIX столетия число социал-демократических кружков в России непрерывно росло, что объективно вело и к появлению лидеров движения. Общепризнанных было трое: Г.В. Плеханов, В. И. Ленин и Ю. О. Мартов. Последние двое возглавили сначала разные течения, а затем и рабочие партии. Это произошло не случайно. И дело не в том, что они были разные люди по характеру и складу ума: ведь это не мешало им быть ранее вместе. На II съезде РСДРП Мартов ратовал за создание массовой социал-демократической партии, открытой для всех желающих вести революционную пропаганду и агитацию среди рабочих и бороться с царизмом. Ленин, наоборот, выступал за жестко

централизованную конспиративную партию профессиональных революционеров, чтобы обеспечить максимальную эффективность ее работы и обезопасить от провалов в нелегальных условиях. Мартов и его сторонники слишком хорошо знали историю революционного движения, чтобы с этим согласиться. В их понимании М. Робеспьер, П. Ткачев, С. Нечаев достаточно ясно дали понять, к чему может привести организационный ультрацентрализм, “революционная дисциплина” и диктаторство в партии. Поэтому они были против такого построения партии. В европейских рабочих партиях в то время также происходили идейные и организационные размежевания, но в российской социал-демократии, являвшейся существенной частью мирового социалистического движения, раскол приобрел особенно драматический характер и имел далеко идущие последствия. Революция 1905-1907 гг. углубила разногласия по таким вопросам, как захват власти, союзники пролетариата по борьбе с царизмом и др. Тогда же происходило и размежевание внутри меньшевизма: Г.В. Плеханов все более становился приверженцем догматического понимания марксизма, тогда как Ю.О. Мартов и П.Б. Аксельрод постепенно эволюционировали в сторону “демократического социализма” западного образца.⁶ Случилось так, что в российском рабочем движении не реформизм противостоял марксизму, а в самом марксистском движении столкнулись умеренное и радикальное направления. Они окончательно размежевались в 1917 г., хотя Мартов задолго до этого, еще в 1911 г., убедившись, что большевики скатываются к “нечаевщине”, пришел к выводу о бесперспективности дальнейшего сосуществования двух фракций в составе одной партии.

В связи с этим следует подчеркнуть, что в историю Российской социал-демократии Ю. О. Мартов вошел не только как один из ее основателей и лидеров. Не меньшая его заслуга состоит в том, что он возглавил борьбу с радикальным крылом российской социал-демократии – большевизмом и вел ее неустанно в течении 20 лет. “Вряд ли кто-либо нанес всей большевистской идеологии, – отмечал Ф. И. Дан, –

столько смертельно ранящих ударов, как Мартов, и вряд ли кто-нибудь сделал столько, чтобы предотвратить самую возможность ее возрождения в рабочем классе России и всего мира!”⁷ Общеизвестно, какие зловещие последствия принесла России диктатура большевистской партии. Предвидя их еще в начале века, Мартов с присущей ему страстностью и целеустремленностью противостоял распространению и реализации утопических, экстремистских и антидемократических большевистских идей и планов, внедрению насилия как главного средства их осуществления.

Да, Мартов, как и Ленин был проповедником идеи социальной революции, полагая что она выведет Россию из отсталости на путь прогресса, социализма. Но если Ленин считал возможным искусственно ускорить развитие России преждевременным захватом власти, то Мартов был сторонником естественно-исторического развития страны.

Нельзя забыть, что именно Мартов был одним из первых, кто обратил внимание на опасность методов большевизма, пришедшего к власти в России, а также на их негативное влияние на мировое социалистическое движение. Он первым ввел понятие “ленинизм”, сделав его синонимом большевизма. В Советской России он возглавил демократическую невооруженную оппозицию, которая резко отличалась от оппозиции правоэсеровской, требовавшей с оружием в руках передачи власти Учредительному собранию. Мартов полагал, что раз часть рабочих поддерживает диктатуру большевиков, то он выступать против них не может. Но и менять своих убеждений он был не намерен, заявляя об этом открыто и выступая с нелюбимой критикой большевистских властей. Товарищи Мартова говорили о нем как о признанном вожде партии, возглавлявшем ее четверть века и определившем политические перспективы рабочего и социалистического движения в Европе. Они ставили его в один ряд с такими выдающимися социалистами, как Г. В. Плеханов, А. Бебель, Ж. Жорес и Р. Люксембург. У них всех была тяжелая судьба. Жореса и Люксембург убили на родине, Мартов умер в изгнании. Когда революция побеждает,

пропадает нужда в революционерах, и победители с ними расправляются. Так было не только в России.

Ю.О.Мартов скончался 4 апреля 1923 г. от туберкулеза горла и сердечной недостаточности в санатории в деревушке Шемберг, расположенной в горах Шварцвальда.⁸ Умер он тихо во время сна, как умирают без мучений только праведники. Труп кремировали, а 11 июня 1924 г. ему поставили памятник на кладбище при крематории на Gerichtstrasse в Берлине. На цоколе по-немецки было написано: “Л.Мартов – боец за освобождение рабочего класса”. В Берлине тогда был открыт социал-демократический клуб имени Мартова. Заграничная делегация РСДРП поручила Ф.И. Дану написать краткую биографию, а редакции “Социалистического вестника” – издать статьи Мартова и немедленно переиздать его брошюры: “Долой смертную казнь!”, “Мировой большевизм” и “Речь, произнесенную в Галле на конгрессе Независимой социалистической партии Германии”.

На кончину Ю. О. Мартова откликнулись все деятели международной социал-демократии. Благодаря “Социалистическому вестнику” мы имеем возможность познакомиться с мнениями о нем многих выдающихся людей того времени. Некоторые из них уже приводились в книге. Примечательно, что каждый из знавших Мартова отмечал его личные качества, вызывавшие симпатию и поклонение, что весьма не часто присуще политическим деятелям. Хочется привести здесь некоторые характеристики, тем более, что о личных качествах вождей у нас пишут не часто.

Карл Каутский, отметив “великие заслуги” Мартова как “теоретика, тактика, вождя”, высоко оценил “дух Мартова”, который он стремился внести в социалистическое движение. Это – принципиальность, смелость и решительность, умение прислушиваться к жизни, неспособность жертвовать “принципами и великими целями ради минутных успехов”⁹. Отто Бауэр также отметил проницательность Мартова, который “ни на один миг” не поверил в опасные иллюзии и утопии большевизма тех дней” (осень 1917 г. – авт.). Он назвал “бесстрашной” борьбу Мартова с большевиками после

их прихода к власти. “Большевики ненавидели и боялись этого человека, который страстно боролся против их диктатуры над пролетариатом и против замены советской демократии абсолютизмом советской бюрократии... Даже в худшие времена террора большевики не осмеливались тронуть мужественного революционера”¹⁰.

А. Кремер считал, что потеря Мартова – человека не менее велика, чем потеря Мартова – политического деятеля и мыслителя. “Его бескорыстие, его беззаботность к себе были безграничны. Это была с головы до ног кристально-чистая душа”¹¹, – писал Кремер. “Рыцарь духа” – так назвал свою последнюю заметку о Мартове П. А. Гарви. “...Мартов не только был вождем партии. Он был ее душой, совестью, честью”¹².

Несколько слов о судьбе памятника Ю.О. Мартову.

17 апреля 1928 г. скончался патриарх русской социал-демократии П. Б. Аксельрод. Вскоре Заграничная делегация РСДРП постановила открыть Братский памятник, где прах П. Б. Аксельрода “найдет успокоение” рядом с прахом Ю.О. Мартова и других русских социал-демократов. “Социалистический вестник” объявил сбор средств на сооружение памятника.

19 апреля 1929 г. был открыт Братский памятник членам РСДРП, воздвигнутый в Берлине на кладбище при крематории Веддинг на Герихтштрассе. Там были замурованы урны с прахом П. Б.Аксельрода, Ю. О. Мартова, С. Л. Вайнштейна, А. И. Кабцана и Л. Я. Эткина.

В 1948 г. “Социалистический вестник” опубликовал сообщение “Памяти наших учителей”, в котором говорилось, что Братский памятник, бывший в сохранности к началу Второй мировой войны, бесследно исчез. “Кто-то” потрудился убрать памятник русским социал-демократам, – говорилось в заметке, – развеять прах их по ветру. Были ли это джентльмены из гитлеровского Гестапо или их доблестные коллеги из НКВД или МГБ, нам не удалось установить. Известно только, что на кладбище этом никаких повреждений от бомбардировок нет и вокруг того места, где памятник рань-

ше стоял, все в целостности и сохранности. Только нашего памятника нет”¹³.

Предпринятый автором поиск исчезнувшего Братского памятника в Берлине пока не дал результатов. На месте памятника оказалась небольшая лужайка, которую можно увидеть на фотографии в настоящей книге. Однако поиск продолжается. В нем теперь принимают участие доктор Мартин Хоффман и директор крематория Веддинг Гуннар Мелц.

Жизнь Мартова неотделима от истории социал-демократии, меньшевизма и европейского социалистического движения. Сторонники Мартова за рубежом продолжали активно участвовать в социалистическом движении, в СССР их судьба сложилась трагично. Приход большевиков к власти predetermined судьбу и других политических партий. М.П. Томский в 1927 г. напомнил об отношении ВКП(б) к конкурировавшим с ней политическим партиям: “... В обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все другие в тюрьме”¹⁴. На практике дело тюрьмой не ограничилось. Не только либеральные, но и социалистические партии, были ликвидированы, а большинство их членов физически уничтожены¹⁵.

Авторы книги “Власть и оппозиция”, анализируя российский политический процесс XX столетия, пришли к выводу о повторяемости истории России, где круг всегда замыкается. Это проявляется в тенденции к установлению авторитарной формы правления в постсоветское время, торможении демократических преобразований в обществе¹⁶. Можно лишь сожалеть о том, что новое поколение демократов не часто обращается к опыту тех, кто отдал все свои силы, знания, талант борьбе за демократическую Россию. Среди них на одном из первых мест творческое наследие и деятельность Юлия Осиповича Мартова, революционера, политика и историка социал-демократического и рабочего движения в России.

Как бы ни оценивали ныне Ю.О. Мартова, одно очевидно: без него невозможно представить марксистскую мысль

XX века, историю социал-демократии в России. Идеалы справедливости, мира, братства, демократии и социализма, служению которым Мартов посвятил свою жизнь, всю без остатка, будут всегда волновать и вдохновлять человечество. Мартов надолго опередил свою эпоху и продолжает оставаться человеком грядущих перемен.

¹ Социалистич. вестн. 1923. № 8-9. С. 2.

² Там же. Экстренный выпуск. 1923.10 апр. С.2.

³ Мартов и его близкие. С.101-102. Г.Я. Аронсон (1887-1967) так вспоминал в 1959 году свое поколение: “Я был только спицей в колеснице крупных исторических событий, но во мне живо сознание принадлежности к поколению, которое строило социал-демократию в России, участвовало в рабочем движении и связывало с демократической революцией все свои мечты и все свои надежды, разбитые беспощадно большевистской диктатурой” (Аронсон Г. К истории правого течения среди меньшевиков // Меньшевики после Октябрьской революции. Venson, 1990. С.284-285).

⁴ В 1996 г. в Москве увидели свет два историографических исследования: “Исторические исследования в России. Тенденции последних лет” и “Советская историография”. В них нет очерка об изучении социал-демократического движения в России, а имя Мартова называется в первой книге лишь в связи с критикой монографии Д. Волкогонова “Троцкий. Политический портрет” (С. 102-103) и в связи с противопоставлением в современной публицистике Мартова Ленину. Во второй книге А. П. Логунов весьма некорректно сравнивает Бухарина и Мартова, когда пишет: “Можно противопоставлять Н.Бухарина И.Сталину, а Ю. Мартова В. Ленину, пока закрытым остается доступ к их наследию. Но, как только стали широко публиковаться бухаринские работы, как и работы других “оппонентов” Сталина, мифы о бухаринской альтернативе рассеялись как дым” (С.454). К сожалению, работы Мартова до сих пор не публикуются. Но если бы это случилось, вряд ли бы читатели разочаровались в них так же, как в произведениях Бухарина. Они несравнимы – Мартов и Бухарин. Первый был лидером целого направления в российской социал-демократии, второй – апологетом большевизма, одним из ленинско – сталинского окружении. Новые документы о Мартове и знакомство с его трудами лишь увеличивают значение его альтернативного Ленину прогнозирования будущего устройства российского общества.

⁵ См. Галили З., Ненароков А. Кризис коалиционной политики и усиление центробежных тенденций в меньшевистской партии. // Меньшевики в 1917 году. М., 1995. Т.2. С.17-72; Ненароков А. Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти. // Меньшевики в 1917 году. М., 1996. Т.3. С.13-70; Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996; и др.

⁶ Об этом см.: Логунов А.П. Революция 1905-1907 годов и российская социал-демократия. Ростов на Дону, 1992; Тютюкин С.В. Первая

российская революция в отечественной историографии 90-х годов // Отечественная история. 1996. № 4. С.80-81. Р.Сервис (Великобритания), выступая в октябре 1995 г. на конференции в Москве, утверждал, что в среде радикальных и умеренных социалистических партий в 1905 г. отсутствовал лидер, способный стать “выше хаотичности, присущей меньшевикам, и выше идей авторитарности, свойственных большевикам”. (Отечественная история. 1996. №4. С.213). Думается, что нельзя принимать демократические решения меньшевиков за “хаос”, а другой лидер, способный объединить необъединяемое, тогда и не мог появиться.

⁷ Социалистич. вестн. 1923. № 8-9. С.3.

⁸ Р. Абрамович так рассказывал о последнем свидании с Мартовым, когда он вместе с П.Л.Лапинским навестили его в санатории. Это было 2 апреля 1923 г. Они говорили о партийных делах. Затем Мартов, отказавшись от носилок, преодолевая боль и слабость, пошел в рентгеновский кабинет. “Мне никогда не забыть”- вспоминал Абрамович, – той щемящей боли, которая пронзала сердце, когда я увидел эти до ужаса исхудалые руки, которыми он держался за служителя, а также тонкие-тонкие ноги с дрожащими коленями, которые, повинувшись усилую гигантской воли, несли большое тело, хрипящую грудь и большую, все еще гордую откинутую назад голову. И стоя, мы с ним попрощались, расцеловавшись в последний раз. И лишь по выходе из подъемной машины, в дверях рентгеновского кабинета, я еще раз увидел его неровные плечи и столь дорогой, столь близкий профиль с орлиным носом и полузакрытыми, но все еще горящими через стекла глазами.” Абрамович уехал, но на утро получил телеграмму Ф.И.Дана: “Мартов скончался этой ночью от слабости сердца”. (Абрамович Р. Последнее свидание // Социалистич. вестн. 1928. № 8-9. С. 5.

⁹ Социалистич. вестн. 1923. № 8-9. С.4.

¹⁰ Там же. С.6.

¹¹ Там же. С.13.

¹² Социалистич. вестн. 1923. 10 апр. С.5.

¹³ Социалистич. вестн. 1948. № 4-5. С. 75.

¹⁴ Цит. по: Отечественная история. 1996. № 4. С. 208.

¹⁵ Б.И. Николаевский в некрологе о сестре Мартова Л.О. Дан, скончавшейся в Нью-Йорке 28 марта 1963 г., писал, как она после войны просила Леона Блюма выяснить судьбу ее родственников в России и как Л.П.Берия сообщил о прекращении существования рода Цедербаумов. “Эти вести если не сломили, то во всяком случае тяжело придавили Лидию Осиповну, – писал Николаевский. – Всегда неумолимая и бодрая, последние годы она жила, как бесконечно ус-

ПРИМЕЧАНИЯ

тавший человек” (Социалистич. вестн. 1963. № 3-4. С. 59-60, 154). См. также: Попова Т.Ю. (Цедербаум). Судьба родных Л.Мартова в России после 1917 года. М., 1996.

¹⁶ Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995. С.347.

Л.Мартов
Долой смертную казнь!
М., 1918. 13 с.

Долой смертную казнь! С этими словами вы много раз, товарищи рабочие, выходили на улицы во время господства проклятого царизма. Эти слова писали вы на славных красных знаменах. Эти слова раздались в великие февральские дни 1917 года, когда рухнули твердыни векового гнета и впервые правительство революции провозгласило: смертная казнь отменена.

Когда в июле прошлого года была сделана попытка восстановить смертную казнь для худших преступников против народа – для дезертирующих с поля битвы; для мародеров и шпионов иностранных правительств, вы протестовали против этого восстановления смертной казни. Не из сочувствия к дезертирам и мародерам делали вы это, но потому что сознавали всю опасность, которую несет народу возрождение похороненной смертной казни хотя бы для худших и несомненных преступников.

И когда вы протестовали год назад против восстановления смертной казни во главе вас встали те самые люди, которые ныне правят Россией. Большевицкая партия в те дни обращалась к вам с призывом не допускать восстановления смертной казни даже для шпионов, даже для изменников, дезертиров и мародеров. Она, эта партия, говорила тогда вам, что смертная казнь, при всех условиях, за что бы она ни назначалась, есть дикое варварство, которое позорит человечество; она, эта большевицкая партия, говорила вам, что социалисты отвергают смертную казнь, отвергают хладнокровное убийство безоружных, обезвреженных преступников, отвергают превращение граждан в палачей, совершающих по приказу суда гнусное дело лишения человека, хотя бы преступного человека, высшего дара – жизни.

Она, эта большевистская партия, говорила тогда: пусть христианская церковь, проповедующая религию любви к ближнему, лицемерно оправдывает, когда ей это выгодно, убийство человека государственной властью, государственным судом. Социализм никогда не дойдет до этого лицемерия, никогда не освятит своей религии, религией братства трудящихся, людоедского принципа смертной казни.

Так говорили они, нынешние правители России. И став у власти в октябре, на тогдашнем Втором съезде Советов они постановили: **смертная казнь отменяется, даже на фронте!** Таковы были слова их, которым вы рукоплескали, товарищи рабочие, которыми они покупали вашу любовь, ваше доверие. В них видели вы смелых борцов- революционеров, готовых умирать за свои идеи, готовых в открытом бою за эти идеи убивать врагов, но не способных быть палачами, убивающими после комедии суда уже обезвреженных, уже побежденных, обезоруженных и беззащитных противников. Таковы были слова их, товарищи. Теперь вы видите их дела.

Как только стали они у власти, с первого же дня, объявив об отмене смертной казни, они начали убивать. Убивать пленников, захваченных после боя в гражданской войне, — как это делают все дикари. Убивать врагов, которые после боя сдались на слово, на обещание, что им будет дарована жизнь. Так было сделано в Москве в октябрьские дни, когда большевик Смидович подписал обещание даровать жизнь сдающимся юнкерам, а потом допустил, что сдавшиеся были перебиты по одиночке. Так было в Могилеве, где Крыленко не охранил сдавшегося ему генерала Духонина, растерзанного на его глазах убийцами, которых преступление осталось безнаказанным. Так было в Киеве, в Ростове, во многих других городах при взятии их большевистскими войсками. Так было в Севастополе, Симферополе, Ялте, Евпатории, Феодосии, где шайки негодяев истребляли по спискам мнимых контрреволюционеров без всякого следствия и суда, убивая и женщин, и малолетних детей.

Вслед за этими самосудами и расправами, организован-

ными по подстрекательству или по попустительству большевиков, начались убийства по прямому приказу органов большевистской власти. Смертная казнь объявлялась отмененной, но в каждом городе, в каждом уезде, разные “чрезвычайные комиссии” и “военно-революционные комитеты” приказывали расстреливать сотни и сотни людей. Одних – как контрреволюционеров, других, как спекулянтов, третьих – как грабителей. Никакой суд не устанавливает подлинной вины казненных, никто не может знать подлинно ли убитый был виновен в заговоре, спекуляции, либо грабительстве, или кто-нибудь распорядился убить его, чтобы свести с ним свои личные счета, удовлетворить личную месть. Сколько невинных убито таким образом по всей России! С молчаливого одобрения Совета Народных Комиссаров, люди, неизвестные народу, сидящие в чрезвычайных комиссиях, – люди, среди которых время от времени, обнаруживаются преступники, взяточники, скрывающиеся уголовные и бывшие царские провокаторы, – отдают приказания о расстрелах и часто, – как это было в деле шести расстрелянных в Петрограде студентов, – нельзя даже доискаться до того, кто же именно отдал приказ об убийстве?

Человеческая жизнь стала дешева. Дешевле бумаги, на которой палач пишет приказ об ее уничтожении. Дешевле повышенного хлебного пайка, за который наемный убийца готов отправить человека на тот свет по распоряжению первого, захватившего власть, негодяя. Этот кровавый разврат совершается именем социализма, именем того учения, которое провозгласило братство людей в труде высшей целью человечества. Твоим именем совершается этот разврат, российский пролетарий!

Истребив десятки тысяч людей без суда, большевики приступили теперь к смертным казням по суду. Они образовали новый верховный революционный трибунал для суда над врагами Советской власти. И в первом же заседании нового трибунала вынесен смертный приговор, исполненный через 10 часов. Утверждая этот трибунал, большевики не заявляли, что он будет вправе выносить смертные приговоры

– вопреки постановлению съезда советов, отменившему смертную казнь. Они скрыли от народа свой гнусный план – создать свой **военно-полевой суд**, который подобно столыпинскому, должен отправлять на тот свет неугодных большевистской партии людей. Воровским манером, контрабандой, они ввели отмененную 2-м съездом Советов смертную казнь по суду.

Чувствуя, что расстрелы по приказу чрезвычайных комиссий и самосуды вызывают к себе ненависть всего народа, они решили совершать казни после комедии суда, который, якобы, разбирает виновность подсудимого прежде, чем казнить его. Но это комедия, товарищи! Таких судов не бывает. Посмотрите, как судили капитана Щастного. Его обвиняли, что он готовил заговор против Советской власти. Капитан Щастный отрицал свою виновность. Он просил допросить свидетелей, – в том числе тех комиссаров-большевиков, которые должны были следить за ним. Кому лучше было знать, точно ли он интриговал против Советской власти? Трибунал отказал ему в вызове свидетелей. Отказал в том праве, которое всякий суд, кроме столыпинского военно-полевого суда, дает самому тяжкому преступнику. А дело шло о жизни и смерти человека. О жизни и смерти человека, который заслужил доверие и любовь своих подчиненных матросов Балтийского флота, протестовавших против его ареста. Человека, который оказал народу большую услугу, совершил тяжкий подвиг – вывел из Гельсингфорса и спас от финляндских белогвардейцев все суда Балтийского флота. Не финляндские белогвардейцы, не немецкие империалисты расстреляли из злобы такого человека: его казнили русские социалисты, или называющие себя таковыми; гг.Медведев, Бруно, Карелин, Веселовский, Петерсон – судьи Верховного Революционного Трибунала.

Щастному отказали в праве, которым пользуется всякий вор и убийца, – вызвать на суд свидетелей. Ни одного из его свидетелей не допустили. Зато выслушали свидетеля от обвинения. И этим свидетелем был Троцкий. Тот самый Троцкий, который арестовал Щастного, как комиссар по во-

енно-морским делам. Тот самый Троцкий, который как член Совета Народных Комиссаров, предписал судить Щастного этим именно судом Верховного Трибунала, созданным для вынесения смертных приговоров. И на суде Троцкий выступал не как свидетель, а как обвинитель. Как обвинитель он утверждал: этот человек виновен, осудите его! – после того, как заткнул этому человеку рот, запретив ему вызвать свидетелей, могущих опровергнуть его обвинения.

Не много храбрости нужно, чтобы так бороться со своим врагом, – предварительно связав ему руки и заткнув рот. И не много честности и благородства. Нет, это не суд, это – комедия суда. Не суд, когда приговор выносится судьями-чиновниками, зависимыми от власти. А в Верховном Революционном Трибунале нет присяжных из народа, есть только чиновники, получающие жалованье из казны, которая находится в руках Троцкого и других народных комиссаров. Не суд, когда обвиняемому не позволяют вызвать свидетелей в свою защиту. Не суд, когда под маской свидетеля является представитель высшей власти и приказывает, как член правительства, судьям: распните его! И этот не суд вынес смертный приговор, который поспешно приведен был в исполнение, прежде, чем люди, возмущенные и потрясенные этим приказом об убийстве, могли предпринять что-нибудь, чтобы спасти жертву.

При Николае Романове иногда удавалось, указав на чудовищную жестокость приговора, остановить его исполнение и вырвать жертву из рук палача. При Владимире Ульянове невозможно и это. Мужчины и женщины, стоящие во главе большевистской партии, спали спокойным сном, когда где-то в тиши ночной тайком убивали первого осужденного их судом. Никто не знал, кто убивал и как убивал. Как при царях, имена палачей скрываются от народа. Никто не знает пришел ли Троцкий, проделавший с начала до конца всю комедию правосудия, лично наблюдать за казнью и распоряжаться ею? А может быть, он тоже спокойно спал и видел во сне всемирный пролетариат, чествующий его, как освободителя человечества, как вождя всемирной социалистической

революции? Ибо во имя социализма, во имя твое, пролетариат, слепые безумцы и тщеславные глупцы проделали кровавую комедию хладнокровного человекоубийства!

Зверь лизнул горячей человеческой крови. Машина человекоубийства пущена в ход. Господа Медведев, Бруно, Петерсон, Веселовский, Карелин засучили рукава и приступили к работе мясников. Первый пример подан, и теперь Верховный Революционный Трибунал будет отправлять на тот свет всех, кого большевистская партия пожелает лишить жизни – будет превращать столько людей в трупы, сколько могут успеть умеренные и аккуратные чиновники в течение своего восьмичасового рабочего дня.

Начато с офицера, которого темным массам можно представить как врага народа, как контрреволюционера. Дальше пойдет очередь за всеми, открывающими народу глаза на преступность и гибельность установленного большевиками порядка. Уже теперь сотни рабочих и крестьян, сотни полезных общественных работников, множество социал-демократов и социалистов-революционеров томятся в большевистских тюрьмах и застенках. За слово критики, за слово протеста, за открытое выражение своих убеждений, за защиту интересов рабочего класса и крестьян, заключены под стражу эти люди. Подчас, в порядке дикого самосуда, их уже убивали без всякого повода. Теперь каждый из них может через зал Верховного Трибунала последовать на тот свет.

Для расправы со всеми противниками большевистской партии, для истребления социалистов и непокорных рабочих и крестьян, введен столыпинский военно-полевой суд, введена смертная казнь. Но кровь родит кровь. Политический террор, введенный с октября большевиками, насытил кровавыми испарениями воздух русских полей. Гражданская война все более ожесточается, все более дичают в ней и звереют люди, все более забываются великие заветы истинной человечности, которым всегда учил социализм. Там, где власть большевиков свергают народные массы или вооруженные силы, к большевикам начинают применять тот же

террор, какой они применяют к своим врагам. Дутовцы, семеновцы, алексеевцы, украинские гайдамаки, войска Скоропадского и Краснова, отряды Дроздовского вешают и расстреливают. Крестьяне и мещане, изгнавшие местные большевистские Советы, совершают над их членами величайшие жестокости.

Растет взаимное озверение – и вся тяжесть ответственности за него падает на партию, которая именем социализма кощунственно освятила хладнокровное убийство безоружных пленников, которая лицемерно протестует против белогвардейских расстрелов в Финляндии в то время, как кровью расстрелянных обагрывает русскую землю.

Уже ожесточение гражданской войны сказывается в убийствах из-за угла. Убит большевистский комиссар Володарский, несчастная жертва взаимной ненависти, которую сеет правительственный террор. А через два дня убит красноармейцем в том же Петрограде старый рабочий, социал-демократ Васильев, многие годы честно служивший рабочему делу, убит может быть человеком, озлобленным за убийство Володарского и вымещающим на первом попавшемся противнике.

Социал-демократическая рабочая партия всегда восставала против политических убийств, совершены ли они палачом или добровольцем-мстителем. Она восставала против них даже тогда, когда революционеры убивали опричников царизма. Она учила рабочий класс, что не такими убийствами хотя бы худших врагов народа улучшит он свою долю, а коренным изменением всего политического строя, всех условий, порождающих гнет и насильничество. И теперь она предостерегает рабочих и крестьян, доведенных до отчаяния насилием большевистской власти: не мстите расправой над отдельными комиссарами и отдельными большевиками, не идите на путь убийств, не отнимайте жизни у ваших врагов, довольствуйтесь тем, чтобы отнять у них власть, которую вы сами им дали! Мы, социал-демократы, против всякого террора – террора снизу и террора сверху. А потому мы и против смертной казни – этого крайнего средства террора,

то есть устрашения, к которому прибегают все правители, лишённые доверия народа. Борьба против смертной казни была написана на знамени всех борцов за свободу и счастье русского народа, всех борцов за социализм.

Многострадальная история русского народа освятила виселицу и эшафот, окружила их ореолом мученичества. Лучшие люди России прошли по ступенькам эшафотов, стояли под дулами ружей карательного отряда. Лев Толстой, Короленко, Максим Горький, ряд художников заклеил бездушное дело убийства, связанного и безоружного человека именем закона. И теперь нашлась партия, именующая себя революционной, рабочей и социалистической, которая посягнула на эту святую ненависть русского народа к смертной казни! Которая дерзнула приобщить снова палача к сонму высших носителей государственной власти! Которая от царизма заимствовала кровавую религию человекоубийства по суду – во имя интересов государства!

Позор революционерам, которые своими казнями оправдывают казни, совершенные Николаем и его министрами, и проклятые рядом поколений русского народа! Позор людям, которые своими скорострельными судами снимают позорное пятно с подлых, ненавистных народу, военно-полевых судов Столыпина! Позор партии, которая званием социалиста пытается освятить гнусное ремесло палача!

В 1910 году на международном социалистическом съезде в Копенгагене было принято решение бороться во всех странах против варварства смертной казни. Международный социализм признал, что социалисты никогда, ни при каких условиях не могут мириться с хладнокровным убийством безоружных людей по приказу государства, именуемым смертной казнью. Под этим решением, товарищи, подписались все нынешние вожди большевистской партии: Ленин, Зиновьев, Троцкий, Каменев, Радек, Раковский, Луначарский. Их я видел там, в Копенгагене, поднимающими руки за резолюцию, объявляющую войну смертной казни. Я видел их затем в Петрограде в июле прошлого года протестующими против того, чтобы даже во время войны, даже к из-

менникам применялась смертная казнь. Я вижу их теперь, применяющими смертную казнь направо и налево, против буржуазии и рабочих, против крестьян и офицеров, вижу их требующими от своих подчиненных, чтобы они не считали жертв, чтобы они подвергали смертной казни возможно больше противников большевистской власти. Я вижу, как они контрабандой, воровским манером создают особый суд для вынесения смертных приговоров – машинку для человекоубийства.

И я говорю им, этим судьям большевизма: вы – злостные обманщики и клятвопреступники. Вы обманули рабочий Интернационал, подписывая вместе с ним обязательство требовать повсюду отмены смертной казни и вводя смертную казнь, когда в ваши руки попала власть. Вы обманываете рабочих России, когда вводите смертную казнь, скрывая от них, что смертная казнь осуждена рабочим Интернационалом, как дикое варварство и подлое зверство, выращенное буржуазным строем. Вы обманываете несчастных латышей и красноармейцев, когда посылаете их убивать связанных людей, утаивая от них, что Рабочий Интернационал именем которого вы правите запретил делать это гнусное дело. Вы, Раковский и Радек, обманули западноевропейских рабочих, говоря им, что едете в Россию бороться за дело социализма, которое есть дело высшей человечности. Вы обманули западноевропейских рабочих, говоря им, что несете в отсталую Россию светоч европейского социализма. На деле вы приехали к нам для того, чтобы купаться в нашей азиатской кровавой грязи, чтобы возвращать наше старинное, царями воспитанное варварство, чтобы курить фимиам перед старо-русским алтарем человекоубийства, чтобы довести до неслыханных даже в нашей дикой стране размеров презрение к чужой человеческой жизни, чтобы организовать всероссийское палачество!

Вы, А.В.Луначарский, вы любящий приходить к рабочим и рисовать перед ними в звонких фразах величие социалистического идеала и всечеловечность социалистического учения. Вы, закатывающий глаза к небу и воспевающий

братство людей в социалистическом строе; вы, клеймящий лицемерие христианской религии, освятившей человекоубийство, и проповедующий новую религию пролетарского социализма, – вы трижды лжец, трижды фарисей, когда отдохнув от опьянения пошлой фразой, соучаствуете с Лениным и Троцким в организации убийств по суду и без суда! Все вы, подписавшие с Интернационалом договор о борьбе против смертной казни; все вы, пробившие себе дорогу к власти обещанием рабочему классу отменить окончательно смертную казнь, – все вы – злостные банкроты, достойные одного лишь презрения!

Не могу молчать! – воскликнул великий старец Лев Толстой при вестях об ежедневных казнях по приговорам столыпинских судов. Рабочие России! И вам **не велел молчать Лев Николаевич** в эту минуту, когда палач снова стал центральной фигурой русской жизни! Вам не велел молчать и Карл Маркс, чью память вы чествовали недавно. Непримирым врагом всего варварства, завещанного нам прошлыми веками, был великий учитель социализма, и надругательством над его памятью является совершаемая во имя социализма, во имя пролетариата, кровавая работа палача. Нельзя молчать!

Какой мерой мерите, тою же возмерится вам. Завтра, когда безумие большевизма истощит силы демократии и придет ему на смену контрреволюция, для которой он работает, завтра же в России могут начаться те же ужасы, которые теперь происходят в Финляндии, где всех рабочих, всех социалистов травят, как диких зверей. И горе, если тогда, протестуя против насилия над рабочими, требуя ограждения жизни и чести рабочего от насильников, мы услышим от буржуазии: при большевиках вы, рабочие, одобряли такие же насилия, такие же казни! Вы молчали о них! Но и ждать этой минуты не приходится. Уже сейчас контрреволюция под охраной германских штыков царит на Дону и в Крыму, на Украине и в прибалтийских губерниях. И на каждый залп большевистских винтовок, пристреливающих здесь политических противников Советской власти, отвеча-

ет там десятикратное эхо других винтовок, расстреливающих местных революционных рабочих и крестьян. И местные контрреволюционеры и германские коменданты на протест рабочего класса отвечают: **мы действуем по-большевицки.**

Казнью какого-нибудь одного капитана Щастного большевики способствуют убийству десятков рабочих и крестьян на юге и западе России. Ибо кровь родит кровь. Остановись! Должен крикнуть рабочий класс этому кровавому потоку. Пусть дружно и громко рабочий класс заявит всему миру, что с этим террором, с варварством смертной казни по суду, с людоедством казни без суда, не имеет ничего общего пролетариат России.

Вашим правителям, давно уже лишившимся вашего доверия и опирающимся на голое насилие, скажите, что они – клятвопреступники, поправшие свои торжественные обещания, что рабочий класс отшвыривает от себя, как отверженных, всех причастных к делу смертной казни, всех палачей, помощников палачей и вдохновителей их. Рабочим, которые еще состоят в большевистской коммунистической партии, – партии, убивающей по суду и без суда, – скажите, что им не место в пролетарской среде, потому что на всех них падает ответственность за проливаемую палачами кровь. Скажите им это и докажите им, прекратив всякое товарищеское общение с ними, как с зачумленными, с отверженными, – как это всегда делали по отношению к погромщикам – членам союза русского народа.

Партия смертных казней – такой же враг рабочего класса, как и партия погромов! Пусть видят все темные, ослепленные, развращенные и подкупленные сыны рабочего класса, что пролетарская семья никогда не простит им соучастия в деле палачества! Пусть все, еще не потерявшие облик социалистический, поспешат отшатнуться от Медведевых и Стучек, от Крыленок и Троцких, Дзержинских и Свердловых, от всех заведующих человекоубийством оптом и в розницу!

Нельзя молчать! Во имя чести рабочего класса, во имя

ДОЛОЙ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ

чести социализма и революции, во имя долга перед родной страной, во имя долга перед рабочим Интернационалом, во имя заветов человечности, во имя ненависти к виселицам самодержавия, во имя любви к теням замученных борцов за свободу, – пусть по всей России прокатится могучий клич рабочего класса: Долой смертную казнь! На суд народа палачей – людоедов!

То не зверь голодный завывает,
Дико разыгралася пурга.
В вихре бури ухо уловляет
Хохот торжествующий врага.

Смело, братья, смело,
Мы над бурей злой,
Песней посмеемся
Удалой!

Изнуряют нас годы лишений,
Стоит ли до старости нам жить,
Чтоб у новых поколений
Чудом ископаемым прослыть?

Инвалидам лысым
Надлежит почет
К лысине отменно
Лавр идет!

Там, в России, люди очень пылки.
Всем к лицу геройский наш наряд,
Но со многих муки здешней ссылки
Быстро позолоту соскоблят.

И, гладкий, плетется
Доблестный герой
В виде мокрой курицы
Домой.

То не зверь голодный завывает,
Дико разыгралася пурга.
В вихре бури ухо уловляет
Хохот торжествующий врага.

Послесловие

Российский марксизм представляет собой громадное, всемирно-исторического масштаба явление, насчитывающее уже более чем 100 – летнюю историю. По воздействию на отечественную и всемирную историю в XX веке он не знает аналогов. И сейчас никто не может сказать, что переживаемый глобальный кризис марксизма, начавшись с русского, советского и не исчерпанный до сих пор означает конец его истории. Пигмеи нашего и зарубежного либерализма могут сколько угодно торжествовать свою победу над марксизмом (Чему радоваться? Решающих сражений не было и ни одной идейно-теоретической победы не одержано). И если марксизм потерпел неудачу, не сумев реализовать свои концептуальные (главным образом, ленинские) идеи, то на это есть свои объективные и субъективные причины. Частично, применительно к России они рассмотрены в книге И.Х.Урилова.

Большие идеи периодически приходят в этот мир, когда появляется в них острая потребность и, главное, жизнеспособный класс, берущий их на вооружение в борьбе за обновление всей общественной и политической жизни данной страны. Так было и в России в конце XIX в. Современники единодушно отмечают, что в конце XIX в. (точнее, в начале 80-х годов) Россия пережила целую полосу повального увлечения передовой интеллигенции марксизмом. Завезенные из-за рубежа книги штудировали в кружках, захлеб зачитывались дома, изучали на студенческих сходках, приобщали к марксистским идеям передовых рабочих. К.Каутский позднее удивлялся, что марксизм получил такое широкое распространение среди рабочих России, в культурном и образовательном отношении слабее подготовленных к нему, чем рабочие Запада. Особенно тянулись к марксизму интеллигенты – представители угнетенных царизмом народностей России (евреи, грузины, армяне, прибалты и др.), увидевшие его интернационалистическое содержание и стихийно угадавшие в нем средст-

---

во для реализации своих демократических и освободительных устремлений.

В связи с бурным распространением марксизма дело шло к формированию партий. Как бы ни переписывалась наша история, но из нее нельзя выбросить первых марксистов – деятелей “Группы освобождения труда”, заложивших основы марксизма в России. Крупную, хотя и кратковременную роль сыграли так называемые легальные марксисты. Среди них П.Б.Струве стал даже автором манифеста I съезда РСДРП. Но, как обычно бывает в истории, не все начинатели того или иного движения устояли в первых рядах, многие сошли со сцены, другие сменили вехи.

Монография И.Х.Урилова невольно ставит, казалось бы давно решенный вопрос – кому же принадлежит заслуга создания Российской социал-демократической рабочей партии, сумевшей получить массовую народную поддержку и совершить за какие-нибудь 12-15 лет три революции. Официально был высок авторитет Г.В.Плеханова – пионера марксизма в России, одного из создателей РСДРП, крупного теоретика и философа марксизма. Но после раскола РСДРП в 1903 г. Плеханов перестал играть роль главного теоретика партии.

Не подлежит сомнению роль Ленина, создавшего из горстки социал-демократов – большевиков партию рабочих и интеллигентов, представлявшую партию пролетарских революционеров XX в., готовых к любым революционным потрясениям. С 1901-1905 гг. и до последних дней жизни он был общепризнанным вождем большевизма и теоретиком партии. В свое время в советской историографии Ленина часто называли историком, хотя сам он, как известно, и не претендовал на это. Сложнее обстояло дело с Ю.О.Мартовым как вождем и крупным теоретиком меньшевистской партии (или до 1917 г. фракции РСДРП). Представленная читателю фундаментальная книга И.Х.Урилова о Ю.О.Мартове существенно поможет разобраться в этом вопросе и восполнить пробел о Мартове как создателе меньшевистской фракции, а затем партии, вожде, теорети-

ке и историке меньшевизма. С Мартовым связано зарождение меньшевистской разновидности марксизма.

Предлагаемая читателю книга о Ю.О.Мартове – первая в нашей отечественной исторической литературе. Почему так получилось, автор объясняет сам и довольно убедительно.

Без Мартова нельзя себе представить возникновение на II съезде РСДРП меньшевистской фракции, сформировавшейся в дальнейшем в партию меньшевиков (хотя, как показывает автор, раскола, особенно среди искровцев, не хотели и боялись все, более того пытались его избежать). Здесь уместно заметить, что довольно быстро, с 1905-1907 гг. организационный раскол между меньшевиками и большевиками перерос в теоретический, идеологический и даже историко-философский, отразив противоположное понимание и лидерами и членами партий особенностей российской действительности и особенных задач русской революции и ее движущих сил.

Автор местами пытается снять вину с Мартова за раскол РСДРП. И во многом он прав, даже когда идеализирует Мартова. Все противники признавали высокие нравственные качества Мартова – редкие в условиях острейшей внутрипартийной борьбы. При этом эти качества И.Х.Урилов, как правило, противопоставляет методам борьбы Ленина и Троцкого.

Исторический опыт показывает, что нравственность, моральная чистота, честность и т.п. – великая сила в руках политических деятелей. Но и большая редкость! Если в обычной жизни сплошь и рядом приходится иметь дело с насилием, принуждением (не всегда обоснованным), то в революционные эпохи особенно остро встает вопрос о мере жестокости, обоснованности выбора субъекта насилия, масштабах принуждения и оправданности его жертв. Большевики, как известно, ограничителей в этих вопросах перед собой вообще не ставили. Правые меньшевики (И.Церетели, Ф.Дан) подходили к проблемам насилия прагматически в отличии от Мартова, для которого применение на-

силія в ходе революции всегда было трагедией, хотя порой и неизбежной.

Вернемся, однако, к роли Мартова в расколе на II съезде РСДРП. Бесспорно, без его активного участия, какими бы мотивами он ни руководствовался, нельзя себе представить возникновение меньшевистской фракции, а затем и партии меньшевиков. С 1903 г. Ю.О.Мартов – вождь меньшевиков, хотя в этой роли он существенно отличался от Ленина. Итак, марксистское движение в России уже в начале XX в. выдвинуло выдающихся вождей социал-демократий – Ленина, Плеханова, Мартова, выступивших с альтернативным пониманием задач революции и методов их решения.

Книга И.Х.Урилова содержит богатый документальный материал о деятельности РСДРП и ее вождей в идейно-политической области. Богатая и разносторонняя источниковая база книги – одно из несомненных ее достоинств. К слову сказать, сплошь и рядом введенный автором в научный оборот материал о деятельности Мартова и меньшевиков позволяет полнее раскрыть и различные стороны взаимодействия, а нередко сотрудничества двух фракций, двух партий. Так, автор уделил внимание сближению петербургской и московской организаций в декабрьские дни 1905 г., а затем летом 1910 г. На наш взгляд, этот сюжет, показывающий силу давления партийных масс снизу, мог раскрыться полнее. Беда Коммунистической партии, когда она стала господствующей, особенно при Сталине, состоит, между прочим, в том, что большинство ее членов превратилось в статистов. В этом одна из причин краха коммунистической идеи в 80-е годы в нашей стране.

И.Х.Урилов уделил немалое внимание деятельности Мартова как теоретика марксизма, рассмотрев ее в контексте меньшевистских взглядов на революционный процесс в России в первой четверти XX в. (1905-1922 гг.). Он, во-первых, показывает практически общность взглядов всех течений меньшевизма на русскую революцию 1905 г. и двух революций 1917 г. Во-вторых, подчеркивает принципиальное не-

совпадение взглядов меньшевиков и большевиков на русский революционный процесс исследуемого периода. Как ни крути, но меньшевики загляделись на Запад, на историю и опыт буржуазно-демократических революций, и не сумели учесть в полной мере особенности русских революций. На мой взгляд, И.Х.Урилов мог бы более полно показать собственный вклад в марксистскую теорию Мартова в связи с разработкой проблем русского марксизма и русской революции. Это тем более досадно, что Мартов был достаточно самостоятельным мыслителем. В-третьих, большевики точнее меньшевиков оценили особенности и задачи предстоящих русских революций, но не захотели прислушаться к главному выводу меньшевиков о материально-технической и организационно-культурной неподготовленности России и ее масс к социализму. В конечном счете, несмотря на бесспорные заслуги большевиков по чистке страны от остатков феодализма, по превращению ее, правда ценой громадных жертв, в современную индустриальную страну, за коренную теоретическую ошибку, увиденную меньшевиками еще 80 лет назад, пришлось дорого расплачиваться. Меньшевики во главе с Мартовым тогда еще только разрабатывали альтернативы в виде демократического социализма, а большевики дальше казарменного “социализма” не сумели пойти.

Судя по всему, России предстоит выбор нового пути развития. Думается, что богатейший опыт нашего народа, его социалистических партий не прошел даром, и Россия познает плоды, свободы, демократического социализма, который уже стучится в дверь цивилизованных стран в конце XX в.

Богатейшая по содержанию книга И.Х.Урилова вызовет немало размышлений, споров, новых творческих поисков и, надеюсь, даст новый импульс к объективному исследованию русской демократической, социалистической мысли и дела.

Академик П.В.ВОЛОБУЕВ

Указатель имен

- Абрамович (Рейн) Р.А. – 9, 45, 92, 94, 97, 121, 129, 282, 328, 336, 367, 372-373, 375-376, 379, 381, 383-384, 385, 398, 399, 401, 406, 410, 412, 419, 426, 429-430, 442
Авилов Б.В. – 274
Авксентьев Н.Д. – 249, 269, 281
Авторханов А.Г. – 106, 129, 131
Агафонов В.К. – 222
Адлер В. – 199
Адлер М. – 368, 423
Адлер Ф. – 199-200, 231, 372
Адоратский В.В. – 42, 46, 122, 223, 410-411
Акаси М. – 212
Акимов (Махновец) В.П. – 114
Аксельрод (Ортодокс) Л.И. – 41, 44, 54, 121, 212
Аксельрод П.Б. – 13, 23, 37, 41, 44-45, 54, 60, 66, 96, 103, 105, 114, 116, 123, 139, 149-150, 153, 155, 157, 161, 164-165, 169, 173-174, 183-184, 186-189, 191-193, 195, 197, 205-206, 210-211, 216, 218, 221-225, 227, 232, 265, 287, 285-292, 315-319, 321, 327, 337, 345, 348, 372-373, 378-379, 382-385, 387-389, 392-393, 398, 403-404, 406, 413, 419, 425-427, 432-433, 435, 438
Акулов И.А. – 284
Алексеев П.А. – 180
Алексеева Г.Д. – 27, 113
Альбац Е. – 119, 415
Ангарский (Клестов) Н.С. – 32, 117
Анин Д. – 401
Антонов В.Ф. – 221
Антонов-Овсенко А.В. – 128, 413
Антонова Н.С. – 408
Арапов А.С. – 114, 117
Арманд И.Ф. – 117, 192
Аронсон Г.Я. – 9, 116, 189, 223, 395, 405-406, 414, 419, 441
Астрахан Х.М. – 84-85, 128, 292, 295
Астров (Повес) И.С. – 84, 289, 406
Ахматов И.И. – 406
Ахундов Д.Г. – 307
Ашер А. – 130
Базаров (Руднев) В.А. – 169, 408
Бакунин М.А. – 182
Балабанов М.С. – 174
Балабанова А.И. – 120, 229, 236, 287, 291, 293
Бальзак О. – 201
Барон С. – 130, 203
Батурский (Цейтлин) Б.С. – 327
Бауэр О. – 368, 437
Бахер Г. – 296
Бебель А. – 66, 166, 171-172, 191, 225, 436
Бебутова Н.Д. – 224
Бедный Д. (Придворов Е.А.) – 332, 425
Беер М. – 363
Безил Д. – 107
Бекзаян И.А. – 307
Беккер К. – 111
Бер Б. (Гуревич Б.Н.) – 406
Бердяев Н.А. – 117, 184-185, 221, 404, 406
Берия Л.П. – 442
Бернштейн Э. – 151, 174, 184, 301
Благоев Д.Н. – 174
Бланки О. – 19
Блок М. – 23
Блюм Л. – 442
Боброва Е.К. – 120, 123
Бовыкин В.И. – 203
Богданов А.А. – 170-171, 212, 223-224
Богданов Б.О. – 108, 212, 270, 300,

- 327
 Богданова Н.Б. - 108, 132
 Бонапарт Н. - 251
 Бонч-Бруевич В.Д. - 160, 211, 298, 425
 Брачев В.С. - 122
 Бровкин В. - 106, 114-115
 Бройдо Е.Л. - 385, 406, 428
 Бруснев М.И. - 180
 Бубликов А.А. - 266
 Будаев Д.И. - 117
 Будницкий О.В. - 216
 Булкин (Семенов) Ф.А. - 297
 Булдаков В.П. - 391, 429
 Бургина А.М. - 113, 203, 427
 Бурджалов Э.Н. - 58
 Буртин Ю.Г. - 124
 Бухарин Н.И. - 28, 87, 368, 375, 421, 441
 Бурцев В.Л. - 196
 Бушмарин Н.В. - 131, 205
 Быстрянский (Вагин) В.А. - 37, 119
 Бэр И. (Гуревич Б.Н.) - 406
- Вайнштейн С.Л. - 438
 Вайян Э. - 171
 Валентинов Н. (Вольский Н.В.) - 14-15, 24, 93, 114, 116, 300
 Вандервельде Э. - 191-192, 226
 Вардин (Мгеладзе) И.В. - 46, 121-122
 Ватлин А.Ю. - 430
 Вердеревский Д.Н. - 306
 Верховский А.И. - 278, 306
 Вильямс А.Р. - 399-400
 Винн Ч. - 221
 Владимирова В.Ф. - 46
 Владимирский М.Ф. - 192
 Войтинский В.С. - 388, 407
 Волин М.С. - 118, 213
 Волин С.Ю. - 398, 430
 Волков В.Л. - 406
 Волковичер И.В. - 212
 Волкогоннов Д.А. - 62, 93-95, 97-98, 117-119, 125, 128-129, 203, 210, 219, 227, 292, 296, 302, 441
 Волобуев О.В. - 64, 68-69, 101-102, 107, 113, 117, 125-126, 128, 130, 132, 213, 355, 361, 406, 408, 414, 422
 Волобуев П.В. - 67-68, 126-127, 461
 Володарский В. (Гольдштейн М.М.) - 301, 450
 Вольский В.К. - 416
 Воронцов В.В. - 183
 Вышинский А.Я. - 421
- Гайда Ф.А. - 287
 Галай Ш. - 107, 131
 Галили З. - 104, 127, 131, 242, 250-251, 259, 285, 294, 296-297, 298-299, 300, 310, 441
 Гарви (Бронштейн) П.А. - 9, 15, 25, 293, 429, 438
 Гармиза В.В. - 414
 Гвоздев К.А. - 240
 Гед Ж. - 171, 199, 226, 228
 Гейер Д. - 204, 208
 Гендельман М.Я. - 282
 Георгадзе Г.Т. - 307
 Герасимов Л. - 31
 Герцен А.И. - 17-18
 Гетцлер И. - 10, 23, 107, 110, 113, 131, 141, 217-218, 264, 267, 303, 356
 Гильбо А. - 230-231
 Гильфердинг Р. - 379-380, 426
 Гимпельсон Е.Г. - 412
 Гиппиус З.Н. - 405
 Глаголева Н. - 173
 Гнедин Е.А. - 220
 Гогуа К.Г. - 406
 Голиков П.Я. - 327
 Голуб П. - 129
 Гольдман Л.И. - 44, 121
 Гордон П.О. - 24, 143
 Горев (Гольдман) Б.И. - 98, 350, 406
 Городецкий Е.Н. - 118, 123
 Горький М. (Пешков А.М.) - 23-24, 32-33, 117, 300, 392, 404, 411-412,

- 422, 451
 Гоц А.Р. – 255, 281
 Гранат А.Н. – 178
 Гранат И.Н. – 178
 Гржебин З. – 24
 Гримм Р.А. – 48, 293, 296, 303
 Гриневич А. (Шехтер) К.С. – 254, 289, 295
 Гриневич В. (Коган М.Г.) – 197
 Гуковский И.Э. – 334
 Гусев К.В. – 326, 410
 Гусев С.И. (Драбкин Я.Д.) – 155-156
 Гучков А.И. – 237
 Гюго В. – 18
 Гюисманс К. – 192
- Далин (Левин) Д.Ю. – 24, 264, 319-320, 327, 373, 375, 385, 394, 402, 407, 412, 420-421, 424, 428, 429
 Дан (Цедербаум) Л.О. – 9, 11, 17-18, 25, 187-188, 239, 251
 Дан (Гурвич) Ф.И. – 9, 11, 18, 24, 36, 44, 49, 66, 72, 80, 98, 105, 121, 130, 155, 169, 173, 186, 189, 211, 218-219, 223-225, 239, 249, 251, 255, 257-259, 261-262, 278, 280-281, 298, 300, 303, 306-307, 310, 318, 320-321, 324, 328-329, 336, 350, 358, 362, 371, 375, 383-385, 390, 392, 397, 399, 405-407, 409, 415, 419, 422-423, 442
 Двинов (Гуревич) Б.Л. – 226, 228
 Девдариани С.С. – 407
 Дегаев С.П. – 156
 Дейч Г.М. – 100, 130
 Дейч Л.Г. – 116, 155-156, 308
 Дементьев И.Н. (Кубиков И.) – 299
 Демиденко Г.Г. – 127
 Деник Ю.П. – 261, 301, 416, 429
 Деникин А.И. – 36, 349, 352, 370
 Джибладзе В.Г. – 307
 Джунковский В.Ф. – 225
 Дзержинский Ф.Э. – 98, 118, 318, 351, 410, 454
 Дитман В. – 375, 379, 424
- Добролюбов Н.А. – 116
 Достоевский Ф.М. – 201
 Драпкина Е.Я. – 408, 410
 Дьячков В.Л. – 414
- Ежов (Цедербаум) С.О. – 44, 97, 120-121, 145, 205, 220, 225, 392, 406
 Елфимов Е.А. – 427
 Ерманский (Коган) О.А. – 35, 118, 232, 308, 324-325
 Ермолаев К.М. – 321
 Ермоленко Д.С. – 300
- Жданов В.А. – 417
 Желябов А.И. – 19
 Житомирский Я.А. – 223
 Жордания Н.Н. – 307, 334
 Жорес Ж. – 171, 191-192, 225, 436
 Журавлев В.В. – 403-422
 Журавлева Е.В. – 295
 Жухрай В.М. – 225
- Заборов М.И. – 220
 Залыгин С.П. – 125
 Зарецкая С.М. – 327
 Зарудный А.С. – 306
 Заславский Д.И. – 309
 Засулич В.И. – 41, 105, 145, 150-151, 188-189, 195, 210-211, 223-224, 290
 Захарова-Цедербаум К.И. – 44, 120, 392
 Зензинов В.М. – 119
 Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. – 28, 45, 121-122, 127, 225, 228, 239, 295, 298, 375, 379, 381, 404, 451
 Злобин В.И. – 27, 113
 Знаменский О.Н. – 298, 307, 402
 Зубарева Г.С. – 57
 Зубатов С.В. – 181-182
 Зурабов А.Г. – 307
- Иванов А.Е. – 213
 Иванов Н.Я. – 304
 Иванова Л.В. – 127

- Иванов-Разумник Р.В. – 27
 Иванович Ст. (Португейс С.О.) – 297, 396
 Игнатенко Т.А. – 115, 117, 119
 Изгоев А.С. – 185, 221
 Иков В.К. – 25
 Ильин-Женевский А.Ф. – 302
 Ильяшук Г.И. – 100-102, 107, 117, 130, 132, 355, 361, 406, 408, 414, 422-423
 Ингерфлом К. – 204
 Иовчук М.Т. – 203
 Ионичев Н.П. – 228
 Иорданский Н.И. – 195, 214
 Иоффе А.А. – 302-303
 Иоффе Г.З. – 100, 128, 130-131, 267-271, 300-301, 305, 307, 309, 400, 411, 414
 Исув И.А. – 407
- Кабцан А.И. – 438
 Каганович Л.М. – 47, 122
 Казакевич Э.Г. – 92, 129
 Каледин А.М. – 401
 Каменев Л.Б. (Розенфельд) – 28, 36, 45, 113, 121, 188-189, 237, 249, 270, 278, 283-285, 292, 295-296, 315, 355, 422-423, 425, 451
 Камков (Кац) Б.Д. – 280, 284
 Капелинский Н.Ю. – 285
 Карахан Л.М. – 425
 Каринский Н.С. – 298
 Катков Г.М. – 267, 304-305
 Каутский К. – 29-30, 55, 69, 72, 77, 93, 116, 151, 167, 179, 187-189, 192, 195, 199, 209, 216, 222, 226, 228, 362-363, 368, 372, 404, 423-424, 437, 457
 Керенский А.Ф. – 83, 249, 251, 256, 259-261, 265-269, 271, 277, 279-282, 286, 288, 295, 301, 304-306, 315, 317, 331, 400
 Кибрик Б.С. – 341, 407
 Кип Д. – 124-125, 141
 Кириллова Е.А. – 212
- Киселев И.Н. – 213
 Кливанский С.А. – 306
 Ключевский В.О. – 25, 113
 Кнорин В.Г. – 51
 Козлова Е.С. – 210
 Кокошкин Ф.Ф. – 328
 Коллонтай А.М. – 33, 174, 410
 Колокольников (Дмитриев) П.Н. – 325
 Колчак А.В. – 36, 342, 349-352, 370, 419
 Комиссарова Л.И. – 55-56, 123
 Кон Ф.Я. – 308
 Кондратьева Т.И. – 429
 О.Коннор Т.Э. – 216, 222
 Коновалов В.С. – 221
 Корелин А.П. – 213
 Корнилов Л.Г. – 83, 266-267, 271, 277, 280, 305, 331, 400
 Корников А.А. – 83, 130
 Коробков В.М. – 407
 Короленко В.Г. – 297, 404, 422, 451
 Костиков В.В. – 92, 129
 Костин А.Ф. – 204
 Кранихфельд А.С. – 392
 Красиков П.А. – 24, 295
 Красин Л.Б. – 216, 223
 Краснов П.Н. – 314-315, 450
 Кремер А.И. (Александр) – 30, 55, 115, 137, 438
 Крестинский Н.Н. – 421
 Кржижановский Г.М. – 145, 154, 206
 Криспин А. – 375, 378, 424
 Кристи Н.С. – 83, 86, 100, 195-196, 199-201, 227-228, 231, 235-239, 241, 247, 255, 265, 277-278, 319, 327
 Критский Ю.М. – 135, 220
 Крузе Э.Э. – 221
 Крупина Т.Д. – 212
 Крупская Н.К. – 31-33, 37, 40-42, 44, 49, 51-54, 56, 71, 120, 122-123, 125-126, 141, 145, 205, 411
 Крыленко Н.В. – 335, 417-118, 445, 454

- Крылов В.В. – 113
 Кудрявцев А. – 116
 Кузнецов К.К. – 129
 Кулешов С.В. – 117
 Куманев В.А. – 123
 Курбатова И.Н. – 203
 Кускова Е.Д. – 38-39, 54, 145
 Кучин Г.Д. – 119, 282, 395
 Кучкин А.П. – 123
- Лавров П.Л. – 182, 363
 Лапинский П.Л. – 419, 422
 Ларин Ю. (Лурье М.А.) – 302-303, 315
 Лассаль Ф. – 411
 Лафарг П. – 191, 225
 Лацис М.И. (Судрабс Я.Ф.) – 329
 Лбов А. – 187, 216
 Левин Ш.М. – 136, 203
 Левицкий (Цедербаум) В.О. – 17, 174, 195, 392, 413
 Легет Г. – 415
 Ленин В.И. – 11-13, 15-17, 20-21, 23-24, 28-44, 47-62, 64-69, 71-78, 81-83, 85-99, 101-110, 112, 114-120, 123-132, 135-137, 139-142, 144-160, 163, 165-166, 168-172, 174-176, 180-182, 184-190, 192-195, 198, 201-231, 235-238, 241-243, 246, 248-249, 255-257, 260-263, 267, 269, 271, 277-278, 287-293, 296-310, 314-318, 321, 327-329, 331-333, 335, 338-340, 343, 345, 347, 350, 352, 356, 359-363, 366-368, 370-372, 375, 380, 382-383, 386-387, 391, 393, 399-406, 408, 410-415, 417-424, 426-430, 432-434, 436, 448, 451, 453, 458, 460
 Леонов М.И. – 113, 214
 Леонов С.В. – 412
 Лепешинский П.Н. – 42, 45, 48, 120, 122
 Либер (Гольдман) М.И. – 98, 249, 309, 321, 323-324, 327
 Либерман С. – 421
- Либкнехт К. – 303, 349
 Линдов (Лейтейзен) Г.Д. – 408
 Литвин А.Л. – 130
 Литвинов (Валлах) М.М. – 210
 Логунов А.П. – 15, 25, 167-168, 216, 441
 Лозовский (Дридзо) С.А. – 408
 Ложкин В.В. – 213
 Ломтатидзе В.Б. – 307
 Лонге Ж. – 372
 Луи П. – 363
 Лукин Н.М. – 333
 Луначарский А.В. – 42, 49, 82, 120, 122, 169, 188, 192, 208, 250, 262, 278, 282, 416, 420-421, 451-452
 Лурье Г.Ш. – 307
 Лутер Я. – 216
 Львов В.Н. – 342, 305
 Люксембург Р. – 66, 167, 172, 187, 192, 349, 404, 436
 Лядов М.Н. (Мандельштам) – 30, 115
- Майский (Ляховецкий) И.М. – 101, 341-342, 382, 406, 416-417
 Макдональд Р. – 368
 Малиновский Р.В. – 191, 224, 355
 Мамаев И.С. – 205
 Мандельберг В.Е. – 407
 Марат Ж.П. – 19
 Маркс К. – 17-18, 20, 28, 46, 49, 55, 59, 89, 137, 158, 198, 202, 230, 347, 363, 365-366, 381, 396
 Мартов Л. (Цедербаум Ю.О.) – 9-22, 23-25, 27-132, 135-232, 235-259, 262-310, 313-352, 355-430, 432-440, 444, 458-461
 Мартынов (Пикер) А.С. – 49-50, 57, 66, 70, 122, 169, 173, 187, 189, 214, 223, 289, 291, 324, 404, 406
 Масанов И.Ф. – 113
 Маслов Н.Н. – 55, 123, 135-136, 203
 Маслов П.П. – 33, 173, 195-196
 Маслов С.А. – 27
 Маслова А.Т. – 66-67, 125

- Махно Н.И. - 352
 Мельниченко В.Е. - 204
 Менжинский В.Р. - 37
 Мельц Г. - 439
 Меринг Ф. - 222, 413
 Метельков П.Ф. - 400
 Миллер В.И. - 85, 104, 107-109, 127-128, 132, 206, 243, 292, 294, 301, 321, 405
 Милоков П.Н. - 237, 286, 288, 290, 413
 Минц И.И. - 77-79, 81-83, 122, 127-128, 242, 294, 298-299, 309
 Мирбах В. - 340
 Михайловский Н.К. - 137, 180, 182-183
 Мицуров В.В. - 135, 220
 Мочалов И. - 399
 Мстиславский (Масловский) С.Д. - 82, 282
 Муравьев В.А. - 64, 125

 Найн Ч. - 363
 Натансон М.А. - 236, 289, 292
 Нафигов Р.И. - 24
 Невский (Кривобоков) В.И. - 40, 42-44, 120-121, 203
 Ненароков А.П. - 104, 131, 259, 299, 415, 434, 441
 Нечаев С.Г. - 211, 435
 Николаев А.Б. - 304
 Николаевский Б.И. - 9, 11, 16, 222-223, 284, 292-293, 313, 351, 392, 399, 401, 413, 416, 418, 429, 442
 Никитин В. - 102, 130, 306
 Новгородцев П.И. - 184
 Нэн Ш. - 423

 Овсяннико-Куликовский Д.Н. - 178
 Олимпиаев И.М. - 407
 Ольминский М.С. - 93, 418
 Осинский Н. (Оболенский В.В.) - 119
 Ольховский Е.Р. - 55-57, 123

 Павлов Д.Б. - 212
 Пажитнов К.А. - 31, 179, 220
 Пайпс Р. - 131, 141, 204
 Парвус (Гельфанд) А.Л. - 48, 166, 176-177, 195, 214, 219, 292
 Паустовский К.Г. - 408
 Пашуто В.Т. - 113
 Переверзев П.В. - 300
 Петлюра С.В. - 349, 352
 Петров С.А. - 212
 Пинкевич А.П. - 406-407
 Писарев В.И. - 18
 Пияшев Н.Ф. - 216
 Платонов С.Ф. - 122
 Платтен Ф. - 287-290
 Плеве В.К. - 159, 161
 Плеханов Г.В. - 11, 14, 17, 23, 29, 32, 39-40, 42, 48, 59-61, 70, 73, 86, 96, 103, 106, 108-109, 114-115, 120, 123-124, 129, 135-136, 139, 144, 149, 152, 159-161, 166, 171, 173-174, 179-181, 183-184, 187, 193-195, 198-199, 202-204, 208-210, 212, 216, 218-219, 223-224, 226-227, 230, 237, 244, 249, 286, 290, 300, 303, 320, 363, 402, 404
 Подболотов П.А. - 86, 89, 128, 132, 419, 421-422
 Покровский М.Н. - 31, 332
 Полевой Ю.З. - 204
 Полетаев Н.Г. - 190, 224
 Поликарпов В.Д. - 267, 304-305
 Померанц Г.С. - 212
 Помпер Ф. - 98
 Пономарев Б.Н. - 123
 Попов И.В. - 192
 Попов Н.Н. - 42, 121
 Попов Ф.Г. - 415
 Попова (Цедербаум) Т.Ю. - 25, 443
 Поспелов П.Н. - 51, 53
 Постников С.П. - 113
 Потресов А.Н. - 33, 41, 45, 48, 60, 124, 145-146, 150, 173-174, 193, 198,

- 209, 211, 214, 219, 274-275, 308,
320-321, 324, 327, 405, 432-433
Приймак Н.И. - 208
Прокопович С.Н. - 135, 145
Протасов Л.Г. - 403, 406
Прошьян П.П. - 43
Пушкарева И.М. - 203
- Рабинович А. - 105, 131, 253, 263,
299, 304, 306
Радек (Собельзон) К.Б. - 38, 87,
122, 228, 239, 368, 419, 425, 451-452
Радченко (Баранская) Л.Н. - 145-146
Разгон А.И. - 315, 400-401
Раев М.И. - 427
Ракитников Н.И. - 400
Раковский Х.Г. - 296, 451-452
Рамишвили И.И. - 334
Рамишвили Н.В. - 307
Рид Д. - 282, 399
Робеспьер М. - 382, 387, 435
Родзянко М.В. - 225
Рожков Н.А. - 27, 223, 407, 419
Розеноер С.М. - 206
Розенталь И.С. - 10, 225
Роллан Р. - 201
Романов Г.М. - 349
Романов Д.К. - 349
Романов Н.М. - 349
Романов П.А. - 349
Ромберг Г. - 288
Рубакин Н.А. - 31, 115, 142
Рубан Н.В. - 84-85, 117, 128, 407, 414
Рубинштейн Н.Л. - 113
Рудницкая В.С. - 132
Рыков А.И. - 425
Рязанов (Гольдендах) Д.Б. - 289,
418, 425
- Савельев П.Ю. - 10-11, 23, 40-42,
110, 120-121, 123, 203, 212, 214,
226-228, 243, 246-247, 251, 267,
367, 403, 418
Савинков Б.В. - 340
- Сапир Б.М. - 25
Свердлов Я.М. - 118, 301, 329,
409-410, 414, 455
Семевский В.И. - 179
Семенов (Васильев) Г.И. - 429
Семковский (Бронштейн) С.Ю. -
194, 287, 289, 407
Сен-Жюст А. - 382, 387, 410
Сеньобос Ш. - 363
Сервис Р. - 442
Сивохина Т.А. - 113, 412
Сильвин М.А. - 141, 206
Симонов Н.С. - 132, 403, 422
Скобелев М.И. - 239-240, 244-245,
247, 249, 290-291, 294-295, 307, 318
Славин Н.Ф. - 310
Смидович П.Г. - 446
Смирнов В.М. - 119
Смирнов М.Н. - 307
Совокин А.М. - 408
Соловьев О.Ф. - 300
Соколов О.Д. - 220
Соколов Н.Д. - 295
Соколовский Э.К. - 295
Солдатенко В.Ф. - 119
Сосновский Л.С. - 88, 329, 332,
334, 415
Сорин В.Г. - 123
Спиридович А.И. - 63, 125
Спиридонова М.А. - 270, 326, 410
Спирин Л.М. - 28, 84, 86, 89,
113-114, 127-128, 132, 216, 292, 295,
307, 330, 412, 414, 418, 420, 422
Сталин И.В. - 42, 47, 49, 51-52,
58, 62, 87, 93, 105, 119, 128, 131,
217, 237, 292, 302, 334-336, 413,
418, 441, 461
Старков В.В. - 145
Статковский П. - 37
Стеклов (Нахамкис) Ю.М. - 254,
295, 425
Стендаль А. - 200-201
Строев В.А. - 408
Струве П.Б. - 20, 60, 142, 144,

- 146-147, 174, 180-181, 184-185, 204,
221, 458
Столыпин П.А. - 451
Суслов М.Г. - 54, 123
Сулова Ф.М. - 141, 206
Суханов (Гиммер) Н.Н. - 10, 23,
27, 77, 94, 102-103, 128-130, 229,
242, 252, 254-255, 272, 281-283,
285, 293, 295, 298-299, 303-304,
306-310, 328, 384, 398-399, 414,
421, 430
- Такер Р. - 105, 131
Таратуга В.К. - 223
Тарновский К.Н. - 60-61, 63, 67,
114, 124-125
Твардовская В.А. - 136, 203
Терещенко М.И. - 306
Тер-Петросян (Камо) С.А. - 216
Ткачев П.Н. - 435
Толстой Л.Н. - 18, 46, 451, 453
Токарев Ю.С. - 295
Томский М.П. - 439
Точисский П.В. - 175
Трифонов П.Р. - 407
Трофимов А.С. - 220
Троцкий (Броцштейн) Л.Д. - 10,
23, 28, 35-40, 42, 48-49, 61-62,
93-94, 98-100, 102, 110, 116, 118,
122, 124-125, 127-129, 147, 149,
151-155, 176-177, 190, 192, 194-195,
198, 201, 208, 210, 214, 217, 219,
227, 231, 241, 247-248, 260, 262,
269-270, 277-278, 283-285,
289-291, 296, 298, 300-301, 306,
315-316, 335, 342-343, 355, 368, 382,
391, 401-402, 404, 410, 417,
423-424, 441, 447-448, 451,
453-454, 459
Трояновский А.А. - 407
Туган-Барановский М.И. - 60, 142,
146-147, 179, 184
Тумаринсон В.Х. - 10, 110, 132,
316, 400, 402, 419
- Тыркова А.В. - 406
Тютюкин С.В. - 10-11, 23, 65,
73-75, 91, 105, 108-111, 113, 120,
126-127, 132, 162, 167, 203, 211-214,
216, 218-219, 226-229, 243,
246-247, 251, 267, 295, 367,
403-405, 418, 434, 441
- Ульянова-Елизарова А.И. - 95
Ульянова М.И. - 223
Урилов И.Х. - 132, 203, 206,
305-306, 457, 461
Урицкий М.С. - 291, 301
Устрялов Н.В. - 428
Уткин А.И. - 113
- Федоров Г.Ф. - 339
Федосеев Н.Е. - 13, 23, 136, 175,
180, 432
Фельштинский Ю.Г. - 11, 23, 402
Фигнер В.Н. - 288
Фишер Л. - 291
Флеер М. - 399
Фотиева Л.А. - 427
Фрайман А.Л. - 401
Франк С.Л. - 184-185
Франс А. - 392
- Хаит Г.Е. - 24
Халтурин С.Н. - 180
Хальвег В. - 287-289
Хараш Я. - 282
Хвyleв Л.Н. - 113
Хеймсон Л. - 25, 103-104, 128, 131,
244, 416
Хинчук Л.М. - 282, 407
Хофман М. - 439
Хрусталеv-Носарь Г.С. - 215
Хрущев Н.С. - 53
- Цамугали А.Н. - 113, 203
Церетели И.Г. - 18, 80, 103, 105,
239-240, 242-245, 247-249, 251,
255-257, 259, 261, 266, 269, 273,

- 275-277, 290-291, 294, 297,
301-305, 307-309, 318-319, 327, 403,
459
Цеткин К. - 222
Циллиакус К. - 160, 212
Циммерман А. - 288
- Червякова М.М. - 131, 205
Череванин (Липкин) Ф.А. - 45,
70, 126, 159, 195, 212, 243, 328,
336, 407, 414, 421
Чернов В.М. - 39-40, 119-120, 189,
239-240, 249, 259, 270, 278, 298,
301, 308, 315, 318-319, 401, 403, 417
Черных А.Г. - 417-418
Чернышев И. - 139
Чернышевский Н.Г. - 18, 59, 352
Чесноков В.И. - 121
Чиковани А.Ю. - 64, 67, 125-126
Чудновский Г.И. - 229, 289
Чхеидзе Н.С. - 80, 105, 195, 239,
244, 248, 266, 269, 290-291,
293-295, 303, 307, 407
Чхенкели А.И. - 307, 407
- Шапиро А.Л. - 113
Шапиро Л. - 10, 107, 131
Шаумян С.Г. - 334
Шелгунов В.А. - 224
Шелгунов Н.В. - 18
Шелохаев В.В. - 113, 117, 124, 128,
162, 167, 211, 213, 216, 218-219,
434, 441
Шеррер Ю. - 204
Шестак Ю.И. - 408
Шестаков С.В. - 27, 73, 113, 126
Шидловский Н.В. - 163
Шиллер Ф. - 18
Шингарев А.И. - 328
Шляпников А.Г. - 295
Шмидт О.Ю. - 408
Шмит Н.П. - 187-188, 222
Шотман А.В. - 42, 120
Штейн (Рубинштейн) А.Н. - 339,
344, 350, 362, 372-374, 379
Штерн-Михайлова С.С. - 92
Штурман Д. - III, IIIб, 305
Шуб Д. - 264
Шукман Г. - 132
Шумяцкий Б.З. - 419
- Щастный А.М. - 343, 417-418,
447-448, 454
Щупак Н.Е. - 201, 384, 387, 425
Щупак С.Д. - 301, 377-378, 384-385,
387, 425, 427
- Эммонс Т. - 113
Энгельс Ф. - 18, 28, 49, 59, 145,
363, 396, 426
Эрве Г. - 172, 196, 235, 218
Эрлих Г.М. - 282, 407
Эткин Л.Я. - 438
- Югов А. (Фрумсон А.А.) - 407
Юденич Н.Н. - 452
Юдин (Айзенштат) И.Л. - 25
Юренев И. (Кротовский К.К.) -
301, 303
Юрьевский Е. (Валентинов Н.) -
406
- Яковлев А.Н. - 29, 62, 114, 124,
401-402
Яров С.В. - 414
Ярославский Е.М. (Губельман
М.И.) - 47, 419

Оглавление

ОТ АВТОРА

7

ВВЕДЕНИЕ

9

ГЛАВА I

26

ГЛАВА II

134

ГЛАВА III

234

ГЛАВА IV

312

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

432

ПРИЛОЖЕНИЕ

444

ПОСЛЕСЛОВИЕ

457

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

462

Научное издание

Урилов Илья Ханукаевич

Ю.О.Мартов
Политик и историк

Утверждено к печати
Научным советом РАН
“История революций в России”

ЛР № 020297 от 27.11.1991

Редактор *Л.М.Кузнецова*

Художник *С.А.Стулов*

Издательство “Наука”
117864, ГСП-7, Москва В-485,
ул. Профсоюзная, 90

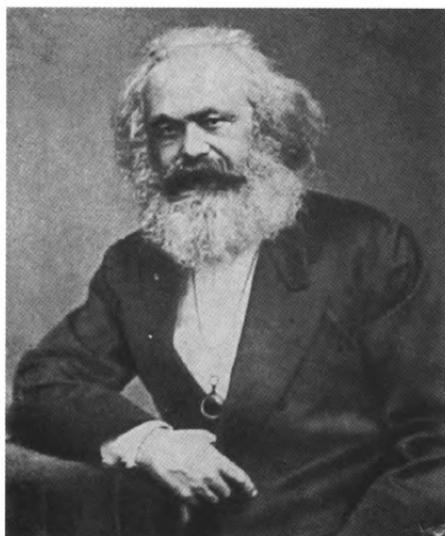
ОАО “Типография “Новости”
107005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46
Тираж 3000 экз. Заказ № 3707

*В подрисуночной подписи к рисунку
«Как мыши кота хоронили»
между фамилиями Ф.И.Дан и Г.Б.Плеханов
пропущена фамилия А.Н.Потресов*

Юлий Цедербаум – студент

Карл Маркс

Фридрих Энгельс

MANIFESTE DU PARTI COMMUNISTE
par Karl MARX et Fr. ENGELS

РУССКАЯ СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

Книга Третья

МАНИФЕСТЪ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Карла Маркса и Фр. Энгельса

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ 1872.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ АВТОРОВЪ

Prix 1Fr.

ЖЕНЕВА

Вольная Русская Типографія

1882

Георгій Валентинович Плеханов

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННОГО СОЦІАЛІЗМА

Выпускъ Первый.

СОЦІАЛИЗМЪ
И
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Г. Плеханова.

Всякая классовая борьба
есть борьба политическая.
К. Марсь.

ЦЕНА 75 КОП.

ЖЕНЕВА

Типографія группы „Освобожденіе Труда“.

1883

Юлий Цедербаум. Полицейская фотография 1896 г.

Аркадий Иосифович Кремер

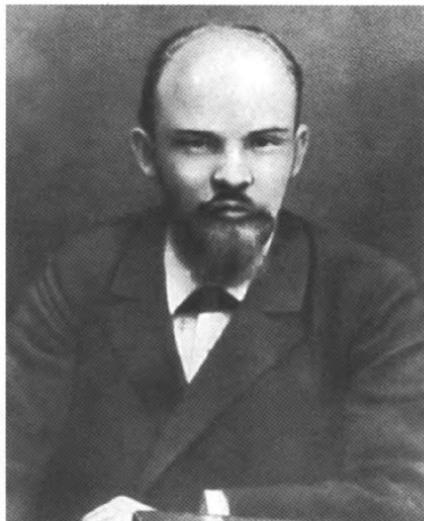
*Юлий Цедербаум
в Вильно.*

Члены Петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". Слева направо – Александр Леонтьевич Малченко, Петр Кузьмич Запорожец, Анатолий Александрович Ванев (стоят); сидят – Василий Васильевич Старков, Глеб Максимилианович Кржижановский, Владимир Ильич Ульянов, Юлий Осипович Цедербаум.

Юлий Цедербаум

Владимир Ульянов

Екатерина Дмитриевна Кускова

Николай Евграфович Федосеев

Надежда Осиповна Цедербаум и Полина Осиповна Гордон

Владимир Ильич Ульянов

Юлий Осипович Цедербаум

Александр Николаевич Потресов

*Участники
Псковского
Совецания
1900 г.*

Петр Бергардович Струве

Михаил Иванович Туган-Барановский

Любовь Николаевна Радченко

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

ИСКРА

„Из искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 1.

ДЕКАБРЬ 1900 ГОДА.

№ 1.

НАСУЩНАЯ ЗАДАЧА НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ

Русская социалдемократия не раз уже заявляла, что ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть распространение самозавоеванных политических свобод. Это заявляло больше 15 летъ тому назадъ представители русской социалдемократии, члены группы „Осв. Труда“, это заявили два съ полугода тому тому назадъ и представители русской социалдемократической организации, образовавшей весной 1898 года Российскую Социалдемократическую Рабочую Партию. Но не смотря на эти неоднократные заявления, вопросъ о политических свободахъ вырывается сознательно изъ программы нашего движения и вырывается сознательно изъ программы нашего движения. Говорятъ, что преобладающее значение имеетъ экономическая борьба и отодвигаютъ на второй планъ политическую задачу, считаютъ ее ограниченной и выводятъ эту задачу, заявляютъ даже, что разговоръ о распространении самостоятельной рабочей партии въ России противоречитъ чуждымъ силамъ, что рабочимъ надо вести одну экономическую борьбу, предоставить политическую интеллигенцию въ союзъ съ имперіею. Это послѣднее заявление нашего движения въ виду (предстоитъ себѣ) является уже прямо въ противоположность русскому пролетариату несовершеннѣйшимъ и къ полному отрицанию социалдемократической программы. А „Рабочая Искра“ (особенно въ отдѣльномъ Приложении) высказалась въ сущности въ томъ же смыслѣ. Русская социалдемократия переживаетъ периодъ колебаний, периодъ сомнѣній, доходящихъ до самозниженія. Съ одной стороны, рабочимъ движению отводится роль социализма, рабочимъ помогаютъ вести экономическую борьбу, но имъ вовсе не рѣшаются при этомъ или недостаточно рѣшаются социалдемократическая и политическая задачи всего движения въ цѣломъ. Съ другой стороны, социализмъ опять сводятъ отъ рабочего движения, русские социаллисты ищутъ на

чужбыхъ земляхъ отъ переломки представителей буржуазныхъ массовъ движений больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, и что при такой обстановкѣ русское революционное движение осуждено на бездѣйствіе. Отсюда сама собою вытекаетъ задача, которую призвана осуществить русская социалдемократия: выработать социалдемократическія идеи и политическую программу, неразрывно связанную съ стеченными рабочими движеньями. Много уже сказано въ этомъ отношеніи русской социалдемократіей, но еще больше остается сказать. Съ ростомъ движения противъ Вѣдомости для социалдемократии становится все шире, работа все разнообразнѣе, все большее число дѣлителей движения сосредоточивается свои силы на осуществленіи различныхъ частныхъ задачъ, которыя выдвигаются послѣдними нуждами пропаганды и агитации. Это явление совершенно законное и неизбежное, но оно заставляетъ обращать особое вниманіе на то, чтобы частныя задачи дѣлителей и отдѣльныя приемы борьбы не возводились въ члѣто самозавѣдывающія, чтобы подготовительная работа не возводилась на стѣпену главной и единственной работы.

Содѣйствовать политическому развитію и политической организациіи рабочего класса — наша главная и основная задача. Всякій, кто отодвигаетъ эту задачу на второй планъ, кто не понимаетъ, въ чемъ состоитъ задача и каковы дѣятельныя приемы, борьбы тотъ становится на ложный путь и наноситъ серьезный вредъ движению.

Отдавая эту задачу, во вторыхъ, тѣ, кто считаютъ содержание и размахъ политической пропаганды, агитации и организациіи, кто считаютъ возможнымъ и уместнымъ уходить изъ жизни, только въ торжественныхъ случаяхъ, кто ставятъ заблужденно разнѣмать политическую борьбу противъ самодержавія на требованіе отъ рабочихъ уступокъ отъ самодержавія и недостаточно понимаютъ о томъ, чтобы эти требованія отъ рабочихъ уступокъ не систематически и безразборно вносились революционной рабочей партией про

тивъ въ России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русскаго рабочаго революціонера Петра Алексѣева: „подлетитъ несущаяся рука миллионы рабочаго народа, и яро дѣлится, ограниченное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!“

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ЛИБКНЕХТЪ

(подпись 29-го числа 1826 г., число 17-го августа 1900 г.)
Со смертно старѣющимъ вождемъ германской социалдемократіи революціонный пролетариатъ всего мира лишился одного изъ своихъ наиболее замѣчательныхъ и неутомимыхъ борцовъ и руководителей. Не даромъ весь объ его великаго мѣнчовъ, весь громадъ вооруженъ рабочими въ всѣхъ цивилизованныхъ странахъ. Не только изъ всѣхъ концовъ Германіи, но и изъ другихъ странъ Европы, да и одной лишь Европы, вѣ Англии, Австраліи, и даже изъ южной Африки, Писаніи посланы были сочувственные telegramы, съ выраженіемъ глубокой скорби о незападнѣйшей утратѣ, посланной международной социалдемократіи. Петру Либкнехту принялъ характеръ и размахъ всенародной манифестаціи, въ которой принялъ участие сотни тысячъ, быть можетъ, около миллиона немецкихъ рабочихъ и представителей рабочихъ партий Англии, Франціи, Австріи, Венгрии, Бельгии, Дании и разныхъ другихъ странъ. По единодушнымъ заявленіямъ всѣхъ добросовѣстныхъ дѣятельныхъ корреспондентовъ, высказавшихъ эту невообразимую, тѣмъ грандиознѣйшую похоронъ не утѣстилась еще ни одна церковь, ни одинъ императоръ.
Всякое глубокое сознание борющагося пролетариата всего мира въ Либкнехту, съ такой силой и искренностью выражены по поводу его кончины, приобрѣтенъ были несомнѣнно глубокой и вѣной освобожденной рабочей массѣ, неслучайно усилили его на поляхъ утѣшенія и политическаго возмущенія эксплуатированной и угнетенной рабочей массѣ. Представителю политическаго и разностороннею выдвинутой его заслугъ передъ международнымъ пролетариатомъ.

Вера Ивановна Засулич

Надежда Константиновна Крупская

Александр Лазаревич Парвус, Лев Давыдович Троцкий, Лев Григорьевич Дейч

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ
П А Р Т І Я.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Л. МАРТОВЪ.

Рабочее Дѣло въ Россіи

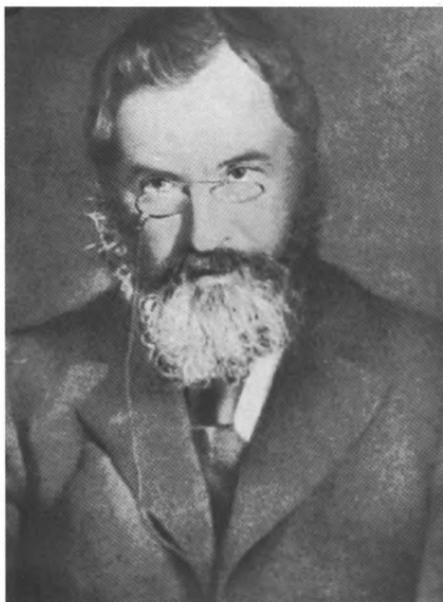
Третье переработанное изданіе

Центральнаго Комитета

Р. С.-Д. Р. П.

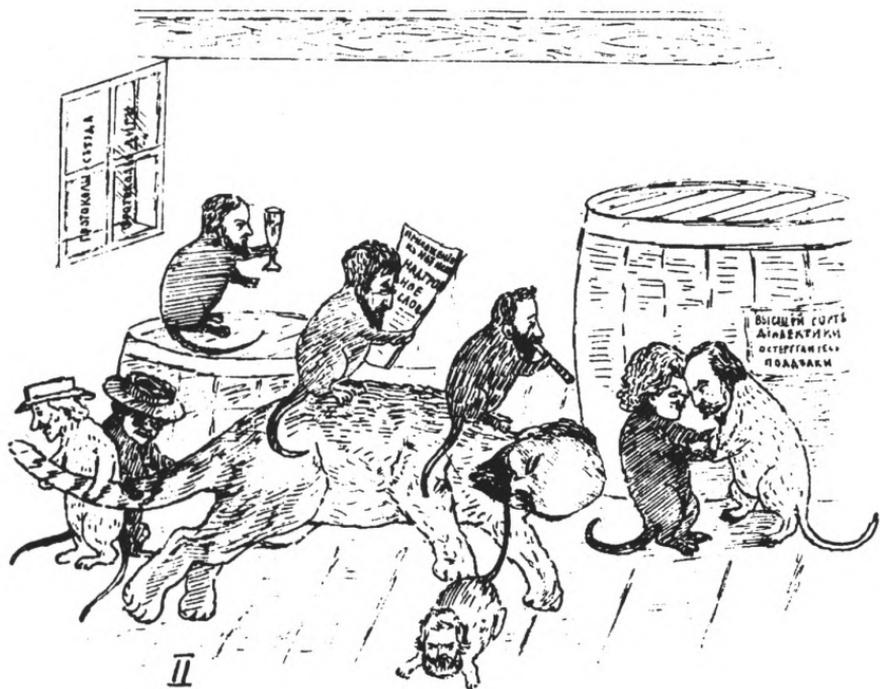
Типографія Центрального Комитета.

1904.

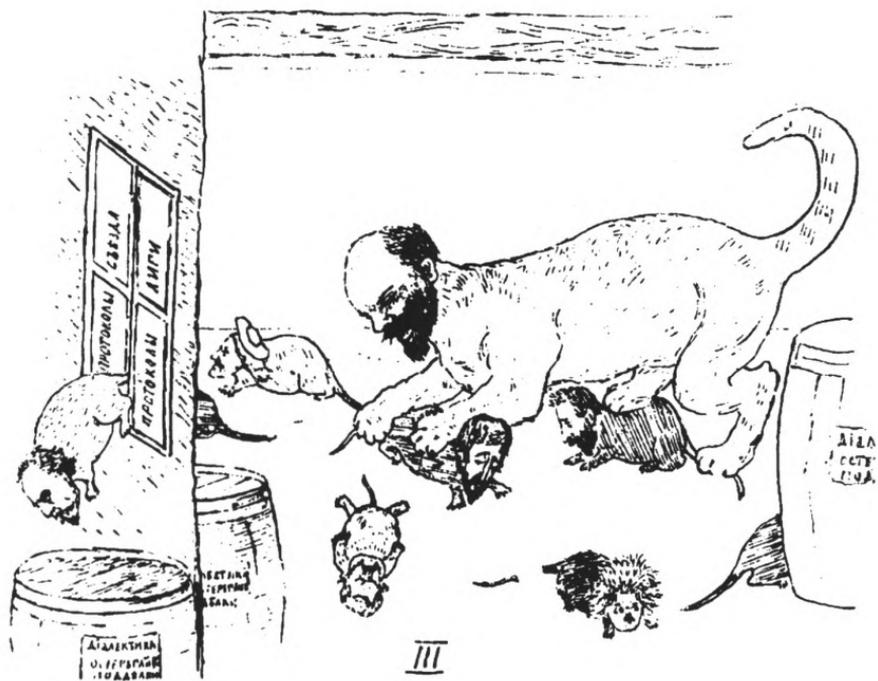

Павел Борисович Аксельрод

II

III

Маленький в штанах: Цзи, милый драчушка сюда, я тебе
покажу о твоиши каирадали...
Маленький без штанок: Ка-тхэ вохуеи!...

В.И. Ленин и Август Бебель. Карикатура П.Н. Лепешинского.

Михаил Исаакович Либер

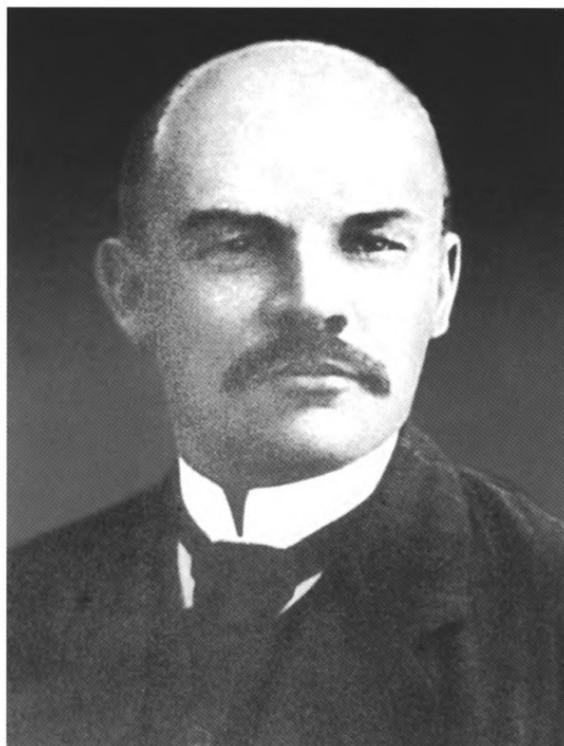
Федор Ильич Дан

Федор Андреевич Череванин

Борис Исаакович Горев

В.И.Ленин

И.В.Сталин

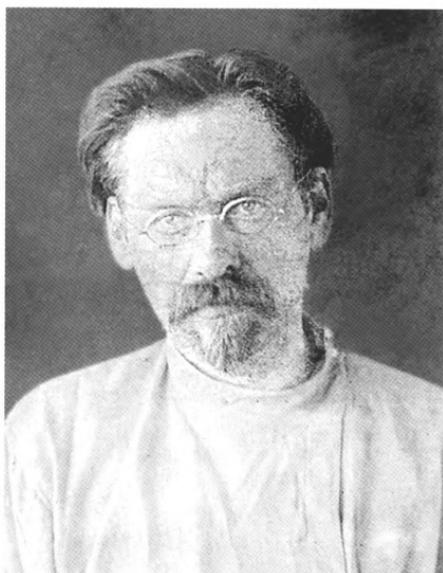
Р.В.Малиновский

Владимир Осипович Левицкий и Сергей Осипович Ежов

Виктор Евсеевич Мандельберг

Петр Павлович Маслов

Кузьма Антонович Гвоздев

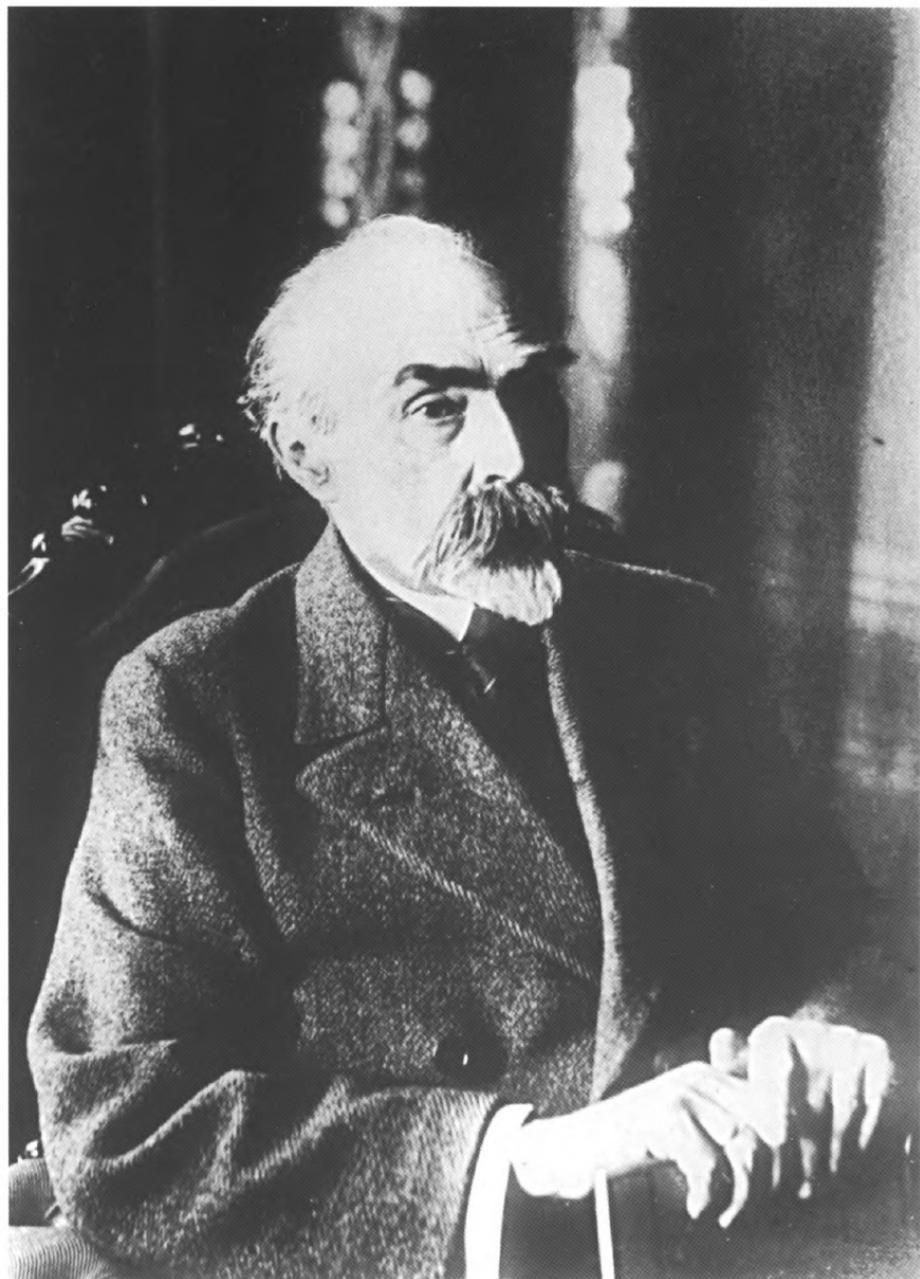

Борис Осипович Богданов

Николай Семенович Чхеидзе

Борис Соломонович Батурский

Георгий Валентинович Плеханов

*Павел Борисович Аксельрод, Юлий Осипович Мартов,
Александр Самойлович Мартынов*

Ираклий Георгиевич Церетели

Юлий Осипович Мартов и Федор Ильич Дан

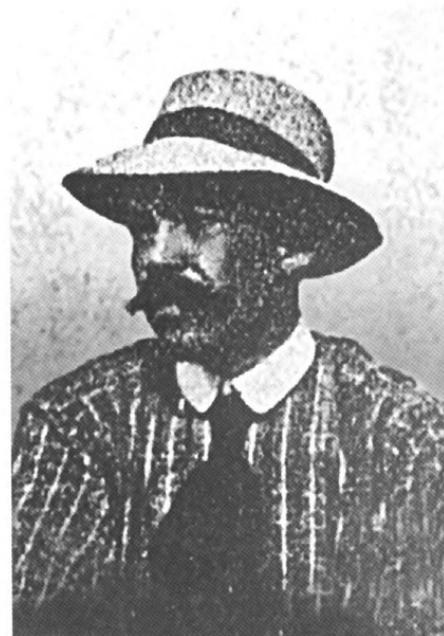
Ной Николаевич Жордания

Петр Абрамович Гарви

Виктор Николаевич Крохмаль

Константин Михайлович Ермолаев

Николай Николаевич Суханов

Юлий Осипович Мартов

Надежда Самойловна Кристи

Юлий Осипович Мартов

*Надежда Осиповна Кранихфельд
и Сергей Николаевич Кранихфельд*

Андрей Сергеевич Кранихфельд

Лидия Осиповна Дан

Сергей Осипович Ежов и Конкордия Ивановна Захарова с детьми.

Владимир Осипович Левицкий с семьей.

Юлий Осипович Мартов с родными: стоят – Маргарита Осиповна Цедербаум, Евгения Осиповна Цедербаум, Конкордия Ивановна Захарова, Сергей Осипович Ежов. Сидят – Лидия Осиповна Дан, Вера Израилевна Левицкая, Федор Ильич Дан

*Родные Юлия Осиповича Мартова: Вера Израилевна Левицкая,
Маргарита Осиповна Цедербаум, Евгения Осиповна Цедербаум,
Владимир Осипович Левицкий.*

ВСЕРОССИЙСКАЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ

ПРИ СОВЕТЕ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

по борьбе с контр-революцией, спекуляцией и преступлением по должности.

Всесоюзная Лубянка, 17.

Телефоны:	Секретариат 3-79-73	Товарищ Влас	83-45	Зем. департамент от.	4-1-07
	Тов. Председателя 3-0-1527	Коллегия след. пресуд. пр.	3-25-72	Зем. отдел. водот.	3-01-07
	Секрет. отдел по борьбе с контр-революцией 3-0-2471	Секретариат	3-01-07	Зем. отдел. Чувш. Кав.	3-0-08
		Зем. от. по борьбе со зрел.	3-01-07	Зем. отдел. Кавказ. от.	3-12-08

Отдел

Годен на 7 суток

№ 666

ОРДЕР.

Получается Товарищу *Резаевскому*

произвести обыск, ревизию, выемку документов и книг, наложенный задержание и ареста на товары *Кустовые продукты, Мылованков пер. д. 8*

(деревянные фиалки), ул. Маркова - имени Осиповича

в зависимости от обыска задержать гражд.

всех подозрительных

и реквизировать или конфисковать его товары и оружие.

(Председатель Комиссии)

Секретарь

1920 г.

августа

" дни

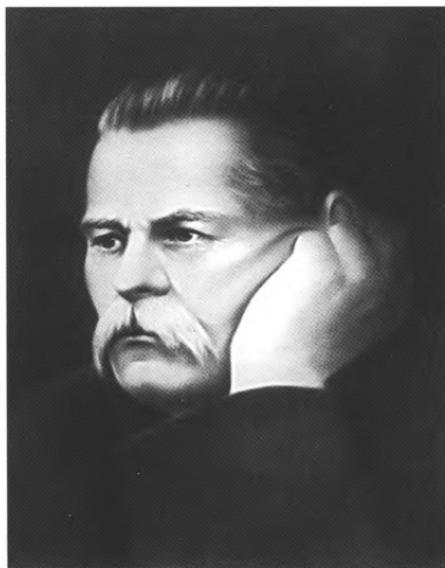
Юлий Осипович Мартов

Юлий Осипович Мартов

*Павел Львович Лапинский –
близкий друг Мартова.*

*Максим Горький –
любящий Мартова.*

Санаторий Schwarzwaldheim в Schömbberg'e (Oberamt Neuenbürg, Вюртемберг).
Крестиком отмечено окно (угловое, верхнего этажа) комнаты,
в которой скончался Ю.О.Мартов

В ночь с 3 на 4 апреля скончался
в Шемберге в Шварцвальде
после долговременной и тяжелой болезни
независимый член Всероссийской Социал-демократии
Юлий Осипович Мартов (Цвербауэр).

О дне и месте погребения будет объявлено отдельно.
Социал-демократия Р.С.Д.Р.И.
Социал-демократия Румыны.

Извещение о смерти Юлия Осиповича Мартова,
написанное Федором Ильичем Даном.

Экстренный выпуск

10-ое апреля 1923

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Памяти незабвенного вождя

Л. Мартов (Юлия Осипович Цедербаум)

24 ноября 1873 — 4 апреля 1923

„Sozialistisches Westnik“
„Der sozialistische Bot“
Berlin SW 68, Lindenstr. 3, Hof, r.

Preis 1 Mark in Deutschland
Doppelnummer mit 8 Abbildungen

Zentralorgan der Sos-Dem.
Arbeiterpartei Russlands

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российской, Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц

№ 7-8
(77-78)

Контора и редакция:
Berlin SW 68, Lindenstr. 3, III Hof,
partierte rechts, Tel. Döhnhof 66-96

4-ое апреля 1924 г.

Прием по делам ре-
дакции ежедн., кроме
субботы, от 1—2 час.

4-ый г. изд.

В настоящем номере 24 страницы с 8 иллюстрациями

К годовщине смерти Ю. О. Мартова

Посмертная маска, снятая 6 апр. 1924 г.

Памятник поставленный 11 июня 1924 г. на кладбище при крематориуме на Gerichtstrasse в Берлине. В бронзовой урне – прах Ю.О.Мартова. На урне высечена надпись: Л.Мартов (Юлий Осип. Цедербаум). 24 XI 1873–4 IV 1923.
На цоколе (по-немецки): Л.Мартов, борец за освобождение рабочего класса.

Павел Борисович Аксельрод – осень патриарха.

„Sozialistisches Westnik“
„Der Sozialistische Bote“
Berlin SW 68, Zimmerstraße 7-8

Preis 70 Pfennige.

Zentralorgan der Soz.-Dem.
Arbeiterpartei Rußlands

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№9
(199)

Подписная плата на 1 г. м. 16.80,
1/2 г. 8.42, 1/4 г. 4.20. Postscheckk.:
Berlin 18589, Кунтшора и редакц.:
Berlin SW 68, Zimmerstraße 7/8
Telephon Zentrum 909

4 Мая 1929 г.

Прим по делам редакци
ежедн., кроме
субботы и воскресения,
от 1—2 час.

9-ой г. изд.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Братский памятник (фотограф. снимок)

К. Каутский: Майский праздник и международная солидарность

Ф. Дан: Программа „правых“

Д. Далин: Разоружение и Лига Наций

А. В. Заметки

Большевики о самих себе 1. Разговор с Сокольниковым —
2. Дополнения к рассказу Бухарина — 3. За кулисами
ВКП

За границей: Победа французского социализма — Датская
победа — Съезд британской Н. Р. П.

По России: Бескормица и бескормица — Борьба в верхах —
Высылка Томского и Бухарина? — Путешествие кало-
ши — Еврейско-христианское общество — Антисеми-
тизм интеллигенции

Из партии — Почтовый ящик
Письма к рабочим

Братский памятник членам РСДРП, воздвигнутый на кладбище при крематории Веддинг (Герхтштрассе) и открытый 19 апреля 29 г. В памятнике замурованы урны с прахом П. Б. Аксельрода, Ю. О. Мартова, С. Л. Вайнштейна, А. И. Кабзана и Л. Я. Эткина.

Здесь предположительно находился Братский памятник.

Соредакторы "Социалистического вестника" Федор Ильич Дан и Рафаил Абрамович Абрамович.

Борис Иванович Николаевский – историк меньшевизма.

Израиль Гецлер – автор первой научной монографии о Юлии Осиповиче Мартове.

Юлий Осипович Мартов